

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА  
под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

## ***Теодор ДЕЗАМИ*** **КОДЕКС ОБЩНОСТИ**

CODE DE LA COMMUNAUTE  
PAR *THEODORE DEZAMY*  
1843

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛТВОВСКОЙ (главы I-X) и  
Ф. Б. ШУВАЕВОЙ (главы XI-XIX, приложение)  
Комментарии В. С. АЛЕКСЕЕВА-ПОПОВА  
Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА  
М.: издательство АН СССР. МСМЛVI

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

Материалы, близкие по тематике

[Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно  
есть и каким оно должно было бы быть](#)

[Изложение учения Сен-Симона \(лекции, прочитанные Анфантенем,  
Базаром и Родригом\)](#)

[В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с  
древности до конца XVIII в.»](#)

[В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм](#)

[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской  
революции](#)

[Дж.Рюде. Народные низы в истории, 1730-1848 гг.](#)

[Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения народных низов](#)

[Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

[История международного рабочего и национально-освободительного  
движения \(хронологические таблицы, сост. З.А.Замыслова: от 60-х гг. XVIII  
в. до 1957 г.\)](#)

[В.Волгин. Этьен Кабе](#)

[В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX  
века](#)

[В.Волгин. Социальное учение раннего сенсимонизма](#)

[В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.](#)

[Г.Кучеренко. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.](#)

[П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видадь, Пекер, Кабе](#)

Александр Теодор ДЕЗАМИ (4.03.1803 — 24.07.1850). Все ссылки:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#dezamy>

Тексты, на которые ссылается Дезами:

[Э.-Ж.Сийес. Что такое третье сословие?](#)

[Педагогические идеи Великой французской революции](#)

[Ф.Буонаротти. Заговор во имя Равенства \(с приложением документов\)](#)

### СОДЕРЖАНИЕ

*В. П. Волгин. Утопический коммунизм Дезами*

Т. Дезами. КОДЕКС ОБЩНОСТИ

Введение

Глава I. План настоящей книги

Глава II. Основные законы

Глава III. Распределительные и экономические законы

Глава IV. Общие трапезы

Глава V. Промышленные и сельскохозяйственные законы

Глава V (продолжение). Организация полевых работ

Глава VI. О торговле

Глава VII. Сравнительная картина режима раздробленности и режима  
общности

Глава VIII. Философия

<b>Глава IX. О браке, отцовстве, семье</b>	
<b>Глава X. Воспитание</b>	
<b>Глава XI. Промышленные армии</b>	
<b>Глава XIII. Гигиенические законы</b>	
<b>Глава XIV. Законы полиции</b>	
<b>Глава XV. Наука и искусство</b>	
<b>Глава XVI. Истинные причины заблуждений Руссо</b>	
<b>Глава XVII. Политические законы</b>	
<b>Глава XVIII. Несколько основных истин</b>	
<b>Глава XIX. Диалог о режиме переходного периода</b>	
<b>Отрывки из произведений Дезами, отмеченные К.Марксом</b>	
<b>Комментарии</b>	
<b>Биографический очерк</b>	
<b>Примечания</b>	
<b>Издания произведений Дезами</b>	
<b>Литература о Дезами</b>	
<b>Указатель имен</b>	

В. П. Волгин

## УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ ДЕЗАМИ

Дезами — один из наиболее интересных представителей французского утопического коммунизма 40-х годов XIX в. Он принадлежал к материалистическому крылу коммунистического движения своего времени. В 30 — 40-х годах он участвовал в тайных революционных обществах, в том числе в обществе «Времен года», организовавшем восстание в мае 1839 г. В 1840 г. он издавал журнал «LEgalitaire», связанный, повидимому, с обществом «Travailleurs-Egalitaires»; был, несомненно, близок к редакции журнала «Le Communautaire», выступал на первом коммунистическом банкете в Бельвиле. В ряде изданных Дезами в 40-х годах памфлетов он подверг резкой критике мирный, «икарийский коммунизм» Кабе (в журнале Кабе «Populaire» Дезами в течение некоторого времени сотрудничал) и «христианский социализм» Ламенне. В 1842—43 гг. он выпустил в свет самое значительное свое произведение — «Кодекс общности». В рево-

люции 1848 г. Дезами активно участвовал, при-  
мыкая к возглавлявшемуся Бланки «Централь-  
ному республиканскому обществу», издавал  
революционный журнал «Droits de l'homme».  
С наибольшей полнотой основы учения Де-  
зами изложены им в «Кодексе общности».

## I

Дезами считает, что идея «общности» име-  
ет очень глубокие исторические корни. В ка-  
честве предшественников современного ему  
коммунизма он упоминает и Пифагора, и Пла-  
тона, и стоиков, и эпикурейцев, и ессеев, и  
Иисуса, и Сенеку. Из мыслителей нового вре-  
мени Дезами ссылается, как на своих учителей,  
на людей самых различных направлений  
мысли. Мы видим здесь Рабле, Монтеня, Кам-  
панеллу, Макиавелли, Фенелона, Руссо, Бабе-  
фа, Буонарроти, даже Сийеса. Конечно, каж-  
дый из перечисленных мыслителей мог дать  
тот или иной толчок развитию мысли Дезами  
в коммунистическом направлении, у каждого  
из них Дезами мог заимствовать то или иное  
отдельное положение. Но подлинными и бли-  
жайшими учителями Дезами, несомненно, сле-  
дует признать Морелли и Гельвеция. Со-  
циальная философия Дезами, бесспорно, очень  
близка в своих принципиальных положениях  
к социальной философии Морелли. Аргумента-  
цию Морелли Дезами иногда воспроизводит  
почти буквально. Гельвеция Дезами не  
только часто цитирует,— Гельвеций является

для него в области философии наивысшим ав-  
торитетом. «Бессмертный Гельвеций» — назы-  
вает его Дезами<sup>1</sup>. Учение Дезами примыкает самым  
непосредственным образом к традици-  
ям материалистической философии и утопи-  
ческого коммунизма XVIII в. Из более близ-  
ких по времени писателей, несомненно, влияли  
на Дезами Буонарроти и Фурье. К сен-симо-  
нистам Дезами относится отрицательно, вы-  
деляя из них Леру, которому он явно симпа-  
тизирует, и противопоставляя им самого Сен-  
Симона, которому, по мнению Дезами, его уче-  
ники изменили<sup>2</sup>.

В основе бытия, говорит Дезами, лежит  
единое начало, активное и пассивное одновре-  
менно, объемлющее тело и дух. Материи как  
таковой присущи принцип движения, принцип  
разума, сила притяжения, способность к со-  
вершенствованию<sup>3</sup>. Природа есть единое и бес-  
конечное целое, подчиненное общим и вечным  
связям, вращающееся в вечном кругу станов-  
ления и распада<sup>4</sup>. Признание взаимной связи  
частей мироздания приводит Дезами к выводу,  
что провозглашаемый им «закон общности» во-  
площен в самой природе. Элемент мира — атом  
и свойственное ему движение. Мир существу-

<sup>1</sup> Дезами. Кодекс общности, 219.

<sup>2</sup> Там же. 101.

<sup>3</sup> Там же, 421.

<sup>4</sup> В журнале «Le Communautaire» мы находим  
несколько иную формулировку: «Вселенная — факт  
первичный; она беспредельна. Отдельные явления —  
модусы ее бытия. Вселенной нельзя приписывать  
разум».

ет сам собой. Сотворение мира из ничего невозможно. Основной закон всеобщей жизни — притяжение. Сила притяжения — причина всех явлений, как физических, так и моральных. Всякое тело состоит из атомов и молекул. Человек — животное, система органических молекул, гармоническая совокупность органов. Местопребыванием мысли, чувств, понимания является мозг.

В своем учении о человеке Дезами почти буквально следует за Гельвецием. Организация человека, говорит он, изменяется под влиянием внешнего мира, а его деятельность, в свою очередь, воздействует на внешний мир. Человек — продукт не только своей организации, но и окружающей его физической и моральной атмосферы. Являясь на свет, человек не приносит с собой ни пороков, ни добродетелей, а только способности и потребности. Потребности толкают человека к деятельности, к взаимоотношениям с внешним миром. Страсти человека порождаются в нем способностью ощущать и служат побудительными причинами его активности. Слово «страсть» означает, по существу, способность, приведенную в действие. Нет необходимости изгонять из человеческого сердца какую-либо страсть. Любовь к себе — основной двигатель человеческих действий, ствол «древа страстей». Положительное или отрицательное значение страстей зависит от их направления, которое целиком определяется социальными условиями. Самые высшие моральные качества основываются на фи-

зиологических законах человеческого организма. Не существует резкой грани между моралью и любовью к себе. Личный интерес, когда он разумен, просвещен, ведет к пониманию того, что социальные качества обеспечивают самые высокие наслаждения. Следуя за гуманистами и просветителями XVIII в., Дезами оправдывает все естественные потребности человека и проповедует развитие всех его способностей<sup>1</sup>. Общество должно быть так организовано, чтобы вся сумма страстей соответствовала общественному интересу, — и тогда все люди будут поступать хорошо<sup>2</sup>.

Единственным орудием познания истины Дезами признает разум. Истина объективна. Есть истины, которые не познаны человеком, но все же существуют. Разум находит и провозглашает их и доказывает их существование. Для уверенности в истине требуется два условия: свидетельства чувств и проверка их разумом, который должен пользоваться неограниченной свободой. Всякую веру в сверхъестественное, в потустороннюю жизнь и потустороннее существо наука относит к числу вредных заблуждений, препятствующих прогрессу. Нематериальных существ нет в мире: вне бытия ничего не существует. «Деизм — человеческая выдумка»<sup>3</sup>.

Истина, установленная разумом, должна быть принята полностью. В поисках правды

<sup>1</sup> Кодекс общности. 331.

<sup>2</sup> Там же, 426—427.

<sup>3</sup> «Le Communautaire», S. d.

ни перед чем не должно останавливаться. Цель философии и науки — привести людей к счастью<sup>1</sup>. Но истина способна оказать на людей глубокое воздействие и запечатлеться в глубине души лишь тогда, когда она дается в полном виде. Постепенность в распространении истины (по частям) опасна. Поверхностное обладание наукой часто делает людей эгоистами. Глубокая ученость призывает к чувствам равенства и братства. Наука создает противовес борьбе частных интересов. Дезами решительно выступает против Кабе, который считает вопросы философии второстепенными и проповедует «вздорную» мысль, что среди них есть такие, которые доступны только ученым и не доступны рабочим. Сложна и непонятна не философия, а философский жаргон, та галиматья, которой подменяют философию софисты и политики. Подлинная философия — наука о вещах, существующих в природе. Это познание необходимо для счастья людей. Философия становится бичом, когда пренебрегают ее распространением среди народных масс<sup>2</sup>.

В своих философских взглядах Дезами, как мы видим и как мы уже говорили, непосредственно примыкает к французским материалистам XVIII в. Подобно им он признает существование в мире единого начала — материи; подобно им он резко осуждает суеверия

и предрассудки религии; подобно им он не в состоянии подняться до материалистического понимания общественного развития. «Философия общества» Дезами по своим исходным принципам и по своему методу весьма близка к «философии общества» Дидро и Гольбаха. Дезами убежден в существовании вечных и непреложных законов общественной жизни. Эти законы даны природой и соответствуют естественным свойствам человека. Законодатель их лишь открывает и предаёт гласности. Критерий для оценки общественной организации дает «наука о человеке», изучающая его способности, потребности и страсти и открывающая соответствующие им законы общественной организации. Именно эти выводимые из природы человека законы и следует считать основными законами общества.. Политические конституции подлежат изменениям, основные законы — неизменны.

Принципами общественной жизни, соответствующими природе, Дезами считает счастье, свободу, равенство, братство, единство и общность.

Счастье — состояние наиболее соответствующее нашей природе. Оно состоит в свободном всестороннем развитии человека, и полном удовлетворении всех его физических, интеллектуальных и моральных потребностей<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Там же, 83—85.

<sup>2</sup> В своем журнале «LEgalitaire», 1840, Дезами говорит также о полном и планомерном развитии способностей человека.

<sup>1</sup> Кодекс общности, 225

<sup>2</sup> Там же, 221—225.

Свобода — самый мощный двигатель всякой общественности. Свобода есть возможность осуществления всех *естественных* стремлений человека (но отнюдь не капризов — оговаривает Дезами). Чем свободнее человек, тем больше процветает государство. Наиболее неограниченная свобода приводит к наиболее совершенному порядку. В нормально организованном обществе свобода служит и благу индивида и благу всей республики. Гарантией против вырождения свободы в эгоизм служат знание и разум, научающие той истине, что личное счастье можно найти лишь в общем счастье, что обеспечить благо себе можно лишь, творя благо другим.

Равенство — необходимое условие гармонии и равновесия. Вне равенства не может быть общественного порядка, в обществе царит раздор<sup>1</sup>.

Братство — чувство, соединяющее в едином интересе все желания и способности индивидов. Оно вырастает на почве свободы и равенства и является вместе с тем самой надежной их охраной.

Единство выражается в неразрывной связи и тождестве всех интересов и желаний, в общности всех благ и всех бедствий.

Общность — самый простой и самый совер-

<sup>1</sup> В той же, уже цитированной нами, статье журнала «L'Egalitaire» (1840) Дезами говорит: «Как только исчезает равенство, распадается все общественное здание. Без реального равенства нет ничего устойчивого».

шенный вид ассоциации, безошибочный способ устранения препятствий, стоящих на пути к раскрытию социальных принципов, к осуществлению единства и братства. Она дает удовлетворение всем потребностям, законное развитие всем страстям. Общность соответствует требованиям природы человека, требованиям разума и науки<sup>1</sup>.

Последовательно гуманистический характер этой системы принципов общественного бытия совершенно бесспорен. Все в ней проникнуто идеей счастья, как цели общественной жизни человека, все из нее исходит. Все направлено к осуществлению свободного и всестороннего роста человеческой личности, к созданию подлинно человеческого общественного порядка. Гуманистические традиции просветителей XVIII в. не только были полностью унаследованы Дезами, но и получили в его учении о принципах общества дальнейшее развитие.

## II

Хотя «вечные и непреложные» законы и соответствуют природе человека, тем не менее, по мнению Дезами, «они забыты» людьми, они не находят применения в реально существующих общественных организациях. Этот отказ общества от естественных законов его бытия имеет своим основным источником невежество и ошибочные суждения людей. Разумно мыслящий человек никогда не станет вредить

<sup>1</sup> Кодекс общности, 78—81.

общим интересам, подобно тому как орган человеческого тела никогда не станет вредить умышленно другим органам. Наши предки, утверждая Дезами, вопреки природе, избороздили землю перегородками, установив по своему безумию или по своему невежеству право собственности. Слово «собственность» включает в себе идеи злоупотребления, разделения, монополии, исключительности. Собственность искажает страсти человека, порождает эгоизм, индивидуализм, борьбу, господство<sup>1</sup>. Здоровая мораль с собственностью не совместима. Индивидуальная собственность, говорит Дезами, очевидно имея в виду крупную собственность, есть в своем существе подлинная конфискация большого числа отдельных владений. В своем памфлете «*Calomnies et politique de m-r Cabet*» Дезами называет собственность фатальным ящиком Пандоры. Резко осуждая Ламенне за то, что он указывает, с точки зрения религии, и увековечивает существующий социальный беспорядок, Дезами с особой силой клеймит его за то, что он «обожествляет собственность»<sup>2</sup>.

Основными недостатками своей эпохи Дезами считает убийственную анархию индивидуальных интересов, антагонизм классов, эксплуатацию и бесчеловечное угнетение пролетариата. Современная промышленность — кровавая арена боя. Труд не гарантирует от нищеты,

<sup>1</sup> Кодекс общности, 455.

<sup>2</sup> «M. Lamennais, refute par lui meme», Paris, 1841, p. 5—6.

рабочий никогда не чувствует уверенности в завтрашнем дне. Наука современных моралистов и философов бесплодна. Общество движется в заколдованном кругу неравенства и монополии, ажиотажа и банкротства, порабощения и тирании. В нем все подчинено власти случая. Для общества характерны разобщенность, отсутствие солидарности между его членами, беспорядок во всех сферах деятельности.

В существующем обществе, говорит Дезами, распределение предметов общественного производства основывается на принципе частной собственности. Этот порядок распределения ведет к вопиющему неравенству. При изобилии предметов потребления, превышающем потребности, часть общества умирает от голода, тогда как другая часть утопает в излишествах. Досуг составляет удел немногих, которые сваливают *свою работу на других*; на долю прочих остается отягощающий труд. Одни обречены на безделье, а другие питают отвращение к своей непривлекательной, чрезмерно продолжительной и изнурительной работе. При этом люди, занимающиеся самыми необходимыми для общества работами, — земледельцы и ремесленники — несут на себе бремя труда, превышающее естественные границы. Их труд истинная каторга. Общественная система, основанная на неравенстве и конкуренции и не знающая солидарности, — безнравственна. Плодом отвратительной организации общества, симптомом его нездорового состояния является рост неразумных личных интересов,

противоречащих общему интересу. Изоляция личных интересов, их отрыв от интереса общества толкает людей к тому, чтобы думать только о себе. Так человек становится оабом эгоистических страстей. Соединение людей с изолированными интересами нельзя считать обществом в настоящем смысле этого слова. Неравенство состояний — корень всех общественных зол. Тем не менее, лишь немногие мужественные новаторы осмеливаются напасть на корень зла — на неравенство. К таким смелым новаторам Дезами причисляет, в первую очередь, Морелли и Гельвеция.

Отмечая недостатки существующего порядка, Дезами пытается иногда показать и динамику его развития. Он неоднократно возвращается к вопросу о пагубных последствиях роста городов и городской бедноты, бегства крестьян из деревни и т.д. Но понять историческую закономерность этого процесса он не в состоянии, и его рассуждения на эту тему носят примитивно-морализующий характер. Рост городов, говорит он, ведет к росту числа бездельников и к связанной с этим «порче нравов». В обществе устанавливается власть денег. Все гонятся за богатством. Роскошь разлагает души людей, — и тех, кто обладает богатствами, и тех, кто хочет отнять богатства у их владельцев. Жажда золота — источник всех преступлений. Конкуренция между мелкими торговцами и мелкими ремесленниками, не знающая ни сострадания, ни передышки, ведет к их взаимному истреблению и к чело-

векоубийственному господству монополий. Эксплуататоры и распутники, не знающие, куда девать свои богатства, фабрикуют законы воздержания и морали, в то время как трудящиеся довольствуются черным хлебом, смоченным потом и слезами. Ростовщик, шарлатан, игрок блаженствуют; созидающие жизнь земледелец, рабочий, артист, ученый — живут в грязи. «Миллионы людей, — цитирует Дезами Рейно, — вереницей отверженных проходят через мир, не узнав его; они следуют шагом друг за другом, не вступая в разговор, не испытывая никаких радостей, будучи связанными со своими товарищами по беде только привычкой идти по одной и той же дороге, вдыхая одну и ту же пыль»<sup>1</sup>. Естественно, что такая жизнь вызывает дух протеста, порождает проклятия современной цивилизации. Современное рабство — сознательно или бессознательно повторяет Дезами французского публициста XVIII в. Ленге<sup>2</sup> — более жестоко, чем рабство прошлых времен; у пролетария менее обеспеченное существование, чем у раба, больше забот о завтрашнем дне.

Подобно Фурье, и под его несомненным влиянием, Дезами особенно резко осуждает торговлю. Это, утверждает он, близнец частной собственности. В торговле преуспевают не таланты, не честное отношение к делу, а обман и

<sup>1</sup> Кодекс общности, 148.

<sup>2</sup> Ленге — автор книги «Теория гражданских законов», содержащей весьма резкую характеристику положения наемных рабочих.



мошенничество. Ажиотаж, к которому ведет торговля,— вторая власть в государстве; он держит под своим влиянием правительства. Торговля — паразитическое тело, разрушающее и промышленность и сельское хозяйство. Вечная грызня между торговцами, их мошеннические махинации ведут к экономическому хаосу. Монополия и антагонизм в торговле одинаково пагубны для жизни общества. Дух меркантилизма, столь ярко проявляющийся в колониальной эксплуатации, полон гнусности, противоречит принципу братства, аморален, эгоистичен. Этот дух — наиболее отвратительная язва существующего строя, достигшего высшей точки своего развития<sup>1</sup>.

Общество до сих пор безжалостно расточало труд человека. Яркий образец ненужной растраты человеческого труда представляют такие сооружения, как китайская стена, египетские пирамиды и т.п. В настоящее время, говорит Дезами, человеческий труд растрачивается нецелесообразно вследствие наличия в обществе массы ненужных посредников и паразитов. К числу паразитов Дезами относит бюрократов-чиновников, откупщиков и множество лиц, занятых в торговле: приказчиков, маклеров, прислугу и т.п. Эти паразиты тормозят и расстраивают движение социальной машины, делают невозможным справедливое распределение. Основное их орудие — деньги. По мнению Дезами, изобретение монеты яви-

лось для человечества страшнейшим бичом. Оно потребовало образования множества ненужных должностей — сторожей, жандармов, тюремщиков и палачей.

Для характеристики тяжелого положения рабочих в современном обществе Дезами указывает в качестве яркого примера на условия труда в английских шахтах его времени, где, при широком применении женского и детского труда, не принимается никаких мер к охране жизни и здоровья трудящихся. Эгоизм, алчность и жестокость буржуазии делают осуществление таких мер совершенно невозможным. Буржуа, говорит Дезами, подобно алхимикам делают деньги из всего: из голода и жажды, из тепла и холода, из слез, забот и тревог, из отупения детей, из предсмертной агонии и, наконец, из трупов пролетария. Рабочие живут в жалких лачугах, лишенных света и воздуха. Гигиенические условия жизни невозможно обеспечить рабочим при режиме неравенства, раздробленности и пауперизма в современных гнилых городах и нищих деревнях<sup>1</sup>.

Переходя к рассмотрению политических порядков современного общества, Дезами решительно отвергает иллюзии буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии. Для дела народа, говорит он, имея в виду, конечно, условия цензовой июльской монархии, парламентская борьба приносит только вред, отвлекая народ от реальной революцион-

<sup>1</sup> Кодекс общности, 184, 193—195.

<sup>1</sup> Там же, 305—309.

ной борьбы<sup>1</sup>. Наихудший вид тирании — тирания, имеющая видимость народной власти. Слова о политических правах народа — обман, если эти «права» сочетаются с социальным рабством, если народу отказывают в хлебе и образовании. При социальном неравенстве цепь для эксплуатируемых тем тяжелее, утверждает Дезами, чем шире избирательное право (то есть чем шире круг эксплуататоров). Не является панацеей от социального зла и в с е о б щ е е избирательное право. Когда собственник вынужден его допустить, он искажает результаты выборов, покупая голоса, как это делается в Англии, где избиратели разделяются на два лагеря — покупающих и продающих голоса. Избирательное право, говорит Дезами, чаще всего является гнусным обманом, ибо везде есть богатые, которые ценят на деньги свободу своей страны, повсюду есть бедные, которые способны заключить с ними бесчестную сделку<sup>2</sup>. Как мы видим, значение политических прав для дела борьбы за коммунизм Дезами явно недооценивает. Вообще политические преобразования при существующем социальном порядке, по его мнению, бесполезны, они могут дать положительные результаты лишь в ходе социальной революции. В соответствии с этим положением Дезами во

<sup>1</sup> «LEgalitaire», 1840, № 1.

<sup>2</sup> «Lamennais, refute par lui mærae»; смотри книгу R. G a r a u d y. Les sources francaises du socialismt scientifique... Paris, 1948, p.210.

время революции 1848 г. выдвигал в своем журнале «Droit de l'homme» требования всеобщего, прямого и тайного голосования, неограниченной свободы слова и печати.

Нищета и невежество заковывают народы в цепи. Беднота зачастую сама становится опорой своих угнетателей — честолюбцев и тиранов. Надо уничтожить привилегию, цитирует Дезами Гельвеция, обеспечивающую одним наслаждения за счет тяжелого бремени, падающего на других. Эта привилегия — просвещение, когда оно принадлежит немногим. На него все имеют право, но им пользуются только богатые.

Пороки современного общества отражаются на положении в нем наук и искусств. Большинству граждан сокровища наук и искусств не доступны в силу их нищеты и невежества. Восторги буржуазии перед сокровищами искусства лицемерны, они не мешают ей терпеть вокруг себя все безобразие существующего порядка. Люди науки и искусства низкопоклонствуют перед богатством, служат роскоши и деспотизму. Гнев Руссо против наук и искусств понятен. Но он несправедлив: Руссо принял за причину беды то, что является ее следствием. Из того, что науки и искусства используются монополизировавшей их аристократией против народа, чтобы заковать его в цепи, вовсе не следует, что этим орудием не должно пользоваться народу. Наоборот, надо постараться поскорее снабдить им народ, — ведь сильные все равно от него не отка-

жутся<sup>1</sup>. Науки и искусства освобождают мысль от суеверий и предрассудков, именно они готовят будущее.

Дезами осуждает Руссо не только за то, что он неправильно освещает общественное значение наук и искусств; с еще большей решительностью он осуждает Руссо за то, что он поддерживает в людях религиозные иллюзии. Не надо, говорит Дезами, обращаться к человеку с пустыми утешениями, не надо растрачивать его энергию на пустые обряды. Деизм всегда лишь упрочивает заблуждения народа и отупляет его. Счастье человека здесь, на земле, в пределах досягаемости. Дурные склонности не укрощаются надеждой или страхом перед чем-то смутным и удаленным. Надежда попасть в рай не делает людей филантропами. Им необходимо не верить, а знать, необходимо просвещение. Религии с их проповедью небесного рая должны быть заменены проповедью создания рая на земле<sup>2</sup>. В средние века землю считали временным жилищем, отечество было на небесах. Лишенные света веры, говорит Дезами, мы убеждены, что земля — наша единственная родина, наша религия является полностью земной. Это — мораль, оваянная чарами поэзии<sup>3</sup>. Утверждают, что земля — это долина слез. Что же это доказывает? — спрашивает Дезами. Эта земля, такая цветущая,

такая плодородная, почему она не сможет стать местопребыванием счастья? Все элементы счастья находятся у нас под руками: красоты природы, дружба, любовь, уважение, прелести общественной жизни, искусства и науки. Разве все это не способно наполнить сердце опьяняющим чувством счастья?

### III

Учение Дезами о будущем обществе некоторыми своими положениями напоминает системы утопистов XVIII в., хотя в нем и чувствуется несомненное влияние более поздних социальных мыслителей, существующему порочному и противоречащему человеческой природе порядку — порядку, основанному на предрассудках, искажающих чувства и разум человека, Дезами противопоставляет порядок естественный, вытекающий из природы человека, основанный на известных уже нам естественных принципах общественной жизни; его основные законы — неизменные и вечные законы. Установление этого нового порядка создаст положение, говорит Дезами, при котором человек не сможет быть ни испорченным, ни злым. Открытие такого положения по словам Дезами потребовало у него длительных размышлений и анализа существующих общественных отношений. Этой связи своего построения с существующими общественными отношениями Дезами придает, повидимому, большое значение. Предлагаемая система, говорит он в

<sup>1</sup> Кодекс общности, 362—367, 414.

<sup>2</sup> Там же, 383—384.

<sup>3</sup> «Caloranies et politique de m-r Cabet», Paris, 1842.

«Almanach de la Communaute», не является теорией, созданной в отрыве от элементов существующего общества<sup>1</sup>.

Мир, говорит Дезами, повторяя мысль Морелли, — это стол, накрытый для всех. Согласно велениям природы, ее продукты должны быть использованы для удовлетворения потребностей человека. Но производство продуктов требует труда; поэтому все, кто пользуется продуктами, должны участвовать в труде. Общество — солидарное единство, в котором непрерывно совершается взаимный обмен услуг, в котором сочетаются желания и интересы, дарования и усилия всех его членов, это как бы организация взаимного страхования от всех случайностей. Основные принципы такого единства требуют, чтобы земля и ее продукты составляли единое общественное владение<sup>2</sup>. Образцом такого единства являются описанные Морелли общины дикарей, живущих на берегах Миссисипи в полном согласии с простыми побуждениями природы. У них, как и в пчелином улье, все общее, все равны, все трудятся соответственно способностям, все пользуются продуктами труда в соответствии с потребностями. Общество должно вернуться к вечным законам природы и разума, к социальному равенству и абсолютной общности. В будущем обществе исчезнет частная собственность, ни-

что никому не будет принадлежать, кроме вещей, которыми человек пользуется в данное время<sup>1</sup>. Ценности всего общества, составляющие единое владение, всегда будут в распоряжении всех.

Дезами признает существование природного неравенства способностей, но считает, что это неравенство не дает права на какие-либо привилегии; задача общества в том, чтобы предотвращать нежелательные последствия природного неравенства. Сочувственно цитируя Леру, Дезами решительно высказывается против сен-симонистского принципа: «от каждого по его способностям, каждому по его делам»; этот принцип, указывает он, является утверждением нового вида неравенства, новой «аристократии способностей»<sup>2</sup>. Превосходство в способностях возлагает на человека дополнительные обязанности, не давая ему никаких дополнительных прав.

Только общность способна полностью обеспечить самое священное право человека — право на существование. При порядке общности нравы, воспитание, законы ведут к росту братских чувств среди людей, к взаимопомощи, иногда к героизму. Общности нельзя основывать на самопожертвовании. Самопожертвование не является свойством нашей природы; оно — результат общественного порядка, дитя эксплуатации и отец фанатизма. Если

<sup>1</sup> «Almanach de la Communaute», Paris. 1843, p. X.

<sup>2</sup> Кодекс общности, 84—85.

<sup>1</sup> Там же, 431.

<sup>2</sup> Там же, 101.

это добродетель, то добродетель рабства. Самопожертвование может служить защитой тирании. Строить на нем общество — все равно что строить пирамиду, начиная с вершины

В описании коммунистического общества мы находим у Дезами немало черт, свидетельствующих о его знакомстве с системами утопистов начала XIX в., в особенности с системой Фурье. У коммунистов XVIII в. — у Морелли, у бабувистов — коммунистическое общество изображается как единое централизованное хозяйственное целое. Более мелким хозяйственным единицам они не уделяют большого внимания. У Дезами описание основных хозяйственных ячеек коммунистического общества — «коммун» — занимает главное место, и совершенно ясно, что в этом описании его вдохновляет описание фаланги у Фурье. Коммуны объединяются в провинции, провинции — в республики, республики — во всечеловеческую общность. Городских центров ни в провинциях, ни в республиках не должно быть. Коммуна раз в год дает отчет о состоянии своего хозяйства центральному управле-

<sup>1</sup> В «L'Egalitaire», 1840. Дезами оценивает, значение самопожертвования несколько иначе, считая необходимым положить самопожертвование в основу общественного здания. Повидимому, он находился сначала в этом вопросе под некоторым влиянием утопистов, стоявших на позициях руссоизма, и лишь позже перешел к иной концепции, более соответствовавшей его материалистическому пониманию природы человека.

нию вышестоящего объединения, которое в случае надобности совершает перераспределение богатств из одной коммуны в другую, наблюдая за тем, чтобы отдельным коммунам было в равной мере обеспечено необходимое изобилие<sup>1</sup>. Коммуны братаются одна с другой, помогая друг другу в труде и соединяясь для общих празднеств.

При строе общности исчезает противоположность между городом и деревней, коммуна соединяет в себе преимущества того и другого. Коммуна среднего размера объединяет около 10 тыс. человек. Дезами не дает единообразного плана построения коммуны: оно зависит, по его мнению, от числа жителей, от природы, от климата и т.д. Однако некоторые соображения по этому вопросу он все же высказывает. Так, жилые помещения он считает более целесообразным располагать в центре территории, а пахотные земли, виноградники, луга — на периферии; вокруг жилых домов должны быть разбиты парки, сады, огороды. Коммуна занимается как сельскохозяйственным, так и промышленным трудом; для промышленного производства она организует общие мастерские. Где почва не удобна для сельского хозяйства, большее внимание уделяют ремеслам. Подобно Фурье, Дезами описывает условия жизни в коммуне, восхваляя ее здания, ее общие кухни, общие столовые (залы для

<sup>1</sup> Кодекс общности, 431.

трапез). Каждый гражданин, как и в фаланге Фурье, пользуется удобным индивидуальным жилищем (три комнаты, ванная, уборная).

Дезами убежден, что в коммуне силы общества и его благосостояние будут непрерывно расти. Жители коммуны будут в изобилии снабжены всем необходимым, полезным и даже приятным; они будут находить удовольствие и пользу и в своем труде, и в своих развлечениях, и во всех условиях своей жизни (приятная, разнообразная по цвету и покрою одежда, здоровое питание в общественных столовых, комфортабельное жилище). Все предметы потребления подчинены в коммуне не требованиям моды и легкомыслия, но требованиям гигиены и здорового развития человека. Коммуна отнюдь не устраняет из обихода драгоценности, цветы, духи и т.п.

Как мы уже знаем, Дезами высказываетя против сен-симонистской «иерархии способностей», как против нового вида аристократии. Но столь же решительно он высказывается против грубой уравнительности, против математического равенства. Из четырех рассматриваемых им способов распределения и потребления — частная собственность, сен-симонизм, абсолютное равенство и равенство пропорциональное — он признает приемлемым только последнее. Каждый гражданин должен принимать участие в общем труде пропорционально своим силам, своему разуму, своим способностям. Каждый имеет право на продукты общего труда и на пользование общими

удовольствиями пропорционально сумме своих потребностей.

В принципиальных вопросах организации труда и распределения Дезами не мог, конечно, пойти за Фурье, не отказавшись от своего коммунизма. Но в конкретной характеристике процесса труда в коммуне Дезами повторяет многое из того, что говорит Фурье об организации труда в фаланге. Труд в коммуне — труд привлекательный. Человек по природе своей существо активное. Труд в коммуне распределяется между ее членами в соответствии с их естественными склонностями и потому не может не давать им удовлетворения. Естественное влечение к труду усиливает привлекательность работы в больших объединениях, отвращение к одиночеству. Естественное стремление человека к разнообразию находит удовлетворение в системе дробности трудовых процессов и их частой смене: каждый трудящийся в течение дня переходит от одного вида труда к другому. Единообразный и слишком продолжительный труд в конце концов отупляет человека. Дробный труд требует менее длительных сроков обучения, обеспечивает больший порядок и большую быстроту производственного процесса, упражняет различные способности и дарования человека, укрепляет в нем братские чувства, наносит удар цеховой ограниченности<sup>1</sup>.

Условия труда в коммуне Дезами резко

<sup>1</sup> Кодекс общности, 158—163.

отличаются от условий труда в современном ему обществе. Труд происходит в чистых и удобных мастерских, материалы труда хорошо подготовлены, трудовые процессы значительно упрощены и облегчены машинами, все более подчиняющими силы природы воле человека, время труда сокращено до 5—6 часов в день. Необходимо особенно подчеркнуть исключительное значение, которое Дезами придает изобретению новых машин и быстрому их распространению при строе общности. Все эти перемены в условиях труда не могут не повышать его привлекательности. К ним присоединяется воздействие воспитания и общественного мнения: привычку к труду люди усваивают с молоком матери, леность встречает общее порицание, хороший труд доставляет общий почет. Наконец, к труду в строе общности влечет человека любовь к равенству и братству, рождающие в его сердце благородный энтузиазм.

При строе общности, утверждает Дезами, исчезнет множество ненужных профессий, число рабочих многих других профессий значительно сократится. Очень интересен их список: наряду с духовенством, полицией, сборщиками налогов, юристами, нотариусами, адвокатами, тюремными смотрителями и шпионами мы видим в нем работников кабаре и кафе, наряду с армией и рабочими военных заводов — историков. Особое отвращение проявляет Дезами к работникам суда, этим «насекомым, всюду сеющим ненависть и раздо-

ры». Мало понятно включение в список военных (мы увидим, что войну Дезами считает возможной и при коммунизме). И совсем непонятно, почему из всех отраслей науки гоению подвергается только история.

В результате правильной организации труда, роста его производительности, уничтожения паразитизма расходы общества сократятся на девять десятых, а его продукция возрастет не меньше чем в пять раз. При меньшей продолжительности труда на долю каждого будет приходиться больше продуктов и лучшего качества. Таким образом, более легкий труд обеспечит гражданам приятную жизнь, без снедающих нас ныне тревог. Сопоставляя, с точки зрения экономии, строй общности со строем индивидуалистическим, Дезами иллюстрирует преимущества строя общности примерами, напоминающими о Фурье: один на всю коммуны большой, хорошо вентилируемый и сухой амбар взамен двух тысяч небольших; один винный погреб, одна кухня вместо двух тысяч и т.п.

Дезами предвидит обычное для критиков общности возражение: никто не захочет брать на себя грязной и отталкивающей работы. Фурье, как известно, поручает такие работы детям, любящим, по его словам, возиться в грязи. Мор предусматривает возникновение некоей аскетической секты, добровольно посвящающей себя служению обществу в форме выполнения самых неприятных общественных функций. Дезами отвергает эти решения

проблемы. Он полагает, что неприятные работы, являющиеся повинностью для всех граждан, могут распределяться между ними по жребию и будут тем или иным способом компенсированы (например, более кратким сроком работы). Наконец, необходимость для человека неприятных работ будет постепенно устраняться с успехами механики и химии. В своем стремлении как можно ярче выразить идею привлекательного, радостного труда при системе общности Дезами доходит до явно бессмысленной формулировки, приравнивая труд в коммуне к игре, забаве<sup>1</sup>.

Дезами не считает возможным проповедуемый анархистами внезапный отказ общества от всякого принуждения. Но идея принуждения, по его мнению, чужда природе. В строе общности, в гармоническом обществе, общественные обязанности не будут принудительными. Гражданин сам будет свободно выбирать себе профессию, брать на себя задачу совершенствовать общество своей деятельностью и своими знаниями сообразно своим вкусам, потребностям и личным дарованиям. Дезами считает, что при общности такая свобода выбора профессий не может быть поводом к раздорам. Все общественные функции равно почетны. Равноценность и равная при влекательность профессий, братские чувства между гражданами будут сильнее индивидуальных капризов. В качестве доказательств;

<sup>1</sup> Кодекс общности, 181.

возможности такого свободного порядка Дезами ссылается на жизнь пчел, муравьев, бобров и т.д.

В системе общности не может быть граждан, вовсе не трудящихся. Все граждане приступают к физическому труду в возрасте, определяемом научным пониманием природы человека и его развития; точно так же гражданин освобождается от физической работы в соответствии с указаниями той же науки. Дети, больные и слабосильные не принуждаются к труду, который мог бы их чрезмерно утомлять. Дисциплина труда соблюдается по внутреннему влечению, а не в силу какого-либо приказа. Для современного человека это кажется невероятным, говорит Дезами; но о людях будущего нельзя судить по настоящему. Отрицательные качества современных людей не связаны с природой человека. После установления порядка общности, после упразднения собственности в сердцах людей сами собой исчезнут поражаемые собственностью пагубные страсти<sup>1</sup>. Общность приведет к гармонизации чувств граждан: под воздействием условий коммунистического порядка эгоистические чувства будут отмирать, а чувства бескорыстные — развиваться.

Все преимущества системы общности найдут яркое выражение в организации сельского хозяйства. При использовании отдельных участков своей территории коммуна будет

<sup>1</sup> Там же. 154—158.



исходить из свойств почвы, отводя каждый участок под соответствующую почве культуру. Коммуна будет стремиться оздоравливать и украшать свою землю. Она покончит с личными и временными интересами, подобными тем, которые при существующем строе привели к обезлесению юга (имеется в виду, конечно, юг Франции). Сельскохозяйственный труд, как и другие виды труда, будет свободным, осуществляемым не по принуждению, а по простому призыву руководителей. Широкое использование животных и машин облегчит сельскохозяйственный труд и увеличит его привлекательность. В сельском хозяйстве будут широко применяться средства защиты труда от неблагоприятных условий погоды: крытые коляски, непромокаемое шатры с отоплением и вентиляцией и т. п.<sup>1</sup>

Изменение условий жизни в будущем обществе неизбежно отразится на организме человека. Общность — «святая общность» (*sainte communauté*), как называет ее Дезами — воздействует на природу человека в направлении ее совершенствования. Утратятся его физические силы, возрастет его долголетие, усовершенствуется его интеллект<sup>2</sup>.

Как мы уже говорили, изменятся также и моральные качества человека. При коммунизме творить добро — естественно, творить зло — бессмысленно. При коммунизме не будет про-

тиворечия между любовью к жизни и обязанностями человека, ибо организация общества будет в совершенстве соответствовать свойствам человеческого организма. Только установление равенства сделает возможным существование подлинного, гармонического общества. Ибо с установлением равенства все поймут, что, только трудясь в интересах общего блага можно достигнуть личного счастья.

Строй общности сделает доступными для всех достижения наук и искусств. Потребность в знании, интерес к произведениям искусства присущи всем, как всем присущи и способности к наукам и искусствам. Коммунистический порядок прекратит монопольное их использование и будет содействовать их развитию. Общность вовсе не враждебна, добавляет Дезами, правильно понимаемой роскоши, поднимающей силы нашего духа. Роскошь — зло, если она является делом неразумного собирательства, ее делают злом монополия и частная собственность. Когда благоденствия наук и искусств станут достоянием всех, знание не сможет служить источником привилегий, характерных для режима собственности. При общности люди, конечно, будут ценить преимущества таланта, но ученые не могут образовать касту там, где нет невежества, которое можно эксплуатировать. Люди науки и люди искусства также будут заниматься в той или иной форме промышленным или сельскохозяйственным трудом. Они будут принимать участие в работах первой необходимости,

<sup>1</sup> Кодекс общности, 170—177.

<sup>2</sup> Там же, 210.

особенно, когда коммуна будет их призывать к этому в общественных интересах.

При строе общности умственный и физический труд будут, таким образом, неразрывно связаны. Общество будет заинтересовано в развитии у человека разнообразных способностей и не будет бояться развития естественных потребностей. Никто не будет подавлять научные и художественные дарования. Науки и искусства не будут более пособниками несправедливости и извращенности, они станут средством достижения действительно-го счастья, действительной цивилизации. Они будут выполнять свое истинное назначение — служить движущей силой общественной активности. В будущем обществе не нужны будут меры, охраняющие от вредного влияния ложных воззрений: шитом от них будет наука<sup>1</sup>.

Коммуна является социальным и политическим единством — единством с точки зрения целей и единством, с точки зрения управления. Единственной задачей политической организации коммунистического общества является содействие развитию производства, науки и искусства. В государственных органах равных царят гармония и разум: при общности интересов в них не может возникнуть отношений подчинения. Эта гармония будет служить основой коллективной силы общества, его общего и единого разума. Рав-

ные будут составлять как бы единую семью. Все в этой семье будет идти само собою, ибо общественные отношения будут истинным выражением законов природы. «Весы правосудия» не будут там нужны. Законы, регулирующие экономическую жизнь, будут иметь организующий, направляющий характер. Это указание Дезами носит еще относительно умеренный характер, напоминая идею Сен-Симона о замене в будущем обществе, цель которого — благо большинства, системы управления людьми, системы господства, — системой управления вещами, администрацией<sup>1</sup>. Но Дезами на этой формуле не останавливается. В «Communautaire» мы находим утверждение, что в обществе не будут вовсе нужны ни законы, ни правила, что их полностью заменят нравы и принципы. В «Кодексе общности» Дезами заявляет, что во всех основных вопросах жизни и деятельности в коммунистическом обществе приказы уступят место приглашениям. Советам руководителей все будет охотно следовать, ибо они будут соответствовать природным влечениям и воле каждого.

Таким образом в нормально организованном обществе репрессивные санкции будут, по мнению Дезами, ненужны. Свобода будет служить наивысшей гарантией как интересов индивида, так и интересов общества.

<sup>1</sup> Кодекс общности, 353—362.

<sup>1</sup> H. de Saint-Simon. Oeuvres choisies. Paris, 1859. III, p. 277-296.

Отрицание принудительной силы законов, как мы видели, не мешает Дезами признавать необходимость общественной организации направляющей и советующей. Но характер этой общественной организации сделает невозможными возникновение в обществе деспотизма я произвола. Сроки выполнения политических функций будут в нем кратки, и эти функции будут считаться второстепенными. Лица, их выполняющие, будут находиться в двойном подчинении: основному закону и общественному разуму просвещенного народа. Дезами признает, что политическая конституция может влиять на совершенство общественного строя. Хотя иногда у него и проскальзывает мысль, что в обществе равных, при строгом соблюдении его основных законов — законов равенства и общности, возможны различные формы правления<sup>1</sup>, — все же совершенно бесспорно, что наилучшей формой он считает демократию. Эта демократия будущего, основанная на общем труде и общем изобилии, на распространении знаний и общественном воспитании, не будет похожа, утверждает Дезами, на демократии древности. Не может быть и речи о том, чтобы в этой демократии беспокойное меньшинство кого-либо подавляло или поработало. При установившемся строе общности, при полной гармонии невозможна, по мнению Дезами, и диктатура, если не говорить о диктатуре при-

<sup>1</sup> Кодекс общности, 396.

роды, разума, науки. Враги общности, говорит Дезами, обвиняют коммунистический строй в деспотизме и тирании. Безумно выдвигать такие обвинения против порядка, который имеет своей единственной целью вести людей к счастью путем самой неограниченной свободы<sup>1</sup>.

Принципу народного суверенитета Дезами придает лишь относительное значение: вне законов природы не может быть ничего абсолютного. Но при строе общности ум, чувства и интересы каждого, а следовательно и общая воля, будут неизбежно приведены к природе, а тем самым — к абсолюту. После установления строя общности в силу закона прогресса унитарная общественная организация вскоре достигнет совершенства, и тогда, естественно, установится «чистая демократия», невозможная при существующем порядке. С точки зрения Дезами, научное доказательство соответствия закона общим интересам имеет гораздо большее значение, чем одобрение его большинством. Народное решение и общая воля — не одно и то же, сочувственно вспоминает Дезами замечание Руссо.

В «парламенте» коммунистического общества будут представители всех наук, всех искусств и всех отраслей промышленности. Женщины будут в нем представлены наравне с мужчинами. «Парламент» будет выполнять одновременно функции политического корпу-

<sup>1</sup> Там же, 409—411.

са и функции академии, школы. Как политический корпус «парламент» будет иметь своей задачей одобрение и опубликование всех успехов, всех открытий, имеющих значение для общества. Общественное управление, связь которого с «парламентом» у Дезами не вполне ясна, будет, с одной стороны, распределять между всеми общественные продукты, с другой — призывать всех людей доброй воли принять участие в тех или иных работах. Каждая коммуна будет иметь свое политическое собрание, призванное направлять деятельность коммуны. Каждая нация будет иметь собрание, предназначенное направлять деятельность нации — национальный конгресс. Наконец, будет создан великий общечеловеческий конгресс, направляющий общие действия народов всего земного шара. Конгрессы — не представительные учреждения, в них нет делегатов от коммун. Функции конгрессов выполняют отдельные коммуны, специально намечаемые ежегодно для этой цели коммунами, выполняющими эти функции в истекающем году. Выдвигая это своеобразное положение, Дезами исходит из того, что в совершенном обществе граждане каждой коммуны способны принимать общее решение, вырабатывать общие для всех коммун «законы». Законами будут считаться предложения, получившие общее одобрение. Политическая машина будет двигаться как бы сама собою; распространение просвещения придаст политическим истинам такую ясность и беспор-

ность, что противников их можно будет найти разве лишь в доме умалишенных.

Следует отметить, что изображение политического механизма при строе общности не отличается в «Кодексе» полной четкостью.

Дезами убежден, что установление строя общности приведет к большим изменениям в семейных отношениях. Он резко критикует Кабе за идеализацию (в «Икарии») патриархальной семьи со свойственным ей семейным домохозяйством, с властью отца, с подчиненным положением женщины. Кабе, говорит Дезами, сохраняет в Икарии «хлам мелкого хозяйства», щедро наделяя отдельные семьи не только индивидуальными столовыми и салонами, но даже амбарами и мастерскими<sup>2</sup>. Все это, по мнению Дезами, излишне и вредно, поскольку семья при коммунизме не должна иметь никаких хозяйственных функций. С другой стороны, Дезами отвергает восходящую к Платону традицию регламентации половых отношений в интересах общества и человеческого рода. Эта система, говорит он, угрожает разрушить «сладкое чувство любви». В этих вопросах, по мнению Дезами, важно не законодательство, а воспитание, знание, пример. Выражение «общ-

<sup>1</sup> Несколько более четко, чем у самого Дезами, политическая система будущего общества дана в резюме «Кодекса», составленном Навелем и напечатанном в «Almanach de la Communaute», 1843, стр. 37 — 46.

<sup>2</sup> Кодекс общности, 338—339.

ность жен» Дезами считает недопустимым. Слово «общность» может быть прилагательно к вещам и никак не может быть прилагательно к людям. Несмотря на все свое почтение к Фурье, Дезами, повидимому, не придает серьезного значения изображаемому Фурье формам брака.

Идеал Дезами — свободный союз мужчины и женщины, полное равенство полов, свобода расторжения браков. Необходимость свободы развода он подкрепляет ссылками на авторитет Ликурга, Мора, Кампанеллы, Морелли, Руссо, Гельвеция<sup>1</sup>. Причины, извращающие любовь в современном обществе, — это собственность и принуждение. Целительными средствами и здесь являются общность имущества и свобода. Все хотят быть счастливыми; кто же захочет, при общности интересов в системе коммунизма, извращать общественную мораль, соответствующую потребностям и страстям человеческого организма, кто захочет мешать радостям другого человека? Культура и труд помогут обществу бороться с извращениями, если они все же возникнут. Но главный удар духу семейственности нанесет «единый общественный очаг». При существующем порядке домашний очаг имеет известное значение как единственный центр дружбы и любви. Но лишь очень немногие семьи соответствуют этому назначению. При

строе общности с исчезновением дробных очагов неизбежно исчезнет и связанная с ними нерасторжимая моногамия<sup>1</sup>.

Родительский очаг, семья неспособны обеспечить детям всестороннее воспитание. А между тем воспитание — краеугольный камень всего общественного здания. Воспитание должно основываться на положениях социальной науки, читаем мы в «Communautilite», оно должно быть универсальным, как эта наука, охватывающим человека полностью. Все от воспитания, говорит Дезами, повторяя Гельвеция, — добро и зло, вера, нравы, привычки. Хорошее воспитание не совместимо с собственностью: общественный порядок налагает на воспитание свою печать. Все выдающиеся умы проповедовали общественное, равное и бесплатное воспитание. Такое воспитание должно быть осуществлено в республике равных, и оно будет служить надежным средством ее укрепления. Дезами подчеркивает, что таких же взглядов на воспитание придерживались и бабувисты. У бабувистов, говорит Дезами, отечество овладевает индивидом с его рождения и не покидает до самой смерти<sup>2</sup>.

Организация воспитания в строе общности во многом напоминает учение о воспитании Фурье. Общественное воспитание — трудовое, политехническое воспитание, сочетающее изучение теории с практикой. В коммуне

<sup>1</sup> Кодекс общности, 251—253.

<sup>1</sup> Кодекс общности, 261—264.

<sup>2</sup> Там же. 270—276.

нет касты ученых, теоретики являются одновременно практическими работниками в той или иной отрасли физического труда. Соответственно и в период воспитания общество заботится не только об умственном развитии будущего гражданина, но и о его профессиональном обучении. Имеются школы с разными уклонами, связанные с той или иной профессией. Так как каждый гражданин в обществе равных должен обладать несколькими профессиями, то и в период обучения ученики переходят от одной специальности к другой. Система воспитания свободна от принуждения. Переход с одной ступени образования на другую, высшую, определяется силами и способностями учащихся. Обучение наглядно; в значительной своей части оно происходит в мастерской, в саду, в кухне, в конюшне и т.д. Воспитание организовано так, чтобы дети могли постепенно все больше втягиваться в серьезный промышленный и сельскохозяйственный труд. Воспитание раздельно для мужского и женского пола, причем девушки привлекаются к более легким видам труда. Обучение «взаимно»: в школах строя общности все — учителя, все — ученики. Общее, равное, энциклопедическое, производственное воспитание в коммунах призвано развивать силы тела, ума и сердца, укреплять узы братства, внушать любовь к общности, соединять все сердца и все умы в чувствах взаимной благожелательности, изгонять из сердец стремление к господству, к

привилегиям<sup>1</sup>. Воспитание будет выявлять дарования и склонности каждого и будет давать им, в интересах общества, возможно более полное развитие. Равенство образования обеспечит равновесие сил в коммуне, единоеобразное и ясное понимание истины<sup>2</sup>.

#### IV

Участник тайных обществ последнего десятилетия июльской монархии и клуба Бланки в 1848 г., Дезами, несомненно, принадлежал к революционному крылу утопического коммунизма своего времени. Тайные общества, к которым он примыкал, со всей определенностью высказывались за необходимость «социальной революции». Он сам считал себя продолжателем дела Бабефа и Буонарроти<sup>3</sup>. Мы уже знаем, что в деле общественного преобразования он придавал очень большое значение научной теории «общности» и ее распространению среди масс. Именно такую теорию стремился он дать в своем «Кодексе общности». Но задача построения научной теории социальной революции — задача, которую несколько лет спустя гениально разрешил Маркс, была не под силу Дезами. Его представления о путях общественного преобразования противоречивы и лишены подлинно научной, материалистической основы.

<sup>1</sup> Кодекс общности, 281—291; 435—436.

<sup>2</sup> Там же, 420.

<sup>3</sup> См., например «L'Egalitaire» 1840, № 1.

Взгляды Дезами на процесс развития общества, как и взгляды его учителей — материалистов XVIII в., имеют своей основой рационалистическое понимание общественных отношений. Как мы уже знаем, согласно его учению, существующий порочный порядок — результат заблуждения, суеверий, религиозных предрассудков. Он убежден, что здание предрассудков уже обветшало. Чтобы нанести ему окончательный удар, чтобы привести людей к братству, надо, по мнению Дезами, религии и невежеству противопоставить просвещение, надо дать в руки народа орудие знания<sup>1</sup>.

Но Дезами — не только верный ученик рационалистов, он в то же время реалистический и вдумчивый наблюдатель. Он понимает, что общество разделено на классы. Он без всяких оговорок цитирует статью Рейно из «Encyclopedie nouvelle»: «Я утверждаю, что народ состоит из двух классов, различных по условиям жизни и по интересам: пролетариев и буржуа»<sup>2</sup>. Дезами видит, что недовольство неравенством растет. Он чувствует приближение бури, чувствует необходимость срочного разрешения проблемы социального переустройства. И он не может не понимать, что недовольство существующим неравенством вызывает «интеллектуальное кипение» не в среде правящих, а в народных массах<sup>3</sup>, что истинные

друзья равенства — бедные, пролетарии<sup>1</sup>. Поэтому, говоря о необходимости широкой пропаганды истины, он призывает обращаться с нею именно к пролетариям<sup>2</sup>. С пролетариатом связывает он, в первую очередь, свои надежды на будущее. Но, не обладая материалистическим пониманием истории, Дезами не в состоянии удержаться на этой классовой позиции и соскальзывает иногда с нее на позицию чисто идеалистическую. Так, он заявляет, что для разрешения социальной проблемы нужно содействие всех «людей доброй воли»; так, он призывает проповедовать богатым и бедным общность их интересов<sup>3</sup>. Таким образом, он как будто считает необходимым участие буржуазии в деле осуществления принципа общности. Не народ должен стать буржуазией, говорит он, имея, очевидно, в виду лозунг июльской монархии «enrichissez vous» (обогащайтесь!), но буржуазия должна стать народом.

Понятие «пролетариат» у Дезами, как и у других утопистов первой половины XIX в. (например, у Бланки), очень близко к понятиям «народ», «беднота». «Я называю пролетариями,— говорит он, ссылаясь на Рейно,— людей, которые производят все богатства нации и которые обладают только поденной платой за свой труд, которые получают из про-

<sup>1</sup> Кодекс общности, 365.

<sup>2</sup> «Almanach de la Communaute», 1843, p. 69.

<sup>3</sup> Кодекс общности, 75.

<sup>1</sup> Там же, 402—403.

<sup>2</sup> Там же, 216: «изливайте, изливайте истину на голову пролетария».

<sup>3</sup> Там же, 71—76.

дуктов своего труда лишь небольшую долю, непрерывно понижаемую конкуренцией... Я называю пролетариями неисчислимое население деревень, которое обрабатывает наши поля и наши виноградники, не получая в свою пользу их урожая».

Как мы видим, в определении пролетариата Дезами не в состоянии подняться до основного, производственного критерия. Вообще его понимание классового деления общества исходит не из места, занимаемого тем или иным классом в производстве, но из их доходов «1. Мы называем, — говорит он, — пролетарием гражданина, который не имеет никаких доходов, или такого, которому его доходы не обеспечивают даже необходимого. 2. Мы называем мелким собственником гражданина, которому его доходы обеспечивают необходимое. 3. Мы называем крупным собственником, капиталистом, богатым, буржуа гражданина, доход которого превышает разумные потреб-

жает Дезами, подавляющее большинство нации. Это — двадцать два миллиона некультурных, заброшенных, несчастных людей, вынужденных поддерживать свое существование на шесть су в день<sup>2</sup>. Нечего удивляться, гово-

<sup>1</sup> «Almanach de la Communaute, 1843, p. 79.

<sup>2</sup> Ibid., p.69—71. Интересно, что в примечании к этому месту Дезами прибавляет к указанным двум составным частям пролетариата третью — мелких собственников, имеющих ничтожный доход (17—18 франков).

рит Дезами, что эти несчастные, возбужденные нуждой и отчаянием, с яростью потрясают своими тяжелыми цепями и восклицают грозным голосом: «жить работая—или умереть в бою».

Люди, владеющие сейчас властью и богатством, говорит Дезами, уступят их лишь под давлением силы «социальной организации народа»<sup>1</sup>. Повидимому, под «социальной организацией народа» Дезами разумеет организацию «пролетариата». Необходимо, говорит он, найти общую платформу, на которой пролетариат мог бы объединиться, необходимо выковать его собственное единство, чтобы он мог в соответственный момент выступить во-вне как сила. Пролетарии! — восклицает Дезами, — народы для своего освобождения имеют иногда один час в столетие. Когда этот час придет, остерегайтесь упустить его в ссорах между собою<sup>2</sup>. Мы уже знаем, что Дезами высоко оценивает общественное значение философии и считает весьма важным распространение ее среди народных масс. Единство философской доктрины является для него необходимым условием единства «пролетарской» организации. Всякое нарушение единства доктрины он считает поэтому опасным для дела народа.

Так Дезами приводит своих читателей к мысли (хотя и выраженной не очень отчетли-

<sup>1</sup> Кодекс общности, 414.

<sup>2</sup> Там же, 417.



ческой партии «пролетариата». Если бы пролетарии примкнули к одной из существующих политических «когорт», хотя бы то были радикалы, это доказывало бы, что они плохо понимают свои истинные интересы. Партию, вокруг которой должны объединиться пролетарии, Дезами называет «народной партией». Под этим названием скрывается, повидимому, не одна политическая организация, а ряд политических обществ, последовательно сменявших друг друга в 30-х и 40-х годах. Народная партия, говорит Дезами, неуверенная и малочисленная, подвергавшаяся стольким гонениям, распыленная и считавшаяся уничтоженной,— эта народная партия пробудилась, полная сил и жизни. Ей достаточно было прикоснуться к земле действительного равенства, чтобы восстановить свои силы, сегодня она сильнее, чем когда-либо. В ее руках судьба будущего, ибо она несет действительное исцеление страданий человечества<sup>1</sup>.

Для искоренения зла существующих социальных отношений, для «обращения угнетателей к братству», необходимо противопоставить несправедливости упорное сопротивление, говорит Дезами; чтобы народ пошел вперед, надо пробить брешь в системе существующих привилегий<sup>2</sup>. Вряд ли эти выражения можно понимать в смысле мирных преобразований. Основной тон «Кодекса общности»,

как и других произведений Дезами,— тон революционный. Дезами избегает,— надо думать из соображений цензурных,— прямо и подробно говорить о необходимости насильственного переворота. Иногда он даже как будто намекает меры предупреждения этой «опасности». Наш голос, говорит он, предостерегает людей, уснувших на краю бездны<sup>1</sup>. Проповедь общности интересов богатых и бедных он рекомендует как лучший способ «спасти мир от кровавой революции»<sup>2</sup>. Он призывает богатых уступками закрыть пучину революции, дав бедным место на жизненном пиру рядом с собою. Он заявляет, что осуществление его системы не требует «кровавой катастрофы»<sup>3</sup>. Но все эти предупреждения носят, повидимому, чисто риторический характер. Идея революции как необходимого пути общественного преобразования занимает прочное место в построениях Дезами. Принцип общности он называет революционным девизом; революционные вспышки, происходящие иногда в больших городах, которые часто бывали очагами революции, могут быть, по его мнению, использованы для дела свободы, если движением сумеют овладеть разумные люди (повидимому, та же «народная партия», о которой шла речь выше). О периоде перехода к новому порядку он говорит как о революционном

<sup>1</sup> Кодекс общности, 243—244.

<sup>2</sup> Там же, 383—384, 414.

<sup>1</sup> Там же, 449.

<sup>2</sup> Там же, 88.

<sup>3</sup> «Almanach de la Communaute», p.7.

периоде, в течение которого молодежь привыкнет к жизни в военных лагерях,—совершенно очевидно, что при этом имеется в виду участие молодежи в гражданской войне<sup>1</sup>. Подобных положений можно найти немало как в «Кодексе общности», так и в других произведениях Дезами. Обычно в качестве силы, творящей революцию, мы видим у Дезами народ; но почти столь же часто он дает этой силе более определенное наименование: революцию делает пролетариат<sup>2</sup>. Самое существенное, однако, не в втих отдельных фразах, а в том месте, которое занимает революция в рисунной Дезами перспективе преобразования: без революции весь изображаемый им план преобразования становится совершенно невозможным.

Дезами относится с уважением к деятелям 1793 г. Они создали политическое единство страны. Но они не решили основной проблемы будущего — не сумели обеспечить единство социальное. Для этого надо было открыто поднять знамя коммунизма. Но деятели революции не дошли до ясного понимания значения общности как надежного орудия в борьбе против их врагов. Поэтому они не сумели вырвать самые опасные корни древа феодализма и монополии, не смогли опереться на подлинную демократию. В конституции 1793 г. догма равенства не нашла должного отраже-

ния. В результате все усилия пролетариата и «пуриганской» части конвента были парализованы. Революция была приостановлена «термидорианским топором». Если бы революционеры того времени провели надлежащие мероприятия в духе общности (а это инстинктивно делал народ), революция имела бы иной исход<sup>1</sup>.

Если народ сейчас усыплен рабством, не следует отчаиваться: его сон — сон льва. Он однажды проснется, гордый и страшный,— и горе тому, кто попытается его остановить<sup>2</sup>. В победе восставшего народа Дезами не сомневается. Стихийные движения народных масс служат, по его мнению, доказательством роста новой силы, которая стремится уравновесить силу закона и против которой закон ничего не может сделать. Близится, утверждает он, реальная эмансипация «пролетарских классов»<sup>3</sup>. Заслуживает внимания, что в своем изображении процесса подготовки социальной революции, Дезами почти ничего не говорит о роли тайных обществ и о возможности осуществления переворота путем заговора. Повидимому, опыт восстания 1839 г. внушил ему скептическое отношение к заговорщическим методам борьбы.

Дезами ясно видит те опасности, которые ожидают народ после революции. В своих дей-

<sup>1</sup> Кодекс общности, 81, 115, 301.

<sup>2</sup> Там же. 413.

<sup>1</sup> Там же 368, 392.

<sup>2</sup> Там же. 367—368.

<sup>3</sup> «L'Egalitaire», 1840, № 1.

ствиях, направленных на осуществление принципов равенства и братства, революционеры должны будут сочетать осторожность с быстротою и смелостью. Их лозунгом должно быть: ничего не откладывать, очень немного предоставлять случаю. Хотя, как мы видели, Дезами считает, что после окончательной победы общности о диктатуре не может быть и речи, для переходного периода он, примыкая к якобинской традиции и солидаризируясь с бабуристами, признает революционную диктатуру неизбежной<sup>1</sup>. Подчеркнем однако, что мысль о *классовой* диктатуре Дезами совершенно чужда.

Дезами осуждает полумеры, предлагаемые Кабе в «Икарии»: сохранение на 50 лет прав собственников на их имущество, отказ от обязательного труда и т.д. Пока не исчезнут последние следы привилегий, народ может бояться их возврата, а его уверенность необходима для успеха преобразования. С другой стороны, аристократы будут неизбежно злобствовать, и медлительность будет лишь поддерживать их ненависть к новому порядку. Сохранение за ними собственности обязательно толкнет их к тому, чтобы использовать ее против народа путем организации всякого рода козней и спекуляций. Система террора как средство борьбы против врагов революции, по мнению Дезами, не только бесполезна, но

<sup>1</sup> «L'Egalitaire», 1840; см. мою статью «Идеи социализма и коммунизма во французских тайных обществах», «Вопросы истории», 1949, № 3.

и вредна. Она лишь плодит новых врагов, оставляя в их руках самое опасное оружие: собственность и деньги.

Нужна одновременная экспроприация собственности и денег — этого нерва тирании. Нельзя называть гуманностью и великодушием, если народ, победив и обезоружив отчаявшегося врага, тотчас вернет ему в руки смертоносное оружие. Это не гуманность, а безумие. Нельзя говорить, что экспроприация — насилие и гнет. Мы не должны допустить, чтобы на народ вновь надели оковы. Когда строй общности окончательно установится, он будет более терпимым и великодушным, чем любая другая система. Коммунистическому обществу будет чуждо всякое насилие. Но народ никому не оставит опасной монополии богатства<sup>1</sup>.

«На следующий день» после социальной революции временное революционное правительство должно будет принять ряд переходных мероприятий, которые должны дать непосредственное удовлетворение наиболее вопиющих нужд народа. К числу таких мероприятий относятся: концентрация в общественных магазинах всех богатств, братское, равное распределение продуктов, использование запасов мебели и одежды (Дезами убежден, что этих запасов хватит на десять лет), перераспределение жилищ. Возрадуйтесь, несчастные пролетарии, восклицает Дезами, покиньте ваши

<sup>1</sup> Кодекс общности, 472—474.

лачуги и конуры: есть достаточно здоровых и комфортабельных жилищ, ими нужно лишь правильно воспользоваться<sup>1</sup>.

Эти меры, по мнению Дезами, привлекут к революционному правительству сердца всех мелких землевладельцев, всех мелких собственников. Энтузиазм к делу общности воодушевит несчастных, а они составляют девять десятых населения. Они скорее умрут, чем покинут это дело. Поколение, воспитанное после установления строя общности, будет ему всецело предано. Даже экспроприированные прервут состояние самоизоляции, чтобы занять место на «братском банкете».

При строе общности, говорит Дезами, «все люди будут жить, как братья, независимо от цвета кожи, расы, страны»<sup>2</sup>. Братство народов не должно знать границ; коммунизм — лучшее средство их объединения, лучшее средство преодоления узкого национализма<sup>3</sup>. Конечную цель развития человечества Дезами видит в международном торжестве коммунизма. Он мечтает о времени, когда падут все барьеры между нациями, когда все народы сольются в единый народ. Он предполагает, что у этого единого народа будет единый язык, в основу которого будет положен язык латинский. Победа коммунизма в одной стране — лишь начало. Дезами убежден, что

после этой первой победы в течение нескольких лет может произойти полное освобождение всех народов.

Первому коммунистическому обществу, по мнению Дезами, нечего бояться того, что деспоты составят против него «священный союз». При его огромных ресурсах ему нетрудно будет сокрушить эту реакционную лигу. На этот период возможной борьбы с деспотическими государствами Дезами считает необходимым сохранение революционным государством вооруженных сил. Подобно Буонарроти он полагает, что эта армия может сыграть большую роль в деле окончательной победы строя общности. В случае крайности, — говорит он, — коммунистическое государство пошлет за границу 300—400 тыс. бойцов, и меньше чем через десять лет войны эта армия добьется общего освобождения народов<sup>1</sup>.

Полное торжество коммунизма будет сопровождаться большими общими хозяйственными работами, которые осуществят промышленные армии. Оно не только приведет к расцвету наук и искусств, но и вызовет значительное улучшение климата. Преобразование социального строя не может не отразиться как на человеке, так и на внешнем мире. Не подлежит сомнению, что эта идея исправления климата, как и идея промышленных армий, унаследована Дезами от Фурье.

<sup>1</sup> Кодекс общности, 460—461.

<sup>2</sup> Там же, 431.

<sup>3</sup> Там же, 464—467.

<sup>1</sup> Там же, 475.

После окончательного установления строя общности «производительные армии», по мнению Дезами, полностью заменят армии разрушения. Дезами называет промышленные армии одним из прекраснейших результатов системы общности. Промышленные армии будут распространять свою деятельность на весь земной шар, возделывая, оплодотворяя и украшая землю, производя, как бы по волшебству, грандиозные работы, о которых в настоящее время нельзя даже и мечтать. Они будут осушать болота, орошать пустыни, проводить каналы, регулировать течение рек.

Организация промышленных армий имеет в концепции Дезами не только большое экономическое значение, — не менее важны моральные результаты их деятельности. Молодежь, говорит Дезами, всегда стремится к большим делам. В XVIII в. ее привлекал Новый Свет; сейчас он утратил свою притягательную силу. При строе общности эти стремления молодежи будут отчасти находить свое удовлетворение в путешествиях, которые сыграют большую культурную роль, служа как бы цементом, скрепляющим здание общности. Они будут содействовать общению людей разных стран, сокрушению барьеров, отделяющих одну страну от другой, распространению по всей земле принципов общности. Но несравненно большее значение в этом процессе объединения будет иметь, несомненно, совместное участие представителей разных стран в больших общих работах, осуществляемых промышленными армия-

ми<sup>1</sup>. Работа в промышленных армиях будет привлекать молодежь больше, чем обычная работа в коммуне. Труд будет перемежаться там с празднествами, театральными представлениями. Молодежь будут соблазнять переезды из одной страны в другую, братание с жителями новых и новых мест, освоение для культуры новых и новых частей нашей планеты. Деятельность промышленных армий, сопровождаемая повсеместным распространением наук и искусств, в краткий срок привлечет к цивилизации 600 миллионов варваров и завершит тем самым объединение всего человечества на основе принципов равенства и братства.

\* \* \*

«Коммунистический манифест», говоря о великих утопистах XIX в., отмечает, что их системы возникли в «первый, неразвитой период борьбы между пролетариатом и буржуазией». В этот период «рабочие представляют собой рассеянную по всей стране и разединенную конкуренцией массу». Поэтому творцы утопических систем видят противоречия классов, но «не видят в пролетариате никакой исторической самостоятельности»<sup>2</sup>.

В иных социальных условиях протекала революционная и литературная деятельность Дезами. Рост капиталистической машинной

<sup>1</sup> Кодекс общности, 298—300.

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 491, 509—510.

индустрии с исторической неизбежностью ведет не только к росту количества пролетариев, но и к росту их классового самосознания. Этот процесс шел во Франции 30—40-х годов весьма быстрыми темпами; его социальные и политические последствия привлекали к себе внимание всех вдумчивых людей.

Ко времени революции 1830 г. капиталистическая промышленность завоевала уже во Франции ряд ключевых позиций. Являющееся ее естественным спутником стачечное движение носило еще распыленный характер: забастовки, вспыхивавшие то там, то тут на отдельных предприятиях, имели своей целью улучшение условий труда, сокращение рабочего дня, повышение заработной платы на данном предприятии или для данной категории рабочих. Но в этой стачечной борьбе росли организационные навыки, росло сознание общности интересов рабочего класса. Французский пролетариат все более решительно и твердо вступал на путь классовой борьбы.

Классовая борьба и уроки революции должны были толкать пролетариат — вопреки учениям утопистов — к активному участию в политической жизни страны, к использованию политических средств для защиты его классовых интересов. Рабочие в первые годы июльской монархии не были еще в состоянии подняться до идеи классовой политической партии. Поскольку они проявляли политическую активность, они вступали в ряды республиканских обществ, в основном мелкобуржуазных

по своим социальным настроениям. Конечно, влияние на рабочих мелкобуржуазных идей в известной мере тормозило развитие пролетарской идеологии. Но, с другой стороны, участие рабочих в республиканских обществах 30-х годов не могло не оказать своего влияния на программы этих обществ. Мы находим в них нередко отзвуки уравнилельных и социалистических теорий.

Дальнейший рост классовых противоречий — неизбежное следствие развития капитализма — не мог не отразиться на судьбе республиканских обществ. Революционные попытки 30-х годов показали, что революционное движение может получить широкий размах только там, где в нем принимают активное участие широкие пролетарские массы. Они показали также, что пролетариат превращается в грозную силу, опасную для буржуазного порядка. Пути буржуазных республиканцев и республиканцев-рабочих разошлись. Буржуазные республиканцы все более отходили от революционного движения. В рабочем классе крепло сознание того, что у него имеются собственные политические задачи, что ему необходима собственная политическая организация. Тайные общества становились все более рабочими по своему составу, все более революционными по своей программе.

Последние восемь лет июльской монархии отмечены большим подъемом коммунистической пропаганды. Рабочий класс того времени явно тяготел к коммунизму. Примитивно-

уравнительные идеи и системы утопического социализма утрачивали свое влияние в рабочем классе. Наследники великих утопистов оказались в этот период в стороне от рабочего движения. «Социализм,— писал Энгельс,— означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее»<sup>1</sup>. Учение Дезами возникло на почве этого движения и являлось попыткой дать ему теоретическое обоснование и оправдание.

Система Дезами никогда не пользовалась широкой популярностью; после 1848 г. она была надолго совершенно забыта. Между тем книги Дезами, в особенности «Кодекс общности», при всех их явных литературных недостатках, несравненно богаче оригинальными идеями, чем произведения его современника и противника — Кабе. Дезами, несомненно, следует считать крупнейшим представителем утопического коммунизма первой половины XIX в.

Дезами выгодно отличается от большинства утопистов своего времени последовательной защитой материалистического понимания мира и природы человека. Это дало основание некоторым историкам социализма называть его «материалистическим коммунистом»<sup>2</sup>. Но материализм, который положил Дезами в основу

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 52.

<sup>2</sup> В. М а л о н. Histoire de socialisrae. Paris, 1882—1884, II, p. 153; R. Caraudy. Les sources francaises..., p. 190.

своей теории,— «метафизический материализм» XVIII в. В понимании общественного развития он не мог подняться над идеализмом. Мы видели, как много в «Кодексе» наивно-рационалистических черт, как далек Дезами от материалистического понимания происхождения «общественных зол» и грядущего социального преобразования на началах общности.

Сам участник революционного движения, Дезами, несомненно, в своей теории также стоял на революционной позиции, как бы ни были неудачны (для понимания его подлинных взглядов) отдельные его выражения. Он ждал «исцеления» общества от народного восстания. Он считал необходимой для установления нового порядка сильную революционную власть, которая должна провести решительные революционные мероприятия: экспроприацию богатых и подавление их сопротивления. Но материальные условия возможности и необходимости социальной революции Дезами полностью игнорировал, ограничиваясь чисто рационалистическим указанием на ее идейные предпосылки — на торжество идей общности в общественном мнении.

Совершенно естественно, что Дезами, свидетель и наблюдатель процесса роста классового самосознания пролетариата, считает пролетариат основной силой грядущей революции, называя ее даже иногда «революцией пролетариата». Ему не чужда мысль об особой роли в революции городских рабочих. Но и в этом важнейшем вопросе теория Дезами не отли-

чается четкостью. Лишенный орудия материалистической диалектики, он не объясняет ни причин возникновения пролетариата, ни причин роста его общественного значения, ни неизбежности его будущей победы. Более того: как мы видели, самое понятие «пролетариат» у Дезами не вполне четко, отражая ту ступень развития рабочего класса, когда он еще далеко не ясно видел грань, отделяющую его от городской и деревенской бедноты.

Коммунизм тайных обществ 40-х годов был, говоря словами Энгельса, «...только черне обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм...»<sup>1</sup> Дальнейшее развитие классовой борьбы пролетариата требовало новой революционной теории. Дезами понимал, что для успеха революционного движения нужна «система», нужны «принципы». Но создать теорию, которая могла бы научно осмыслить историческую роль борьбы пролетариата, было невозможно, исходя из рационализма и метафизического материализма XVIII в. Система Дезами оказалась столь же утопической, столь же бессильной разрешить задачи, поставленные историей перед рабочим движением, как и системы других утопистов его времени.

Признавая бесспорно утопический характер учения Дезами, мы не должны все же забывать и о его заслугах. Никто из утопистов XIX в. до Дезами не поставил с такой четко-

стью (хотя и не сумел ее научно разрешить) проблему социальной революции. Никто из утопистов до него не придавал такого значения для дела социального преобразования активности пролетариата, какое придавал ей Дезами (хотя он и не сумел полностью оценить роль пролетариата в революции). Заслуживает уважения также попытка Дезами сочетать коммунизм с материализмом, несмотря на то, что эта попытка не могла дать желательных результатов на основе явно не пригодного для этой цели материализма XVIII в. Наконец, для истории социализма представляет большой интерес скрещение в творчестве Дезами традиции революционного бабунизма с традициями утопического социализма Фурье.

Маркс хорошо знал произведения Дезами. На принадлежавших Марксу экземплярах книг Дезами имеются его многочисленные пометки. Соответственные страницы текстов Дезами мы воспроизводим в приложении к настоящему изданию «Кодекса общности». В «Святом семействе» Маркс дал Дезами весьма высокую оценку. Дезами, — писал Маркс, — развивал «...учение *материализма*, как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*»<sup>1</sup>. Сопоставляя учение Дезами с учениями других утопических коммунистов, Маркс относил Дезами к числу «более научных» коммунистов его времени.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 52.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 161.



\*\*\*

Считаю своим долгом выразить благодарность дирекции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и В. А. Радус-Зенковичу за разрешение использовать хранящиеся в архиве Института материалы, относящиеся к Дедами.

## **Т. ДЕЗАМИ**

# **КОДЕКС ОБЩНОСТИ**

При строе общности мораль порождается самим порядком вещей, и не исходят от людей; услуги которые мы оказываем другим, обращаются на нас самих; только во всеобщем счастье можно найти свое личное счастье.

Эта революция будет последней, ибо после нее строй общества будет непосредственно обеспечивать прогресс.

П а р и ж 1843 год

## ВВЕДЕНИЕ

«Избавьте человека от страха  
за завтрашний день».

(Мабли)

Это — законченный труд. В нем не более 14—15 листов. Тем не менее, я предлагаю публике законченную систему. Я поставил для себя законом не выходить за пределы этого объема. Жесткий закон: только упорным трудом я смогу свести данный кодекс к столь незначительному размеру. Читатель найдет в этом двойную экономию, — времени и денег.

Он будет выходить по воскресеньям выпусками размером в один лист, на атласной бумаге. Подписчики получают каждый выпуск на дом. Вместе с последним выпуском я вручу красиво отпечатанную обложку.

Нужда и неуверенность в завтрашнем дне — две жесткие подушки, гласит древняя поговорка.

Если существует неоспоримая истина, то это именно она и есть. Если когда-либо существовала эпоха, в которой, увы! эти два бича были, к прискорбию, частым явлением, то это именно современная эпоха.

Какие только бедствия ни порождает это злосчастное соединение нужды и неуверенности, если достаточно одной *неуверенности*, чтобы отравить самые яркие наши радости, все наше существование! Какие только заботы и треволения! Какие трудности и терзания! Сколько бессонных ночей!.. Это — *Дамоклов меч*, нависший над нашей головой! Скала *Сизифа* и *Тантала!* Бездонная бочка *Данаид*, которую тщетно старается наполнить наше воображение!

В самом деле. Кто сможет сосчитать, сколько интеллектуальных и моральных сил отдало

и еще сейчас отдает человечество каждодневно на съедение этому чудовищу!

Существует ли человек, достойный этого имени, который не был бы глубоко проникнут сознанием всех ужасных последствий раздробленности и отсутствия солидарности, антагонизма и войны? У кого не сжимается сердце тревогой и болью при одной мысли о возможности когда-нибудь подвергнуться неведомым страданиям по вине слепого случая?

И кто может льстить себя надеждой, что он избежит такой опасности!

Если постоянно самые мучительные горести незримо снедают миллионы трудящихся!

Если промышленность вся целиком представляет собой постоянное поле битвы, тесную кровавую арену, которая становится все более многолюдной и загроможденной,— арену, на которой миллионы ожесточенных соперников бросаются друг на друга, сталкиваются между собой, теснят и подминают, сваливают и безжалостно уничтожают один другого!

Если самые прекрасные научные открытия (машины), в силу величайшего нарушения законов природы, становятся для громадного большинства подлинным бедствием и, подобно захватническим войнам, требующим жертв и траурных песнопений, разбивают тысячи существований во имя интересов каждого из тех, кого они делают счастливыми!

Если труд, активность, талант и ум, умеренность, аккуратность, благоразумие и экономия,— словом, самое примерное поведение

не могут никого оградить от ударов ужасающей нищеты!

Когда мы видим, что такой человек, как *Эжесинн Моро* (новый *Жильбер!*), умирает в больнице для бедняков, испытав при изобилии хлеба все судороги голода, все страдания нужды и отчаяния!

Когда еще дымится горящая жаровня, которую собственноручно зажег несчастный *Буаё!*

Когда демон ажиотажа завладел всеми сердцами и каждодневно оскверняет все, вплоть до *святилища правосудия!*

Когда над всеми постоянно висит угроза омерзительного банкротства, доводя до ужасной нищеты того, кто еще накануне жил в роскоши!

Когда даже банкиры-миллионеры, не раз принуждавшие королевский скипетр склоняться перед их несгораемым шкафом, очень часто оказываются поглощенными пучиной слепого случая!

Когда вчера еще воды Сены катили труп богатейшего биржевого маклера, присяжного члена и завсегдатая биржи, который был принужден похоронить в волнах жизнь, отныне запятнанную бесчестьем, по причине того, что однажды — быть может, один только день — он захотел, по примеру других, бросить вызов фортуне!.. ибо—это следует признать — самоубийство в наше время стало обычным средством, к которому прибегают в случаях обманутых надежд, всякого рода страданий.

разочарований, в результате безнравственных поступков!

Но разве мы обречены природой на столь бедственные превратности, на столь жестокие потрясения и ужасные удары судьбы?

И в самом деле, при виде всего, что происходит, может явиться искушение усомниться в этом.

Каких результатов, действительно, добились за столько веков бесплодная наука наших моралистов и философов? Какое облегчение принесли человеческому роду их самые прославленные системы?.. Они как будто все исчерпали, а между тем они являются приверженцами только таких политических форм, которые неизменно возвращаются в заколдованном кругу неравенства и монополии, порабощения и тирании!

До настоящего времени очень немногие\* осмеливались атаковать древо зла в самом его корне. Не удивительно, что ветви его снова зазеленели и, все гуще разрастаясь, продол-

\* Среди этих мужественных новаторов следует особо отметить Морелли и Гельвеция<sup>2</sup>. Последний избежал сожжения заживо исключительно благодаря могущественному покровительству. Что касается Морелли, то это был всего только человек из народа<sup>3</sup>, бедный школьный учитель, и поэтому воздержались от того, чтобы придать известность его творениям. *Буржуазная демократия* того времени еще более рьяно, чем аристократия, организовала против его «Кодекса природы» *заговор молчания*, и этот «Кодекс» был предан забвению. Боюсь, что и данный «Кодекс» постигнет в некотором роде та же участь.

жают низвергать на землю поток бедствий и преступлений.

Тем не менее, проблема близка к разрешению. Свидетельством тому является великое и прекрасное интеллектуальное кипение, которым в настоящее время охвачены народные массы!

Чтобы завершить разрешение этой проблемы, далеко не излишне, как я полагаю, содействие всех людей доброй воли. Вот почему я тоже беру на себя смелость взяться за перо.

Дело, за которое я принимаюсь, отнюдь не является, следовательно, только делом разрушения; это главным образом органический труд. Я вовсе не принадлежу к числу тех провозвестников несчастья, которые предвещают только бедствия и бури, разорение и катастрофы! Напротив, именно потому, что я чувствую приближение бури и уже слышу, как трещит до основания ветхое здание, я, как ревностный архитектор социального порядка, вношу отныне свой луч света в общий очаг. Начертанный мною план я от всего сердца отдаю на суд и размышление моим согражданам.

Отнюдь не с легкостью я приступаю к рассмотрению столь важного сюжета: более четырех лет я сосредоточивал на нем все мои мысли, будучи глубоко убежден в том, что только путем размышления и опыта можно отыскать необходимый материал для возведения дворца будущего.

Сейчас мой труд закончен, мысль моя полностью оформилась, мое убеждение непоколе-

бимо. Я проанализировал, каждую в отдельности, все части нашей великой и прекрасной социальной машины. Я внимательно рассмотрел их одну за другой; затем я мысленно собрал их все воедино, чтобы уловить их аккорды и услышать, так сказать, общую гармонию, которая должна за этим последовать. И именно потому, что у меня, наконец, не остается более ни тени сомнения и что я чувствую себя в состоянии показать людям сияние спасительной призмы, я с большим, чем когда-либо, энтузиазмом восклицаю: *Общность! Общность!!!\**

Глава I

## ПЛАН НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ

«До тех пор, пока *философ* не переступит границ истины, не обвиняйте его в том, что он зашел слишком далеко. Его функция — наметить конечную цель; необходимо, следовательно, чтобы он ее достиг. Если он осмелится развернуть свое знамя, оставаясь еще в пути, то оно может ввести в заблуждение. Долг *администратора*, напротив, заключается в том, чтобы *комбинировать и продвигаться этапами*, соответственно характеру трудностей... Если философ не достиг цели, он не знает, где находится. Если администратор не видит цели, он не знает, куда идет.

Из соотношения и сочетания всех истин, относящихся к тому или иному сюжету, и рождается знание. Без этого сочетания никогда не чувствуешь себя достаточно просвещенным и часто полагаешь, что овладел истиной, от которой, по мере дальнейшего размышления, придется отказаться».

(Сиейес \*.)

\* Принципы, которые я изложу в настоящем «Кодексе», будут на последнем листе резюмированы в виде проекта социального и политического устройства.

Чтобы составить суждение о значимости фактов и об их соотношении, чтобы добраться до посредствующих и первоначальных причин

настоящих действий и определить будущие действия, важно иметь надежный принцип, который служил бы чем-то вроде пробного камня, к которому можно было бы постоянно прибегать.

В написанном мною ранее\* я уже набросал принципы, на которых я основываю мою систему общности. Попытаюсь еще более их уточнить.

Повторяю, мой критерий, мое достоверное правило — это наука о *человеческом организме*, иными словами — знание человеческих потребностей, способностей и страстей-

Исходя из этой точки зрения, я кладу в основу всякой общественной организации следующие принципы:

1. *Счастье*. Существует одна цель, конечная цель, к которой направлены все желаний» все действия людей. Этой конечной целью является свободное, нормальное и всестороннее развитие нашего существа, полное удовлетворение всех наших потребностей (физических, интеллектуальных и моральных), словом, — существование, наиболее соответствующее нашей природе.

Такое состояние мы называем *счастьем*. Все элементы счастья существуют на земле. Эту истину я смогу доказать и сделать осязаемой главным образом при описании *Коммуны*, а также в параграфе об *Общественной гигиене*.

2. *Свобода*. Свобода человека состоит в

\* «Речь относительно равенства»<sup>5</sup>, «Egalitaire»<sup>6</sup>, «Ламенне, опровергнутый им самим»<sup>7</sup>.

осуществлении того, что в его власти. Я говорю, — в его власти, ибо, по словам Гельвеция, было бы смешно принять за отсутствие свободы нашу неспособность прорезать облака, подобно орлу, плавать под водой, подобно киту, или возвести себя в сан короля, папы, императора.

*Свобода*, стало быть, не имеет *ничего общего с сумасбродством или капризом*. В нормально организованном обществе она всегда будет служить к наибольшей пользе каждого отдельного *индивида* и *республики*. Чем более свободен будет человек, тем более цветущим будет государство и, наоборот, чем более свободным будет государство, тем счастливее будет человек, ибо свобода — это сам человек во всем, что в нем есть наиболее жизненного и святого: она является самым могучим двигателем общественного существования.

Имеются, однако, люди, которые судят о будущем, исходя из существующего положения вещей, и настаивают на том, что необходимо будет постоянно остерегаться на случай так называемых отклонений от свободы, ибо, возражают они, свобода, при всей мудрости законодателя, будет всегда иметь тенденцию вырождаться в эгоизм и в анархию. Какое безумие! Лучшей уздой для свободы, по нашему мнению, являются наука и разум, которые неизменно зывают к нам:

*Не вреди другим, дабы не вредили тебе  
Твори добро, дабы его творили и для тебя.*

*Только в общем счастье можно найти свое личное счастье.*

3. *Равенство.* Равенство есть гармония, совершенное равновесие, управляющее всеми вещами, от необъятных миров до мельчайшего насекомого. Это закон, столь же необходимый для нашего общественного существования, как и для нашей личной жизни. Этот первостепенной важности закон лежит в основе всех социальных принципов, вплоть до институтов, которые его более всего ущемляют. Вне равенства невозможно существование какого бы то ни было общества: в таком обществе существуют только беспорядок и принуждение, раздоры и войны.

4. *Братство.* Братство — это возвышенное чувство, побуждающее людей жить, как члены одной семьи, соединять в едином интересе все их разнообразные желания, все присущие им индивидуальные способности. Братство есть естественный вывод, единственная подлинная охрана свободы и равенства.

5. *Единство.* Аристократы употребляют слово *Единство* специально для обозначения монархического государства. Это — странное злоупотребление словом. *Единство, монархия:* между этими двумя словами лежит пропасть! Одно из них представляет гармоническое объединение всех частей социального организма, другое означает лишь одну из этих частей, поработавшую все прочие части.

Наши предки в 93-м году<sup>8</sup> инстинктивно стремились к *единству*, но они имели о нем

лишь смутное и неполное представление; именно поэтому они и не сумели завершить свое дело. *Единство* — это неразрывное *отождествление* всех интересов и всех желаний, полнейшая *общность* всех благ и всех невзгод.

6. *Общность.* Общность — это самый естественный, самый простой и самый совершенный вид ассоциации. Это единственный безошибочный способ устранения всех препятствий к развитию общественного принципа, ибо она дает удовлетворение всем потребностям, способствует законному проявлению всех страстей.

Общность есть не что иное, как осуществление единства и братства в том определении, которое мы ему дали. Это наиболее реальное и наиболее полное единство: единство во всем, — единство воспитания, языка, труда, владения, жилища, образа жизни, законодательства, политической деятельности и т.д.

Итак, мы видим, что общность сама по себе с необходимостью включает в себя в наивысшей степени положения нашего прославленного революционного девиза: *Свобода, Равенство, Братство, Единство.*

Но что особенно придает общности высокое и неоспоримое преимущество над всеми другими общественными системами, — это то, что она, помимо всего, содержит в себе все характерные черты науки, истины, разума, что эта система прекрасно демонстрирует со всей строгостью и точностью принятый мною *достоверный критерий*, с которым она находится

в полном соответствии. Критерий этот — *человеческий организм*\*.

В этой книге я намерен обсудить следующие главные вопросы:

*Основные законы.* Законы о распределении; план и организация коммуны; общие трапезы и общественные работы.— Промышленные и сельскохозяйственные законы.— Законы о воспитании и о просвещении.— О научных конгрессах.— Законы о гигиене.— Законы о полиции.— О чудесах унитарного труда.— О промышленных армиях.— О восстановлении климатур.

*Политические законы.* О коммунальных, провинциальных, национальных собраниях.— Об общечеловеческих конгрессах.

*Система переходного периода.* Социальная и политическая перестройка.— Непосредственное введение общности имуществ.— Способ вознаграждения почти всех заинтересованных лиц.— Верное средство лишить энергии, одержать победу, разгромить все антикоммунистические правительства путем посылки за пределы страны не более 300—400 тысяч воинов.— Постепенное освобождение всех народов менее чем через десять лет войны.— Полная, всечеловеческая общность.

\* См. мое опровержение Ламенне, стр.60, где я показываю, что закон общности есть основа сохранения нашего здоровья и нашей жизни.

## Глава II

### ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ

*Основными* называются определенные законы, составляющие первооснову, на которой зиждется все социальное здание, центральную ось, с которой связаны и вокруг которой располагаются все другие законы.

Не следует смешивать основные законы с законами конституционными. Конституционные законы, или *конституции*, являются делом *политики*; они подвергаются изменениям и носят временный характер. *Основные* законы, напротив, *вечны* и *неизменны*; они возникли раньше любого политического строя и более совершенны, ибо исходят от самой природы. Миссия законодателя состоит только в том, чтобы их изыскать, распознать и затем предать, гласности.

Бийо-Варенн и Сен-Жюст прекрасно уловили характер основных законов, когда с такой выразительностью первый из них воскликнул: «Добейтесь исчезновения нищеты, и вы избавите бедняка от необходимости сделаться преступником», а второй: «Нищета и испорченность народа — преступление прави-



тельств. Если человеку будут даны законы, соответствующие его природе и его желанию, он перестанет быть несчастным и испорченным. Не народ должен приспособляться к законам, а законы должны соответствовать интересам народов». Впрочем, эти слова являются лишь переложением следующей глубокой мысли Морелли:

«Изыскать положение, при котором человек не сможет больше быть ни порочным, ни дурным»<sup>9</sup>.

Итак, что же это за законы, соответствующие природе и желанию человека? Сен-Жюст и Бийо-Варенн отнюдь не все сказали об этом. Для нас, однако, особенно важно знать все, если мы хотим избежать подводных камней, о которые разбились эти мужественные и прославленные монтаньяры<sup>10</sup>.

Природа самим устройством *человеческого организма* и созданием продуктов указывает, что *продукты* должны использоваться и *потребляться человеком*. И так как у каждого человека своя организация, то каждый должен соответственно *использовать и потреблять* продукты.

Между тем каждое производство основано на труде. *Все*, кто пользуются общественными продуктами, должны, стало быть, *участвовать в труде*. И так как общество представляет собой, как мы уже сказали, солидарное объединение, противостоящее всем неблагоприятным случайностям и всем видам отсталости, так как в нем совершается взаимный

обмен услугами, слияние всех желаний, всех интересов, всех дарований и всех усилий, то, заявляем мы, отсюда следует, что, если мы желаем подчиниться законам природы и полностью осуществить принцип ассоциации, мы должны начать с превращения земли и всех продуктов в одно крупное, единое *общественное владение*.

«Таковы вечные законы Вселенной, согласно которым ничто не принадлежит только одному человеку, — восклицает Морелли. — Поле не принадлежит тому, кто его обрабатывает, дерево — тому, кто собирает с него плоды; даже из продукта его собственного ремесла ему принадлежит только та часть, которую он потребляет: остальное принадлежит всем людям»<sup>11</sup>.

«Мир, — продолжает он, — следует рассматривать как обильно уставленный стол для пользования всех приглашенных к нему, — стол, на котором блюда становятся то общим достоянием, ибо все испытывают голод, то достоянием только некоторых, так как другие уже насытились».

Приблизительно такое братское сообщество, как говорят, существует поныне на побережьях Огайо и Миссисипи у дикарей, подчиняющихся в этом отношении простому природному побуждению.

У них всё общее, всё равное;  
Так как у них нет дворцов, то  
нет и больниц для бедняков<sup>12</sup>.

(Гельвеций)

В улье каждая пчела ревностно *участвует* в общем труде, сообразно своим силам и своим способностям, и потребляет свою долю общего достояния в соответствии со своими потребностями. Почему же республика людей должна быть менее совершенна, чем республика пчел?

Разве не должны мы краснеть за наш эгоизм и за наше невежество, когда мы сравниваем наши бессмысленные кодексы с благой мудростью этих чудесных маленьких насекомых? У них всё — любовь, порядок, предусмотрительность, между тем как у нас всё предоставлено власти случая, которую никто не старается действенным образом ограничить!

Без конца твердят о том, что политические государства устроены наподобие семьи. Но разве можно себе представить хотя бы одну настолько безрассудную семью, хотя бы одно сообщество братьев, настолько испорченных или потерявших здравый смысл, чтобы позволить себе каждодневно делать предметом розыгрыша всё, вплоть до самых необходимых для их существования вещей,— так что слепой случай предоставлял бы все выигрыши одному или двум из них и те, не смущаясь, пользовались бы чрезмерным изобилием рядом с другими их братьями, которые умирали бы от голода?

Разве это безумие, эта безнравственность и гнусность не являются образом и подобием наших современных обществ?

Не верьте тому, что те, кто *находится в выигрыше*, становятся тем более счастливыми от новых наслаждений, чем больше томятся в смертельных муках их *братья!* Нет, нет; к счастью, нарушение законов природы никогда... не бывает безопасным. Исключительное владение приносит с собой столько забот и опасений, что счастливыцы мира сего кажутся созданными не столько для того, чтобы наслаждаться счастьем, сколько для того, чтобы мешать другим испытывать его: ибо счастье состоит в том, чтобы спокойно, свободно пользоваться вещами, доставляющими нам наслаждение, не боясь лишиться их.

«Что произойдет, если вы вдохнете в себя воздух, который необходим для жизни многих людей? Не окажутся ли те, кого вы лишите жизни, *вынужденными* постараться силой лишить вас ее, уничтожить вас?» (Фенелон)

Несчастные люди! какое зелье могло извратить в ваших сердцах самую священную природную склонность, закрыть ваши глаза и уши для познания опыта и разума! Когда вы завладели полем битвы, вы забираете всё, что составляет предмет вашего тщеславия и вожделения, и считаете, что всё кончено. Но в этом-то и состоит ваше величайшее заблуждение, ваше величайшее безумие!..

Неустанно клеймя народы древности за то, что они так долго основывали свободу граждан на ограблении побежденных, на нищете и угнетении рабов, можно вместе с тем

понять до известной степени, откуда взялись у них эти жестокие заблуждения. Несправедливость римлян и греков имела, по крайней мере, благовидный предлог, так сказать, известное оправдание, а именно: посредственное состояние и боязнь периодического голодания, на которое была обречена, несмотря на ее привилегии, масса простых граждан, и т.д.

Но какие же доводы могут привести в свое оправдание монополисты нашей эпохи, — *сейчас, когда всех предметов общественного производства, даже тех, которые предназначены для удовлетворения потребности в роскоши, бесконечно больше, чем их нужно для удовлетворения наших потребностей!*

Как, скажут мне, вы попираете святость права на приобретенное, вы проповедуете грабёж и разбой!

Нет! нет! Разве я не могу воскликнуть вместе с Боссюэ: «Ни у кого нет права на чужое право». Существует ли более священное право, чем право на жизнь? Вы готовы вменить мне в вину то, что я стараюсь открыть глаза моим братьям, богатым и бедным, на их подлинные интересы, *на их обидный интерес.* Между тем это, по-моему, лучший способ, единственное средство *спасти мир от кровавой революции!*

И если вы находите, что я слишком пылко выражаю свою мысль, прислушайтесь к голосу, который долгое время был авторитетным даже в глазах людей, стоящих ныне у власти:

«Возможно, что под охраной собственности скрываются *подлинные кражи*, — такие кражи, которые не предусмотрены законом. Я в самом деле полагаю, что если бы, вследствие отсутствия полиции, Картуш<sup>13</sup> более прочно обосновался на большой дороге, то разве он приобрел бы настоящее право на взимание пошлины за проезд через мост? Если бы ему удалось продать эту монополию, когда-то столь обычную, то разве это право стало бы более почетным в руках того, кто его приобрел? Почему *восстановление прежнего права* рассматривается обычно как *менее справедливый и более неосуществимый акт, чем кража*». (Сиейес. Что такое третье сословие?)

Слышите, консерваторы, это аббата Сиейеса, обычно защищавшего собственность, неумолимая логика вещей заставила свыше 50 лет тому назад заговорить о *восстановлении прежнего права*, подобно тому как в настоящее время множество других людей говорят о *революции*, о возрождении, о социальном переустройстве, да и вы сами, и первый среди вас Гизо, иной раз признаете, что страдания народа достигли высшего предела и что забывать об этом — серьезная ошибка и серьезная опасность!

Почему же не позволено также и мне выразить свою мысль? Почему и я не могу постоянно взывать, что единственный способ *искупить эту серьезную ошибку и избежать этой серьезной опасности* состоит в том, чтобы вер-

нуться, наконец, к вечным законам природы и разума: к *социальному равенству* и *абсолютной общности*, первейший закон которых таков:

«Производить то, что способен.  
Получать то, в чем нуждаешься в данный момент».

(Морелли.)

Или еще:

«Участвовать в общем труде соответственно своим силам, знаниям, потребностям, личным способностям и точно так же в пользовании продуктами общественного производства, в общих удовольствиях соответственно всем своим потребностям»<sup>14</sup>.

Но тут снова начинаются эти низкопробные крючкотворства, эти постоянные несносные разглагольствования о *прирожденном неравенстве* в физической силе, способностях, дарованиях, в самоотверженности и т.д., о *страстях* и *пороках, присущих человеку от рождения*, вследствие чего человек, по словам противников коммунизма, всегда будет смотреть на труд как на мучительное утомление, как на невыносимое бремя. Я не говорю уже о всех этих смехотворных и клеветнических нелепостях, которые столь милостиво приписывают нам наши противники. «*Строй общности*, заявляют они, был бы *прокрустовым ложем, гнетущим, бессмысленным уравнильством*, огромным монастырем капуцинов! *Никакой науки, никакого искусства* никакого *отцовства*, никакого иного способа полового сбли-

жения, кроме бессмысленного и гнусного *полового смешения!*»

В свое время и в соответствующем месте я дам решительный ответ на все эти постыдные нападки. Сейчас я ограничусь опровержением возражений, непосредственно относящихся к нашим *основным законам*, составляющим предмет изложения настоящей главы. Я с удовольствием признаю, к тому же, что некоторые из возражений, которые я намереваюсь рассмотреть, могут исходить от людей добросовестных, но мало привыкших к размышлениям.

*Возражение.* «Люди не равны по силе и, следовательно, не равны в правах».

*Ответ.* Действительно, в настоящее время между людьми существует огромное различие. Но это неравенство является результатом социальных условий, порочной и коварной системы воспитания, долготелнего порабощения, тяготеющего над всем человечеством в течение стольких веков. Это неравенство скорее дочь, нежели *мать социального неравенства*. Впрочем, что может быть сложнее, труднее определить, чем *силу*? *Телосложение, проворство, ловкость, храбрость* и т.д., — разве всё это не может с успехом компенсироваться одно другим? О силе человека можно судить не по некоторым отдельно взятым деталям, а по всей их совокупности, и подобно тому, как в арифметике нужно считать равными два ряда цифр, если при сложении *общие* их суммы равны, как бы неравны ни были различные частные суммы этих цифр, точно так же и

двух человек следует считать равными, если их силы в общем уравновешиваются.

Но если взять вещи такими, какими они являются в настоящее время, то какой можно сделать вывод о них? Прежде всего что такое сила, если не право на войну, право на разбой и злодеяние? Кто же из героев сегодняшнего дня может быть вполне уверен, что завтра он не окажется побежденным? Что может быть невыносимее такого положения! Что, скажите на милость, может быть более антисоциальным?

Незадачливые хулители равенства! Разве вы не видите, что и в данном случае ваше возражение обращается против вас самих? Разве не очевидно, в самом деле, что именно с целью предохранения себя от опасностей, страхов, подчиненного положения, от возможных в будущем и, следовательно, никому не ведомых несчастий люди с самого начала — каждый в отдельности и все в совокупности — чистосердечно отказались от случайных преимуществ, которыми располагал каждый из них, и сообща провозгласили социальное и политическое равенство. И такое равенство — да будет это известно — тем более необходимо, чем более развивается неравенство физическое и интеллектуальное: ибо если бы все люди были совершенно равны, то разве общественный договор не стал бы отныне почти бесполезным?

Эта истина признавалась во все времена и повсюду всеми добросовестными людьми;

однако никто не сумел ее лучше определить и популярнее изложить, чем философ Монтень:

«Но поистине, если в природе существует что-либо ясное и очевидное, на что нельзя закрывать глаза, — это именно то, что *природа* создала нас всех одинаковыми по виду и, как бы, по одному образцу, — с тем, чтобы мы все считали друг друга товарищами или, вернее, братьями. И если она наделила одних более щедро, чем других физическими или умственными благами, то она не имела, однако, в виду привести нас в этот мир, словно на арену состязания; она послала сюда более сильных и более умных не с тем, чтобы они, словно вооруженные разбойники в лесу, *держали в узде более слабых*; скорее надо полагать, что, наделив, таким образом, одних больше чем других, она хотела возбудить *братскую любовь*, поскольку одни были бы в состоянии оказать помощь, а другие имели бы потребность её принять. Далее эта *добрая мать предоставила нам всем землю, чтобы на ней обитать, поместила нас всех как бы в одном жилище, вылепила нас из одного теста* для того, чтобы каждый мог видеть и узнавать себя в другом. Она наделила всех нас великим даром голоса и слова, чтобы еще больше сблизить, установить между нами братские отношения и посредством *взаимного обмена мнений между всеми нами создать единство желаний*», (Монтень. Философские опыты)<sup>15</sup>.

*Возражение.* «Люди не равны по своим способностям и дарованиям».

*Ответ.* Прежде всего не станем смешивать равенство с тождеством, неравенство с различием. Нет, наши способности отнюдь не тождественны, да и никогда не будут такими. Это различие, по поводу которого с таким усердием поднимают шум наши противники, далеко не такое уж зло; оно не имеет ничего общего с неравенством, а, напротив, прекрасно способствует всеобщей гармонии.

«Но, скажут, раз вы отрицаете преимущество при занятии общественных должностей, то вы, однако, должны согласиться, что люди обладают большей или меньшей ловкостью, большим или меньшим умственным развитием. Одни способны справиться с несколькими делами, тогда как другие едва справляются с одним. Одни преуспевают в известных профессиях, занимают в них первостепенные места, в то время как большинство их коллег, их собратьев, товарищей способны занять только вторые, третьи, четвертые, десятые места. Первых мы называем высшими, способными людьми; именно им необходимо уступить превосходство, преимущества, если мы не хотим задуть их активность, их дарование. Ваше равенство, к тому же, будет в этом случае явной несправедливостью. Кому, например, придет в голову сравнивать простого ремесленника с Гельвецием или Лапласом, с Фултоном Вокансоном<sup>16</sup>, Кювье?»

Выше я показал, и я это повторяю: в при-

роде более высокое и более низкое положение существует не по праву, а фактически; все эти виды ужасающего неравенства, будут с каждым днем все более ослабевать, пока люди в конце концов не вернуться снова к почти совершенному равенству, как фактическому, так и по праву.

После того как я всё это установил, я сейчас охотно соглашаюсь с тем, что в настоящее время люди обладают талантами и способностями в самой различной степени. Но разве это должно служить основанием для привилегий в области распределения общественных благ, для верховенства политического или даже просто для почетных званий? Ничто не представляется мне более противоречащим общественному принципу, который состоит в том, чтобы предотвратить последствия природного неравенства. И затем, разве дарование человека, как и человек в целом, не есть продукт прошлого, как и продукт социальной среды, в которой человек живет сейчас и жил ранее, а именно — продукт его первоначальной организации, его воспитания, нравов, законов, бесконечного множества других обстоятельств?

Не становится ли отныне очевидным, что если кто-либо дает больше, то это потому, что он больше получил; и разве мы не обязаны признать всю справедливость старой народной поговорки:

«Тот, кто делает всё, на что он способен, делает всё, что он обязан делать».

Но почему же в таком случае вы выступате в качестве адвокатов дарования? Его обладатель, безусловно, не уполномочил вас наносить ему оскорбление. Разве дарование не является уже само по себе достаточно большой привилегией? Разве науки и искусства не имеют в ваших глазах ничего привлекательного? Разве они не способны более служить источником самых глубоких радостей? Разве вы ставите ни во что любовь к славе, уважение свободного народа? Позор и порицание тому, кто осмелится поддержать подобную ересь!

Гораздо лучше защищали дело и честь дарования знаменитые и мудрые философы, когда их перья начертали следующие красноречивые, прекрасные слова:

«Между ними не существует никакого различия, кроме превосходства в мудрости, являющегося результатом долгого опыта и непрерывного труда». (Фенелон. Описание образования Бетики.)

«Заслуга не нуждается в каком-либо другом преимуществе, кроме ее собственного совершенства». (Морелли. Базилиада.)

«Привилегия — это червь, незаметно разедающий свободу». (Маккиавелли.)

Послушаем также одного из наиболее знаменитых граждан последнего столетия.

Когда вся Корсика присудила Паоли почетные звания спасителя родины и ее отца, — той самой родины, которую он столь героически освободил навсегда от ига гегуэзцев,

Когда каждый с энтузиазмом превозносил его необычайную бескорыстность и неподкупную добродетель,

Когда все граждане благодарили его за установление *равенства\** в ущерб его собственному состоянию и единодушными приветственными возгласами даровали ему новую диктаторскую власть.

Не была ли достойна великого философа мужественная и вместе с тем скромная фраза, которую законодатель Корсики написал одному из друзей:

«Я не вижу заслуги в моем бескорыстии; я знал, что *суммы*, которые я затрачивал для моего отечества, что *деньги*, от которых я отказывался, *скорее создали мне доброе имя*, чем если бы я использовал их на постройку *домов* или на *расширение моих владений*. Я желал бы, чтобы мои потомки вели себя таким образом, что обо мне стали бы говорить только как о человеке, у которого были добрые намерения.»<sup>18</sup> (Паоли.)

Хотя изложенные выше мнения и кажутся мне весьма убедительными, автор «Опыта исследования о привилегиях» представляет нам еще более веские аргументы:

«Дайте, дайте народу возможность *свободно проявлять доказательства своего уважения*. Природа сделала подлинным источником уважения чувства народа. Именно у на-

\* Паоли почти полностью упразднил на Корсике частную собственность .

рода существуют действительные потребности; в нем пребывает отечество, которому лучшие люди призваны посвятить свои дарования; в народе, следовательно, *хранится источник наград*, которых они могут добиваться. У народа остается только возможность удостоить своим уважением тех, кто ему служит; он располагает только этим средством, чтобы далее воодушевлять людей, достойных ему служить. Неужели вы хотите лишить его последнего достоинства, последнего его резерва и таким образом сделать бесполезной для его счастья даже самую сокровенную его собственность?

Повторяю, дайте возможность *гражданам* оказывать честь своими чувствами и самим отдаваться им с той похвальной и ободряющей экспрессией, какую они умеют им придавать, словно по вдохновению, и тогда по свободному соревнованию всех тех, кто наделен энергией, по многочисленным усилиям во всех видах добра вы увидите, что должна совершить для поступательного движения общества *великая побудительная сила общественного признания*.

Однако ваша бездеятельность и надменность лучше уживаются с привилегиями. Я вижу, что вы предпочитаете иметь отличия по сравнению со своими согражданами, чем быть отмеченными их уважением». (С и е й е с. Опыт исследования о привилегиях.)<sup>19</sup>

«Для обездоленных зрелище отличий, роскоши и наслаждений, которыми они не пользуются, будет всегда служить неиссякаемым источником мучений и беспокойств.

Чем больше отличий и привилегий приобретает человек, тем больше он желает новых отличий и привилегий, тем сильнее в нем возбуждаются зависть и вожделение; отсюда эта столь *нелепая, ненасытная и преступная жажда золота и власти*; отсюда злоба, насилия, убийства и т.д.

Гениальные творения во все времена появлялись благодаря любви к славе. Миллионы бедных солдат идут каждодневно на смерть во имя чести служить капризам жестокого властителя. Можно ли сомневаться в *чудодейственном* влиянии на человеческое сердце *ощущения счастья, чувства любви к равенству и к отечеству*, силы побуждения мудрой политики?» (Ф. Буонарроти)<sup>20</sup>.

Из всего этого делаем вывод, что у настоящих людей нет потребности ни в *привилегиях*, ни в *высоких чинах*; среди них можно видеть только *равных*. И в самом деле, разве всякий, кто ревностно выполняет свою общественную функцию, какое бы, впрочем, дело он ни делал, не заслужил того, чтобы быть отмеченным республикой?

*Возражение.* «Вы отвергаете социальное неравенство, ссылаясь на то, что оно становится привилегией физической силы или интеллектуальных способностей. Пусть так, но разве вы не можете допустить, что *не все люди одинаково самоотверженны*? Кто же осмелится отказать в благородном и справедливом предпочтении столь редкому качеству?»

*Ответ.* Я бы очень хотел, чтобы было уточ-



нено, что понимают под самоотверженностью ибо это понятие стало весьма растяжимым. Бюше, а вслед за ним газета «L'Atelier»<sup>21</sup> определяют *самоотверженност* как *сверхъестественное чувство, как свободный, стихийно возникающий акт самоотречения и полного подавления своего личного я*. Но тут же, вступая в величайшее противоречие, они превращают самоотверженност в обязанност и, не колеблясь, обращаются к помощи меча, чтобы принудить *равнодушных* и наказать *нечестивых!* Какая чепуха! Свобода и принуждение, меч и самоотверженност! Разве эти слова не исключают друг друга, разве они совместимы?

Самоотверженност, по мнению других, это спокойный, обдуманый акт добродетели, чуждый всякой страсти, всякой мысли об обязанност и личном интересе, всякой примеси самолюбия.

Пусть так. Но, спрашиваю я, если принять то или другое из этих определений, то во что превращается тогда самоотверженност? В одном случае она не имеет никаких корней в организации человека, *ни в его страстях, ни в побуждениях, ни в инстинктах*; в другом — это мертворожденное дитя, задушенное в зародыше *расчетом на духовное вознаграждение* либо боязнью *материальной кары*.

Никто больше меня не убежден в необходимости поощрять, стимулировать все общественные добродетели путем нашего признания, нашего уважения, нашего ревностного со-

действия, даже восхищения; но зачем стараться придавать им побудительный мотив, не существующий в природе? Зачем, в особенности, применять опасный стимул общественных привилегий?

Поборники равенства! Что думаете вы, например, о тех моралистах, учениках Сен-Симона, которые в пылу их мнимой самоотверженности дошли до требования того, чтобы общество приняло все меры к *возбуждению великих и прекрасных честолюбивых чувств?* Вы порицаете их, не правда ли? И в этом вы согласны с самим Пьером Леру, с единственным социалистом этой школы, который остался еще верен доктрине *учителя*. Послушайте, в каких выражениях он пытается отвергнуть *основной закон Сен-Симона, принцип способностей*

«Сен-симонистский принцип: *от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам* — является как бы утверждением нового вида неравенства, основанного на *способностях и делах*, т.е. утверждением новой аристократии. А ведь понятен только такой идеал, при котором превосходство ума и физических сил будет порождать скорее обязанности, нежели права, и когда действительные потребности, а не способности и дела будут служить принципом распределения благ»<sup>22</sup>. («Revue Independante». ноябрь 1841 г.).

Пьер Леру совершенно прав. Какому здравомыслящему и добросовестному человеку придет в голову сейчас, когда исчезают либо

уже исчезли всякие виды аристократического строя, вновь вызывать к жизни принцип, на котором они основаны, будь то под названием *способностей* или под названием *самоотверженности*? Что касается меня, то я глубоко убежден в том, что *неравенство*, в какой бы форме оно ни представлялось, в конечном счете всегда превратится в губительную язву, в неиссякаемый источник *всякой испорченности*. Но вы хотите поступать против *основных законов* общества, так как в вашем воображении вы создали себе нереальные представления. Как вы простодушны! Разве вы не видите, что когда мы станем равными и братьями, то нам будут вдобавок даны и все другие качества? Так проникнемся же как можно глубже сознанием величия и *верности* наших принципов; поспешим *создать крепкое, могучее единство* и тогда мы можем быть уверены, что, если этого потребует торжество нашего дела, *самоотверженность родится сама собой*, ибо какая другая система больше, чем *система общности*, обладает потенциальной возможностью и силой, чтобы поставить в порядок дня все добродетели!

Не бойтесь, что республиканский энтузиазм в данном случае сведется лишь к призрачному братству. Нет, нет: это святое братство будет с каждым днем расти и всё более распространяться, принимать всё большие размеры и крепнуть. Наши симпатии, привязанности, общественные нравы, воспитание,

все наши наиболее укоренившиеся и наиболее присущие нам привычки, наконец, предписания науки и, в случае необходимости, предписания закона,— какие всё это могучие побудительные мотивы, неудержимо влекущие людей не только помогать друг другу и выручать друг друга в случае опасности,\* но и стихийно совершать акты величайшего героизма и благородства!

*Общность! Общность!* — все, что есть хорошего, прекрасного, сжато изложено в одном этом слове. Требовать более возвышенного выражения социального порядка и способности к совершенствованию,— не значит ли убаюкивать себя опасной иллюзией, гоняться за пустой, несбыточной мечтой?

Да, повторяю, самоотверженность, несомненно, прекрасна, но она мало свойственна нашей природе: это состояние лихорадочное, бурное, неестественное и может длиться только в критические моменты.

\* Я полагаю, что некоторых лиц слишком много занимают эти прискорбные случайности, столь многочисленные и неизбежные при современном положении, но которые отнюдь не являются законами природы. И именно для того, чтобы предотвратить все это, они изобрели самоотверженность. Я берусь доказать, что *при системе общности* одних законов о полиции и гигиене достаточно для того, чтобы в один год предотвратить на много миллионов более несчастных случаев и бедствий, чем предотвратили за двадцать столетий все религии, все предписания морали и все существующие в мире законы,

*Желать сделать самоотверженность постоянной основой социального порядка — значило бы упорно начинать строить огромную пирамиду с верхушки; ибо, заметим, для того, чтобы самоотверженность стала краеугольным камнем здания, недостаточно наличия ее только у немногих людей,— необходимо, чтобы акты самоотверженности были столь же распространенными, сколь многообразны потребности общества. А на это было бы весьма неразумно рассчитывать в условиях существующего отвлратительного режима обособленности и монополии, частной собственности и нищеты. Поэтому не станем обманывать себя и не будем стремиться вырвать с корнем из человеческого сердца это столь близкое ему чувство, именуемое себялюбием или самолюбием, ибо это чувство нерушимо. Таково было мнение многих знаменитых философов, в частности мнение Мабли и Ж.-Ж.Руссо.*

«Как ни будет стараться человек,— говорит Руссо,— создать видимость того, будто он предпочитает мою выгоду своей собственной выгоде, каким бы софизмом он ни приукрасил эту фальшь, я убежден, что это именно фальшь».

«В древности,— говорит Мабли,— законы никогда не были настолько нелепы, чтобы предписывать гражданину жертвовать собой, предпочитать общественное благо личному благополучию. Они ограничивались лишь тем, что призывали его *забыть на короткое время о самом себе* во имя общего блага».

Существует еще другая причина, в значительной степени способствовавшая предостережению всех внимательных наблюдателей от лицемерных наставлений большинства наших краснобаев, болтающих о *добродетели* и *самопожертвовании*: именно то, что среди них на одного добросовестного человека приходится множество таких, которые лицемерно превращают в ремесло и в предмет торговли вызываемые у людей добрые чувства. Они воздвигают алтарь самоотверженности и самопожертвованию на том только условии, что именно они будут жрецами этого алтаря. Скажем прямо, они делают это лишь с той целью, чтобы собирать дары от тех, кто является жертвой их обмана. В этом отношении они напоминают нам историю жрецов Бэла<sup>23</sup>, выходивших по ночам из своих тайных убежищ, чтобы пожирать изысканные блюда, которые народ по своей доверчивости подносил их идолу вопреки призывам, с которыми обращаются с тех пор к народу философия и разум:

«Не жертвуйте драгоценностей на алтарь ваших богов  
Народы! не подносите даров более богатым, чем вы»-

Надеюсь, что теперь со мной не будут более спорить о принципе социального равенства. Если некоторые демократы все же осмелятся это сделать, пусть тогда они не выдают себя больше за продолжателей Ж.-Ж. Руссо и французской революции. Конвент их заранее осу-

дил следующим прекрасным по своей сжатости положением:

«Люди равны между собой»<sup>24</sup>.

Основное положение, которое так разумно развивает Сийес в следующем месте своего проекта Декларации прав:

«Между двумя людьми может существовать *неравенство в средствах существования*, но отсюда не следует, что они могут быть *не равны в правах*».

«Социальный закон создан отнюдь не для того, чтобы слабого *сделать еще слабее*, а СИЛЬНОГО еще сильнее, а, напротив, для того, чтобы защитить слабого от сильного и *гарантировать ему полноту прав*.

Сила производит *действие*, но не налагает обязательства. Угнетение никогда не может стать ни *правом* угнетателя, ни *обязанностью* угнетаемого. *О с в о б о ж д е н и е* всегда является правом и даже настоящим долгом.

Согласно закону природы, человек не вправе наносить вред другому человеку и, следовательно, иметь *излишек*, в то время как другой лишен *необходимого*.

Надо *предположить* существование *договора, законного освящения*, чтобы иметь возможность придать слову *собственность* всю широту понимания, которую мы обычно ему придаем в наших политических обществах»

Ж.-Ж.Руссо уже разрешил этот вопрос при помощи следующей замечательной формулы «Общественного договора»;

«Основной договор,— говорит Руссо,— заменяет моральным\* равенством и равенством перед законом физическое неравенство, которое могло быть создано между людьми природой. Если они и могут быть неравны по силе и по дарованию, то они становятся разными по договору и по праву»<sup>27</sup>.

Но довольно об этом в данной главе: неравенство побеждено.

Что касается принципа *общности*, то он является сжатым изложением всех наших *основных законов*; он тем более логически вытекает из принципа социального равенства, который способна осуществить только общность. Лучше, чем все мои дальнейшие рассуждения, это покажет органическая часть данного труда, которую я начинаю нижеследующей главой.

Выражение «моральное равенство» под пером Жан Жака<sup>26</sup>, на мой взгляд полностью соответствует идее пропорциональности, которую коммунисты связывают с формулой: *социальное равенство*.

## РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

«Пусть сегодня будут удовлетворены все желания, завтра никто не будет счастлив, пока режим *общности* не заставит умолкнуть все дурные страсти».

(Гораций)

Как это установлено мною в предшествующей главе, люди, будучи *равны по праву*, должны, следовательно, быть *равны на деле*; они должны пользоваться не тем нелепым и мелочным равенством, состоящим в том, чтобы *выдавать гражданам паек*, подобно тому, как сейчас выдают паек солдату, заключенному\*,

\* «La Revue Independante» в декабре прошлого года назвала в качестве элементов организации, основанной на общности, армию, больницы для бедняков, тюрьмы. Что касается нас, то мы ни в коем случае не станем представлять в качестве образца для нашей системы институты, носящие такую печать варварства и безнравственности. Главная цель строя *общности* состоит в том, чтобы как можно скорее полностью уничтожить эти учреждения. Тем не менее, самые эти

а равенством свободным, щедрым и разумным, которое возвышает нашу мысль и придает ей широту, укрепляет наши привязанности и в равной мере *наполняет все сердца неизменными чувствами признательности и участия*. Так вот, это подлинное равенство, как мы уже сказали, возможно только при строе *общности*. Посмотрим же сейчас, какими средствами возможно наиболее действенным образом заставить гармонически функционировать строй, основанный на принципе общности, строй, долженствующий предоставить в будущем всем людям единственные подлинно драгоценные блага, а именно — *здоровье, мир и безопасность*, из коих с необходимостью проистекает нравственность и, следовательно, *счастье!*

Для того, чтобы все совершалось в добром порядке, важно, прежде всего, разделить большое *национальное или социальное сообщество* на такое количество коммун, чтобы их территории были как можно более одинаковыми, наиболее правильными и наиболее близко расположенными одна от другой. Все эти небольшие *коммуны* свяжутся между собой и образуют объединения, или серии коммуни, в соответствии с географическим положением и характером местностей. Так, *определенное число коммун составит провинцию, определенное*

институты неопровержимо доказывают силу нашего экономического принципа и нашей доктрины единства. Именно в этом последнем духе, вне всякого сомнения, рассуждала «La Revue Independante».

*число провинций составит республику и, на конец, все различные республики, вместе взятые, составят великую всечеловеческую общность.*

Когда эта операция будет завершена, тогда речь будет идти о том, чтобы позаботиться о жилище для граждан.

После всего сказанного мною читатель может подумать, что я считаю необходимым сохранить принцип городов-столиц, городов — центров провинций и городов — центров коммун, а, может быть, также местечек, сельских местностей и т.д., — словом, всю старую территориальную иерархию. Это меньше всего соответствует моей мысли. Я убежден, что этот вопрос не подлежит даже обсуждению: вопрос этот предполагается решенным одним из наших основных законов (о равенстве): *при строе общности должны существовать только коммуны.*

Если бы дело обстояло иначе, то каким же образом воспитание могло бы стать *в корне единообразным?* (Воспитание я понимаю в самом широком смысле этого слова). Каким образом возможно было бы установить совершенно одинаковые нравы и обычаи, ту внутреннюю общность в удовольствиях и огорчениях, как и во всех желаниях, о чем мы говорили выше? Как уничтожить нынешние наименования: городской и деревенский житель? Каким образом, наконец, использовать активность детей, не навязывая им, так сказать, наследственных профессий?

Ж.-Ж.Руссо во многих местах своих произведений решительно высказывается *против больших городов и столиц*, и в этом вопросе его мнение совпадает с мнением многих знаменитых философов: Фенелона, Мабли, Гельвеция и т.д.

Однако никто не клеймил этот жалкий институт с большей силой и прозорливостью, чем достойный уважения Ф. Буонарроти. Понимаем его мудрые соображения на этот счет:

«Существование больших городов, если не ошибаюсь, есть признак общественного недуга и верный предвестник гражданских потрясений. Крупные землевладельцы, крупные капиталисты и богатые негоцианты составляют там ядро, вокруг которого начинает группироваться множество живущих на их счет людей, заботящихся об удовлетворении их потребностей, потворствующих их вкусам, поддающихся их капризам и поощряющих их пороки.

Чем более населен город, тем более в нем слуг, выбитых из колеи женщин, изголодавшихся писателей, поэтов, музыкантов, художников\*, людей острого ума, актеров, танцоров, священников, сводников, воров и разного рода балагуров.

Постоянный обмен услугами и вознаграж-

\* Буонарроти клеймит не самые эти четыре последних профессии; он имеет в виду состояние *вырождения и развращенности, к которому их привел режим основанный на неравенстве.*

днями рождает у одних привычку к власти и командованию, у других — к подчинению и услужению. Пресмыкаясь, последние усваивают нравы, важный вид, спесь и манеры первых и приучают себя также выказывать превосходство над теми, кому судьба менее благоприятствует. Те и другие, пренебрегая подлинным счастьем, хотят *быть и, в особенности, казаться богатыми, могущественными и пользоваться предпочтением перед другими.*

Эти роскошные дворцы, обширные парки, богатая меблировка, блестящие экипажи, многочисленные ливрейные лакеи, шумные салоны, являющиеся, как говорят, украшением больших городов, оказывают погубное влияние на души людей, чьи взоры они привлекают. С одной стороны, они усиливают чванство тех, кто ими обладает, и располагают их рассматривать людей, лишенных этого, как врагов, которых зависть и нищета постоянно побуждают отнять всё это у их обладателей и отомстить им за унижение и нужду, до которых они доведены. С другой стороны, те, которые всего этого лишены, либо развращаются алчным желанием и ненавистью, либо, превратившись в гнусных и низких людей, становятся опорой для честолюбцев и тиранов. Всё это составляет подлинное несчастье и для тех, кто этим пользуется, и для тех, кто этого жаждет, ибо в то время, как одних томят скука и подозрения, других снедает завистливое желание *воображаемых благ*, которыми обладают более счастливые, как им кажется, смертные,

Люди, которые в больших городах ищут развлечений, роскоши и почестей, могут обходиться без работы; они уже взвалили на других ту долю труда, которую природа возлагает на каждого человека. При этих обстоятельствах обязанности тех, кто остается на полях, переходят естественные границы, и для них сельскохозяйственный труд и ремесла первой необходимости становятся более тягостными и мучительными. Зло, всё возрастая, доходит до того, что *положение земледельца и рабочего, мало чем отличающееся от положения каторжника, становится, наконец позорным и от него отказываются.* Каждый крестьянин обращает тогда свои взоры к большому городу и, если только имеет возможность, устремляется туда в поисках богатства, привлекательность которого преувеличивается его воображением. Раз уже безумие совершено и он попал в город, необходимо там существовать. Примеры заразительны; толпа укрывает порок от нападок критики; чувства воспаляются; то, что казалось отвратительным, постепенно превращается в признак хорошего тона и умения; скоро деньгам и рукоплесканиям начинают отдавать предпочтение перед долгом и добродетелью; изворотливость и лжечность постепенно превращают людей в лицемеров, лжецов, плутов; и если судьба им улыбнется, они достигают той высоты, когда кажутся счастливыми, не будучи на деле таковыми, когда становятся предметом цели для множества неблагоприятных людей, устремляющихся

навстречу несчастью тропой просчетов и иллюзий.

Между тем, число конкурентов, скопившихся в больших городах вследствие привлекательности богатства, наслаждений и легкомысленного образа жизни, до такой степени возрастает, что большинство из них, истощенное излишествами и обремененное детьми, будучи доведено до необходимости существовать на незначительное жалование, вливается в толпу несчастных, оскорбляющих взор и удручающих сердце повсюду, где существуют большие города.

Поскольку сельское хозяйство и ремесла, удовлетворяющие первую необходимость, являются подлинными кормильцами общества, то люди, естественно, и призваны жить именно там, где этим занимаются, обрабатывают ли они землю или доставляют удобства и отдохновение земледельцам.

Размеры государств, централизация управления, огромные налоги, государственные долги, чрезмерные оклады, обманчивый блеск придворной жизни прибавляют к бедствиям, являющимся непосредственными следствиями неравенства, множество других бедствий, неразрывно связанных с этими крупными столицами, в которых женщины, по выражению Жан-Жака, не верят более в честь, а мужчины — в доблесть.

Чем более значительны эти скопления населения, тем большее неравенство состояний и условий существования они предполагают,

и так как вместе с ростом неравенства возрастает общественное неблагополучие и недовольство, то там, где имеют место такие скопления, существует больше причин для раздора и потрясений; именно в таких местах приходится также преодолевать больше препятствий, чтобы установить подлинную свободу.

Обычно жалуются на обман священников, на насилия военщины, на двуличие придворных, на вероломство шпионов. Скорее нам следовало бы жаловаться на чудовищное неравенство, делающее всё это необходимым. Каким образом возможно обольщать себя надеждой на сохранение, без обмана и запугивания, видимости мира среди множества людей, которых *нравы, учреждения и законы вынуждают завидовать друг другу, ненавидеть и вести борьбу друг с другом?*

Эти столицы, порожденные неравенством, где куются элементы революций, эти столицы, столько раз служившие орудием тирании, были иной раз также очагами свободы. Они могли бы оказать существенную помощь в установлении подлинного порядка, если бы разумным людям удалось там взять движение в свои руки и если бы они затем сумели избавить эти города от переполнения и разбухания»<sup>28</sup>.

Я знаю, что при строе *общности* нечего будет опасаться таких отвратительных беспорядков, но я также настойчиво утверждаю, что было бы непредусмотрительно давать



малейший повод к соперничеству и что никогда не следует в чем бы то ни было отступать от *принципов*.

Автор «Путешествия в Икарию», напечатанного в 1837 г.<sup>29</sup>, вначале принял без оговорок *систему городов и столиц*. В настоящее время Кабе, как видно, отказался от этой иерархической формы. В предисловии ко второму изданию своей книги (в продаже у Малле, ул. Аббатства, 11) он допускает возможность *организации* строя общности с наличием и без наличия городов и т.д. и т.п. Несомненно, что и некоторые другие пункты своей работы Кабе, после нового ее внимательного просмотра, постарается изменить в третьем издании, ибо у Кабе нет ничего общего с мелкими, тщеславными людьми, которые не решаются отказаться от своего первоначального мнения даже тогда, когда им становится известно более верное решение. Никто в этом отношении *так не уважает здравый смысл* Кабе, как я.

Что касается способа сочетания предлагаемой мною новой формы организации с социальным и политическим единством, то на этот счет я решительно выскажусь в политической части моей работы.

Но вот возникает новый вопрос:

«Каковы будут размеры каждой коммуны и число ее жителей?» Хотя количество населения подвержено изменениям, хотя оно впоследствии неизбежно должно будет непрерывно меняться и хотя ошибка в этом отноше-

нии существенно не меняет основного принципа нашей системы, вопрос этот, тем не менее, представляется мне заслуживающим рассмотрения. После зрелого размышления я пришел к мысли, что в данном случае следует избегать двух неудобств: *громдных размеров* и *уединенности*. Я понял, с одной стороны, что в слишком маленькой коммуне\* братское соревнование, республиканское воодушевление, любовь к искусству, наукам, ремеслам,— словом, все благородные страсти могут оказаться стесненными в своем проявлении; с другой стороны, я учитываю, что чрезмерная населенность коммуны может оказаться препятствием для хорошего управления, для хорошего выполнения работ, в особенности сельскохозяйственных, и, кроме того, вызовет некоторые более серьезные неудобства в отношении

\* Я полагаю, что в этом вопросе Руссо, Буонарроти и др. были слишком категоричны в своей критике. Озабоченные неудобствами крупных городов, они впали в *противоположную крайность*. Они, *невидимому, хотели бы построить мир из одних деревень*. Самое большое обвинение, которое эти добродетельные граждане выставляют против городов, состоит в том, что города всегда являлись грязной клоакой мерзости и тирании, ибо сюда стекаются со всех сторон богатые и нищие, и первые приобретают в таких городах, легче чем где бы то ни было, возможность превратить последних в своих шпионов, в своих сыщиков! Такое рассуждение еще и сейчас является весьма убедительным против общественного строя, зараженного *принципом частной собственности*. Но что произойдет при режиме *общности* после *упразднения денег* Коммуна, как я ее понимаю, будет представлять все преимущества города и сельской местности.

организации общественной гигиены, воспитания и т.д. Поэтому я считаю необходимым пока указать цифру в десять тысяч человек. После того, как с этим покончено, вопрос о мере территории представляет собой не более как кадастровую операцию.

Что касается характера и внешнего вида жилищ в коммуне, то я предоставляю архитекторам, врачам, всем компетентным в этом вопросе лицам позаботиться об окончательном плане. Я ограничусь лишь замечанием о необходимости такого расположения жилищ в коммуне, при котором, по мере роста численности населения, было бы легко их постоянно перестраивать, соблюдая при этом экономию.

Чтобы дать читателю некоторое представление о чудесной гармонии, заключающейся в самой сущности нашего *режима общности*, я постараюсь вкратце набросать план нашего будущего государства. Заранее предупреждаю, что устанавливаемый мною порядок отнюдь не является неизменным; напротив, он должен будет в большей или в меньшей степени видоизменяться в зависимости от характера местности и от климата.

Жилище будет расположено в центре коммуны. По ее краям будут находиться земли, отведенные под важнейшие культуры, под виноградники, луга, рощи, леса и т.д. Ближе к зданию будут фруктовые сады и огороды; еще ближе — парки, рощицы и другие прелестные насаждения; наконец, четыре великолепные аллеи приведут вас ко дворцу.

Каждая коммуна будет располагать, кроме ручьев и рек, также несколькими каналами и другими водоемами для орошения; этим новым благодеянием все они будут обязаны санитарному труду.

Таким образом, вся территория будет превосходно орошена; будут приняты все меры для производства весьма полезных осушительных работ. Но особенно большую помощь искусство окажет природе в украшении дворца как внутри, так и вокруг него, чтобы всё это стало очаровательным местопребыванием.

Дворец составит обширный четырехугольник. Чтобы облегчить и ускорить сношения, надо будет избегать слишком обширного фасада. Дворец должен быть трех- или четырехэтажным. Все корпуса его можно будет удвоить — так что они образуют двойной пояс строений (см. план в конце книги).

Малый пояс будет включать в себя восхитительный партер\* и располагаться посреди огромного великолепного сада. Сад будет находиться в центре второго пояса. Обширное пространство, оставленное между двумя поясами, будет в значительной степени способствовать свободной циркуляции воздуха, который, таким образом, будет в чистейшем виде непосредственно поступать во все части здания. Кроме

\* Возможно, что будет сочтено удобным отказаться от цветника и даже от малого пояса строений. Возможно также, что будут найдены архитектурные средства для постройки дворца в форме ротонды, что, с точки зрения архитектоники, явится наивысшим выражением равенства.

того, каждый сможет полностью пользоваться удовольствием и преимуществами, доставляемыми растительностью.

Сад, следовательно, составит четыре продолговатых четырехугольника. Он будет засажен деревьями, украшен цветами и водопадами, каскадами и т.д. Партер будет почти таким же красивым, а при помощи изящных искусств можно будет придать ему еще большее очарование.

Малый пояс предназначен для мирных занятий. В нем будут расположены кухни, служебные помещения, столовые, кафе, залы для игр, зрелищ, оперные, библиотечные залы, музеи, залы для занятий и т.д. Здесь будет расположен также клуб, или зал для дискуссий и совещаний. Будут приняты все меры к тому, чтобы сделать его столь же удобным, сколь и великолепным.

Четыре крыла второго пояса будут отведены для магазинов, мастерских, школ и, наконец, для отдельных квартир. Нижний этаж будет занят под крытые галереи для прогулок, под птичники, оранжереи, мастерские и относящиеся к ним пристройки.

Создать *удобное, полезное, приятное, гигиеническое* жилое помещение — такой должна быть руководящая идея при постройке дворца коммуны.

Но особенно важно никогда не упускать из вида основной закон *равенства* и *абсолютного единства*, столь необходимый для прочности и совершенства нашего дела.

Поясним это:

*Удобство.* Как это видно из сделанного мною эскиза, с четырех фасадов большого пояса будет открываться с двух сторон вид на сельскую местность и сад. С этой последней стороны они будут расположены параллельно фасадам малого, или внутреннего, пояса; только крылья большого пояса будут значительно длиннее, чем крылья малого пояса.

Чтобы вызвать еще большую активность органов *управления при строе общности* и в то же время сообразоваться с законом *гигиены*, рядом с парком и вокруг каждого пояса будут устроены *улицы-галереи*, зимой — крытые и хорошо обогреваемые калориферным отоплением, летом — хорошо проветриваемые при помощи вентиляторов и огромных отверстий.

Улицы-галереи будут вплотную примыкать ко всем этажам, начиная с нижнего и кончая башней (*belvedere*), на которой будут расположены телеграф, обсерватория и т.д. При выполнении этой работы архитекторы будут стремиться сочетать прочность с изяществом, так что улицы-галереи наилучшим образом заменят нашу нынешнюю систему балконов. В углу каждого крыла и вдоль всего пространства между крыльями будут искусно пристроены лестницы, при помощи которых все этажи будут сообщаться между собой и которые свяжут один с другим оба пояса строений. По железнодорожным путям и каналам в парк смогут проникать даже различные виды транс-

порта. Для этой цели большой пояс строений будет местами прорезан изящными сводами.

В ходе изложения мы увидим, что все части здания будут — каждая в своей области— обладать в равной мере всеми желательными *удобствами*.

*Полезное и приятное*. Я не говорю в данном случае о необходимом: как можно быть лишенным его в условиях, когда общественное богатство, чудесным образом возросшее в результате хорошей социальной системы и хорошего хозяйственного управления, будет равномерно распределяться между всеми, вместо того, чтобы быть отданным во владение и сосредоточенным в немногих алчных или расточительных руках.

Что касается *полезного и приятного*, то *равные* будут находить их каждую минуту, на каждом шагу в своем *труде*, в своем *питании*, в своих развлечениях, в своих занятиях наукой, в своей одежде, в своем жилище. В общественной, как и в частной жизни будут проявляться самые нежные и самые разумные заботы о том, чтобы люди были постоянно обеспечены всеми видами комфорта. Живописный и разнообразный ландшафт, чистый воздух, изобилие всякого рода целебных растений и душистых, благоухающих цветов, которые будут одинаково осенять все части дворца,— как много уже в одном этом ценных преимуществ!

*Благоприятные условия для здоровья*. Какое другое жилище может в большей мере,

чем наше жилище в унитарной коммуне, претендовать на благоприятные для здоровья условия! Все сказанное мною до сих пор неизменно доказывает эту истину и не оставляет ни малейшего сомнения даже у людей наименее сообразительных. Что же будет тогда, когда читатель составит себе точное представление о неисчислимых возможностях комбинированного действия всех наших институтов системы общности? Когда он полностью убедится в том, что повсюду будет царить самая образцовая чистота, что изящные и удобные водопроводы сделают невозможным более, чтобы вода и стоки нечистот застаивались; что паровые насосы будут непрерывно удалять все виды нечистот?

Прибавим к этому, что содержание жилых помещений будет чрезвычайно облегчено, когда при режиме общности упразднит отдельное хозяйство. Одним из важнейших завоеваний *унитарного принципа* (этого, возможно, и не подозревают!), бесспорно, будет замена *одной большой кухни* двух-трех тысяч кухонь, которые в настоящее время необходимы для такого числа людей, какое составит население *коммуны равных*. В самом деле, что более противоречит законам чистоты и полезности для здоровья, чем отвратительная, бессмысленная и противная система *раздельных хозяйств*, система, основанная на принципе: *каждый у себя и каждый для себя*, и возведенная в наши дни в политическую догму.

Насколько отличным будет *унитарное хозяйство!* Что может быть чудеснее общественной кухни! Усовершенствования, которые не решаются вводить, например, для двух или трех тысяч отдельных кухонь, будут без колебаний предприняты при наличии единой кухни. И каких только чудес можно будет добиться, когда унитарной кухне будет передана хотя бы только незначительная часть тех огромных сбережений, которые явятся результатом упразднения домашнего питания!

Мне представляется, что тогда стены кухни будут покрыты краской либо отделаны глазированными фаянсовыми плитками или металлическим составом. Их легко будет содержать в изумительной чистоте, и они будут сиять, блеснуть! Котлы и посуда будут также блестять образцовой чистотой и даже великолепием!

Необходимая для употребления вода будет подаваться на место при помощи насосов и кранов. Всё будет нагреваться *преимущественно* паром. Другие насосы будут служить постоянно либо для постепенного обмывания всех частей кухни, либо для удаления грязи, вплоть до мельчайшей соринки, не давая ей залеживаться хотя бы на минуту.

В результате этих чудесных усовершенствований крайне упростится труд работников кухни, обязанности которых, таким образом, утратят все то тяжелое и отталкивающее, что в них имеется в настоящее время.

Но для того, чтобы при нашем новом режиме было использовано всё, что имеет оздоровительный и целебный характер, наука о гигиене указывает нам на следующие простые и легко осуществимые мероприятия:

«Вывести за пределы дворца и разместить в сельской местности все грязные и опасные для здоровья виды производства и постройки, как, например, *доменные печи, заводы, скотобойни, кожевенные заведения*, большую часть мастерских *по обработке мехов* и предприятий *по производству и обработке металла, конюшен, хлевов* и т.д. и т.п.»

Я не стану больше останавливаться на этих подробностях; читатель легко сможет добавить мысленно то, что мною опущено. Я спешу перенести его туда, где происходят общественные трапезы. На них лежит подлинный отпечаток нашего основанного на принципе общности построения; они являются ключом к его пониманию.

Однако, прежде чем приступить к этой главе, я должен сказать несколько слов об управлении *общим достоянием*.

Так как вследствие упразднения частной собственности вся территория окажется в руках *коммуны*, то коммуна будет обрабатывать ее силами всех своих граждан, собирать все производимое ими в своих житницах, амбарах и т.д. и единообразно осуществлять по всей республике, от одного ее конца до другого, равномерное распределение общественного богатства между всеми коммунами. Ниче-

го не может быть проще такого распределения.

Каждая коммуна направляет в центральное управление общественным достоянием, по меньшей мере один раз в год, бюллетень о собранном урожае, о произведениях промышленного производства и т.д.

Управление тотчас составляет сводку всех бюллетеней, чтобы иметь возможность исчислить размеры всего богатства в целом и сравнить его с богатством и потребностями каждой части. После этого оно открывает счет каждой коммуне на каждый вид продукции с активом и пассивом и записывает по счету каждый вид продукции в кредит или в дебет, в зависимости от того, находится ли он *выше или ниже среднего уровня продукции* или потребностей коммуны.

По окончании этой операции управление указывает, что следует переместить, обозначает места, откуда и куда следует всё это перевозить. За перевозкой наблюдают и ее осуществляют делегируемые для этой цели граждане.

Таким образом, в республике равных, как видим, не будет надобности ни в министрах, ни в министерствах финансов, торговли и т.д. и т.п.; достаточно будет иметь в управлении государством ответственного за отчетность и реестр, чтобы вся наша политическая экономия была отлично налажена и, так сказать, мобилизовала всё общественное достояние. Пусть сравнят с этим столь естественным, простым,

а, главное, столь экономным механизмом все более или менее противозаконные, гнусные махинации, являющиеся единственным ресурсом систем управления, базирующихся на -неравенстве, и тогда, если найдут в себе смелость, пусть продолжают называть *систему общности утопией!*

Через какое множество рук должно, например, при нынешнем режиме пройти общественное достояние, прежде чем оно поступит в государственную казну! Причем из опыта известно, что когда оно, наконец, поступает туда, то оно уже намного убавилось. «Оно,— гласит народная поговорка,— походит на тот фунт масла, который, ввиду его перехода из рук в руки, в конечном счете уменьшается до размеров, составляющих меньше одной унции». Какая горькая, убийственная насмешка! Но увы, она более чем заслужена

Всё сказанное, как и множество других фактов, которые будут полностью освещены в моей *сравнительной картине* огромной экономики, являющейся необходимым результатом *общего хозяйства*, разве не дает нам основания заключить, что при режиме *общности* каждая коммуна будет постоянно обильно снабжаться всем *необходимым, полезным* и даже *приятным*?

## ОБЩИЕ ТРАПЕЗЫ

Пусть врачи и экономисты сговорятся между собой и установят количество и время трапез, их меню: это дело их ведения. Я отнюдь не намерен сейчас заниматься этим вопросом; однако я считаю существенным установление такого правила, чтобы все трапезы совершались сообща.

Я не стану входить во все детали общественной жизни. Мне представляется достаточно описать одну трапезу, чтобы можно было составить представление о режиме общности питания, оценить его огромные преимущества.

Поскольку главная цель общих трапез заключается в том, чтобы развить и поддержать среди равных чувство братства, мне хотелось бы, если это возможно, чтобы был именно один обширный, великолепный зал для трапез. Это помещение, которое в целом занимало бы одно из крыльев малого пояса, могло бы быть разделено на ряд отделений, совершенно изолированных одно от другого изящными передвижными перегородками, при этом подъемными. В обычные дни эти перегородки оста-

вались бы опущенными; в праздничные же дни все они, как по волшебству, исчезали бы, подобно тому, как это практикуется в театрах,— для того, чтобы десять тысяч наших граждан могли одновременно поднять торжественный тост за счастье человечества и за вечное существование общего отечества!!! Пусть другие изобретают более ослепительные и пышные празднества, если это только возможно; что касается меня, то, признаюсь, никакое зрелище не представляется мне более мирным и более величественным, чем вид народа, состоящего из равных и братьев, освящающего таким образом эру возрождения. Однако об общественных празднествах я буду говорить в дальнейшем; возвращаюсь к обычным трапезам.

Общий обед происходит в одно и то же время во всех упомянутых мною отделениях, состоящих из 10 прекрасных залов, в высшей степени изящно отделанных, снабженных превосходной вентиляцией, освещением и обогреваемых, по мере надобности. В каждом из этих залов садятся за стол во время ежедневного парадного обеда множество приглашенных. На общих столах можно видеть в изобилии наиболее полезные для здоровья и самые изысканные блюда, что, однако, не дает основания предьявлять республике упрек в излишествах или в сибаритстве, недостойном возрожденного народа.

В продолжение трапезы время от времени восхищает слух и воодушевляет сердца благо-

родная, прелестная музыка. Существуют и многие другие развлечения, которые я не стану перечислять. Достаточно сказать, что здесь, как, впрочем, повсюду, *система общности*, словно нежная мать, пустила всё в ход, чтобы у ее горячо любимых детей не оставалось ни одного неудовлетворенного желания.

Что касается того, как протекают трапезы, то вот как это происходит. Лица обоего пола и различного возраста, вплоть до самых маленьких детей, сидят вперемежку. Соблюдается величайшая благопристойность и полнейшая свобода. Разрешаются частные разговоры; однако в общих интересах за каждым столом избирается председатель.

К концу трапезы обычно много занимаются детьми; их расспрашивают о том, чему они научились в школе, об обыкновенных житейских вещах и т.д. Благодаря такого рода испытаниям дети постепенно приучаются выступать публично, взвешивать и обстоятельно обдумывать свои слова, ясно и коротко отвечать на вопросы.

Все люди доброй воли, к какой бы партии они ни принадлежали, не могут не отнестись с уважением к этому столь безупречному и столь величественному институту *общих трапез*,— институту, который вот уже много веков существует только в исторических описаниях, но по которому вздыхает подрастающее поколение. Почему же находятся еще люди, которые, подобно мифическим гарпиям<sup>30</sup>, умеют лишь чернить своей бессильной злобой всё, что

есть великого и благородного! Поскольку всё же среди их оскорбительных выпадов вырисовываются некоторые возражения, то я, мне кажется, не должен подражать большинству наших противников: я отвечу на них некоторыми рассуждениями.

*Возражение.* «При системе общности никто не будет пользоваться никакой свободой; при этом режиме люди превратятся в настоящих автоматов, которые обязаны будут испытывать голод при звуке барабанной дроби или звонка».

*Ответ.* Наши противники, несомненно, забывают или делают вид, будто не знают того, что *система общности* есть не что иное, как социальный организм, принятый коллективно самими гражданами. Поэтому можно ли представить себе человека, которому доставляет удовольствие мучить каждого из членов этого организма в отдельности? Если *система общности*, в общих интересах и в соответствии с экономическим принципом, мудро устанавливает час для трапез, то значит ли это, что имеется в виду подвергать насилию опоздавших, *навязывать* им определенный распорядок, как это имеют глупость приводить в качестве возражения? Но какая система больше, чем *система общности*, приспособлена к тому, чтобы выслушивать все законные оправдания? Что значит для нее незначительное увеличение расходов, когда она с избытком обладает излишками? К тому же, разве не должны также питаться граждане, обслуживающие столы и



работающие на кухне, а в таком случае кто помешает опоздавшим присоединиться к ним? Но, кроме того, разве не совершенно очевидно, что нарушения будут крайне редкими? Я могу подкрепить это утверждение двумя доводами, из которых оба весьма убедительны. Первый заключается в том, что любое необоснованное нарушение этого благотворного, созданного в интересах народа правила будет лишь актом безумия, так как в нормально устроенном обществе ничто не сможет заменить прелесть общих трапез. Если эта истина внушает сомнение, пусть обратятся к истории, особенно к истории Крита или к истории республиканской Спарты. Тогда легко можно будет понять, к каким великолепным результатам привел в этих двух странах режим *общности хозяйства!* Станет ясно, что на протяжении более пятисот лет было достаточно существования одного этого института, чтобы искупить все основные пороки законов Ликурга; можно будет убедиться в том, что в Крите ни разу, а в Спарте только один раз один единственный гражданин, король Агесилай, вздумал отступить от общего правила. Однако, несмотря на то, что этот король накануне вернулся победителем, одержавшим победу над могущественным королем Персии, этот факт возбудил против него всеобщее негодование, ибо все усмотрели в нем зловещее предзнаменование упадка республики.<sup>31</sup>

Мой второй довод еще более неопровержим. «Люди будут обязаны,— заявляете вы,—

захотеть есть в определенный час по звонку». Какие же вы невежды! Разве вам не ясно, что этот закон *периодичности* — один из наиболее универсальных и наиболее повелительных законов природы?

Разве вы не видите, что этот закон есть предохранительный принцип нашего существования и что, нарушая его, мы всегда подвергаем себя опасности?

В самом деле, кто сможет отрицать достоверность следующего, столь общепринятого положения: *привычка — вторая натура*. Вам не только не следует ополчаться против режима общности, но скорее надо благословлять его предусмотрительную мудрость, которая так хорошо и столь постоянно располагает все в интересах вашего здоровья и вашего счастья! А как много пользы еще принесут воспитание мужества и чувства братства нашему порядку строя общности!

*Возражение.* «Неодинаковое качество однородных предметов, как, например, фруктов, овощей, молочных продуктов, мяса, напитков и т.д., внесет в *распределение* фактическое *неравенство*, которое породит зависть и пререкания, вследствие чего в обществе будут постоянно раздоры и вражда».

*Ответ.* Так рассуждают только потому, что упрямо и неумело судят о людях будущего по себе самим. А нас дурные учреждения делают тщеславными, завистливыми, враждебными друг другу. Но предполагать, что люди от природы склонны к зависти, не-

ненависти и раздорам из-за вкуса того или иного плода или из-за привлекательности какого-либо цветка, когда и плоды и цветы вокруг них имеются в изобилии, — значит мало знать природу. Избавьте людей от частной собственности, и вы уймете их самые пагубные страсти и почти лишите их всякого способа наносить друг другу вред. В Спарте здравый смысл, дух равенства и согласия устраняли все затруднения<sup>32</sup>. Да и в настоящее время такого рода затруднения не нарушают мира в многочисленных семьях, пансионатах и воинских квартирах. И еще, заметьте, каким образом может ваше возражение относиться к *общим трапезам*? Разве в действительности там могут иметь место иного рода столкновения, кроме как по части учтивости и доброжелательства? Не это ли именно происходит почти постоянно между завсегдатаями наших нынешних табльдотов? Разве не будет множества других действенных способов устранить все измышляемые вами затруднения, как, например, сохранение для детей и для больных блюд, которые ни малейшим образом не смогут возбудить какую-либо жадность, если только вообще столь низменная страсть может существовать где-либо еще, кроме как в условиях нашего нынешнего режима?

*Возражение.* «Одни только вьючные животные, после того как они выполнили возложенную на них хозяином работу, получают

в хлебе порцию, которая им предназначена!» (Ламенне).

*Ответ.* Я почти испытываю стыд, беря на себя труд опровергнуть такого рода желчную критику. Существуют четыре способа *распределения*, четыре способа *потребления* предметов общественного производства: *система частной собственности, сенсимонистская система, абсолютное равенство, пропорциональное равенство.*

*Система частной собственности.* Этот способ основан на случайности, на привилегии, на силе, обмане, монополии, на гнете и т.д. При этой системе всё является аномалией и нарушением порядка: юнец командует умудренным опытом старцем; эксплуататор и распутник фабрикуют законы о воздержании и об общественной морали; кучка бездельников не знают, куда девать излишки, в то время как масса трудящихся едят свой кусок черного хлеба, смоченный потом и слезами.

*Сенсимонистская система.* Эта система, имеющая основным своим принципом *политическую теократию и аристократию способностей*, приводит почти к тем же результатам, что и режим частной собственности. В конечном итоге это не более как простое перемещение социальных условий и привилегий, не более как принцип, гласящий: «Удались отсюда, чтобы я мог занять это место!»

*Абсолютное равенство\**. Этот способ рас-

\* Некоторые коммунисты пользуются выражениями: *абсолютное равенство, пропорциональное равен-*

пределения точно так же крайне порочен в том отношении, что он с необходимостью предполагает наличие у всех людей одинаковых потребностей, а между тем давно установлено, что это, несомненно, противоречит действительности. Система *абсолютного равенства* в течение многих веков практикуется в армии, в госпиталях, в тюрьмах и даже в колледжах; эта система применялась также в древних монастырях и в прочих заведениях для *кающихся*.

Следует, однако, заметить, что это строгое равенство существует только в так называемых *низших кругах*. Кроме того, я указываю, как на осложняющее обстоятельство, на эту иерархическую верхушку, которая вдобавок урезывает каждую порцию, захватывает лучшую пищу и фальсифицирует все продукты. Ни одно из этих неудобств не может существовать при наших общих трапезах.

При абсолютном равенстве, в случае если все части окажутся средней величины, как это может произойти и в наши дни, те, кто будут в чем-либо больше нуждаться, будут лишены даже *необходимого*. Если, напротив,— как это, весьма вероятно, будет в *уни-тарной коммуне*,— порции окажутся обильными даже для самых рьяных appetitов, мно-

*ство*, не устанавливая между ними никакого различия. Это — простая путаница выражений. Словом «абсолютный» пользуются также для обозначения *чисто математического равенства*. Именно этот вид равенства я и опровергаю.

гие почувствуют себя обремененными излишками. Отсюда обесценение и растрата съестных продуктов и т.п.

*Коммунисты* уже сотни раз отвергали эти три жалкие и невежественные системы: 1) потому, что все три коренным образом противоречат экономической науке; 2) главным образом потому, что они нарушают одновременно *свободу, равенство, братство* и, следовательно, *посягают на основной принцип общества*, который заключается в том, чтобы *на деле предотвращать неравенство*,— об этом не следует забывать.

*Пропорциональное равенство*. Такова система, которую мы неизменно провозглашаем, и наши хулители это хорошо знают, хотя они клеветают, делая вид, будто убеждены в противном. Способ распределения при соблюдении пропорционального равенства столь естественен, что с необходимостью приходит на ум не только ученому и политику, но и каждому человеку, обладающему здравым смыслом. Какой же способ потребления может лучше осуществить это *реальное равенство*, чем совместное питание, чем наши общие столы с их прекрасным порядком, обильно уставленные блюдами, которые являются общим достоянием, соответствуют аппетитам и вкусу каждого. За общим столом вызвал бы насмешки простодушный человек, который занялся бы математическим вычислением наших потребностей, как это следует делать, по мнению *видных ученых*, а это, добавляют они,

представляется им невозможным и потому возбуждает серьезное возражение против системы общности. Пусть Пьер съедает только одно яйцо, пусть Поль съедает быка (да простят мне это преувеличение!), никто не станет этого порицать, так как никто не будет в этом заинтересован.

«Путник, — говорит Морелли, — который приходит к фонтану, чтобы утолить жажду, не завидует тому, кто, будучи томим более сильной жаждой, *черпает большими глотками* живительный напиток, которым великодушная природа наделяет в изобилии всех».

Я спрашиваю, разве это не единственное подлинное равенство, *равенство от природы?*

Мы снова и снова повторяем: есть досыта, пить сколько хочется, — таков наш принцип относительно *равенства в питании*.

Полагаю, что я достаточно показал превосходство *общих трапез* над всяким иным способом *питания людей*. Такие же преимущества создаются и в том, что касается *общественных работ*. Это я также покажу в следующей главе. Я хочу закончить данную главу несколькими краткими соображениями относительно индивидуального жилища и одежды.

## ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЖИЛИЩЕ

Ничто не может быть проще и прекраснее, чем индивидуальное жилище при *системе всеобщего равенства*. Наши *равные* проводят почти весь день среди других людей; они, стало

быть, не нуждаются в таком количестве комнат, какое занимают в настоящее время даже самые скромные наши буржуа. Каждому из них, чтобы удовлетворить все его потребности, достаточно будет иметь две-три комнаты: 1) спальню, 2) кабинет для занятий, 3) небольшую лабораторию, которая одновременно будет служить складом для топлива.

Спальня будет расположена в стороне парка; она должна будет иметь два сторонних алькова, один — для кровати, другой для туалета. В толщу стены будут вделаны два чрезвычайно удобных шкафа. Эти шкафы будут отличаться совершенной чистотой и изяществом отделки как внутри, так и снаружи. Спальня будет, кроме того, снабжена туалетными принадлежностями, умывальником, ночным столиком, круглым столиком, продолговатым столом и ванной, которая будет служить мебелью и обладать всеми желательными преимуществами. Ее верх будет одновременно столом и прикрытием для купающегося. Прочая меблировка будет состоять из стульев, кресел, каминного прибора и т.д. Почти вся эта мебель будет передвигаться на роликах; в ней будут соединены приятное с полезным.

Кабинет для занятий будет выходить окнами на сельскую местность. Его обстановка будет состоять из небольшой библиотеки, музыкальных инструментов, принадлежностей для живописи и т.д. Его главным украшением будет великолепный письменный стол на роликах. Чтобы дать представление о кра-

соте кабинета, достаточно сказать, что в целом она будет соответствовать красоте спальни. Две трети его ширины будут смежными со спальней; остальная треть будет служить местом для лаборатории.

Все помещения дворца будут иметь разри-сованные потолки, паркетные полы; большинство из них будет устлано коврами. Спальня будет увешана великолепными гобеленами. Личные квартиры, так же как и общественные залы, будут снабжены превосходной вентиляцией, отоплением и освещением. Будут приняты все меры к отысканию и усовершенствованию наилучших способов их устройства. В квартирах будет постоянно царить изумительная чистота. И это будет не только осуществимо, но, что еще важнее, — иначе почти невозможно, потому что: 1) снаружи дворца всегда будет абсолютная чистота; 2) при входе в свою квартиру каждый сможет сменить обувь; 3) поскольку в квартирах не будет кухни и домашних мастерских, в них не будет никакой грязи. Поэтому нечего и говорить, что такая система исключает наличие каких бы то ни было насекомых.

Известно, на какой высокой ступени стоит в настоящее время искусство мебелировки. Представьте себе, какие новые успехи будут достигнуты, когда из данной отрасли промышленности исчезнет коммерческий элемент. Тогда не будет больше ни пользы, ни заинтересованности в том, чтобы пожертвовать всем ради одной видимости, чтобы в боль-

шинстве случаев изготовлять только красивые, но не отделанные вещи. Так как работников не будет подгонять ни самый характер работы, ни нужда, ни необходимость быстро изготовлять и сдавать работу, ни алчность, то они будут считать для себя делом чести приложить все усилия к тому, чтобы отполировать и довести до совершенства изготовляемую ими мебель. Республика, со своей стороны, будет снабжать их материалом только превосходного качества. Таким образом, индивидуальная мебелировка, с точки зрения удобства, прочности, изящества и т.д., не будет оставлять желать ничего лучшего. Ничто не будет превосходить ее по красоте, разве только мебелировка общественных зал.

Соответственно этому, а также при нашем новом виде пружинных матрацев, которые, несомненно, будут в дальнейшем значительно усовершенствованы, достаточно будет нескольких минут, чтобы привести в порядок любую домашнюю обстановку. Поэтому вести свое хозяйство будет далеко не такой неприятной, тяжелой работой, как в наши дни; это будет легким делом, так что, надо полагать, у всех это войдет в привычку, хотя всегда будут налицо граждане, обслуживающие других, и это дело будет на них возложено.

Но что особенно отличает нашу систему индивидуальных квартир от всех прочих систем, так это то, что эти квартиры будут почти полностью походить одна на другую. Разве, таким образом, не ясно, что если бы даже

наши граждане были столь же неравны по характеру, как мы несчастные, развращенные граждане современного строя,— все же никто из них и никогда не имел бы никакого основания жаловаться. В заключение этой главы заметим, что к тому же это полное единообразие отнюдь не исключает прелестей разнообразия.

## ОДЕЖДА

Никому, без сомнения, не придет в голову, что коммунисты будут вынуждены устранить из обихода всё то, что действительно служит украшением,— драгоценности, цветы, духи, ибо известно, что один из общих принципов *системы общности* заключается в том, чтобы во всем отыскивать *необходимое, полезное и приятное!*

Однако я настаиваю на том, что при *системе общности* первейшее правило должно состоять в том, чтобы всё подчинять гигиене и физическому развитию и ничего — моде и легкомыслию. Тем самым будет, кроме всего прочего, предотвращена *расточительность*, являющаяся неизбежным результатом многочисленных разновидностей костюма. Пусть, согласно общему правилу, все носят одинаковую одежду, но при этом следует уметь сочетать единообразие с различием форм и цветов. Разве нельзя будет, например, иметь различную одежду для различных возрастов, отличать костюм ребенка от костюма взрослого и от костюма юноши, костюм человека зрело-

го возраста от костюма старика? Кто помещает тому, чтобы существовала домашняя одежда, одежда для работы, для собраний, праздничная одежда и т.д.?

Что касается способа приобретения одежды, то ничто не представляется мне более простым, а главное — основанным на более братских началах. Все виды одежды должны быть сложены в обширные склады, открытые для каждого приходящего. Не должно быть никакого сторожа для их *охраны*; это скучное занятие становится *ненужным в республике равных*. Но в каждом складе должен постоянно нести службу какой-нибудь *чичероне*, готовый давать гражданам любые сведения, какие они пожелают. Каждый будет вправе свободно брать всё, в чем он нуждается. И пусть не боятся, что при такой свободе возможны злоупотребления, ибо: 1) так как все одежды будут походить одна на другую, то неизбежно исчезнут всякого рода капризы, равно как и зависть и кокетство; 2) здравый смысл и воспитание послужат новой гарантией против злоупотреблений; 3) не будет, наконец, нужды прибегать к закону ввиду того, что общественного мнения будет вполне достаточно, чтобы сдерживать любые поползновения, противоречащие доброму порядку. Кроме того, разве не ясно, что при столь хорошем снабжении складов в условиях *системы общности* некоторый перерасход будет едва ощутим?

Что касается починок, то потребителю со-

вершенно не придется этим заниматься. Ему достаточно будет указать в существующей для этого книге записей, находящейся в раздевальне, какие вещи ему желательно починить.

Замечу также, что люди не будут больше тратить время на то, чтобы снимать мерку и примерять одежду, и что портные, занимающиеся сейчас срочным исправлением одежды и именуемые «пожарниками», вольются в число обычных работников. Так как *при системе общности* будет проявлена забота о том, чтобы изготавливать одежду на всякий рост и по большей части эластичную, то станет совершенно ненужным всякое перемещение рабочего.

## Глава V

# ПРОМЫШЛЕННЫЕ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ

«Когда резец и челнок будут двигаться сами, не будет больше нужды в рабах».

(Аристотель)

В настоящее время почти все виды труда являются изнурительными и внушают отвращение. Если опросить работников всех профессий, то только немногие из них не будут горько жаловаться на свое плачевное существование. Ремесленник, земледelec, рабочий, производящий пятнадцать часов в день булавочные головки, служащий, беспрерывно сличающий столбцы цифр, — с течением времени тупеют от монотонного, всегда однообразного труда, который усыпляет и изнашивает все мыслительные способности. Почти то же происходит с большинством прочих профессий: торговец, отмеривающий целый день сукно, бакалейщик в своей лавке, солдат, проходящий строевое учение, и командующий им офицер, учитель на своей кафедре, артист, работаю-

щий, чтобы существовать,— все, от последнего до первого государственного чиновника, в подавляющем большинстве своем смертельно скучают и устают от нелепого труда, который ежедневно возобновляется с неизменным и бесконечным однообразием. Каждый вздыхает, когда кончается его отдых; он начинает свою повседневную работу только в силу настоятельной необходимости позаботиться о своих нуждах, которые с каждым днем, возрастают в связи с содержанием семьи, воспитанием и устройством детей и т.д.

Праздные люди точно также не чувствуют себя счастливыми. Они чаще всего испытывают только скуку и смутную тревогу, пресыщение и отвращение ко всему.

Бросив поверхностный взгляд на эти плачевные результаты, большинство наших моралистов пришли к выводу, что человек от природы ленив; между тем, наука, напротив, доказывает нам, что человек по самому своему существу — создание деятельное и что, если он иногда тупеет от безделья, то виной тому является только однообразие труда, плохая его организация. И действительно, сколько досужих людей с жаром занимаются ради отдыха и удовольствий тем, что для человека, работающего по найму, является настоящим трудом, и часто весьма тяжелым, как, например, рыбной ловлей, охотой, столярным делом, часовым механическим производством. Все они безропотно терпят зной, холод, голод, жажду и усталость.

Но надо ли удивляться тому, что крестьянин, который сам обрабатывает свое поле и трудится 20 часов в день, имея единственным стимулом добыть себе кусок хлеба; что работница, занимающаяся весь день и часть ночи шитьем в одинокой мансарде, побуждаемая необходимостью заработать на свое существование; что служащий, склоняющийся, бледный, над канцелярским столом, будучи двенадцать часов в день занят неблагодарным трудом,— что все эти парии цивилизации испытывают лишь глубокое отвращение к своему повседневному труду?

Наше современное общество — это, так сказать, мир, в котором всё поставлено вверх дном. Оно, как нельзя лучше, изображает картину хаоса! (Труд, например, отягощающий рабочего и земледельца, был бы развлечением, если бы его разделяли все. Однако наша алчность держит их в нищете среди плодов, которые они выращивают, и чудесных вещей, которые они производят для нас в поте лица своего. На их долю едва достается скверная пища; у них все пороки, проистекающие от бедности, а страх за завтрашний день для них, быть может, еще тяжелее, чем их настоящая нищета! И какой век больше, чем наш, изобилует подобной безнравственностью, такими чудовищными аномалиями! Шарлатан, ростовщик, азартный игрок утопают в золоте; земледелец, создающий необходимое для жизни, рабочий, артист, ученый, украшающие ее, утопают в грязи!



Пусть мне больше не говорят о нашей так называемой свободе выбора профессии. В противном случае я добавлю заодно с ученым публицистом:

«Почему не все граждане пользуются личной свободой? Потому что среди них имеются мучимые голодом люди, вынужденные продаваться на первом рынке, который им попадается. До конца своего жизненного пути они влачат жалкое существование, полное множества страданий и чрезмерного труда. Но мир так устроен, что если бы они попытались выйти из этого положения, то на них тотчас обрушилась бы нищета, схватила бы их за горло и со всей жестокостью принудила бы вернуться к прежнему состоянию. Жизнь для них подобна дороге в пустыне; горе тем, кто принужден на нее ступить, но еще несчастнее те, кто осмеливается уклониться от нее! Да! Существуют миллионы людей, которые вереницей отверженных непрерывно проходят таким образом через мир, не узнав его, не имея досуга, чтобы осмотреться; все они, передвигаясь цепочкой по узкой тропе, угрюмые, безмолвные, подавленные, следуют шагом друг за другом, не вступая друг с другом в разговор, не испытывая никаких радостей, будучи связаны со своими товарищами по беде только привычкой идти одной дорогой в одной и той же толпе и вдыхать одну и ту же пыль, не имея иной цели, кроме ожидания конца дня, для того, чтобы завтра снова начать такой же день. Они страдают в своем долгом

пути среди нас, эти *безгласные, несчастные парии*, потому что им приходится выбирать между страданием и смертью, а человек инстинктивно избегает смерти. Они, правда, *идут вперед, но под страхом голода, подобно рабам*, которые передвигаются только под *страхом кнута*. Повторяю, эти люди не являются гражданами, пользующимися личной свободой». (Ж. Рейно, ст. «Буржуазия» в Новой Энциклопедии)<sup>33</sup>.

Но я уже слышу вопли о преувеличении и о мизантропии! Прочь, бессердечные, черствые оптимисты! Факты слишком громко вопиют, чтобы можно было заставить их замолчать! Посмотрите лучше на эти великолепные мануфактуры и богатейшие заводы, на эти памятники вашего эгоизма и предметы вашего восхищения. Взгляните на всю эту массу *неповинных рабов*, которых вы держите там скованными железным ошейником нищеты! Какое переутомление, какая адская мука!.. Несчастные, полунагие, задыхающиеся, едва переводящие дух, покрытые потом люди, мускулы которых находятся в постоянном движении; они низведены до положения вьючных животных; вид их ужасен. Всякий, кто смотрит на их конвульсивные движения у огромной *черной пылающей печи*, чувствует себя словно охваченным тяжелым кошмаром: ему порой кажется, будто он присутствует при шабаше бесов!

И если бы еще по отношению к бедному труженнику проявляли необходимую заботу

после того, как он выбирается из этой страшной бездны, если бы он мог пойти отдохнуть на хорошей постели в уединенной комнате, если бы заранее позаботились приготовить ему укрепляющую ванну... Но куда завели меня моя жалость и мое сочувствие? Увы! Какое значение имеет для наших миллионов человеческая жизнь? Разве их заботит такая малость? Грязный, зловонный, открытый ветрам длинный коридор, ворох грязной, гнилой соломы — вот где в XIX столетии людям труда приходится отдыхать от жесточайшей усталости и дожидаться, когда настанет их черед вновь начать свой *убийственный подневольный труд!* Пока они в состоянии держаться на ногах, они всё работают и работают и *изнашиваются от труда* так же, как машины, с которыми они имеют дело; и когда в конце концов их силы иссякли от чрезмерного труда и от болезней, когда их члены изувечены в результате одного из тех несчастных случаев, увы, столь многочисленных, и т.д. и т.п.,—вся филантропия их хозяев сводится к тому, что они облагают себя иной раз *налогом в пользу бедных*, чтобы бросить их в мрачные больницы для бедняков или в дома призрения нищих, которые для этих несчастных жертв служат как бы входом на новую свалку!

Когда дикарь или завоеватель избивают и обирают тех, кого они победили, то это, несомненно, бесчестно, но до некоторой степени понятно.

«Но именем цивилизации и гуманности уничтожать целый народ, держать его в нищете и голоде, навязывать ему самое тяжкое бремя, какое когда-либо тяготело над рабами, принуждать его довольствоваться грязными лохмотьями вместо одежды, питаться кой-какими кореньями, пить одну воду и, пока открыты их глаза, трудиться все время, чтобы не умереть от голода... О! Эта система — самая жестокая из всех видов тирании!» (М-м Флора Тристан. Прогулки по Лондону)<sup>34</sup>.

Можно ли удивляться после этого, что столько уязвленных сердец изливают проклятия на социальный порядок, который словно находит удовольствие в том, чтобы обходиться с ними, как с *отверженными*; что иной раз даже эти несчастные (вплоть до самых робких граждан), выведенные из оцепенения нуждой и отчаянием, неистово потрясают своими тяжелыми цепями и грозно возвышают голос: *жить, работая, или умереть, сражаясь*.<sup>35</sup> Повторяю, следует ли удивляться, если даже тогда, когда они бросают вызов установившимся обычаям, они считают, что только принимают вызов, брошенный им?

В самом деле, что представляет собой их горестное существование, если не медленную и жестокую агонию, пытку, постоянное отравление? А когда во цвете лет, но уже рахитичные, хилые и вялые, они дряхлеют и никнут, словно высохшее в пустыне растение, что такое их смерть, если не убийство, которое

в наших кодексах фактически совершенно не предусмотрено и в котором повинен скорее порядок вещей, нежели люди, но, тем не менее, это — подлинное убийство, *убийство ста миллионами булавочных уколов*. До чего всё это гнусно и ужасно! Страшно смотреть, страшно подумать! И когда уму становится непостижимой такая гнусность, разве не появляется желание обрести сто миллионов голов, чтобы постоянно кричать, обращаясь к этой варварской цивилизации: *проклятие и еще раз проклятие!!!*

Я уже указал на некоторые пороки современного промышленного режима, но этого отнюдь не достаточно: речь идет главным образом о том, чтобы указать исцеление от них. В противном случае я выполнил бы только ничтожную часть моей задачи, а это привело бы лишь к тому, что я сделал бы положение пролетария еще более ужасным: не давая ему ничего взамен, я заставил бы его еще сильнее почувствовать, как велико его несчастье!\*

При *системе общности* все работы, необходимые для существования людей и для их удовольствий, будут производиться в соответствии с промышленными и аграрными законами. Здесь, однако, уместно заявить, чтобы сразу положить конец всякой двусмысленно-

\* Отсюда не следует делать вывода, будто я отвергаю чистую критику. По моему мнению, всякая критика *необходима* в том отношении, что она способствует *пробуждению идей, касающихся социальной проблемы*.

сти, что в нашем *будущем государстве* свойства, присущие закону, будут впоследствии коренным образом отличаться от большинства тех свойств, которые ему приписывались до сих пор; точно так же взгляд на слово *закон* будет отличаться от взгляда, установившегося на это слово, которому обычно приписывают идею принуждения и репрессии, меча и палача, каторги и пыток!

Когда система общности будет в полной силе, закон будет лишь *простым правилом, простым предложением*, причем должностное лицо будет, попросту говоря, только Эхом и Пилотом. В эту эпоху дела будут идти, так сказать, сами собой, ибо тогда социальные законы будут подлинным, непосредственным выражением законов природы.

Существуют, однако, люди, которые страдают того, что эта столь утешительная доктрина в конце концов восторжествует. Они стараются всё перепутать, чтобы всё очернить. Быть может, они не преминут обвинить меня в том, что я *анархист, революционер, злостный путаник*. Замолчите вы, клеветники! Я не требую, чтобы сегодня же были насильственно разбиты весы правосудия и его карающая рука; но в чем преступление того, кто заранее предсказывает вам некоторые из чудес будущего!

Вернемся теперь к нашим *промышленным и аграрным законам*. Пусть они всегда будут носить исключительно *организующий, направляющий и распределяющий* характер;

пусть эти законы установят такой порядок, при котором общественные занятия никогда не могли бы стать для кого бы то ни было принудительными, никогда не превратились бы в тяжелый труд, никогда не обременяли бы одного человека больше, чем другого, при котором все были бы призваны к труду в силу наслаждения, которое он доставляет, в силу любви к равенству, к почету в обществе и т.д. В этом заключается прочная основа, на которой должна покоиться всякая система, касающаяся организации труда.

Прежде чем приступить к рассмотрению этого предмета по существу, следует сначала покончить с одним важным вопросом, который до настоящего времени, казалось, уже разрешили, сформулировав его следующими словами: *распределение труда*.

## ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Мы видели, что природе ненавистна всякая идея принуждения. Для того, чтобы система *общности* функционировала гармонично, не следует навязывать гражданам профессий, ни распределять их между ними. Сами граждане должны свободно выбирать себе профессию; они сами должны распределяться по различным профессиям.

Но каким образом добиться такого великолепного результата, каким образом социальная наука сможет оказать на это свое воз-

действие,— такова проблема, которую сейчас предстоит решить.

Все виды деятельности, как и всякое общественное положение, имеют своим источником воспитание, которое оказывает огромное влияние на всю жизнь человека (см. гл.7)\*. Таким образом, в школе с самого юного возраста, начнется *профессиональное воспитание* детей, которое будет отнюдь не чисто теоретическим, но и практическим. Они получают элементарные сведения обо всем. Вскоре начнут проявляться их склонности, их вкусы и способности; каждый ребенок будет направлен в избранную им мастерскую, где со *страстью* отдастся какому-либо виду труда.

По окончании школы, в определенном возрасте и в определенный день, каждый совершеннолетний будет торжественно призван *милой, его сердцу родиной* занять место в *почетных рядах* работников сельского хозяйства и промышленности; новый *гражданин*\*\* тотчас сделает это с великой радостью.

Я перехожу к нашим *общественным мастерским*; однако, прежде чем ввести туда читателя, попросим его возобновить в памяти и проникнуться следующими принципами:

1. При системе общности существуют только трудящиеся. 2. Любой труд является об-

\* Ошибка. Следует читать: главу 10. *Прим. ред.*

\*\* В этот самый день состоится включение юноши в гражданский реестр, которое предоставит ему право принимать участие в дискуссиях и совещаниях производственного характера.

шественной функцией, одинаково почетной.

3. Ручной труд начинается и завершается в возрасте, установленном природой и наукой.

4. Детей, а также больных и немощных не только не будут принуждать к непосильному для них труду, как это происходит в настоящее время, а, напротив, их будут по-братски призывать к отдыху более молодые или более счастливые граждане, способные к труду работники. Последним, чтобы отлучиться от работы, вовсе не придется принуждать себя к выполнению формальностей, которые всегда являются тягостными, поскольку они предполагают вероятность отказа; они вовсе не будут подчиняться дисциплине труда *по приказу*: всех их будет *неудержимо влечь к нему* — 1) в силу воспитания, этой второй природы, которое заставит их, так сказать, *впитать такую привычку с молоком матери*; 2) в силу умеренности труда и его разнообразия; 3) ввиду кратковременности труда, продолжительность которого в целом не будет превышать пяти-шести часов; 4) ввиду чистоты и удобства предприятий; 5) ввиду красоты материала, из которого они будут производить, а также несложности процессов труда; 6) вследствие хорошо налаженного применения машин, при помощи которых в условиях системы общности будут неизменно прилагаться усилия к тому, чтобы все более и более подчинить силы природы человеческой воле; 7) ввиду привлекательности больших объединений и отвращения, которое внушает обособ-

ленность; 8) вследствие могучей силы общественного мнения, восстановить которое против себя бездельник всегда будет бояться; 9) ввиду желания заслужить общественное уважение; 10) наконец, в силу инстинктивной и разумной любви к равенству и братству, встречающейся только в унитарных республиках,— возвышенного чувства, вызывающего и постоянно сохраняющего во всех сердцах этот благородный энтузиазм, который может быть назван волшебством разума!!!

Таковы некоторые из моих доводов в пользу освобождения труда; обратите на них внимание, ибо скоро они вызовут различные возражения относительно соперничества при выборе занятий, вредности для здоровья, антигигиеничности и опасности выполняемых работ и т.д. и т.п.; заметьте и то, что я также обещаю в следующих главах подкрепить и санкционировать изложенные мною суждения. .

Что касается организации мастерской, то на этот счет существуют три мнения, а именно:

«1. Каждый гражданин будет иметь только одну профессию, но будет выполнять ее целиком и полностью».

«2. Каждая профессия будет разделена на отдельные производственные процессы; никто не будет выполнять больше одного такого процесса, и больше одной профессии,— как это уже сейчас практикуется, главным образом в Англии».

«3. Будет существовать разделение труда; однако можно будет выполнять одну

часть в двух, трех, четырех, пяти различных отраслях производства, ибо эти разные доли вместе взятые составят не больше чем сумму частей одной профессии».

Против двух первых мнений, особенно против второго из них, резонно возражают, что *труд будет крайне однообразен*. С другой стороны, за разделением труда признают то преимущество, что при нем труд отличается быстротой и совершенством.

Что касается третьего мнения, то я не вижу неудобства в том, чтобы каждый гражданин мог выбрать три-четыре части профессии, в том числе такие, которые относятся к сельскому хозяйству.

После всего этого я не знаю, какое еще серьезное возражение можно сделать против *разделения труда*, которое предполагает и логически включает новое управление промышленным производством при режиме общности.

## ОРГАНИЗАЦИЯ МАСТЕРСКОЙ

Чтобы облегчить исполнение работ и избежать всякой путаницы, каждое предприятие будет делиться на секции.

*Пример.* Работа типографии состоит из нескольких видов труда: набора, верстки, печатания тиража, управления и т.д. Придется, следовательно, разбить мастерскую, по крайней мере, на четыре секции: 1) бюро управления, на которое будет одновременно возложена корректура; 2) секция наборщи-

ков; 3) секция верстальщиков; 4) секция печатников.

Эти четыре секции будут находиться в одном помещении. Каждая из них будет совершенно отделена от других легкими, механически действующими перегородками, которые, по желанию, смогут приподниматься и опускаться.

Но это не всё. Каждый вид производства почти всегда состоит из аналогичных функций, которые необходимым образом непрерывно связаны между собой. Так, книгопечатание, переплетное дело, броширование и т.д. составляют различные отрасли книгоиздательства. Каждая из этих отраслей составит мастерскую. Важно будет *объединить, сблизить, сгруппировать* все специальные мастерские так, чтобы облегчить работникам создание между ними полезных и необходимых взаимоотношений. Эта последняя совокупность функций составит общую мастерскую.

Таким образом, будут существовать: секция мастерской, специальная мастерская, общая мастерская.

*Другой пример.* Профессия портного, особенно в незначительных по своим размерам местностях, обычно состоит в том, чтобы изготовить не только многочисленные части каждого платья, но и все разнообразные предметы одежды. Портной шьет фраки, сюртуки, брюки, жилеты и т.д.; он должен сразу *скроить, сметать, сшить, прострочить, прессовать, соединить все части* и т.д. и т.п., и все эти

нудные манипуляции часто проделываются им в течение рабочего времени на углу портняжного стола. Какая сложность! Какая мешанина! Какое нагромождение! А между тем (пусть читатель заметит это мимоходом), перед нами пример одной из профессий, требующей наименьшего числа принадлежностей труда, меньше всего инструментов.

Поэтому не удивительно, что в некоторых профессиях требуется 3, 4 и даже 5 лет обучения, чтобы подготовить посредственного рабочего.

Насколько это отличается от нашего способа разделения труда!

1. Меньше 3 месяцев достаточно будет почти всегда, чтобы научиться выполнять ту или иную функцию.

2. Так как каждый человек будет занят во время исполнения работы только своей долей труда, то никто не будет вынужден производить беспорядок, нагромождать инструменты и товары,— беспорядок, противоречащий закону гигиены, как и здоровой экономии.

Таким образом, дробно-комбинированная система труда предохраняет от всех неудобств, соединяет в себе все преимущества других систем. Не будучи однообразным и не вызывая усталости, подобно тому, как это бывает при простом разделении труда, такой труд превосходит в скорости даже этот последний способ, так как привлекательность того или иного занятия для человека делает его *живым*,

*веселым, активным и сообразительным*, в то время как однообразие всегда порождает в той или иной степени отвращение и скуку. Оно обессиливает сразу тело и ум, ибо природа никогда не примиряется с теми, кто нарушает ее мудрые законы, повелевающие нам упражнять один за другим все наши члены, все составные части нашего существа. Безусловно доказано, что слишком продолжительный труд, физический или умственный, утомляет и равным образом отупляет, становится с течением времени источником многих болезней. С одной стороны, он приводит в изнеможение наши члены и внутренние органы; с другой — высасывает соки и очень часто вызывает приливы крови в мозг.

Ничто, следовательно, не является более роковым, чем чрезмерная продолжительность одних и тех же занятий. И сколько, заметим кстати, существует в настоящее время видов труда, ведущих к медленной и мучительной смерти по одному тому, что они выполняются без всякого перерыва, без всякого отвращения! К их числу принадлежит труд в шахтах, производство химических продуктов, парфюмерии, стекла, литье бронзы, типографского шрифта и т.д. и т.п. В нашей будущей организации все будут избавлены от опасности, ибо тогда будет легко чередовать одни функции с другими и, кроме того, более чем на восемь десятых сократить продолжительность рабочего времени, необходимого для производства того или иного предмета!

В результате всех этих убедительных сообщений и множества других, которые я считаю излишним перечислять, становится ясно, что дробно-комбинированная система труда представляет многочисленные, огромные преимущества:

1. Сокращение на три четверти продолжительности обучения, которое в конечном счете превратится в составную часть школьного воспитания. И заметьте, что каждый гражданин в нашей системе становится способным к нескольким функциям, вместо того чтобы уметь выполнять только одну.

2. Порядок, чистота, полезность для здоровья, быстрота, усовершенствование, экономия.

3. Последовательное упражнение всех наших способностей, что, на мой взгляд, является основным и уже само по себе обеспечивает превосходство нашего способа разделения труда даже в том случае, если бы, в противоречии с тем, что мною показано, было признано, что он в некоторых пунктах уступает другим системам.

4. Другой полезной стороной *дробно-комбинированного труда* явилось бы, если только в *унитарной коммуне* существовала бы в этом надобность, установление более тесных братских уз, нанесение последнего удара *цеховому духу* путем последовательного соединения в единое целое всех трудящихся, занятых как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Нет нужды повторять, что наши общие мастерские, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, будут к тому же постоянно соединять в себе все возможные условия для увеселений и развлечений. Сердечные и веселые разговоры, мелодичная, исполненная радости музыка, наконец, передаваемое со звуком множества звонких, счастливых голосов, которые будут восторженно сливаться воедино под электризирующий звук инструментов! Сколько могучих средств для того, чтобы *сделать восхитительным рабочее время* и открыть все сердца для самых чистых чувств любви и братства!

Но что особенно упрощает до последней степени осуществление нашего промышленного кодекса,— так это то, что большая часть нынешних профессий, наук, искусств, ремесл исчезнет *при режиме общности*, и исчезнет безвозвратно.

Чтобы дать возможность читателю сравнить современный беспорядок и будущий порядок, я сделаю беглый набросок тех изменений в занятиях и тех профессий, которые будут немедленно упразднены вслед за полным и окончательным *установлением унитарной коммуны*.

#### ПРОФЕССИИ, ПОДЛЕЖАЩИЕ УПРАЗДНЕНИЮ ЛИБО ВИДОИЗМЕНЕНИЮ

1. Будут *упразднены* профессии уличных паяцов, скоморохов, содержателей помещений



для фехтования, кабаре, кафе, игорных и публичных домов.

2. Будут *упразднены* заводы, производящие оружие, кинжалы, стилеты и т.д.

3. *Слесарное ремесло* будет *упразднено* почти полностью, и это будет немалым завоеванием. Сколько существует, между прочим, оград, барьеров и других грубо сделанных затворов, стесняющих и вредных для здоровья, которые с самого начала были необходимым средством режима частной собственности! Разве не постыдным и варварским является один вид этих *решеток между домами*, которые, словно нехотя, *из милости*, дарят вам сеет, *воздух и солнце*, подобно тому как в древности люди запрещали преступникам пользоваться *огнем и водой*?

Зачем нужна будет вся эта масса предосторожностей, такая затрата сил и средств, раз кража станет совершенно невозможной?

4. *Часовое производство*. Достаточно будет нескольких башенных часов и нескольких солнечных часов, которым очень легко будет тогда придать все желательное *совершенство* и красоту.

5. *Производство дождевых зонтов, деревянных башмаков, шорное производство*. При наличии наших улиц-галерей и наших транспортных средств потребность в этих трех видах производства сократится, по крайней мере, на девять десятых. Из тех же соображений профессия *тряпичника*, представляющая одну из самых отвратительных язв на-

ших крупных городов, окажется *полностью упраздненной*.

6. И этот огромный набор предметов, имеваемый *кухонной утварью*: печи, каменные раковины со стоком, ведра, сковороды, котлы, насосы, фильтры, бочки для воды, жестяные изделия, горшки, всевозможные сосуды и т.д. и т.п., будет на 99% *упразднен*.

7. *Суды*. Хищная порода судопроизводителей, законовеедов, судебных исполнителей, нотариусов, стряпчих, адвокатов, экспертов, третейских судей, членов примирительных комиссий и т.д., столь же многочисленных и еще более внушающих страх, чем тучи насекомых, опустошивших некогда Египет, пристающих со всех сторон к *истцу* и неустанно старающихся разжечь взаимную вражду, возбудить процессы и раздоры, также будет *упразднена, упразднена!*

Я уже не говорю об остальной массе судебных чиновников, служащих прокуратуры, мировых судей, секретарей судов и множестве других низших служащих, которым доверена охрана этого мрачного храма, именуемого *Дворцом Правосудия*, и которых система общности вернет к более благородным и более утешительным профессиям, как и множество несчастных вернет к *труду, безопасности, счастью!*

Чтобы составить себе представление обо всем, что есть прискорбного с одной только экономической точки зрения, в этой неприятной, выводящей из обычной колеи необходи-

мости в наших современных судах, надо знать, что в одном только Париже ежедневно затрачивается более тысячи рабочих дней на сидение в залах суда и в кабинетах мировых судей, на хождения туда и сюда. И в большинстве случаев именно на рабочего падает этот новый род налога. Рабочий, когда ему приходится вести борьбу против владельца предприятия, чувствует себя еще счастливым, если ему удастся избежать уплаты судебных издержек, что бывает не часто.

8. *Лечебная медицина.* Эта наука будет почти полностью *упразднена*. Искусство врачевания и сохранения здоровья будет ограничиваться тогда гигиеной, с которой будут знакомы все, и хирургией, случаи применения которой будут чрезвычайно редки. Какой это будет прогресс сравнительно с нынешним режимом, при котором столь продолжительные и серьезные занятия приносят лишь скудные результаты, вносят так мало улучшений в человеческую природу. И затем (какое святотлеще гарантировано от общественной деморализации!) искусство исцеления своих братьев, которое должно было бы быть самым чистым из всех видов науки, весьма часто является не более как *гнусным ремеслом*, ибо немало ловких врачей, будучи поставлены перед выбором между своей прямой выгодой и интересами их клиентов, побуждаемые властными потребностями, без всякого стыда опускаются до махинаций, до гнусных спекуляций, вновь и вновь вызывают, так сказать, болезнь,

а иногда даже прививают ее; словом, — наживаются на здоровье своих больных, я хочу сказать — на трупах своих жертв!!!

9. *Духовенство.* Полностью и радикально будет *упразднено*.

Подсчитайте, каких расходов стоит в настоящее время не только личный состав духовенства, но и материальная часть: *храмы и церкви*, их содержание, украшение, облачения и т.д., и вы увидите, что огромная экономия средств будет результатом такого упразднения, которое, впрочем, превосходно согласуется со здоровой философией!

Система общности — слишком святая и слишком позитивная религия, чтобы была надобность вручать какой бы то ни было касте охрану ее морали. Такое безумие было бы не лишено известных опасностей.

10. *Армия.* К этому сюжету я еще вернусь; сейчас ограничусь указанием на то, — и это все поймут, — что те 10—20 миллионов мобилизованных людей, которых правительства земного шара содержат ценой таких больших затрат, будут выполнять более великую и благородную миссию, чем проводить свою жизнь в *пассивном повиновении* и взаимно истреблять друг друга, подобно диким животным, во имя чуждых им интересов.

11. *Администрация.* Этим общим наименованием обычно обозначают несметное количество всякого рода бюрократов и служащих, *директоров, инспекторов, помощников инспекторов, контролеров* в области политической,

финансовой, в области просвещения и т.д., которые, подобно вампирам, впиваются в государственную казну и каплю за каплей высасывают из нее пот и кровь *неимущего пролетария*. Она будет *упразднена*.

12. *Полиция*. То, что этот гнусный пособник *современного строя* является *одной из его необходимостей*, — это понятно; но зачем он нужен при системе *общности*, в условиях которой наши *равные* не инспектируют друг друга и ни в чем друг друга не подозревают, ибо все они питают взаимную любовь и *страстно* оказывают друг другу неизменную помощь? Кто же испытает страх от того, что будет сломан этот *меч со множеством тайных острий*, охрана которого находится в руках одного начальника, а острый его конец — повсюду..., безжалостный меч, беспрерывно поражающий удвоенными ударами все наши общественные и личные свободы! Да, счастливым для всех будет тот день, когда каждый сможет воскликнуть: *Полиция вся целиком упразднена!*

13. *Налоговая система*. Это младшая сестра полиции. Взгляните на нее, сопровождаемую тремя самыми хищными и самыми мерзкими ее сыновьями: *городским ввозным налогом (октру)*, *таможенной пошлиной*, *косвенными налогами*; их единственное занятие словно состоит в том, чтобы разорять и мучить всех граждан! Взгляните на эту толпу *таможенных досмотрщиков, ревизоров, контролеров* и т.д., которые, подобно фуриям у входа

в ад, поджидают вас у ворот каждого города! Взгляните на них: со шупом в руках они *обыскивают, ворошат, подвергают пристрастному осмотру, протыкают, обезображивают, рвут* все ваши вещи, ваш багаж, нимало не заботясь о том, не находится ли случайно среди вещей, которые они с такой неосторожностью подвергают этому *варварскому режиму*, какая-нибудь картина *Корреджо* или *Давида*.<sup>16</sup>

Произнесем же безбоязненно новый смертный приговор: *налоговая система будет полностью упразднена!*

Конечно, лицемерная и хищная шайка привилегированных крупных фискальных дельцов, все враждебные народу касты начнут вопить о *безбожии* и о *революции*, обрушиваясь на дерзновенного смельчака, поднявшего руку на *дорогие их сердцу злоупотребления*, называя это *кошунством*. Между тем, наша задача не завершена: нам предстоит атаковать гораздо более ужасное и более неистовое чудовище. Я имею в виду *торговлю*, этого брата-близнеца *частной собственности*. Так же как и частная собственность, торговля неизменно занимается с самого своего зарождения тем, что *углубляет и расширяет пагубный поток всевозможной социальной развращенности, разжигает во всех сердцах пожар жгучей алчности и возбуждает в них ненасытную скупость!!*

Но к этому сюжету мы вернемся; я спешу закончить данную главу.

## ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВЫХ РАБОТ

«Пастбища и пашня — две  
дойные коровы государства».

(Сюлли.)

«Восхваляют наши достижения в области сельского хозяйства, восхищаются ими при сравнении с неопытностью дикарей. Но разве это значит, что мы идем к совершенству, если мы несколько менее глупы, чем наш невежда-сосед? Цивилизация, несмотря на разглагольствования о ее совершенствовании, находится в абсолютно диком состоянии в различных областях, как, например, в области культуры лугов, а в отношении других вещей, представляющих огромный интерес, а именно — в отношении воды и лесов, мы стоим намного ниже дикарей, ибо мы не только, подобно им, оставляем леса запущенными, без всякого ухода, а и вырубаем их и опустошаем, а это приводит к оползням, к обнажению склонов и к *ухудшению климата*. Уничтожая источники и умножая грозы, мы нарушаем порядок водной системы в двух отношениях. Наши реки, переходя по-

стоянно от одной крайности к другой, от внезапной прибыли воды к длительному высыханию, причиняют *периодические опустошения\** и способны прокормить лишь незначительное количество рыбы, но и ее люди старательно уничтожают в самом зародыше и доводят это количество до десятой доли того, что должно водиться в этих реках. Таким образом, мы совершенные дикари в обращении с водой и лесами».

«С другой стороны, каждый, кто желает собрать с принадлежащей ему земли необходимые для его потребления продукты, награждает двадцать сортов культур на таком участке земли, на котором допустимо иметь только половину этого количества. Крестьянин выращивает попеременно зерно и виноград для вина, капусту и репу, коноплю и картофель на такой земле, которая пригодна только для зерновых культур. Далее, целое селение отводит исключительно под зерновой хлеб какой-нибудь отдаленный участок земли, который следовало бы засадить, различными растениями, чередуя их; но за ними *нет возможности присматривать, чтобы избежать воровства*».

«В условиях гармонии (читайте: общности)<sup>38</sup> распределение культур будет производиться в полном соответствии со свойствами земли, и ничто не будет препятствовать тому,

\* Вспомните разливы Роны и Соны и страшные последствия этого.

чтобы наделить каждого человека землей, которая ему подходит. Для этого каждую культуру следует чередовать с другими. Так, цветы и овощи, являющиеся у нас двумя видами культур, разводимых на территории наших домов или поблизости от них, в коммуне не будут сосредоточены около дворца и прилегать к нему; обе эти культуры растут в сельской местности мощными рядами или отдельными массами, спускающимися уступами и последовательно переходящими в поля, фруктовые сады, луга и леса, почва которых может быть пригодна для них; точно так же и фруктовые сады, наиболее отдаленные от дворца, имеют поблизости от него несколько соединительных точек,— несколько линий кустов и несколько шпалер, переходящих в огороды или расположенных между рядами цветов и овощей» (Фурье)<sup>39</sup>.

Первая часть этого отрывка представляет собой вполне справедливую критику нашего современного порядка разведения сельскохозяйственных культур; вторая же словно написана для нашей *унитарной коммуны*. Во всех своих работах наши *равные* смогут избежать двух крайностей, которые мною отмечены, а именно — оставления земли необработанной и ее обезлесения. Они не только не станут, по примеру многих народов, до такой степени уродовать природу\* в ее расцвете, чтобы созда-

\* Обезлесение юга Европы следует в значительной мере отнести за счет исключительной заинтересованности в этом отдельных лиц; спекулянт видит толь-

вать среди прекраснейших сельских местностей *топкие болота*, но постоянно будут применять все средства искусства и науки, чтобы все более оздоравливать и украшать всю землю.

Что касается способа упорядочения и улучшения условий сельскохозяйственного труда, то это будет легче всего. Каждый будет счастлив откликнуться на призыв, с которым *руководители работ* обратятся ко всем *трудопособным гражданам*, и свободно включится в ту или иную *отрасль сельскохозяйственного труда*, займется садоводством, земледелием и т.д., а крайнее дробление процессов труда позволит всем чрезвычайно разнообразить свою работу, что придаст ей еще большую привлекательность. Добавим к этому, что наилучшее использование животных, усовершенствование приемов труда и орудий производства, *уничтожение праздности, которое будет произведено радикальным образом в силу скрытых возможностей, таящихся в институте общности*, — все эти благие улучшения также значительно облегчат труд каждого человека. Но что окончательно и полностью изменит нашу сельскохозяйственную систему и придаст ей привлекательную структуру, так это изобретение новых машин и доведение их наукой до

ко *интерес данного момента*, получение *выгоды*; ему совершенно безразлично, что будет после того, как исчезнет поколение, к которому он принадлежит; в этом отношении он походит на диких обитателей лесов, которые, чтобы добыть себе ветви какого-нибудь дерева, начинают с того, что подрубают его ствол.

совершенства в условиях нового режима, при котором всё будет неизменно содействовать *освобождению и росту дарований: воспитание, досуг, общественное уважение, привлекательность самого изучения, более правильное и более гармоничное развитие всех наших органов, в особенности уверенность в будущем, без которой человек никогда не может полностью принадлежать себе и, следовательно, способен возвыситься только до малозначащих концепций!*

Все, кто побывал на наших крупных промышленных фабриках, могли судить о том, каких великолепных результатов уже способен достигнуть человек! Что же произойдет тогда, когда никто не будет отвлекать деятельность его ума, когда он получит возможность полностью посвятить свой ум поистине полезным вещам?

Газета «Le Toulonnais» несколько времени тому назад провозгласила чудом изобретение нового метательного снаряда бывшим офицером императорской гвардии. Судя по описанию этого листка, он представляет собой нечто вроде адской машины, способной вместить в себя разнообразные снаряды, а именно: зажигательные, взрывные, снаряды Конгрева и т.д. и т.п. Эта машина произведет в местности, на которую она будет сброшена, страшные разрушения.

Сколько бесконечных расчетов, сколько усилий ума, возможно, стоило, изобретателю это смертоносное завоевание!..

Пусть другие торжественно восхваляют подобные изобретения; что касается меня, то я способен лишь клеймить социальный строй, которому угодно подстрекать науку к столь роковым достижениям! Насколько, представляется мне, более почетен и более достоин поощрения проект (создания новой *механической косы*), служащий делу мира; о нем сообщал в прошлом месяце «l'Echo du monde Savant», как о вполне возможном и легко осуществимом изобретении. Согласно плану, изложенному «l'Echo», — плану, из которого я опускаю все подробности, — лошадь, которой правит человек, скосит ИЛИ *сожжет* в один день огромное пространство в триста шестьдесят аров.

И сколько других изобретений такого рода быстро последует одно за другим при режиме *общности!* Сельскохозяйственные законы по своему своему духу неизменно будут направлены на то, чтобы быстро уничтожить последние остатки всего, что вызывает утомление и вредит здоровью, а это еще будет иметь место при обработке земли. Для достижения этого люди не останутся ни перед какими затратами. Все искусные изобретения будут тотчас применяться на практике.

Так, например, помимо чрезмерного труда, которого требует сельское хозяйство, что считается самым пагубным его неудобством, земледелец до сих пор бесспорно еще подвергается многочисленным превратностям погоды. Это последнее несовершенство полностью исчез-

нет в *коммуне*, ибо: 1) трудящимся будет позволено избирать для всех своих работ самое подходящее время; 2) они свободно смогут отправляться в поле в крытых или открытых колясках, соответственно надобности; 3) сельскохозяйственные работы будут производиться под передвижными непромокаемыми шатрами, которые к тому же будут иметь все желательные преимущества — свет, вентиляцию и даже отопление. Последнее будет весьма редким, вследствие незначительности полевых работ, которые нужно будет производить зимой.

Некоторые лица, несомненно, запротестуют против этого последнего нововведения, которое они называют экстравагантным, ибо для *невежды* гораздо легче действовать в этом вопросе таким образом, чем дать себе труд вникнуть серьезно во что бы то ни было. Но что могут доказать своими воплями некоторые своенравные и, чаще всего, своекорыстные люди без каких-либо доводов в противовес тому, что я выдвигаю.

*«Обрабатывать землю под шатрами,— какое безумие! Где найти необходимое для этого количество полотна?»*

Какие же вы близорукие! Разве не от руководящего управления зависит сократить или увеличить производство любых продуктов? Правильно ли вы сопоставили расходы и доходы? Известно ли вам, что когда не будет более существовать дробления земли, то ее легко будет обрабатывать и собирать урожай после-

довательно с каждого *владения (tennement)* и что, таким образом, трех-четырёх шатров в 300 квадратных метров \* будет вполне достаточно для нужд каждой коммуны? А сколько сейчас производится ненужных и преступных затрат, в которых вы не находите ничего, заслуживающего порицания! Разве вы уже забыли список профессий, подлежащих *упразднению*, который я набросал? Разве мы не видим ежегодно множества лагерных палаток, которые служат только царедворцам для показных парадов, утомляющих солдат?

Какое количество пеньки, холста и каната употребляется сейчас для экипировки и снабжения военного флота, которому при режиме всемирного братства не придется более выполнять никаких заданий! Не будет ли значительно сокращен даже торговый флот? А каких расходов требуют также ежедневные работы по экипировке и размещению в казармах, по постройке и содержанию домов призрения нищих, исправительных заведений, тюрем, каторжных домов и т.д. и т.п., которые станут совершенно ненужными в нашем будущем государстве? А эти замки и укрепленные города, эти крепостные стены, эти опасные бастилии, являющиеся одним из недугов, присущих нашей так называемой цивилизации,— разве все это, скажите мне, ничего не стоило? Разве в один день построена гигантская стена, окру-

\* Понятно, что эти расчеты являются только приблизительными и что погрешность может быть лишь незначительной.

жающая Китай, которая, однако, не помешала англичанам проникнуть вглубь этой империи? Сколько пота и человеческих жизней стоили в древнем Египте эти изумительные и роскошные гробницы (пирамиды), являющиеся лишь позорными памятниками тирании для *фараонов*, по приказанию которых они были воздвигнуты, и вместе с тем обнаруживающие трусость тех, кто их строил!\* И даже в наши дни, кто может сосчитать, какие богатства придется похоронить во рвах Парижа, чтобы закончить эти предательские укрепления<sup>40</sup>, которые можно было бы уже сейчас назвать *Ватерлоо наших финансов!*

Однако я оставляю в стороне обвинения, хотя мне следовало бы их предъявить в большом количестве. Я ограничиваюсь утверждением, что огромная выгода, являющаяся результатом лучшего качества продуктов, собранных таким способом, предотвращение при этой системе их порчи, особенно в том, что касается фуража и зерна, для которых дождь является столь пагубным, с лихвой возмещает затраты на изготовление *шатров*, столь сильно вас пугающие. Впрочем, затраты на содержание шатров в исправности, будучи произведены

\* Говорят, что фараоны возлагали надзор за этими опасными работами на своего рода надсмотрщиков над каторжниками, которые ударами *хлыста* должны были стимулировать рвение тружеников. Людовик XIV, по рассказам некоторых хроникеров, применял приблизительно те же приемы при сооружении Версальского дворца.

один раз, в дальнейшем будут ежегодно лишь мнимыми.

Что остается после всего, мною сказанного, от возражений, сделанных по поводу предмета данной главы, при наличии таких великолепных результатов, которые словно осуществляют чаяния золотого века? Но все равно, изложим их вкратце, возьмемся за них, как обычно, вплотную.

*Возражение.* «Выбор профессии породит раздоры между гражданами; большинство ваших должностей в промышленности останутся незанятыми».

*Ответ.* *Раздоры*,— говорите вы? Несчастные! Неужели ваши сердца так изломаны, что вы по всякому поводу расточаете это ужасное слово? Разве воспитание мужества и благородства, разве равноценность, привлекательность профессий и т.д. и т.п. (см. стр.156—157) не смогут устранить столь незначительные трудности; разве здравый смысл и братские чувства, вместе взятые, разобьются о какие-то странные капризы? Но ведь пчела, оса, паук, муравей, бобр свободно, без принуждения, превращают свой труд в наслаждение; между ними существует самое полное согласие, и только человек навсегда останется непокорным законам природы.

Софисты, ваше суждение сто крат ложно, но какое же мнение составили вы о человеческом разуме? Господа привилегированные, вы и должны быть сейчас столь мелочными; прежде чем приходите в такой ужас от *соломинки*,



которую, как вам показалось, вы заметили в нашем глазу, начните с того, чтобы устранить *огромное бревно*, давно гноящее ваш глаз!

«Разве не ясно, в самом деле,— говорит Бабеф,— что при нашем будущем режиме все легко поймут, что непродолжительное повседневное занятие обеспечит каждому более приятную жизнь, *лишенную тревог, которые беспрестанно снедают нас сейчас?* Тот, кто сейчас трудится до изнеможения и получает мало, безусловно, согласится трудиться мало и получать много. В основе этого возражения, к тому же, лежит прискорбное предствление, созданное о труде. При нашей системе труд, будучи распределен разумно и распространен на всех, станет приятным, занимательным, и ни у кого не будет ни охоты, ни интереса уклоняться от него»<sup>41</sup>.

*Возражение.* «Никто не захочет выполнять изнурительные, грязные, опасные и отталкивающие работы».

*Ответ.* Конечно, я и не подумаю прибегать к бессмысленной *корпорации людей, приносящих себя в жертву*, которую изобрел Фурье<sup>42</sup>, чтобы избавиться в этом случае от затруднения: *рационалист может* изыскивать только естественные средства. Ложно представляют себе людей будущего, предполагая, что наши *равные* будут находиться во власти ребяческого и мелкого соперничества, присущего людям при существующем порядке вещей. Но даже в этом случае, разве не будет способа

*уравнить* различные виды работ, установить *компенсацию*, чтобы не давать повода для жалоб? Например, к занятиям, считающимся неприятными, можно будет побуждать тем, что ими будут заниматься *редко и кратковременно*. С другой стороны, разве нельзя будет заполнить места, которые останутся незанятыми, путем жребия? И если, паче чаяния, этих двух способов окажется недостаточно, то и в таком случае беда будет невелика. В самом деле, что будет повелевать тогда разум, что предпишет *закон*, являющийся *рупором его указаний?* Вот что они предпишут и против чего никто не сможет возражать: все *трудоспособные* граждане должны сообщать, *каждый в меру своих сил*, выполнять те виды труда, о которых здесь идет речь. Таким образом, всё, что первоначально могло показаться тяжелым и неприятным, если исходить из предположения, что только немногие должны этим заниматься, станет лишь *легкой работой*, настоящей игрой, когда вся коммуна примет в этом участие.

Однако к чему нам заниматься этими необоснованными опасениями? Разве система общности не будет, кроме того, располагать огромными средствами *механики и химии*, чтобы уничтожать все эти препоны? Разве безрассудно предвидеть тот день (весьма близкий, на мой взгляд), когда машина и лошадь будут производить всю работу, которую не захочет выполнять человек; ему придется лишь управлять одной и погонять другую.

Насколько уже сейчас усовершенствована наша водопроводная и канализационная система! Но совсем по-иному будет обстоять дело в нашей *эгалитарной коммуне*, в которой люди не будут ограничены рамками кредита, принятого заранее голосованием людей, которые чаще всего ровно ничего не понимают в этом деле; когда никто не будет более заинтересован в том, чтобы *экономить* на поставках и *урезывать* их, *скупиться* на рабочей силе; словом — когда исчезнет порода посредников, бюрократов, чиновников и откупщиков!

Наиболее отталкивающее занятие — *очистка выгребных ям* — само по себе изменит свой характер. Уже около двух лет назад я прочел в «Gazette medicale» о том, что два известных врача, кажется профессора медицинского факультета в столице, *представили* правительству проект, имевший целью дезинфицировать все выгребные ямы Парижа. Их система состояла в том, что по подземным трубам, при помощи химических продуктов, водянистая часть кала возвращается в Сену во всей своей первоначальной чистоте; остальная часть остается в яме, совершенно обезвоженная и превращенная в удобрительный порошок, лишенный всякого запаха.

Пусть министерство отступило перед расходами, и в добрый час: ведь бюджет так правильно используется! Пусть в своем чрезвычайном уважении к нашим свободам оно *побоялось покуситься на права промышленности или нарушить неприкосновенность жиль-*

*цы*, пусть оно отступило по какой-либо другой причине, — но ведь все эти злополучные соображения будут совершенно отсутствовать в нашей *будущей коммуне*, а все достижения, все возможности будут осуществлены!!!

Однако время еще не настало для того, чтобы дать моему воображению воспламениться блестящими перспективами будущего; мне необходимо еще вернуться на поприще критики и прибавить новые доводы к моим *доказательствам экономического характера*; так как сейчас я состязаясь с нашим социальным режимом, то я не откажусь от борьбы до тех пор, пока не вырву из него последнее дыхание жизни!

## Глава VI

### О ТОРГОВЛЕ

Торговля целиком основана на системе лжи: *обман, лихоимство, монополия, ажиотаж, банкротство* — таковы ее способы, ее средства, ее неизбежные последствия! Не талант и не честность ведут здесь к богатству, а лишь игра случая, хитрость, несправедливость, мошенничество, выигрыш на повышении и на понижении курса, биржевая игра. Ажиотаж составляет вторую власть в государстве; он подчиняет себе непосредственно само правительство, своей корыстной помощью увеличивая государственный долг и налоги. Это чисто паразитическое тело, притягивающее к *себе* всё, что есть лучшего. Известны банкирские дома, наживавшие по сто миллионов в год. А сколько несчастных зато разорилось! Разве Ротшильд не наживал еще недавно в Париже на одних поставках походных кроватей шесть миллионов в течение одного дня?

В особенности по отношению к промышленности и сельскому хозяйству торговля поистине играет роль мифологического хищника, непрерывно раздирающего их печень и

другие внутренности, неизменно оживающие вновь. Она истощает их, выжимает из них все соки, держит под гнетом, притягивая к себе все капиталы, все орудия производства.

Но существуют ли, по крайней мере, добросовестность и согласие среди самих коммерсантов? Нет. Они ведут между собой ожесточенную войну, в которой побежденным обычно бывает человек закона и совести. Только у мошенника имеются почти все шансы на успех, ибо он умеет искусно разбираться в лабиринте нравов и обычаев, запутывать самые ясные вещи; он замышляет одни лишь хитрости и уловки, чтобы всех обмануть; он использует все промахи и все ошибки, а когда, наконец, его вероломство начинает бить всем в глаза, он нагло выказывает презрение к общественному негодованию и безбоязненно укрывается, словно в неприступную крепость, в *святотемнице крючкотворства и буквы закона*.

Некоторые бесчестные плуты дошли в наши дни в своем цинизме и дерзости до того, что, так сказать, легально организуют мошенничество и хищение, *возводят в систему искусство банкротства!*

Если хотите знать, каким образом эти *Роберы Макеры*<sup>43</sup> продельывают всё это, послушайте их тайные рассуждения.

Если, говорят они, к вашему счастью, дела ваши из рук вон плохи, если вы задолжали значительные суммы денег, не страшитесь: вы на верном пути к богатству. К примеру, вы вывели из терпения всех ваших поручителей,

всех ваших поставщиков; настает час разгрома; с вами говорят только об опротестовании векселей! Вот тут-то и настал решительный момент; вооружитесь храбростью, направьтесь решительно к каждому из ваших кредиторов, к одному за другим. Сначала они взбесятся; но держитесь твердо, и вы скоро увидите, как самые яростные из них начнут смягчаться. Безбоязненно вложите палец в рану, дайте им понять, что вам остается *захватить* лишь самую малость и что если они не проявят благоразумия, то вы исполнены решимости с завтрашнего, даже с сегодняшнего дня объявить о своей несостоятельности! Приприте их, как говорят, к стене. А затем войдите в объяснения с ними, подайте им кое-какие надежды: «у вас, мол, хорошая клиентура, вам нужны только время и кредит».

Короче говоря, вот чем кончится ваше посещение: вы обязуетесь выплачивать ваш долг частями, а ваш кредитор — терпеливо ждать и молчать, даже помогать и покровительствовать вам в ваших усилиях. И если лично он не открывает вам снова кредита, то, будьте вполне уверены, он доставит вам других простаков, которых можно обмануть, и уж, в крайнем случае, даст самые благоприятные сведения о вашей честности и о вашей платежеспособности.

Так что вы не только не окажетесь в нужде и не будете подвергаться множеству оскорбительных насмешек, множеству повседневных обид, как это ежедневно происходит со многими несчастными жертвами бесчестья, подобными

вам, — вы окажетесь состоятельным и уважаемым более, чем когда-либо.

И чем больше вы совершили подобного рода мошенничеств, тем больше у вас найдется заимодавцев и, стало быть, *преданных* вам слуг.

Одно причинит вам на миг беспокойство, а именно — мысль о том, что всё это может кончиться полной катастрофой, ибо если вы пренебрегаете честью и справедливостью, то вы, по крайней мере, боитесь судей. Но своим изобретательным гением вы скоро придумаете новые мошенничества, которые дадут вам возможность наполнить ваши карманы и вашу шкатулку, не подавая ни малейшего повода уголовным судам для обвинения против вас.

Предположим, что вы являетесь книгопродавцем. Отлично! Вы забрасываете публику бесчисленным множеством проспектов и каталогов, в которых *добродетельно* объявляете о том, что вы принимаете векселя только от хорошо известных лиц. Скоро к вам явится толпа клиентов, которые не хотят ничего лучшего, как доставить гарантию своего доброго имени и своей подписи, но которые, по правде говоря, отнюдь не имеют намерения дать вам что-либо иное. Таким образом, ваше дело сделано, ибо вы стремитесь к одному, а именно: чтобы вас не притесняли в *цене*, чтобы к вам не придирались по поводу того, как задуманы вами те вещи, подписку на которые вы ведете. Действуйте здесь как вам заблагорассудится. Мошенники сговариваются с полуслова.

## ОПЕРАЦИЯ

Вы отпускаете товаров на 1500 франков, но вы заставляете подписать вексель, как полагается, на гербовой бумаге, составленный следующим образом:

20 июня 1842 г. я обязуюсь заплатить по требованию г. Робера Макера сумму в четыре тысячи франков,— стоимость полученных мною товаров. Париж, 1 марта 1842 г.

Подпись: Бертран

Незачем говорить, что г. Бертран и г. Макер расходятся в восторге друг от друга: один приобрел товар без денег, другой только что заработал 2500 франков, ибо, как бы ни была сомнительна платежеспособность Бертрана, как бы ни была подозрительна его подпись, для Макера она представляет существенную ценность, которую в один прекрасный день *он именем закона* заставит своих должников принять за звонкую монету, не более и не менее как за самое чистое золото.

Теперь, когда вы проделали множество подобного рода сделок, вам не трудно будет *в тот день, когда вас постигнет неудача*, удалиться, выражаясь вульгарно, с достаточно солидным состояньицем, хотя и не в полном согласии с г-жой законностью \*. Ничто не по-

\* Чтобы составить ясное представление об этом роде вымогательства, надо понять, что ни одна операция коммерсанта не может быть такой низкопробной, как эта; что, напротив, надежные обязательства

мешает вам иной раз потирать вслед за тем руки, говоря самому себе или своим родным (как это делал император Август): «Разве я плохо сыграл свою роль? Пьеса окончена, аплодируйте!»

Что касается мелких предпринимателей, а также людей, не желающих чрезмерно нарушать законы чести либо не обладающих ловкостью, чтобы это сделать, то для них *торговля*, конечно, не является ложем, устланным розами. Какие только трудности, заботы и печали ни одолевают вас беспрестанно! А сроки платежей, а опротестования векселей, а банкротства и т.д. и т.п.! Сколько непредвиденных несчастий может обрушиться на вас в то время, когда вы считаете себя наилучшим образом устроенным, имеющим наибольший успех! Стоит только открыться новой лавке напротив вашей, и ваше состояние в опасности! Кризисы, застои в делах, затрудненность обращения капиталов, пожар, шторм могут неожиданно повлечь за собой ваше разорение! К тому же, разве вы не находитесь постоянно во власти банкиров, посредников, биржевиков, крупных фабрикантов и капиталистов? Сколько жертв из вашей среды требуется для того, чтобы все промышленные тузы, эти банков-

(les bonnes creances) образуют оборотный фонд и что достаточно банкроту встретиться с несколькими ловкачами, чтобы достигнуть своей цели. Вероятно даже, что он сумеет извлечь некоторую выгоду из большей части векселей, с образцом которых мы познакомились.

ские Крезы, эти Мондоры<sup>44</sup> финансов, загребали миллионы и утопали в роскоши и разгуле? Возьмем, к примеру, королевские транспортные предприятия и транспортные предприятия Лафита и Кайара: сколько сотен, сколько тысяч владельцев мелких транспортных предприятий оказались бессильными устоять против их страшной конкуренции! Сколько семейств были, так сказать, уложены на месте этими господами. Разве вы не видите также, что дьявольская алчность наших монополистов далеко еще не ослабевает! Взгляните на то, что происходит сейчас в Париже, посмотрите на эту чудовищную конфедерацию, на эту направленную против народных масс коалицию верховных пашей всех отраслей промышленности, более чем когда-либо старающихся сконцентрировать исключительно в своих руках\*, монополизировать все съестные припасы, все, без различия, произведения труда. То это владельцы виноградников, которые под названием винодельческой компании совместно создают товарный склад и открывают для продажи со скидкой множество розничных магазинов, вытесняя таким образом тысячи мелких виноторговцев, разрушая также торговлю всех других. То это генеральная

\* Концентрация сама по себе не является злом; напротив, злом является дух монополии, подавления и антагонизма, который она влечет за собой в условиях, когда она является исключительно корпоративной. Только под этим последним углом зрения я и рассматриваю вопрос.

компания, имеющая целью *завладеть* лесами, угольными копями и т.д.; мы должны еще считать себя счастливыми, что не создаются какие-либо *черные шайки*, чтобы *завладеть* картофелем и зерном и обречь нас на голод! И еще, видите вы эти разнообразные универсальные магазины колоссальных размеров? Или отель Буйон (этот безнравственный соперник безнравственного ломбарда), где с таким бесстыдством спекулируют на общественном бедствии, где поглощается движимое имущество ремесленника, что, в свою очередь, служит новой причиной разорения и нищеты почти для всего Антуанского предместья.

А сколько можно было бы назвать других таких же примеров, и все они служат обвинением для духа *промышленного феодализма*<sup>45</sup>, составляющего главную отличительную черту консерваторов нашего времени!

Да и сами мелкие промышленные и торговые предприятия, разве не достаточно активно они разорали, пожирали друг друга? Как могут они сейчас защитить себя от этих новых нашествий? Как можно одновременно бороться против непрерывных и разнообразных ожесточенных атак свободной конкуренции и против монополии... против этих двух чудовищ со множеством разинутых пастей, которые неизбежно приведут всё в расстройство и разорение и кончат тем, что сами начнут пожирать друг друга!!!

Монополия и антагонизм!.. Эти две фурии не знают границ в своих опустошительных

действиях. Они сейчас изливают свой яд в более широких масштабах, смятение и хаос непрерывно возрастают, и борьба может стать тем более ужасной, что она ведется под знаменем гнусного федерализма. Смотрите: сперва свекловица развенчивает сахарный тростник, и наши заводы севера наносят смертельный удар нашим колониям и морским портам, и наоборот\*; департаменты, города, коммуны оспа-

\* Разве не странно слышать, как министры, государственные деятели, так называемые экономисты серьезно предлагают еще более увеличить, расширить огромный дефицит государственной казны ради завоевания преимущественного права закупать по весьма дорогой цене на краю света то, что имеется под рукой и по более дешевой цене? Разорить собственную местную промышленность, находящуюся в полном расцвете, лишь потому, что в другом месте можно лучше себя обеспечить,— не это показалось бы мне вздорным. Но разве в этом именно заключается суть дела? Разве можно быть уверенным в том, что всегда будет существовать нормальная торговля с колониями?

Разве можно всегда быть гарантированным от вероятности войны на море? Имеет ли кабинет на этот счет подписку (*blanc-seing*) со стороны Англии?

И зачем отдавать себя, таким образом, на произвол событий? Зачем? Чтобы содержать толпу маклеров, банкиров, деловых агентов, бесчисленный сброд, бесполозных посредников, заполняющих наши морские порты.

И еще зачем это понадобилось? Чтобы обогатить колонистов, этих *почтенных заморских тиранов*, у которых нельзя встретить сочувствия никакому несчастью и которые безжалостны к *ниже стоящий* по малейшему капризу избиваются ударами хлыста и погибают в жесточайших муках несчастные рабы, которых предоставил им кодекс о *чернокожих* и которые трудятся на них до полного изнеможения. Чтобы озна-

ривают друг у друга преобладание; против Бордосского моста воздвигается Либурнский мост; такая-то река, такой-то канал, такая-то железная дорога обогатит тот или иной край, разорив при этом ряд других,— насколько мы далеки от той глубокой солидарности, от того полного слияния всех интересов, всех стремлений, всех желаний и всех усилий, которое одно может положить конец всем нашим треволнениям!

А какое множество препон, сколько новых причин для бедствий может всплыть каждое мгновение! И эти неумеренные требования государственной казны, беспрерывно наносящие все более сильные удары физическому и умственному труду: патенты и лицензии, ввозные и транзитные пошлины, налог на производство для внутреннего потребления, налог на движимое имущество, на двери и на окна, иными словами — на право дышать, и т.д. и т.п.! Затем следуют эти мучительные таможенные линии, своего рода эдикты об изгнании, которые швыряют друг другу некоторые коалиции соперничающих народов и которые служат вечным возбудителем вражды и розни. Добавим к этому несправедливые торговые договоры, настоящие круги Попилия<sup>4b</sup>, где наиболее сильный и наиболее хитрый сжимает и душит всех своих конкурентов, изгоняя их с рынков, на которые он зарится. Таков,

комиться с этим, следует прочесть ужасающие подробности хладнокровного варварства, раскрытые процессом колониста Аме Ноэля (*Ame Noel*)!

например, знаменитый *договор Метуэна*<sup>47</sup>, явившийся Фермопилами для французской торговли, для французского влияния на Иберийском полуострове и одновременно разорением для Португалии!!!

Я никогда не кончу, если буду продолжать изыскивать все гибельные последствия *торгового режима*, если займусь показом всего, что есть *унизительного, гнусного, противного братству, эгоистичного, хищного, алчного, плутовского*, одним словом, *аморального* в этом зловещем духе торгашества, составляющего наиболее отвратительную язву существующего социального строя и достигшего, кажется, наивысшей точки своего развития, своего *пароксизма!*

Неслыханная вещь, которая меня уже давно глубоко поражает,— это то, с каким невозмутимым апломбом торговец обычно занимается изо дня в день всем известными мошенничеством, надувательством, своего рода привычными грехами, на которые он смотрит просто как *на умение делать дела*, как *на ловкость*, на неотъемлемую часть искусства торговать, а именно: *обмериванием, обвешиванием, запрашиванием слишком высокой цены, снижением качества, фальсификацией товара* и т.д. и т.п.! Коммерсант, пользующийся репутацией наичестнейшего, и тот не гнушается всего этого. Чтобы выдавать себя за образец безукоризненной честности и считать себя таковым, чтобы создать себе и сохранить за собой самую высокую репутацию приверженца *пуриганства*, ему достаточно выполнять дан-

ное слово, а главное — оплачивать в срок свои векселя.

Как бы то ни было, многим непонятно, как может тот или иной строй обойтись без торговли; они называют такой строй телом, лишённым жизни. Что так сильно поражает эти поверхностные умы, что приводит их в восхищение в коммерческом деле — это чрезвычайная подвижность, огромная активность, с которой всевозможные вещи перемещаются с одного полюса на другой, передаются и приводятся в движение. В этом отношении они правы; но, как мы скоро увидим, именно это — оборотная сторона медали.

К тому же, разве система *общности* не представляет такие же преимущества, как торговля, будучи при этом свободной от всех ее пороков? Да, безусловно. Здесь, как, впрочем, во всем другом, надо действовать усваиванием и отбрасыванием, т.е. заимствовать хорошее и отбрасывать дурное.

Хорошее — это подвижность, обращение; в этом отношении наш механизм во сто раз проще, во сто раз лучше, чем коммерческий механизм: я с успехом это показал на страницах 125—127. Дурное — это *спекуляция, неустойчивость, мошенничество, лихоимство, монополия, антагонизм*; это — *банкротства, превратности, тревоги, разорение, невзгоды, спекулятивная скупка, голод!*

Что толку в изобилии, в нагромождении съестных продуктов, товаров, богатств, если всё это неправильно обращается, если народ-



ные массы умирают от голода, лишений и нищеты?

Какой прок пролетарию от того, что наши роскошные магазины завалены самыми элегантными, самыми великолепными одеждами, раз ему нечего одеть? Какое ему дело до того, что урожаи обильны, раз цена на съестные припасы не снижается \*, что подвалы и погреба собственника, что склады стали слишком тесными, если он осужден на то, чтобы пить лишь одну воду?

И, наоборот, разве вы не видите, что это постоянное сопоставление роскоши немногих с нищетой бедняка приводит его только в отчаяние и вызывает гнев, рождает в его сердце зависть и вожделение, ненависть и мстительность, и в то же время в сердце богача оно рождает презрение и спесь, страх и желание властвовать.

Я лучше всего закончу эту мрачную картину следующей цитатой, заимствованной из замечательной книги, написанной в 1774 г. нашим самым неустрашимым революционером:

«Так как меркантильный дух внушил нам взгляд на богатство как на верховного владыку, то все сердца охватила жажда золота, и когда отсутствуют честные способы его приобретения, то нет такой низости, такой гнус-

\* Я часто слышал, как коммерсанты говорят, что слишком обильные урожаи являются бедствием. Бывший депутат Сирес де Мариньяк не постеснялся заявить о том же с трибуны и потребовать, чтобы было задержано развитие сельского хозяйства.

ности, на которую люди не были бы готовы пойти для этого. Отсюда эти привилегированные компании. Даже государственные доходы сдаются в аренду откупщикам, которые после этого становятся во главе привилегированных компаний и обращают в свою пользу источники общественного изобилия. Вскоре нация делается добычей сборщиков незаконных налогов, финансистов, откупщиков податей, взяточников, ненасытных вампиров, живущих только хищением, вымогательством, разбоем, и разоряющих нацию, чтобы завладеть всем, оставшимся у нее. Компании торговцев, финансистов, откупщиков, спекулянтов постоянно рождают толпу маклеров, агентов по обмену валюты, биржевых игроков, мошенников, вечно ищущих наилучшего способа обобрать глупцов, занятых исключительно распространением ложных слухов с целью повышения либо понижения курса ценных бумаг, с целью опутывания золотой сетью жертв их обмана и разорения капиталиста путем расстройств общественного кредита. Большинство интриганов, привязавших себя к колеснице фортуны, летят в пропасть; жажда золота заставляет их рисковать тем, что они имеют, чтобы приобрести то, чего у них нет, и скоро нищета делает из них презренных плутов, всегда готовых продаться, служить делу какого-нибудь хозяина.

Любовно творимые, благостные добродетели, отличающие чистосердечные и гостеприимные нации, сменяются всеми пороками стра-

ного эгоизма: холодностью, суровостью, жестокостью, варварством; жажда золота иссушает сердца; они становятся безжалостными; голос дружбы не признается, разжоргаются узы родства; вздыхают лишь по богатству; всё, вплоть до человеческого рода, становится предметом продажи.

Что касается политических взаимоотношений орды спекулянтов, то дело обстоит таким образом, что в каждой стране компании купцов, финансистов, откупщиков, владельцев банков, тонтин и учетных касс, спекулянтов, биржевых маклеров, прожекторов, биржевых игроков, вымогателей, вампиров, сосущих кровь народа,— все они, связанные с государством, становятся его наиболее ревностными приспешниками.

В монархиях богатые и бедные, те и другие являются не чем иным, как пособниками монарха.

Класс неимущих поставляет ему легионы платных наемников для сухопутных и морских армий, сонмища сыщиков, полицейских, начальников страж, шпионов, доносчиков, оплачиваемых за то, что они угнетают народ и заковывают его в цепи.

Класс имущих поставляет привилегированные категории должностных лиц, сановников, судейских чиновников и даже высшие правительственные чины,— одним словом, всех титулованных рабов, гнусных наемников двора.

Вот каким образом торговля превращает имущих и неимущих граждан в орудие угнете-

ния или порабощения» (Марат. Цепи рабства)<sup>48</sup>.

Я заклею институт *торговли* в его главных злоупотреблениях. Что касается экономической стороны дела, то ограниченные рамки моей темы не позволяют мне входить в какие-либо детали; этот труд я предоставляю размышлению читателя. Я ограничусь лишь одним примером: речь идет о *зерновых культурах*.

Ведь это неслыханная вещь, если только подумать о всех преступных мероприятиях, которые предельваются каждодневно со съестными припасами первой необходимости, о всех безумных мытарствах, через которые обычно проходят люди, чтобы добыть себе кусок хлеба.

В самом деле, что предписывают нам природа и наука в отношении зерновых? Сеять, обрабатывать, жать, молотить, печь. Однако с точки зрения торговли и фиска этого недостаточно, и вы видите, какой лабиринт мероприятий, продиктованных недоверием, какие инквизиторские меры предосторожности диктует им дух собственности.

1) Для посева необходимо зерно. Если вы его покупаете, то это зерно *взвешивается, отмеривается, отгружается, перевозится, сыпается в амбары* и т.д. так часто, как часто вам приходится иметь дело с торговлей и с таможей.

2) После снятия урожая та же операция возобновляется двадцать раз — и при сдаче

зерна, и при ссыпке его в амбары, и при отгрузке, а, возможно, и при его испытании.

3) Затем следует обратиться к мельнику, и все трудности повторяются вновь.

4) Наконец, мука поступает в пекарню. Тогда начинается бесконечная возня. Сохранение, отмеривание муки, взвешивание теста; согласно недавнему приказу полицейского управления, требуется даже, чтобы на каждом хлебе был поставлен порядковый номер пекарни. При продаже в лавке необходимо снова взвешивать килограммами, полукилограммами и т.д. При распределении во-вне (распределении, которое само по себе станет ненужным в нашей коммуне) та же возня, ибо булочнику не разрешается более торговать без собственных весов и гирь, так же как солдату ходить без форменной одежды. Прибавим к этому недовольство, испытываемое булочником, ввиду того, что он каждый день может ждать посещения полиции, которая, под предлогом поисков фальшивых весов, может вмешаться во многие другие дела и навести беспорядок во всем его доме.

Поистине ум приходит в смятение и растерянность, сердце переполняется негодованием при одной попытке исчислить те огромные потери, от которых режим общности избавил бы человечество, если бы он заменил раздробленность и федерализм в области торговли. Необходимо исследовать одну за другой все тонкости этого вопроса, чтобы составить себе о нем даже слабое представление. Какая путаница!

Какой хаос! Какое расхищение средств! Какая огромная трата времени и сил! Сколько бесполезного, губительного, тяжелого труда,—• словом, сколько неурядиц бесконечно нагромождается одна на другую!

Неисчислимая экономия явится следствием исчезновения этого бесконечного множества лиц, всей этой многочисленной иерархии приказчиков, служащих, прислуги, мальчиков на посылках, комиссионеров, маклеров, железнодорожных агентов, кассиров, бухгалтеров, дельцов, всевозможных посредников, за которыми следует множество других, столь же плачевных профессий и учреждений!

Можно с уверенностью сказать, что весь этот паразитический персонал только усложняет социальную машину; он лишь тормозит и тянет назад колесницу изобилия, делает невозможным справедливое распределение, братское размещение всех общественных продуктов.

И чтобы увенчать это чудовищное здание, *торговля* приносит нам еще новый бич, наиболее смертельный из всех; я хочу сказать об изобретении *звонкой монеты*.

Вот она шествует, сопровождаемая огромной свитой изготовителей, литейщиков, пробирщиков, контролеров, управляющих, инспекторов, служащих, кассиров, счетоводов, подручных по платежам и по взысканиям, карет и транспортных агентов, сторожей, караульщиков, жандармов, мест заключения, каторжных тюрем, мечей и палачей! Это—роковой ящик Пандоры, который скоро покроет весь мир

тройной вуалью траура, горестей и беззаконий!

На какие только пагубные заблуждения обрекаешь ты, ужасная жажда золота, несчастный род людской! Это ты вооружаешь сына против отца и отца против сына, брата против брата, супруга против супруга! Это ты рукой Кастэна<sup>49</sup> наливаешь тончайший яд и множество раз подаешь чашу с ядом двум великодушным благодетелям! Это ты оскверняешь священные хранилища, попираешь присягу и бешено натравливаешь одну на другую соперничающие нации! Это опять ты отдаешь алчного мореплавателя во власть вероломной стихии, продаешь людей, как презренную скотину, хоронишь их в рудниках Сибири и Нового Света, безжалостно отдаешь их под кнут самодержца и хлыст командора! Из-за тебя жестокий испанец вероломно душит почти всю Америку, из-за тебя он приковывает Гватимозина к раскаленной жаровне<sup>50</sup>! Из-за тебя солдат-отцеубийца, подавляя в своем сердце все природные чувства, убивает заодно отца, родину и человечество! Из-за тебя мошенничество и грабеж, беззаконие и фанатизм, убийство и разбой, порабощение и тирания, — все преступления и все злодеяния находят ревностных поклонников и бесчестных наемных убийц; они, быть может, повернули бы против деспотов, которым курят фимиам, кинжал, обогранный кровью их братьев, если бы тут" не оказалась ты, чтобы удерживать их в мерзости и направлять их злодейские руки.

## Глава VII

### СРАВНИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА РЕЖИМА РАЗДРОБЛЕННОСТИ И РЕЖИМА ОБЩНОСТИ\*

При режиме общности две тысячи амбаров, используемых в настоящее время двумя тысячами сельских хозяйств (около 10 тысяч жителей), будут заменены одним просторным, отвечающим условиям гигиены амбаром, разделенным на специальные отделения для каждого продукта и даже для каждой его разновидности. В этом амбаре будут использованы все преимущества вентиляции, отопления, местоположения и т.д., будут приняты меры, чтобы обеспечить сухой воздух, о чем не может и помышлять сельский житель, ибо нередко вся

\* Большая часть этой главы заимствована из Трактата о сельскохозяйственной и домашней ассоциации Фурье<sup>51</sup>. Хотя между некоторыми его принципами и нашими существует пропасть, я не могу в данном случае не воздать должное силе его критики и справедливости его суждений. С другой стороны, правильные социальные идеи не столько обычны, чтобы позволить себе пренебречь возможностью овладевать ими повсюду, где они встречаются.

его деревушка по своему расположению мало подходит для хранения продуктов. *Наша коммуна*, напротив, будет находиться в месте, удобном как для всего в целом, так и для отдельных построек — погребов, амбаров и др.

Точно так же каждая коммуна будет иметь только одно помещение для вин, как и для масла и молока. Погреб в винодельческих районах будет иметь — самое большое — десяток больших бочек вместо двух тысяч. Достаточно будет десяти бочек, чтобы распределить в них по сортам весь сбор винограда, да и если исходить из того, что сбор плодов будет производиться дважды и трижды, как это и произойдет, когда благодаря системе общности, исключающей самую мысль о краже, можно будет собирать плоды в среднем на трех стадиях: в незрелом, зрелом и перезрелом состоянии, между тем как в настоящее время вынуждены смешивать их и производить сбор винограда один раз. С того времени, когда сбор плодов станут производить в три приема, не будет больше незрелых и перезрелых плодов.

Что касается тары, то достаточно будет не более пятидесяти больших бочек вместо нескольких тысяч, которыми пользуются две тысячи семейств. Следовательно, помимо экономии девятнадцати двадцатых помещения, будет достигнута еще более разительная экономия на бочках, — вещи, весьма дорого стоящей и вдвойне разорительной при существующем режиме, ибо часто, при больших издерж-

ках на разного рода бочки, они, однако, не содержатся в необходимой чистоте. Жидкость подвергается порче вследствие множества промахов, которых можно будет избежать при унитарном управлении.

Нет более необходимой экономии, чем экономия топлива, которая будет огромной при системе общности. Вместо двух тысяч кухонь в коммуне будет только одна; можно будет, однако, иметь и вторую для приготовления пищи животным\*.

Так же велика экономия при отоплении частных квартир. Равные проводят почти всю свою жизнь на многочисленных собраниях, в общественных залах или мастерских, обогреваемых паровыми печами, которые топят не более 3—4 часов в день. Домой они приходят только ко сну, и здесь при раздевании они довольствуются слабым огнем камина.

К тому же, в коммуне холод не чувствителен. Во всех жилых корпусах существуют легкая отапливаемые крытые галереи, дающие возможность сообщаться, пройти повсюду, укрывшись от непогоды.

Управление при системе общности дает множество других видов экономии. Сто молоч

\* Это доставляет мне новый случай показать, насколько наша система выше всякого другого рода ассоциации, даже с точки зрения экономической. Фурье, который в этом отношении считается самым смелым новатором, допускает пять кухонь: главную, или лучшую, кухни первого, второго, третьего классов, кухню для приготовления пищи животным.

ниц, каждая из которых затрачивает в городе утренние часы, заменит небольшая рессорная повозка, доставляющая молоко из хлева в коммуну. Сто земледельцев с их тележками, затрачивающих в общей сложности сто дней на рынок и в кабаках, заменят два человека, везущих 3—4 фургона. Вместо двух тысяч хозяек достаточно будет двадцати-тридцати человек, приготавливающих пищу для общих трапез и обеспечивающих в мельчайших деталях эгалитарное хозяйство.

Сравните теперь культуры, выращиваемые в унитарной коммуне, управляемой как одна ферма, с теми же культурами в дробном хозяйстве, зависящем от произвола двух тысяч семейств. Один отводит под луга откос, который природа предназначила для виноградника, другой сеет пшеницу там, где следует сеять кормовые травы. Этот, чтобы не покупать зерно, распахивает целину на крутом склоне, который в следующем году будет размыт ливнями; тот, чтобы избежать покупки вина, разводит виноградники на сырой равнине. Две тысячи семейств затрачивают время и средства на то, чтобы забаррикадироваться изгородями, палисадниками, заборами, рвами; они содержат массу сторожей, дневных и ночных, кормят множество собак, чтобы те защищали их. И при всем том они ежедневно ведут тяжбы по поводу границ своих владений, а также по поводу краж. Все они отказываются от общественно полезных работ из опасения, что ими могут воспользоваться ненавистные им со-

седь; каждый расхищает лес и противопоставляет повсюду чисто личный интерес общественному благу. Предохранительные меры против насекомых и животных недействительны, так как масса населения не участвует в них; несмотря на облавы на волков, эти животные кишат вокруг. Если вы приложили усилия, чтобы истребить крыс и разных насекомых в ваших хлебных амбарах, вас будут осаждать крысы и насекомые из соседних амбаров и с полей, которые не были освобождены от них путем общих мероприятий. Они не выполнямы при нынешнем положении вещей, когда невозможно осуществить даже удаление гусениц с растений, ежегодно предписываемое, но никогда не приводимое в исполнение.

Мы видели, что из опасения кражи снижают качество вин, вследствие обычая полностью и одновременно собирать виноград, именуемого *призывом к сбору винограда*. Точно так же из-за боязни кражи портят качество других плодов, ввиду необходимости преждевременно собирать их. Каждый мог наблюдать в многолюдных городах рынки, заполненные неспелыми и крайне вредными для здоровья плодами. Если вы упрекнете сельских жителей в преждевременном снятии плодов, в *уничтожении растений*, то каждый ответит вам: если я *стану ждать, пока они созреют, у меня украдут их*. К тому же, так как урожай не снимают в должное время и в три приема, чтобы избежать смешения *неспелых, спелых и переспелых* плодов, то становится трудно и даже невоз-

можно сохранить плоды. Это неудобство, при отсутствии хороших плодохранилищ и научных способов хранения плодов, приводит к тому, что удается сохранить только двадцатую их часть, да и выведение этих растений производится только на одну двадцатую часть. Еще более разорительный убыток, который может быть приравнен к стоимости двадцатикратного урожая, вызывает нежелание заниматься насаждениями, ввиду необходимости прибегать к ссуде, ввиду расходов, опасения быть обманутым, обокраденным, не встретить содействия, наконец, из-за всех неудобств, свойственных системе дробного земледелия.

Рыболовство и охота при управлении в духе общности будут также давать значительное увеличение продукции.

Речная рыба тем более ценна, что она не требует никакой заботы и что ее чрезвычайная плодовитость не вредит урожаю хлебов, подобно плодовитости дичи. Какое было бы изобилие рыбы, если бы существовала общая согласованность относительно перерывов в рыболовстве и количества рыбы, которое следует оставить в каждой реке! Такая согласованность — одно из свойств *строга общности*. Я слышал от заслуживающих доверия опытных людей, что в целом за год можно было бы *наловить* во всех мелких реках *в двадцать раз больше рыбы*, если бы удалось договориться о том, чтобы производить ловлю рыбы только *в надлежащее время* в количестве, соответствующем ее воспроизводству, и если бы охоте за выдрой

была уделена хотя бы четвертая часть времени, которое употребляется на опустошение рек. Кто помешает при строе общности принять все эти меры и даже прибавить к речной рыбе различные породы рыб, которые в садках с проточной водой сохраняются и откармливаются во множестве водоемов?

Натуралисты восхищаются щедростью природы, проявляющейся в том, что огромный косяк сельдей прибывает к нам каждый год благодаря тому, что полярные льды защищают их от наших преследований в период их размножения. Предположим, что этого барьера не существует и что наши суда во всякое время обходят полярные воды и ловят в них рыбу, несомненно, что жадность и зависть рыболовов лишили бы север этой благодатной дешевой пищи. В этом случае была бы добыта едва одна двадцатая часть того количества сельди, которое нам гарантирует ее спокойное, беспрепятственное размножение под этими льдами, обеспечивающими двадцатикратный улов.

Дичь является одновременно украшением сельских местностей, богатством человека и истребителем вредных насекомых. Если необходимо избежать чрезмерного изобилия некоторых пород дичи, то точно так же следует предотвращать их истребление. Земледельцы жалуются на то, что наплыв охотников, истребляющих птиц, которые пожирают червей и насекомых, приводит к тому, что гусеницы роem облепляют все растения.

Такой порядок вещей, при котором сельскохозяйственный труд станет более привлекательным, чем охота, вследствие чего она будет заброшена и ею будут заниматься лишь по необходимости, принесет двойную выгоду: 1) увеличение без всяких забот количества дичи на девять десятых; 2) истребление насекомых.

В этих заметках об экономии и богатстве я не упомянул о главном, а именно — о здоровье и долголетию человека и животных и об усовершенствовании пород, особенно *человека и лошади*, существ, выращивание которых обходится наиболее дорого, между тем как по вине *политики* они *легионами, словно мошкара, приносятся в жертву*.

Что касается человека, то понятно, что экономия не является здесь наиболее важной стороной. Если система *общности* доводит каждую вещь до наивысшего совершенства, то совершенство человека будет, по крайней мере, утроено в отношении силы, долголетия, интеллекта. При системе общности (мы завершим ее показ в главе о гигиене) будет достигнуто радикальное искоренение всех заразных начал: *желтой лихорадки, холеры* и т.д., всех острых и хронических заболеваний: *подаргы, лихорадки, эпилепсии, проказы, рака, ревматизма* и т.д., порождаемых всей негодной организацией наших обществ, построенных на федерализме и неравенстве.

Что касается животных, то равным образом трудно представить себе, до какой степени

будут улучшены различные породы, например, лошади. Раз мы видим ее в цветущем состоянии в Аравии, то в каком же краю она не будет цветущей, если приложить должные заботы? Такой кантон, как, например, Арденны, жители которого в настоящее время разводят одних только кляч, цена которых едва достигает 100 франков, через десять лет заменит их лошадьми, стоящими по нынешним ценам три тысяч франков, и каждая коммуна сумеет даже на бесплодной земле обеспечить себя хорошими породами животных и хорошими пастбищами. Отсюда следует, что в Арденнах при системе общности достигнут через десять лет такого улучшения породы лошадей, которое в тридцать раз увеличит ценность выводимых пород. То же самое произойдет с баранами, быками и другими породами, улучшение которых повсюду приведет к поразительной выгоде.

Особенно ценные результаты дадут в этом отношении овцы, когда станет возможно пустить их свободно пастись в чудесные летние ночи, как это практикуется в Англии, обладающей самыми лучшими сортами шерсти в Европе с тех пор, как она при помощи охоты, проводимой сообща и по единому плану, освободилась от волков. Такая единообразно проводимая охота станет возможной, удачной, *прочной обеспеченной успехом* только при режиме *общности*.

Строй общности обладает еще тем преимуществом, что при нем будут приручены и



улучшены те породы животных, которые до этого времени считались не поддающимися дисциплинированию. Среди многочисленных семейств животных, которые никогда не смогут покориться ярму современной цивилизации, можно назвать *бобра* — он обогатит коммуну большим количеством превосходной шерсти, *зебру* и *африканскую дикую лошадь*, двух великодушных *вьючных животных*, превосходящих обыкновенную лошадь в быстроте, силе и т.д.

В итоге, после всего, что было мною показано в данной главе, а также в предшествовавших, становится ясно, как день, что при режиме общности, примененном во всех деталях промышленного производства, сельского хозяйства, питания и т.д., будут достигнуты по управлению в целом следующие результаты:

- 1) экономия в расходах более чем на девять десятых;
- 2) не менее чем пятикратное увеличение продукции;
- 3) более высокое качество продуктов питания и особенно повышение их полезности для здоровья;
- 4) огромное сокращение рабочего времени, необходимого для каждого вида труда, необычайное облегчение всякой работы и т.д. и т.п.

Однако бесполезно заметить, что я вовсе не намерен высказывать рискованные утверждения и преувеличивать их значение. Я привожу в подтверждение нашей системы только неопровержимые аргументы. Я выдвинул только

часть моих соображений, часть экономических средств, столь многочисленных и столь сложных, что их можно обозреть полностью только на практике. Например, в моем списке профессий, подлежащих упразднению либо видоизменению, совершенно не говорится о множестве занятий, которые исчезнут либо будут доведены до крайнего минимума: старьевщиков, торговцев безделушками, пастухов, швейцаров, тюремных смотрителей, послов и их свиты, шпионов в других государствах, чрезвычайных курьеров и т.д. и т.п. Что же касается почтового управления, то оно без всякого ущерба для режима общности будет соединено с другими аналогичными общественными учреждениями, что в настоящее время неосуществимо. Это даст значительную экономию как в отношении материала, так и в отношении персонала. «Освободившиеся руки будут переведены на другие работы. Я не упомянул также о подметальщиках, полотерах, чистильщиках металлических предметов, конюхах, золотарях и т.д., труд которых при системе общности приобретет то двойное преимущество, что он утратит свои отталкивающие черты и к тому же будет в двадцать раз сокращен. Равным образом я не назвал кожевенное и сапожное производство, в которых, при расположении наших улиц-галерей и при легкости передвижения в каретах и верхом, будет достигнута экономия на две трети. Обувь тогда будет легкой, элегантной, исключительно опрятной. В этом отношении способы производства готового платья

будут удивительным образом усовершенствованы в интересах трудящегося.

Я мог бы значительно пополнить этот перечень; считаю, однако, что и сказанного достаточно, чтобы убедить всех добросовестных людей. Что же касается тех, которые хотели бы продолжить параллель между настоящим порядком вещей и будущим, то им следует лишь бросить взгляд на перечень искусств и ремесел. Они будут иметь широкую возможность и после меня подбирать оставшиеся на ниве труда колосья; они найдут еще на ней много плевел для искоренения.

Так разрешается эта страшная проблема, для получения ответа на которую вот уже пять лет Академия моральных и политических наук тщетно объявляет конкурс,— проблема, состоящая в том, чтобы «указать способ уничтожения нищеты во Франции».

Следует ли, однако, удивляться тому, что эти ученые мужи не могут ее разрешить? Они требуют не более и не менее как чуда! Они хотят, по их словам, искоренить нищету и сами же беспрестанно сеют семя, дающее жизнь нищете,— частную собственность и раздробленность. Они упраздняют следствия и освящают причину! Возможно, они, понимают, в чем кроются основные пороки общества\*, ко-

\* Когда я употребляю слово «общество», говоря о режиме, основанном на неравенстве, то это слово следует рассматривать как нечто, противоречащее истине: подлинное общество может существовать только среди равных.

тому угрожает опасность быть поглощенным его собственными крайностями, но они острегаются тронуть эти пороки. Если они серьезно обеспокоены современным положением вещей, так как знают, что будущее чревато бурями, то они, тем не менее, сговариваются и вступают в сделку со всеми, кто творит злоупотребления, и сами принимают в них широкое участие. Эти мнимые филантропы поступят еще хуже; они будут стараться *поддержать беспорядок, завалулировать* его, приукрасить, чтобы сделать его менее отвратительным; они будут способствовать регулярному существованию социальных несправедливостей, организуют их, впишут их в свои законы и кодексы! И чтобы придать больше силы и авторитета своему вероломному делу, они не постесняются издать от имени народа, от имени республики самые антинародные указы! Так поступало аристократическое большинство Учредительного собрания и даже Конвента<sup>52</sup>, так будут пытаться поступать и в наши дни,— если только власть попадет в их руки,— ограниченные продолжатели старой Жиронды орган которых «Le National»<sup>53</sup> является самым бесчестным, самым непопулярным, самым отсталым и самым подозрительным.

Глава VIII  
ФИЛОСОФИЯ

Изливайте, изливайте истину  
на голову пролетария: вы обя-  
заны окрестить его истиной!

Чтобы заложить основы существования народа, чтобы организовать систему воспитания, необходимо, повторяю, исходить из одной основной идеи, которая должна служить нам путеводителем и компасом, — *необходимо иметь философскую систему*. Вот почему, прежде чем приступить к важному сюжету о воспитании, я считал для себя обязательным еще раз собраться с мыслями и предписать ему несколько философских понятий.

Я прошу читателя отбросить на мгновение предрассудки нашей эпохи и, если возможно, мысленно перенестись в будущую коммуны. Я особенно прошу его прочесть внимательно эту часть моей книги, ибо истины, которые я собираюсь изложить, вытекают одна из другой, связаны между собой, подкрепляют одна другую, координируются, следуют одна за другой.

Да будет мне позволено сделать одно сравнение.

Когда часовщик хочет заставить ходить часы, он симметрично собирает *все* части. Если он случайно забыл одну деталь, если не все колесики оказываются на своих местах, искусно сделанная маленькая машина перестает исправно действовать; она совсем не ходит, либо ходит плохо. То же самое происходит в области философии: только из соответствия, совокупности, из гармонии всех относящихся к ней истин проистекает знание, рождается уверенность. Такое мнение является традиционным для всех нас, философов-коммунистов, и для всех подлинных друзей человечества. Все великие люди были глубоко им проникнуты, когда они столь решительным тоном восклицали:

1. Кампанелла в своем «Трактате о трех обманщиках»: «Истина, какого бы рода она ни была, никогда не может принести вред, в то время как заблуждение, каким бы оно ни было невинным и каким бы ни казалось даже полезным, неизбежно должно иметь в конце концов весьма пагубные результаты».

2. Жан-Жак Руссо в своей «Речи о происхождении неравенства между людьми»: «Читатель, отбрось свои предрассудки или свою гордыню, выслушай меня до конца, — я скажу людям правду, всю правду, такую, какую я, как полагаю, прочел в великой книге природы. Если ты не желаешь ее выслушать, закрой уже сейчас эту книгу, и т.д.»<sup>54</sup>.

3. Наш великий Морелли в своем предисловии к «Кодексу природы»: «Тот, кто приступит к чтению этой книги, должен окончить ее прежде, чем станет оспаривать ее содержание. Я не хочу ни быть выслушанным наполювину, ни иметь предубежденного судью. Чтобы понять меня, надо отказать от самых дорог для вас предрассудков. Отбросьте на мгновение эту завесу, и вы с ужасом заметите, что источник и начало зол, всех преступлений кроется именно в том, где вы намереваетесь почерпнуть мудрость. Если ваше сердце и ум ослеплены ходячими догмами морали и политики и вы не хотите и не способны понять их нелепости, то я предоставляю вас потоку заблуждений: *кто хочет быть обманутым, пусть будет обманут*»<sup>55</sup>.

И в «Кодексе природы», на стр. 47 (издание Вильгарделя): «Просто изумительно, какое количество нелепостей преподносит нам наша мораль,— почти одна и та же у всех наций,— под названием *бесспорных принципов и правил*. Эта наука, которая в своих основных аксиомах и их следствиях должна была быть столь же простой и очевидной, как сама математика, в действительности искажена таким множеством туманных и сложных идей, столькими мнениями, исходящими из ложных предпосылок, что для человеческого ума представляется почти невозможным выбраться из этого хаоса: он приучается убеждать себя в том, в чем он не в силах разобраться. *Вот они, предрассудки*. Общая причина этого ослепле-

ния, его продолжительности и трудности излечиться от него заключается в том, что *истина — мерило такое тонкое, такое точное, что при отсутствии ее малейшей доли это отклонение, вначале бесконечно малое и почти незаметное, возрастает с гораздо более огромной быстротой и в гораздо более огромной прогрессии, чем любая ошибка в вычислении, с тем лишь досадным отличием, что чем больше человек ошибается, тем меньше он сознает свою ошибку. Если же он ее признает, то размеры этого лабиринта, его громадные повороты ужасают, ошеломляют человека; он не способен или не смеет искать выхода из него*»<sup>56</sup>.

Затем далее (стр. 49) в качестве единственного средства восстановления истины Морелли требует выделения *неизвестной величины*; он требует, чтобы *всякая мораль гражданского установления* была подвергнута испытанию анализа; он призывает для этого все познания, рождаемые дискуссией; он заходит так далеко, что называет *отравой* и *развращенностью* то, что самые видные республиканцы того времени называли святым ковчегом всякого существования в обществе, что они освящали как основу всякой морали<sup>57</sup>.

Даже самый глубокий философ XVIII в., у которого сам Вольтер, гордый Вольтер, не осмеливался оспаривать скипетр философии,— *бессмертный Гельвеций*, вот что говорил по этому вопросу в книге «Об уме»:

«Истины морали распространяются лишь очень медленными волнами. Они падают, слов-

но камень в середину озера, и на месте их падения воды образуют круг, который сам заключен в последовательный ряд более крупных кругов, разбивающихся в конце концов один за другим о берег... Истины, имеющие общее значение, должны быть высказаны полностью: все покровы должны пасть перед общественным интересом. Однако способ развертывания и раскрашивания картины зависит от нашей мудрости. Исчерпание всех видов комбинации должно, наконец, дать воображаемое и совершенное. *Из возражений и спора рождается истина*<sup>58</sup>.

Я мог бы назвать сто других философов, в особенности всех энциклопедистов XVIII в. Все они объявили врагом *прогресса* и просвещения всякого, кто возвысит голос за ограничение *в чем бы то ни было* свободы дискуссии. И их принципы в период революции так глубоко запечатлелись во всех сердцах и во всех умах, что Сиейесу, чтобы стать в некотором роде рядом с Мирабо<sup>59</sup>, было достаточно опубликовать знаменитую брошюру «Опыт исследования о предрассудках», в которой он, между прочим, требовал права *всё* говорить, без всяких условий, и заранее объявлял *аристократической и враждебной свободе* всякую доктрину, не признающую *свободного обсуждения*.

Вот некоторые из его аргументов:

«Истину сперва встречают плохо, но постепенно умы с нею свыкаются, создается общественное мнение и в конце концов замечают, что принципы, которые вначале считались безум-

ными химерами, *проведены в жизнь*. В отношении почти всех категорий предрассудков мир оказался бы сейчас менее *мудрым*, если бы писатели не согласились на то, чтобы прослыть *безумцами*.

Я повсюду встречаю людей, которые, в силу своей умеренности, хотели бы *разбить истину на мелкие части*, либо представлять одновременно только *небольшие ее части*... Путь истины должен быть проложен философом до конца. Он должен дойти до предела, без чего он не сможет дать никакой гарантии, что это именно и есть путь, ведущий к ней.

Верный способ двинуть вперед свое дело состоит не в том, чтобы скрывать от своего противника то, что ему известно так же хорошо, как и нам, а в том, чтобы большинство граждан прониклись убеждением в справедливости этого дела.

Неправильно представляют себе, будто истина может быть разделена на части, будто каждая ее часть может быть изолирована и будто истина может легче проникнуть в сознание мелкими частями. Нет, чаще всего необходимы глубокие потрясения; истина должна выступить в полном свете, чтобы оказать глубокое, захватывающее воздействие, которое навсегда запечатлеет ее в глубине души.

Вы утверждаете, будто умы еще не расположены прислушиваться к вам, будто многих вы оскорбите. Надо, чтобы дело обстояло таким образом: истина, которую наиболее полезно предать гласности,— не та, к которой уже

достаточно приблизились, не та, которую были уже готовы принять. Нет, как раз наоборот: чем больше предрассудков и личных интересов задевает истина, тем более необходимо ее распротранять.

Разве не известно, что истина может только медленно проникать в столь огромную массу, какой является нация? На это надо затратить слишком много времени. Не следует ли дать людям, которых истина смущает, время свыкнуться с нею: молодым людям, которые ее принимают с жадностью, дать возможность приобрести общественное положение, а старикам — потерять всякое влияние? Одним словом, — *не подождать ли с севом до момента жатвы?*<sup>59</sup>

Эти принципы, впрочем, ведут свое происхождение от далекой древности. Гомер, Эпикур, Гораций, Лукреций и др. утверждали, что особенность философии состоит в том, чтобы глубоко изучить одну за другой все тайны природы, и что в поисках правды человек ни перед чем не должен останавливаться. Вергилий в великолепной аллегории представляет истину в виде золотой ветви, обладающей свойством раскрывать врата ада и приручать в один миг всех чудовищ<sup>60</sup>. Цицерон в своих «Тускуланских беседах» негодует против софистов, которые хотят, чтобы высшие истины были достоянием лишь ограниченного круга ученых каст\*, и говорят, что надо крайне остере-

\* Передо мною лежит сейчас маленькая брошюра, носящая название «Коммунистическая пропаганда»<sup>61</sup>. В этом сочинении г. Кабе (невероятная вещь!) пропове-

регатся посвящать в них *профана из простонародья* (пролетария). Он высказывает против софистов следующее достопримечательное положение: *Necesse est philosophari, sed non paucis*<sup>62</sup> — положение, которое может быть передано следующими словами: *«Необходимо философствовать, однако философия может*

ведует ереси, сходные с теми, которые осуждают все только что названные мною философы. Вот основное содержание тех из них, которые относятся к предмету данной главы: 1) необходимо уклоняться от трудностей, 2) философия является лишь второстепенным вопросом, 3) существуют известные вопросы, которые должны излагаться только для ученых; о них не следует писать для рабочих, как и не следует обсуждать их вместе с рабочими. Эта брошюра содержит много других еретических мыслей, уже опровергнутых самим «Путешествием в Икарию» и «Populaire»<sup>62</sup>, что при случае будет мною показано. Пока же я выражаю протест против всей, из ряда вон выходящей лжи, содержащейся в брошюре г. Кабе: *искажения, фальсификации, подмена текстов, скрытые намеки и сопоставления* и т.д. и т.п., — ничто не упущено в борьбе против «Кодекса общности», только шесть выпусков которого появились пока, но который в глазах г. Кабе имеет ту непростительную вину, что он соперничает с «Путешествием в Икарию»! Г-н Кабе обвиняет меня также в том, будто я приписываю ему, в отношении его системы *городов и сельских местностей*, намерения, которые он сам отвергает. Он требует, чтобы я привел его слова. Очень странно, что г. Кабе так скоро их забыл. Читателю стоит только прочесть предисловие ко второму изданию «Икарии», и он убедится в том, что я цитировал — и цитировал текстуально. Я отнюдь не писал *жествоет*, как это старается внушить г. Кабе; более того, я подверг фразу *сомнению* в двух местах: 1) *кажется*, 2) *не дорожить* — формула, соответствующая словам: *поставить под вопрос*.

*превратиться в бедствие, когда ею монополично владеют только немногие, когда пренебрегают тем, чтобы способствовать ее проникновению в народные массы».*

Да, по моему мнению, наука является лучшим противовесом интересам, противостоящим одни другим; небольшие знания весьма часто делают человека эгоистом; большие знания всегда призывают к чувству равенства и братства.

Я прошу прощения у читателя за то, что так долго настаивал на этих предварительных соображениях; сейчас я сосредоточусь на существе вопроса.

*Вопрос.* Что такое философия?

*Ответ.* Это наука о вещах, существующих в природе.

*Вопрос.* Все ли люди способны постигать философию?

*Ответ.* Стать философами способны все люди, за исключением некоторых индивидуумов, которых наука зовёт *монстрами*, потому что некоторые их органы состарились, пришли в негодность, повреждены. Люди обладают приблизительно одинаковой способностью к умственной жизни, но эта способность в них бездействует, если ее не оживляют страсти, особенно страсть заслужить общественное уважение,— в тех странах, где общественное уважение не исключает материального благосостояния.

*Вопрос.* Однако философия, повидимому, является весьма сложной и трудной наукой, поскольку только исключительные умы способ-

ны ее постигнуть, да и им требуется для этого 15—20 лет серьезного изучения?

*Ответ.* Сложной и непонятной является не философия, а безобразный и смешной жаргон, ужасная галиматья, которыми подменяют философию софисты и политики. Что касается умов, которые вы называете исключительными, то всё их дарование есть плод труда; врожденные таланты, так же как и врожденные добродетели и пороки, являются химерой.

*Вопрос.* Какова цель философии?

*Ответ.* Она состоит в том, чтобы привести людей к счастью.

*Вопрос.* Каким образом вы надеетесь достигнуть такого результата?

*Ответ.* При посредстве науки. Когда люди полностью проникнутся убеждением в той истине, что все элементы счастья имеются в природе и находятся, так сказать, у них под руками; когда они познают, что счастье состоит из множества столь различных и столь гармонично связанных между собой вещей, что иной раз достаточно безразличия или злой воли одного человека, чтобы сделать всех других несчастными; когда все будут получать одинаковое образование,— тогда поистине установится равновесие сил, влияний и никто не будет спекулировать на невежестве подобных ему людей. Напротив, все поймут могучую силу социальной гармонии, как и то, что, только трудясь в интересах общего блага, можно достигнуть личного счастья.

*Вопрос.* Но разве страсти не будут постоянно портить людей? Каким образом надеетесь вы искоренить когда-нибудь все страсти из наших сердец?

*Ответ.* Философии нет надобности искоренять из человеческого сердца ни одной из его страстей. Слово *страсти* означает приведение *в действие способности*. Сами по себе они отнюдь не являются злом; напротив, чем более мы их удовлетворяем, тем более мы счастливы. Они становятся пороками или преступлениями только тогда, когда они дурно направлены и, наконец, извращены дурной социальной организацией. Слабые страсти делают людей заурядными. Только человек одаренный, вдохновленный сильными страстями, способен творить великие дела. Таким образом, обладание сильными страстями дает счастье при условии, что все они будут созвучны одна другой. Установите между ними полную гармонию и не бойтесь, что этим будет нарушен порядок. Если *надежда уравнивается опасением, вопрос чести любовью к жизни, любовь к жизни желанием счастья, свободы и чувством человеческого достоинства, склонность к безнравственным удовольствиям другими удовольствиями, а также интересами здоровья*, то вы не увидите ни распутников, ни пьяниц, ни дерзких, ни подлых людей! Но как можно в наши дни удивляться тому, что пьянству и дебошу предаются несчастные парии, и имеющие в перспективе никакого морального и полезного для здоровья отдыха, *чтобы от-*

*влекаться от этих крайностей*; они в некотором роде вынуждены топить в вине свои повседневные горести, опускаться до состояния животного, чтобы не так болезненно чувствовать свое ужасное положение, точно так же, как наши светские распутники устремляются в водоворот наслаждений и сладострастия, чтобы забыть, о своих тревогах и о своих страхах или чтобы отвлечься от скуки и праздности. Предположим, напротив,— как это неизбежно произойдет при режиме *общности*,— что человеческая деятельность вместо того, чтобы быть целиком сосредоточенной только на одной или на двух страстях, распространится, разделится между всеми страстями. Тогда никто не будет более подвержен тем чудовишным страстям, которые нервируют, делают слабоумным, немощным, приостанавливают развитие тела и интеллекта. У человека будут только нормальные и благотворные страсти, которые признаются и предписываются природой. Пусть невежды и эксплуататоры выступают в высокопарных выражениях против страстей; это во все времена служило священникам и политикам предлогом для оправдания их тиранических законов. Остережемся составить с ними общий хор!

В самом деле, разве это не *верх безумия* намереваться *уничтожить* страсти? Хорош проект превратить человека в благочестивца, который терзает себя, словно одержимый, чтобы ничего не желать, ничего не любить, ничего не испытывать, и который, если бы это ему



удалось, в конце концов превратился бы в настоящее чудовище! Народ, лишенный страстей, страдает трусостью и тупоумием. Он не обладает ни силой, ни мужеством, ни энергией, ни решимостью, ни энтузиазмом. Если он не превратился уже в раба, он станет добычей завоевания, либо жертвой первого смельчака, который попытается его поработить!

Я сравниваю человеческие страсти со стремительным потоком. Чем более преград вы ставите ему, тем более грозным он становится; он беспрестанно будет пробивать незаметно отверстия в самых твердых креплениях, пока не пробьет их. Какой труд, какое беспокойство, какое мучение постоянно обозревать весь берег и видеть, как, пока исправляется одна часть каменной стены, рушится другая ее часть! Напротив, если вы отведете от потока ряд каналов, пустите его по этим каналам, которые разделяют его на несколько рукавов, то эти яростные волны, которые еще накануне несли с собой повсюду ужас и нищету, опустошение и растерянность, которые разбивали, затопляли, увлекали за собой всё, что попадалось им на пути,— эти страшные волны, превратившись вдруг в мирные ручьи, станут отныне оплодотворять поля и приносить радость земледельцу.

*Вопрос.* По вашему, следовательно, все люди рождаются хорошими?

*Ответ.* С каким удовольствием я доказал бы, что все люди хороши! Но убеждая их в том, что они являются таковыми, я ослабил бы

их рвение стать хорошими: я объявил бы их хорошими и сделал бы их плохими. Появляясь на свет, человек не приносит с собой ни талантов, ни пороков, ни добродетелей; он приносит с собой только способности и потребности. Его отношения с внешним миром превращают эти потребности в побудительные мотивы его деятельности. *Любовь к самим себе есть совокупность всего того, что является для нас побудительным стимулом; это — ствол дерева страстей, которые являются, так сказать, его ветвями; корнем его, безусловно, является способность восприятия посредством чувств.* Невозможно, чтобы каждое существо обычно не чувствовало самого себя сильнее, чем другого, а следовательно, не предпочитало самого себя всем другим. Раздражаться против проявления себялюбия, говорит Гельвеций,— значит жаловаться на весенние ливни, на благоухание лета, на осенние дожди и зимние морозы<sup>64</sup>.

«Любовь к самим себе,— говорит Морелли,— есть тот общий двигатель, который побуждает нас к добру, и страсти, источником которых она является, получают свое название от *степени* той силы, которая нас приближает или отдаляет от нее. Что представляет собой, следовательно, наше сердце? Это — любовь к нашему существу; *любовь* есть начало всех страстей; они подчинены ей, или, вернее, они представляют собой не что иное, как эту самую любовь, которую разнообразят различные обстоятельства, сопровождающие добро,

которого она добивается. *Ненависть*, которая кажется настолько противоположной любви, есть не что иное, как *отраженная любовь*. То или иное явление представляет собой зло и вызывает ненависть только потому, что оно противоположно добру, которого ищет любовь; отсюда и происходит то, что эти два двигателя, столь различные по своим проявлениям, рождают в сердце одни и те же подчиненные им страсти, как, например, *надежду, страх, радость, печаль, отчаяние*. Различные названия, которые им даны, введены только для того, чтобы выразить различные *степени* порыва, к которому восприимчива *любовь*, различные формы, которые она принимает в зависимости от обстоятельств. Сердце постоянно более или менее взволновано какой-нибудь из этих подчиненных ему страстей, ибо оно никогда не может оставаться без любви. Оно подобно пламени, которое замирает, когда лишено пищи. Оно старается тогда снова воспрянуть, привязываясь ко всему, что способно поддержать в нем силу: его активность влечет его к *добру* и отдаляет от *зла*.

*Вопрос.* Вы сказали, что любовь к самому себе является преобладающей склонностью человека; разве это не проповедь эгоизма и войны? Если каждый думает только о себе, если никто не жертвует собой для другого, то во что превратится тогда общество?

*Ответ.* Вы извращаете смысл моих слов. Я сказал, что *любовь к самим себе* есть наш главный двигатель, в котором заключаются и

соединяются все наши страсти. Но следует ли отсюда делать вывод о том, что люди должны жить разобщенными или находиться между собой в состоянии войны? Как раз наоборот. Люди нуждаются, *абсолютно нуждаются* друг, в друге; природа, таким образом, подготовила наше себялюбие к кажущимся жертвам, к взаимному доброжелательству. Человек восприимчив к чувствам только потому, что он способен быть *счастливым*; он *рассудителен* только потому, что он *чувствителен*. В силу своего разума и своей чувствительности я замечаю в себе жалость, признательность, потребность в любви, страх, надежду, жажду общественного уважения, стремление к соревнованию; какая это узда для нашего эгоизма, какие стимулы для братства!

*Вопрос.* Вы отвергаете эгоизм и самопожертвование; что же в таком случае вы кладете в основу человеческих действий?

*Ответ.* Ни самопожертвование, ни эгоизм не являются естественными двигателями; это — две крайности, для *которых средним является разум, братство, равенство*. Иными словами, между исключительным интересом к себе, *признанием только своего я, невежеством* (эти слова тождественны) и отказом от своего я, преданностью, самопожертвованием, самоотречением (эти слова также являются синонимами) существует *я и другие*, — единственное разумное выражение принципа общности. *Я и другие*, — что это такое, в самом деле, как не чувство симпатии, ведущее к сближению

живых существ одной и той же породы? Что это, как не *разумный, просвещенный, хорошо понятый интерес*, который учит нас тому, что наши потребности всегда будут в чем-нибудь выходить за пределы наших личных возможностей; отсюда следует, что когда в *силу любви и из расчета* человек отождествляет себя с другим человеком, то каждый из них словно *забывает о самом себе*, чтобы выработать *сознание всего в целом*, и всегда имеет в виду *общественное благо* для достижения своего личного счастья.

Мне хорошо известно, что ныне себялюбие весьма часто неизбежно приводит нас ко многим порокам; более того, я заявляю вместе с Гельвецием, что тот, *кто ручается, что он сохраняет свою добродетель при любом положении*, является лжецом либо безумцем, которого в равной мере следует опасаться<sup>65</sup>. Но о чем это свидетельствует, как не о том, что надо спешить с преобразованием социального порядка, создавшего столь пагубное положение тем, что вырыл пропасть между интересами граждан, между благом отдельной личности и благом государства! Я всегда буду<sup>66</sup> поэтому говорить так, как сказал Аристотель «Не по испорченным людям, а по тем, кто поступает в соответствии с законами природы» следует судить о том, что является естественным»<sup>66</sup>. В дурно устроенных государствах не достаточно того, что природа и воспитание ведут людей к добродетели, ибо люди всегда хотят счастья, а добродетель вовсе не ведет

счастью! Вот в чем источник *зла*. Но пусть законы, нравы, воспитание, словом, пусть вся общественная организация в целом перестанет восставать против законов природы, и вы сможете убедиться в той истине, что наши страсти — не что иное, как социальные свойства, которые *законодатель* может по своей воле направить к *общему несчастью* либо к *общему благу!*

*Вопрос.* В чем, по-вашему, состоит добродетель?

*Ответ.* Добродетель вовсе не обязывает к самопожертвованию: она состоит в том, что *вся совокупность* наших страстей должна настолько соответствовать общественному интересу, чтобы мы всегда были вынуждены творить добро.

*Вопрос.* Но вы тем самым уничтожаете заслугу и провинность, вы превращаете человека в пассивное орудие, в существо, лишенное

*Ответ.* Ограничивать свободу человека рамками его природы, что означает подчинение закону его сохранения и его благоденствия,— вовсе не значит уничтожить его свободу. *Salus suprema lex!* Благоденствие есть высший закон,— такова была первая аксиома античной мудрости. Что касается упрека в том, будто я уничтожаю заслугу и провинность, то я нахожу ваше обвинение слишком необычным и не могу не ответить на него. В наши дни питают бесконечную признательность к тем, кто сообразуется с понятиями о честности И

добросовестности, и *это правильно*; но разве это не является самым очевидным доказательством дурной организации нашего социального организма? Разве человек заслуживает похвал за то, что он не вероломен, не предатель, не вор и не разбойник? Разве он должен быть подвергнут опасностям, которые толкают на эти преступления? Но разве это не верх безумия — обвинять коммунистов в безнравственности, как это сделали некоторые тартюфы, потому только, что при нашей системе творить зло будет весьма плохим расчетом, творить добро будет настолько легко, что представления о пороке и о добродетели, о достойном и недостойном поведении будут все больше стираться, пока, наконец, самые слова эти не исчезнут из языка, гордость которого составят тогда слова *свобода, равенство, братство, общее благо* (ибо в них будет заключаться *истина*)!

О, несчастные! Вам непременно нужны преступники и жертвы! Разве ваши святцы и список ваших добродетелей не являются мученичеством и позором для рода людского? Разве милосердие, например, не подтверждает наличия монополии и грабежа? Разве вы не рассуждаете точно так же, как рассуждал мольеровский лекарь, который желал своему больному всевозможных язв и болезней, чтобы иметь удовольствие проявить о нем заботу? Не уподобляетесь ли вы другому лекарю — филантропу, который выходил по вечерам

разить кинжалом людей, чтобы иметь случай блеснуть своим искусством и засвидетельствовать свое рвение в интересах народа?

*Вопрос.* Я признаю, что обыкновенно от общественных институтов *зависит* — отравлять или оживлять наши страсти, принуждать людей к добру или злу, к преступлению или добродетели. Но среди этих страхов существует одна, которая во все времена порождала самые жестокие раздоры, навлекала самые ужасные катастрофы. Эта ужасная страсть — любовь; перед ней неизменно разбивается вся сила общественной власти!

*Ответ.* Ни одна страсть не является исключением из установленных мною правил. Любовь не будет более опасной или более разрушительной, чем всякая другая страсть, когда она будет уравновешена и должным образом направлена, когда царство свободы, равенства, братства и разума заменит царство *неравенства, принуждения, скупости, честолюбия, зависти и невежества*. Ныне любовь является причиной многих горестей, она рождает много преступлений. Почему? Да потому, что вы не допускаете законного проявления порыва любви, а только умеете ее подавлять и принуждать. Ваша мораль и ваши бессмысленные законы хотели задушить самое нежное, самое мирное и вместе с тем самое могучее из всех чувств нашего сердца, то, чем оно *дышит*, чем *живет*, и все это для соблюдения внешней благопристойности. Эта мораль и законы старались подчинить любовь, подобно другим

страстям, культу *золотого тельца*, предрассудкам чести, ранга, сана, ибо они предусматривали, что, если предоставить ей свободу, она не сможет согласоваться со всеми этими химерами; и именно желая ее поработить, они превратили ее в необузданный разврат. Под именем целомудрия и супружеского долга повсюду существует ужасное принуждение, постыдная половая близость, особенно среди имущих классов. Сколько молодых, красивых девушек, приятных и жизнерадостных, но не имеющих состояния, вынуждены каждодневно отдаваться во власть отвратительного сладострастия, надоедливой и тиранической ревности угрюмого дряхлого старца? Сколько женщин с пленительным, живым и возвышенным воображением, с душой, исполненной нежности и любви, испытывают ужас, когда их прижимают к черствому, извращенному сердцу, которое может заставить биться только низкий интерес? С другой стороны, сколько молодых развратников растрачивают в оргиях и проституции *приданое своих жен*,— единственное, что заставило их принять ложную присягу!

Можно ли после этого удивляться множеству случаев *нарушения супружеской верности, детоубийств, убийств, отравлений* и т.д. и т.п.? Можно ли удивляться тому, что всегда находятся люди, доведенные до иступления, которые, не будучи в силах вынести мысль о том, что им придется оставаться навеки связанными с человеком, превратившимся для них в ненавистный труп, теряют самооб-

ладание и путем преступления расторгают узы, которые они не в состоянии расторгнуть иным способом? В глубине своего израненного сердца они считают это способом выбраться из ада через единственную дверь, остающуюся открытой! Ибо, да будет это известно, женщина, *выходящая замуж за мужчину, который не испытывает к ней любви, бросается в объятия голодного хищника. Мужчина, который женится на женщине, не любящей его, согревает змею на своей груди!*

Кому не придет на ум в этой связи скандальный процесс мадам Лафарж? Я, разумеется, далек от мысли превозносить эту героиню высшего света; но я не могу также отказать от чувства жалости к ее жестокому несчастью. Кто, действительно, может отрицать, что ее преступление всеми буквами вписано в этот варварский закон о нерасторжимости брака, закон, который не считается с самыми сильными природными чувствами? Хотел бы я знать, что творилось бы в душе тех, кто ее осудил, какие чувства взволновали бы всех присутствующих, если бы тотчас после оглашения судебного приговора осужденная, поднявшись вдруг с места и бросив презрительный и гневный взгляд в сторону своих судей, если бы она, повторяю, вместо бесполезных заверений в невиновности, выступила, в свою очередь, обличительницей и мрачным, громовым голосом обратилась бы к аудитории со следующими словами:

«Да, я убила Лафаржа! Да, моя

преступная рука влила в него каплю за каплей медленную, мучительную смерть! Но яд, который я дала моему мужу,— это ты, о, проклятое общество, ввело его в мое сердце!.. Увы! Одолеваемая горестями и страстями, находясь в душевном смятении, разве была я способна понять весь ужас моего злодеяния?.. А вот ты, вероломное и жестокое общество, какое оправдание можешь ты привести тому, что с таким хладнокровием ты убиваешь меня? Да, мсти за себя, мсти за человечество путем ужасного мужеубийства (conjucide)! Но тебя, о, цивилизация, дочь варварства, еще более варварская, чем твоя мать, кто покарает тебя за то, что ты умертвила свою жертву!!!»<sup>67</sup>

*Вопрос.* Я согласен, что нашим супружеским законам можно приписывать все преступления, все ужасные заблуждения, которые вы только что отметили. Но что же делать! Вы, следовательно, хотите разрушить семью, упразднить институт брака и установить *ежешение* полов?

*Ответ.* Эта клевета брошена по адресу коммунистов, но она совершенно не выдерживает критики. Слово *смешение* (*promiscuite*) означает беспорядочное соединение, случайный брак, плохо подобранный союз. Если бы у нас был малейший вкус ко всем этим противозачинным поступкам, то нам, разумеется, незачем было бы выходить из нынешнего состояния, ибо никогда мир не сможет представить в этом отношении подобную дисгармонию. Но разве такое положение вещей

может кому-либо внушить больший ужас, чем коммунистам, никогда не отделявшим *любовь к самой безграничной свободе от любви к самой совершенному порядку*, коммунистам, подчиняющим все свои действия власти природы, разума и науки, непреклонным врагам всякого беспорядка, будь то в области физической или моральной? Еще удар,— и мы отбросим навсегда недостойную клевету, возвратим консерваторам их низкое, бесстыдное обвинение. Но здесь встают три новых вопроса: *брак, отцовство, семья*. Я хочу подвергнуть их более пространному рассмотрению.

Противники системы общности, во всем остальном потерпевшие поражение, в тех случаях, когда они, наконец, осмеливаются нарушить молчание, начинают с отчаяния цепляться за эти три вопроса в надежде на то, что, будучи хозяевами всей периодической печати, они сумеют затемнить эти вопросы при помощи лжи, софизмов и клеветы. В своем высокомерии и неистовстве некоторые из них, возможно, все еще мечтают о двойной победе: 1) исказить общественное мнение и представить *систему общности* в отвратительном и смешном виде; 2) посеять зерно раздора в среде самих демократов и коммунистов.

Безумцы! Им не известно, что сейчас никому не дано душить идеи, что с тех пор, как засиял светоч свободы, трон лжи сразу зашатался на своих разваливающихся основаниях, что если заблуждение и сохраняется еще, то это напоминает трупы давно умерших

людей, которые от малейшего дуновения превращаются в прах. Так же будет и в данном случае. Чтобы опозорить всех наших бессильных хулителей, мне достаточно суметь дать им ответ; в этом смертельном поединке между демоном предрассудков и невежества и духом разума я требую только своей части поля битвы и яркого света!

Я не удовлетворюсь ни простым опровержением, ни простым утверждением, ни лаконичным выражением негодования (законного негодования) против этого сброда криводушных извратителей истины, которые уродуют и искажают ваши слова и ваши мысли и позорят литературу и политику. Нет, я не из тех, кто покажет пример защиты истины столь слабой броней. Я хочу одержать победу путем рассуждений, путем очевидных доказательств.

Между тем, как легко было бы мне выполнить свою задачу, если бы я захотел ответить обвинениями на обвинения, если бы я пожелал вскрыть одну за другой все язвы существующего режима; если бы я занялся изложением истории придворных и городских *супружеских нравов*, если бы я осведомил читателя насчет разнузданных кутежей *Ватикана и святой коллегии кардиналов* \*; если бы я рассказал ему о тайнах Версальского дворца и игорного дома; если бы я сделал его свиде-

\* Всему миру известны скандалы, связанные с именами папы Александра Борджиа и некоторых его преемников. Говорят, что кардинал Лотарингский содержал в Риме более 12 любовниц

телем оргий времен Регентства и сатурналий времен Директорий<sup>68</sup> и т.д. и т.п.! О, тогда приговор был бы произнесен быстро, ибо каждый воскликнул бы вместе со святым Иеремией: «Они превратили церковь в великую блудницу Вавилонскую!» И еще: «*дворец знатных и царей — не что иное, как вертеп разврата, как гнусный публичный дом!*» \*

Вы, бесстыдно клеветующие на наши доктрины, не разумнее ли было бы с вашей стороны, если бы, учитывая ваше прошлое, вы держались поскромнее и хранили молчание? Вам следовало бы провести параллель между нашей будущей моралью и вашей жалкой моралью, когда даже сейчас под властью неумолимой логики у вас очень часто скрыто вырывается ужасное признание того, что омерзительные нравы *Содома и Гоморры* становятся все большей необходимостью для вашей системы!

И кто же сейчас показывает нам пример подобного позорного, скандального поведения? Это ваши официальные чиновники, ваши саванники: академики, ученые, профессора политической экономии, какой-нибудь бывший префект или пэр Франции!

Но, еще раз! — я вовсе не хочу обосновать успех нашего дела извращенностью *утилитарной морали*. Чтобы одержать победу, ему достаточно своего собственного превосходства! Мы требуем лишь того, чтобы бес-

\* Я не веду здесь речи о нравах XIX века.

пристрастные люди рассмотрели его хладнокровно и непредубежденно.

Однако, воскликнет кое-кто даже в нашем собственном лагере: «Существуют вопросы, которые являются жгучими и опасными. Главным образом на этой почве враги системы *общности* замышляют свои темные махинации; дух преследования и клеветы всё еще слишком силен, чтобы можно было поднять голос, не подвергая себя опасности».

Я отвечаю, во-первых, что маяк истины слишком ярко светит, чтобы нужно было сейчас скрывать ее от людей; во-вторых, что, когда сознаешь свою силу и превосходство, надо без колебаний преследовать потерпевшего поражение врага на оставшемся у него поле битвы, чтобы нанести ему последний, сокрушительный удар.

Таково было всегда ваше мнение, бессмертная плеяда: Руссо, Гельвеций, Мабли, Кампанелла, Бабеф и др.; вы неизменно оставались неутомимыми поборниками свободы исследования; таким были также и вы, мудрый Морелли, когда вы красноречиво произносили следующие разумные слова:

«Упорство и цепкость некоторых застарелых заблуждений так велики, что если пощадить малейший их корешок, то ствол останется неведимым; если упустить возможность нанести даже малейший удар, то предубежденным умам будет казаться, что какое-то непреодолимое препятствие останавливает ваши усилия. Разве мы не наблюдаем каждодневно, как

возражения, много раз опровергнутые, вновь выдвигаются в другой форме? Если вы пренебрегаете малейшим, незначительным разяжением какой-нибудь истины, если вы недостаточно ясно отводите какое-нибудь возражение, то лжецы и упрямцы от этого выигрывают в глазах невежд; они *превращают в трофей жалкие отренья, которые вы им оставляете*. Пусть их сумасбродные мнения были много раз разбиты впрах, но если вы упустили возможность нанести им последний удар, они выставляют их вновь как ни в чем не бывало и трубят об этом на весь мир»<sup>69</sup>.

Враги народа, возможно, начнут кричать, что доктрина коммунистов лишена единства, что у них путаные взгляды и что эта путаница скоро распространится и на людей. Пусть они не тешат себя подобной иллюзией. *Наше единство именно не такого рода, что может быть нарушено из-за восторженно вопроса*; оно сейчас теснее и внушительнее, чем когда бы то ни было. Можно ли усматривать признак отсутствия единства в том, что мы стремимся достигнуть большей или меньшей степени совершенства нашей доктрины? Таков закон прогресса, что этот великий идейный переворот необходим, чтобы собрать в единый светоч все рассеянные лучи и, таким образом, быстрее прийти к более полному и более определенному заключению. Нет, раскол среди коммунистов невозможен: борьба в наших рядах может быть только борьбой в интересах гармонии, здравого смысла; ибо одним из пре-



краснейших свойств наших принципов общности является то, что они заключают в себе решение всех проблем, дают во всех отношениях самое полное и самое совершенное удовлетворение всех потребностей и всех желаний.

С семенами идеи происходит то же, что *с* с семенами, которые служат нам питанием. Каждое семя, прежде чем прорасти в земле и приносить плоды, распадается на множество частиц, из которых каждая составляет ядро нового поколения, производит новое семя, новый колос.

И — заметим мимоходом — какого же восхищения заслуживает мощь наших идей! Эта народная партия, еще столь неуверенная и малочисленная в 1830 г., подвергавшаяся позднее стольким гонениям, до такой степени разобшенная и распыленная, что одно время ее считали уничтоженной, эта народная партия, которую наши современные Кайафы<sup>70</sup> (Caiphes) надеялись похоронить навсегда, сосредоточив на останках наших свобод такое количество хищнических и гнетущих законов и, наконец, весь арсенал сентябрьского кодекса<sup>71</sup>, — эта народная партия вскоре пробудилась, полная сил и жизни. Подобно сказочному великану, ей достаточно было коснуться земли подлинного равенства, чтобы восстановить свои силы! Сегодня, повторяю, она более сильна, чем когда-либо, ибо в ее руках находятся судьбы будущего, ибо, наконец, она несет действительное исцеление человеческим терзаниям!

*Вопрос.* У меня нет возражений против всех высказанных вами рассуждений, но все это не является ответом на поставленные мною вопросы. Действительно ли вы хотите разрушить семью и упразднить брак?

*Ответ.* Прежде чем решительным образом объяснить по этим двум пунктам, я хотел бы, чтобы кто-нибудь дал мне точное определение слова брак и слова семья,— это в высшей степени упростило бы мой труд; наш противники, несомненно, имели известные основания ничего не делать в этом отношении и оставить за собой в качестве средства двусмысленность. Попытаемся же свести на нет их ловкость.

## Глава IX

### О БРАКЕ, ОТЦОВСТВЕ, СЕМЬЕ

Пусть читатель, прежде чем приступить к чтению этой главы, вспомнит, что в самом начале данной работы я выставил критерием для всякого социального учреждения знание закона *человеческого организма*, то есть знание человеческих потребностей, способностей и страстей; пусть он вспомнит, что, исходя из этого принципа, я высказал мнение о существовании *основных законов равенства и свободы*, заключающих в себе все общественные добродетели, всякую идею *морали, порядка и прогресса*. Из законов равенства и свободы, стало быть, следует выводить решение тех трех вопросов, которые обозначены в заголовке данной главы. Если мы не нарушим этого изначального права, нам никогда не придется опасаться ошибки с нашей стороны, каковы бы ни были отдельные трудности, которые могут представиться на первых порах и которые, несомненно, скоро устранятся сами собой. Не существует, как мне кажется, более очевидной истины, чем эта, ибо поскольку все люди, как я сказал выше, непреодолимо стремятся быть

счастливыми, то как же может найтись среди них хотя бы один человек,—если он только не умалишенный,— который захотел бы извратить общественную мораль или ограничить радости и привязанности другого человека, когда система *общности* установит тождество всех интересов?

Чтобы еще больше облегчить читателю рассмотрение этого важного вопроса, я считаю необходимым изложить вкратце мнения, высказанные наиболее значительными писателями коммунистической школы.

1. Сократ и Платон. Они требуют, чтобы; все брачные союзы ежегодно возобновлялись по жребию,— так чтобы каждый мужчина мог иметь одну за другой от пятнадцати до двадцати жен, и то же самое каждая женщина. Они хотят, чтобы индивидуальное *отцовство* было заменено *общественным отцовством*. Они полагают, что для этой цели все дети со дня *рождения будут передаваться в общественное* помещение, где женщины будут всех их, без различия, кормить грудью, где все они будут воспитываться, не зная своих отцов и матерей, привыкнут, следовательно, считать себя братьями и питать ко всем мужчинам и женщинам одинаковую привязанность, одинаковую сыновнюю любовь; со своей стороны, все мужчины и женщины будут проявлять одинаковую заботу и питать одинаковую нежность ко всем детям общей им отчизны. В пользу своей доктрины Сократ и Платон приводят еще следующие доводы: 1) было бы опасно позволить

вести в крупную коммуну более мелкую, между членами которой существовали бы более интимные привязанности, более тесные отношения и, вследствие этого, более непосредственные интересы. Эти философы усматривали в этом элемент федерализма и разъединения, что, как им казалось, необходимо было предотвратить; 2) индивидуальная семья, ввиду интимности ее привязанностей, является причиной множества беспоконийств и самых мучительных огорчений, часть которых связана с состоянием здоровья, болезнью и смертью одного из супругов или детей, а для последних с болезнью и смертью братьев и родителей; 3) общественное отцовство, по их словам, отнюдь не подавляя потребности в излиянии своих чувств и в любви, которая является самым, сладостным удовольствием человека, с лихвой возместит индивидуальное отцовство, поскольку результатом его неизменно будут *более возвышенные движения души и вместе с тем освобождение от всех страхов и от всех слабостей,— одним словом, в общественной семье будут соединены все общественные и личные добродетели*. Это будет нечто большее, чем мораль, патриотизм, чувство отцовства, добродетель, целомудрие, нравственная чистота, поскольку каждое из этих благ будет умножено путем соединения с другими \*.

Эту доктрину признавало в принципе множество философских школ: стоики, теодорианцы, эпикурейцы, большинство академиков, эссеи<sup>72</sup>.

Иисус Христос, вышедший из этой последней

Таково, в основном содержание знаменитой главы «Республики» Платона, которую назвали *Общность жен*, — формулой, которая, по-моему, не передает ни полностью, ни в точности мысли Сократа и Платона. Несомненно, эти идеи шли от чистого сердца; они свидетельствуют о том, что Сократ и Платон были пламенными друзьями человечества<sup>73</sup>. Но я не могу не выразить протеста против двух серьезных ошибок — против *исчезновения из семьи ребенка и брака по жребью*. Эти два мероприятия находятся в явном противоречии с высшим законом свободы, занимающим такое громадное место в сердце человека. Именно этот закон свободы и вызывает в нас возмущение против тирании нерасторжимых браков, которая продолжает связывать супругов даже тогда, когда они не испытывают более друг к другу ни любви, ни нежных чувств; как же можно, исходя из того же закона, требовать, чтобы нежное чувство самой чистой

школы, был также ее ревностным проповедником, в большей степени живым примером, нежели словом. Он никогда не имел желания признать своего, отца Иосифа; в момент, когда собирались забросать камнями женщину, нарушившую супружескую верность, он спас ее, произнеся следующие слова: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». В другой раз он сказал: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». В этой фразе усмотрели осуждение брачного закона, который, как казалось, он противопоставлял закону природы,

любви внушалось в определенный час и в назначенный день и чтобы узы любви разрывались пятнадцать-двадцать раз в продолжение жизни? Разве допускать такое преобладание случайности в этом вопросе — значит повиноваться законам природы? Разве наука, напротив, не учит нас тому, что надо считаться с симпатиями, сообразоваться с силами, темпераментом и т.д.?

Зачем понадобилось также исчезновение из семьи ребенка, это насильственное отнятие от матери плода ее утробы, которого она будет лишена возможности даже кормить грудью, щедро наделить первыми заботами, первыми ласками?

Зачем нужны эти тщательные меры предосторожности, имеющие целью помешать тому, чтобы ребенок мог когда-либо узнать того, кто произвел его на свет? Повторяю, я хвалю Сократа и Платона за их рвение, за то, что они ожидали счастливых результатов от своих брачных законов; я, как никто, горячо желаю этих результатов; но пока мне не докажут обратного, я предпочитаю считать, что этого можно достигнуть *без принудительного развода, без навязанной по жребью любви, без исчезновения ребенка, своеобразного упразднения отцовства, без необходимости в чем-либо сдерживать наши симпатии*. Я сказал, — пока мне не докажут обратного, ибо как могу я претендовать на то, чтобы высказать окончательное и неизменное мнение, когда наука во многих вопросах еще не

сумела раскрыть тайны природы? Однако один вопрос не вызывает у меня ни тени сомнения, а именно: чего бы ни хотели достигнуть,—добиться этого наибоыстрейшим образом можно отнюдь не только *изданием законов, а посредством воспитания, при помощи науки, путем наглядного доказательства.*

2. Ликург. Он учредил в Спарте свободу развода. Его законы оставались неизменными на протяжении шестисот лет. Спартанцы — мужчины и женщины — считались во всей Греции образцом безупречности и целомудрия.

3. Мабли. Он рекомендует ограничить семейные отношения узкими рамками; он настойчиво убеждает, что *семейные отношения нарушили свойственную природе общность и что они были одной из язв римской республики. Он приходит к выводу о необходимости упразднения домашнего воспитания.*

4. Ж.-Ж.Руссо. Он еще более уточняет эти идеи. В своей «Политической экономии»<sup>74</sup> он восторженно отзывается об общественном воспитании и о законах Ликурга; в своей «Речи о происхождении неравенства среди людей» он даже берет на себя смелость отрицать в некотором роде кровные связи<sup>75</sup>.

5. Кампанелла. Он требует свободы развода в самом широком понимании этого слова И, кроме того, упразднения домашнего хозяйства<sup>76</sup>.

6. Томас Мор. Он отвергает пожизненность брака<sup>77</sup> и требует, чтобы будущие суп-

руги до вступления в брак сбрасывали с себя одежды и внимательно осматривали друг друга.

7. Гельвеций. Он также крайне опасается пагубных отклонений, проистекающих от семейственности (du famillisme). Если любовь к отечеству, говорил он, не преобладает в сердце человека, то чем лучшим отцом, мужем, сыном он будет, тем худшим будет он гражданином. Какие только преступления ни заставляла совершать родительская любовь? Он приходит к выводу о необходимости общественного и эгалитарного воспитания<sup>78</sup>.

8. Морелли. Его учение настолько замечательно, что я не могу отказаться от того, чтобы привести некоторые отрывки из него:

«Устраните заинтересованность во владении землей, И вы навсегда покончите с войной!»

«И любовь вступит в свои права! Она перестанет быть непостоянной, неверной, развращающей; людям станет незнакомо постыдное слово «проституция»; никогда красавица не будет стыдиться стать матерью и не станет совершать преступных усилий, чтобы избежать материнства.

Своекорыстие извращает сердца и привносит горечь в самые важные связи, превращая их в тяжелые цепи, ненавистные супругам, которые становятся ненавистными друг другу. *Браки—это торжественные обеты всегда любить друг друга, и даже после нарушения этого неблагоприятного обещания люди оста-*

ются навеки связанными друг с другом. Какое странное противоречие!

Большинство законодателей, те, которых считают наиболее мудрыми, отнюдь не делали брак нерасторжимым. Все они сознавали жестокость и неудобства закона, подчиняющего человека невозможному, а именно—необходимости выполнять условия договора, когда все, составляющее его основу и сущность, не существует более. Почему же безразличие или ненависть не расторгают, так же как и смерть или импотенция, брачного договора, основанного исключительно на взаимной любви сторон?

С тех пор, как мораль и законы, претендующие на то, чтобы управлять человеком против воли природы, превратили любовь в преступление и вызвали к жизни все предрасудки, которые сумели ее обесчестить, она стала непостоянной, похотливой, бесстыдной, распутной. Что же тут удивительного? Наша душа, созданная для всего, что безболезненно и легко ведет к удовольствиям, будучи постоянно лишена этого сладостного напитка, испытывает такую страшную жажду, что задыхается от желания ее утолить. Можно тогда сколько угодно взывать к законам, к ним никто более не прислушивается; им приходится примиряться с излишествами, которых они не имели благоразумия предотвратить.

Если бы люди, претендующие на то, чтобы регулировать нравы и предписывать законы, взяли на себя задачу *подорвать осно-*

*вы всякой морали*, то они не могли бы придумать для этого ничего более действенного, чем большинство их искусно составленных конституций».

Таким образом, причины, которые почти всегда извращают нежную и мирную склонность к любви, Морелли резюмирует двумя словами: *собственность, принуждение*. Он указывает как на целительное средство на общность имуществ и на свободу развода<sup>79</sup>.

Коммунисты нового времени также занимаются этим вопросом. Многие устно, некоторые—в своих сочинениях:

1. Бабеф, Буонарроти и их товарищи по несчастью. Они хотели, чтобы строй общности, по возможности, обеспечивал ребенку молоко и первые заботы матери, но чтобы вместе с тем были приняты все меры к ограждению ребенка от опасностей ложной нежности<sup>80</sup>. *Никакого домашнего воспитания, восклицали они; никакой родительской власти!* Затем они спешили высказать вдобавок следующую мудрую и глубокую мысль: «Личный авторитет, который закон отнимет у родителей, будет им возвращен сторицей общественным воспитанием»<sup>81</sup>.

2. Оуэн. Этот знаменитый социалист разделяет мнение предшествующих: в общественном и эгалитарном воспитании он видит источник всей общественной деятельности; он поэтому требует, чтобы коммуна завладевала человеком с самого его рождения и не поки-

дала его до самого гроба. *Он отвергает систему раздельного хозяйства.*

3. Кабе. Он заявляет, что идеи Сократа и Платона, которые были мною проанализированы, не содержали в свое время ничего шокирующего; что их ежегодные браки были проникнуты принципами строжайшего *целомудрия, чистоты*, религиозности и патриотизма. Однако он отвергает наставления Сократа и Платона не только в части, относящейся к браку по жребию, не только в том, что касается принудительного разлучения супругов, удаления ребенка,— пункты, в которых я разделяю его мнение,— но *отвергает* также в их *унитарном, гигиеническом, экономическом принципе, сохраняя раздельное хозяйство, отводя домашнему воспитанию\* и даже семейственности весьма значительное место.*

На чем основывается предложение ограничить столь узкими рамками общественное воспитание и общность хозяйства? *На том, что наше воспитание, наши нравы, наши привычки, наши предрассудки делают сейчас эту идею* страиной ("Путешествие в Икарию" стр.387, 1-е изд.)<sup>82</sup>. Но что из того! Разве истина не является более постоянной, более абсолютной и неизменной? Нужно ли, следовательно, всегда тащить наш разум на буксире наших привычек, *предрассудков* и т.д., когда совершенно очевидно, что именно в *вос-*

*питании, нравах, обычаях и предрассудках* коренится *язва*, которую мы хотим уничтожить? Каким образом автор «Путешествия в Икарию» не заметил всего того, что является неправильным в такого рода ссылке? Как! Принимать за исцеление от зла само зло!.. Но разве это не значит превзойти даже того большого, который спрашивал своего врача: «Господин, какой болезнью вы замените мою лихорадку?» Уважать *предрассудки*, заявляет Мабли, значит походить на тех граждан страны горбунов, которые удивлялись, что можно существовать и, в особенности, претендовать на красоту, не имея большого горба на середине спины.

И, действительно, куда привела бы нас подобная доктрина! Разве она не находится в прямом и очевидном противоречии с нашей революционной философией? Если мы примем ее *в принципе*, то что мы ответим тем, кто поддерживает неравенство, собственность, раздробленность, аристократию, когда они станут отвечать на каждую из наших теорий либо на всю нашу систему в целом *отказом признать* их, подобно тому, к чему призывает автор «Путешествия в Икарию».

Возможно, г. Кабе имел в данном случае в виду только переходный период; быть может, он намеревался сделать только временную уступку предрассудкам и т.п.? Я до некоторой степени допускаю эту политику соглашения, этот вид тактики; но в таком случае следовало совершенно определенно *сохранить прин-*

\* Здесь в оригинале, псевдимоу, опечатка, которую мы исправляем по смыслу. — *Ред.*

ципы и, прежде всего, не высказывать, например, предположения, что Сократ и Платон, если бы они жили в наше время, *безусловно отдали бы дань предрассудкам*, и т.д.

Повторяю, из вышеизложенного не следует делать вывода о том, что я хочу отстаивать платоновскую «Республику» в той ее части, которая предписывает: 1) *исчезновение из семьи ребенка*, 2) *браки по жребию*, 3) *насильственный развод*. У меня и мысли такой нет. Еще меньшее оправдание я нахожу в системе трех каст, на которой основывается улюбочный строй общности двух греческих философов<sup>83</sup>. Что касается слов, которые недобросовестные люди так часто взваливают на голову коммунистов, а именно: *общность жен!* то, после того как я неустанно излагал на протяжении всей этой работы свои принципы, полагаю излишним опровергать данное обвинение, являющееся *их полной противоположностью. Общность...* эта формула включает в себе одновременно идею *пассивности* и идею *господства*. Она может быть применима только к *вещам*, к *продуктам труда*. В своих размышлениях, которые я сейчас изложил, я, стало быть, преследую единственную цель, а именно: выразить протест против ложной доктрины, которая стремится *подчинить принципы, принести их в жертву условиям времени, места, обстоятельств*. Пользуюсь случаем, чтобы напомнить читателю, что во всем том, о чем я до сих пор говорил, я имел в виду только будущее, *полную общность*, и что, следовательно, мне не при-

шлось вносить *никакого изменения в принципы*. Пусть он соблаговолит еще некоторое время не беспокоиться относительно организации *переходного периода*: она, как я уже говорил, составит предмет особой главы. Единственный способ быть *ясным и кратким*, не впадать в непрерывные и скучнейшие повторения состоит, на мой взгляд, в том, чтобы *не путать и не смешивать* разные вопросы, чтобы определить место каждого из них. Таков метод, которого я стараюсь придерживаться.

Я резюмирую:

Если отбросить эти платоновские идеи, преувеличения и бесполезность которых я показал выше, то что остается существом почти всех доктрин, которые я проанализировал? Каков логический вывод из них? Вот он: *Никакого раздельного хозяйства! Никакого домашнего воспитания! Никакой семейственности! Никакой власти мужа! Свобода союзов! Полное равенство полов! Свободный развод!*<sup>84</sup>

Таковы также и мои принципы.

Я жду того, что клеветники не упустят случая извратить мои слова и мои мысли и станут кричать о беспорядке! *Но в конце концов здравый смысл восторжествует*, ибо что могут им причинить вопли, носящие искусственный и по большей части корыстный характер? Если я ошибаюсь, пусть мне докажут мою ошибку, и я буду счастлив ее признать. В противном

До настоящего времени развод обставлялся такими препятствиями, что был доступен только богатым людям<sup>84</sup>.



случае пусть замолчат, пусть не надеются, по крайней мере, заставить меня согнуться под ярмом *власти* или *запугивания!*

Вы без конца говорите о беспорядке и распущенности! Но возможно ли это, когда путем воспитания и образования люди будут причислены к тому, что только целомудрие и умеренность могут сохранить нам здоровье и тем самым умножить и продолжить наши удовольствия? Когда исчезнут проституция и непристойные развлечения, столь чрезмерно возбуждающие чувственность? Когда физическая и интеллектуальная культура, гимнастика, нравы, обычаи, взгляды и т.д. будут так действительно отвлекать людей от соблазна, похоти и невоздержанности, что им удастся вырвать из сознания людей даже мысль об этом? Какое место останется *для распущенности* в сердцах, наших *равных*, когда они неустанно будут *страстно* заняты *науками, искусством, производством, политической деятельностью*, когда все их помыслы будут искусно направлены на то, чтобы заслужить *общественное уважение*, будут обращены на *любовь к родине, на еще более возвышенную любовь к человечеству!*

Поборники *привилегий* и *семейственности*, именно в вашей ограниченной системе нищеты и принуждения рождаются идеи *своеволия, сладострастия* и *вождедения*, ибо, как гласит пословица, *запрет возбуждает желания*, или еще: *запретный плод сладок!* Таков один из главных мотивов, по которому нарушение супружеской верности так часто находит в общей

воле *нарушителей закона* непреодолимый импульс. Иногда они даже идут еще дальше: прелюбодеяние вызывает, с одной стороны — закон *возмездия*, а с другой — оно украшает себя добрым именем *благородства*. Именно это вытекает из недавно нашумевшего знаменательного процесса в суде департамента Сены, процесса, вызывающего на размышления: *врач-прелюбодей* остался окруженный почетом и уважением всех, кто его знал, между тем как *обманутый муж* после суда был покрыт стыдом и общественным презрением, так как своим поведением спровоцировал поведение своей жены!..

При нашей же системе незачем будет прибегать к насилию или к какому-либо другому недозволенному средству, чтобы заставить благосклонно принять свою любовь, раз можно будет на законном основании открыто предложить сердце предмету своей любви. Каким образом существо, одаренное разумом, причисленное всем своим воспитанием уважать свободу своих братьев и питать чувства почтительности к женщине, сможет забыть ее до такой степени, чтобы — я не говорю покуситься на ее невинность (такая гнусность будет незнакома в нашем будущем государстве, подобно тому, как это было в Спарте в течение 600 лет, пока действовали законы Ликурга) — а дойти до навязывания своей любви женщине, сердце которой отдано другому, или такой, которая отвергла выражение его чувств?

В качестве возражения против наших доктрин о порядке и свободе указывают также на пагубные последствия, обычно проистекающие из страсти, доведенной до отчаяния. Но ведь и это является пороком, *целиком* свойственным нынешнему режиму, *нерасторжимому браку*. Уничтожьте власть неравенства и принуждения, — и никогда не исчезнет последний луч надежды, так как тому, кто сегодня терпит неудачу в своем ухаживании, возможно, позднее будет отдано *предпочтение*; известно, что ничему так не свойственно терпение, как надежде! К тому же при нашем будущем воспитании различие в личных качествах не будет настолько велико, чтобы несчастный влюбленный не смог найти в другой красивой женщине утешения в своем горе. Не существует ли множество других средств, которые будут способствовать всеобщему удовлетворению и наложат на нашу систему печать *самой высокой морали и самой совершенной чистоты*? Она, бесспорно, значительно более пригодна для этого, чем система дробного хозяйства, при которой супруги большую часть времени находятся вместе, а это имеет естественным следствием либо еще большее разжигание страстей, либо более или менее быстрое охлаждение и т.д.

Да, сто раз да! Я осмеливаюсь это предсказать: никогда общество не будет *более счастливым и более братским*, чем наше, ибо из самой неограниченной *свободы* последует самый совершенный *порядок*! Тогда именно

можно будет действительно отдаться во власть доброй природы и принять за правило для своего поведения следующее изречение, начертанное на воротах Телемского аббатства: *Поступай, как хочешь (Рабле)*.

Теперь перехожу к вопросу о семье.

Мы, как это можно было видеть, не хотим уничтожения родительского чувства. Пусть родители расточают свою любовь детям, ничто этому не препятствует. Я не вижу ничего неудобного в этом. Но что мне кажется чрезвычайно порочным — так это *создание родительского очага*, где система *общности* сможет оказывать только косвенное и даже второстепенное влияние.

При режиме частной собственности домашний очаг, несомненно, необходим, так как государство совершенно не заботится о нуждах ребенка. Но для всякого очевидно, что положение совершенно меняется при режиме *общности*, который, подобно самой нежной матери, обеспечивает нужды всех людей и беспрестанно опекает всех детей. При режиме частной собственности самый развод есть бедствие, так как, помимо прочих роковых последствий, он еще лишает ребенка одного из родителей, а затем отдает его в руки мачех и наемных лиц. Это замечание в равной мере применимо и ко всему режиму домашнего очага. Каким же образом сторонники этой системы, коммунисты, допускающие развод, не заметили того, что домашний очаг ставит для развода „непреодолимые затруднения, которые делают его невоз-

можным? Итак: либо упразднение родительского очага, либо нерасторжимая моногамия; я вызываю их решить эту дилемму!

Из всего этого я заключаю, что неизменным следствием установления режима полной общности будет слияние всех домашних очагов в один большой общественный очаг и таким образом будет нанесен последний удар духу федерализма и неравенства. Нет, безусловно нет! система общности непременно искоренит этот последний вирус, основываясь на уроке истории, свидетельствующем о том, что всякое зло, как бы оно ни было незначительным в своем зародыше, непрерывно увеличивается, если не быть на-чеку, и в конце концов может стать крайне опасным. Так, например, в Спарте один призрак денег, одна номинальная собственность, фиктивная собственность, поскольку она, по правде говоря, означала собой только право пользования имуществом, простое управление делами, постепенно привели к падению режима общности, и вскоре после этого даже к исчезновению самого национального существования этой республики<sup>87</sup>.

Важно, кстати, отметить одну вещь, а именно, что семейные отношения претерпели значительные изменения. Что придает в наши дни силу отцовской власти, если не уход за ребенком, подарки, предоставление всяких благ? Всё это будет достоянием коммуны, и родители ничего не смогут предложить детям такого, что принадлежало бы только им одним. Это будет величайшая революция, которая приведет к

тому, что чувство сыновней любви утратит всё, что в нем сейчас есть исключительного; оно национализируется, распространится на всех, не подвергшись уничтожению, не утратив решительно ничего из того, что делает его возвышенным! Какая же особая привлекательность останется тогда у домашнего очага? Разве вы не видите, что ребенку он скоро покажется слишком тесным и что его будет неудержимо влечь притягательная сила больших объединений и общество детей его возраста? По той же причине почти то же произойдет с чувством отцовской любви.

Сторонники дробного хозяйства, вот еще одна дилемма: «Либо кровное родство является менее сильным, чем утверждаете вы, либо в любом из возможных положений оно будет достаточно действенным, чтобы сблизить между собой братьев и сестер, детей и родителей, и тогда что же вам еще надо?» В том и другом случае нет нужды оставлять при режиме

мелких домашних союзов, если только у вас нет намерения покуситься на этот режим, отделить ваше состояние от общественного состояния.

Я мог бы привести еще много соображений в пользу системы, которая будет радикальным образом унитарной, но эта глава уже и без того несколько длинна. Я закончу ее следующими размышлениями.

В домашних условиях воспитание детей крайне несовершенно и представляет множе-

ство неудобств. Каким образом возможно *при дробном хозяйстве* соблюдать все те кропотливые, все те разумные предосторожности, которые придадут новое значение нашему общественному воспитанию? Каким образом возможно организовать в домашнем быту этот превосходный распорядок, эту превосходную гимнастику, которые предохранят от всяких несчастных случаев и в то же время облегчат развитие всех органов?

В родительском доме, например, имеются мебель, камин, вазы и т.д.; не приходится ли там опасаться несчастных случаев, несмотря на все предосторожности, предпринятые матерью?

Разве возможно предположить ребенку все преимущества гимнастики, а именно — позволить ему совершенно свободно играть, полностью удовлетворять эту необходимую и непреодолимую потребность в движении, которую испытывает наше тело в процессе роста? Это невозможно в условиях обособленности, ибо для этого необходимы специальные помещения, что потребует колоссальных работ и огромных затрат материалов. Можно ли поэтому серьезно предполагать, как это делает автор «Путешествия в Икарию», что каждая семья сумеет пойти на такие расходы, что все дома будут представлять собой нечто вроде дворцов, в которых будут залы для занятий и для отдыха, огромный парк, гимнастический зал и т.д. и т.п.?

Однако то, что не может быть сделано при

2000 хозяйств, станет легко осуществимым, когда будет только одно общее крупное хозяйство, когда отдельные семьи будут сконцентрированы в одном месте. Насколько воспитание и обучение станут легкими, приятными, привлекательными, когда все ученики смогут быть разделены и распределены по возрасту, физической силе, по вкусам, дарованиям и способностям! В общем, что касается самых маленьких детей (от одного до пяти лет), то будут предусмотрены самые заботливые, самые разумные меры для того, чтобы при занятиях гимнастикой не приходилось опасаться малейшего несчастного случая. Вообразите, например, обширные, прекрасно проветриваемые и вентилируемые, соответственно времени года, залы, всегда безукоризненно чистые, в которых совершенно отсутствует всякая внешняя мебель\*, залы, в которых паркет и все неровности будут тщательно обиты мягкими материями; при этих условиях ничто не помешает тому, чтобы предоставить детей всем их причудам.

Прежде всего, исчезнут эти странные и вредные стеснительные одежды, настоящие смиренные рубашки, которые держат тело, словно в тюрьме, и деформируют все его чле-

\* Я говорю о внешней мебели, так как ничто не мешает пользоваться внутрискрипными шкафами, — настолько просторными, насколько это будет признано удобным, — для складывания всех необходимых, полезных и приятных вещей.

ны! Снимите тяжелую повязку, которая давит на лоб и на голову! Предоставьте всем детям легкую и удобную одежду! Вы тотчас увидите их веселыми и деятельными. Даже ребенок, который еще не умеет ходить, не будет оставаться без дела. Он беспрестанно будет пытаться подражать старшим и будет проявлять смелость, ибо его многочисленные падения доставят ему только развлечение, побуждая его снова падать. Таким образом, все будет способствовать нормальному развитию органов.

Какая разница между поколением, воспитанным таким образом, и нынешним поколением! Какая красота! Какая сила! Какая ловкость! Какая энергия! Как быстро человечество пришло бы к долголетию и к совершенствованию своего рода!

Легко понять также, что такого рода воспитание не ограничится физическим совершенствованием; оно, несомненно, окажет влияние *на умственные органы, а физическое и умственное совершенствование с необходимостью приведет к моральному совершенствованию!!*

Да и как может быть иначе при нашей системе *унитарного воспитания*? Не будет больше слез, не будет принуждения! Исчезнут ежедневные пререкания, так сильно потрясающие хрупкую, легко возбудимую организацию ребенка! Прекратятся эти выговоры, бессмысленные наказания, которые служат только для того, чтобы познакомить ребенка с отвратительной властью грубой силы, чтобы зародить в его юном сердце чувства ненависти и

мщения, раболепства и тирании! Отцы и матери, воспитатели детворы, могут не сомневаться в том, что не один крупный преступник получил именно у них первый урок деморализации и развращенности.

Полагаю, что я показал отсутствие всякой связи между домашним очагом и общественным воспитанием. Дальнейшие разъяснения, которые будут мною даны в следующей главе, окончательно уяснят эту истину.

## Глава X

### ВОСПИТАНИЕ

«Я всегда считал, что если бы преобразовали воспитание, то преобразовали бы мир».

*(Лейбниц)*

Всё проистекает от воспитания: добро, зло, верования, нравы, чувства, привычки. Однако воспитание не основывается только на словах; оно есть результат самого существования общества, краеугольный камень всего здания-

Все философы, все политики во все времена и повсюду понимали, какое огромное влияние оказывает воспитание на существование индивидуума и на процветание государства. Большинство из них (особенно все те, кого я назвал в данной работе) проповедовали общественное, равное, бесплатное воспитание.

Наиболее выдающиеся граждане французской революции также хорошо понимали этот великий принцип. Все они усматривали в воспитании самое действенное средство «упрочит» и усовершенствовать великое дело, которое они надеялись завершить.

Некоторые из них оставили нам замеча-

тельные проекты, проникнутые самыми благородными чувствами, хотя все они были незавершенными. Тот, который принадлежал Лепелетье де Сен-Фаржо, заслуживает особого рассмотрения. И даже жирондист Рабо де Сент-Этьенн изложил чрезвычайно правильные мысли.

«Общественное воспитание,— говорил этот член Конвента,— есть средство передать народу, каким бы многочисленным он ни был и как бы он ни был разбросан, одинаковые, общие всем восприятия. Общественное воспитание приводит к тому, что в один и тот же день, в один и тот же момент все граждане получают одни и те же восприятия благодаря присущим им способностям и, наконец, благодаря энтузиазму, который можно назвать волшебством разума! Общественное воспитание формирует душевный склад, наделяет добродетелями; оно связано с большими пространствами, осуществляется в сельских местностях, требует цирков, помещений для гимнастики\*, ему присуще мирное, величественное зрелище объединенного человеческого общества; оно начинается со дня *рождения* и завершается только у самого *гроба*»<sup>88</sup>.

Несмотря на это хорошее начало, Рабо де Сент-Этьенн приходит лишь к жалким выводам: он видит добро, но не решается о нем говорить; он восхищается законами Миноса и Ликурга; однако при сравнении античных учреждений с нравами его эпохи мысль его слабеет и делается бессильной. При нашем

режиме частной собственности, и особенно при существовании денежной системы, он не надеется достигнуть столь высокой цели: «Слишком велико расстояние,— восклицает он,— между нами и этими детьми природы, которые предпочитали иметь власть над теми, кто обладает золотом, чем самим владеть им!» Республиканец и демократ по своим взглядам, жирондист по своим связям и привычкам, по тщеславию и честолюбию, он старается примирить непримиримое и извращает реформу, которую предлагает, вступив в сделку с собственностью, этим лгтворным и ядовитым растением, иссушающим и разлагающим своим зловонным дыханием всё, к чему оно приближается.

Другие люди, более ревностные и более благородные, пытались уничтожить до мелочей дух неравенства и федерализма. Но их благородные усилия разбивались об этот камень преткновения.

Мишель Лепелетье де Сен-Фаржо прославился тем, что кровью своей скрепил новорожденную республику, а также тем, что он первый со времени революции придумал план национального, общественного, равного воспитания<sup>89</sup>. Это, несомненно, была большая смелость — возложить на богатого тяжесть *содержания и воспитания бедного*. Это был огромный прогресс — отнять у *отцовского эгоизма* первоначальное воспитание детей. Однако вынужденный сочетать эту спасительную реформу с преступным законом о *частной соб-*

*ственности*, которую Конвент с Робеспьером во главе незадолго перед тем объявил *священной и неприкосновенной*, проект, сформулированный Сен-Фаржо, неизбежно содержал множество уступок и немало слабых мест. Он предлагал воспитывать детей в возрасте от 5 до 12 лет в условиях полнейшего равенства: для каждого возраста *одинаковую одежду, питание, жилище, игры, упражнения, одни и те же доктрины, наставления, обучение, книги, одинаковых преподавателей* и т.д. Но как могли это подлинное равенство, которое отождествляло всех *граждан юного возраста*, это братство, которое они почерпали в школе, оставаться *нетронутыми в условиях домашнего очага*, под зловредным влиянием *твоего и моего*, под влиянием *денег*?

Как бы то ни было, чувства равенства и братства пустили с тех пор такие глубокие корни во всех сердцах; осуждение семейного эгоизма и отцовской автократии было столь велико, такое отвращение внушали пустые пререкания этих беспокойных ассоциаций, создающихся у очага в виде маленького тесного кружка, что когда Ж.-М.Шенье создал героический гимн («Походную песнь»)<sup>90</sup>, который долгое время вел наших солдат к победе,— наибольший энтузиазм возбуждали идеи последнего четверостишья, той возвышенной строфы, которую он вкладывает в уста французских женщин и которую наши республиканцы всегда пели, обнажив головы.

«Не бойтесь слез в наших глазах материнских,—

Мы далеки от того, чтобы малодушно предаваться  
скорби!  
Мы непременно победим, когда вы возьмете в руки  
оружие.

Мы дали вам жизнь,  
Воины, она больше не принадлежит вам:  
Все дни вашей жизни принадлежат отчизне,  
Она — ваша мать прежде, чем мы!»

Именно этими, столь возвышенными и столь чистыми принципами общественного отцовства были объяты сердца вандомских узников, когда они тайно готовили план воспитания, который я сообщу моим читателям.

О, Бабёф! О, Буонарроти! О, Дарте! О, Марешаль<sup>91</sup>! О, Жермен! О, Антонеллы! и т.д., примите дань уважения от меня и от всех истинных друзей человечества за славный памятник, который вы нам завещали!

Предоставим слово Буонарроти:

«Согласно взглядам Повстанческого комитета<sup>92</sup>, воспитание должно быть *национальным, общественным, равным*.

*Национальным*, т.е. руководствующимся законами и находящимся под надзором должностных лиц. Воспитание должно дополнить реформу, поддерживать и укреплять республику; республика — компетентный судья нравов и знаний, которые для нее важно привить молодежи. С другой стороны, воспитание должно иметь своей главной целью глубоко *запечатлеть во всех сердцах чувства всеобщего братства, находящиеся в противоречии с исключительным и эгоистическим семейным режимом и отвергаемые им*.

*Общественным*, т.е. предоставляемым одновременно всем детям, живущим в условиях одного и того же порядка. Важно, чтобы молодежь с раннего возраста приучалась видеть во всех своих согражданах только братьев, связывать свои удовольствия и свои чувства с удовольствиями и чувствами других людей и находить свое счастье лишь в счастье себе подобных. Общественные формы воспитания являются отображением большой национальной коммуны, с которой каждый добрый гражданин должен связывать свои действия и свои радости.

*Равным*, ибо все в равной мере являются любимыми детьми отечества; ибо все обладают одинаковыми правами на счастье, неизбежно нарушаемыми неравенством; ибо из равенства в воспитании должно проистекать наибольшее политическое равенство.

Чтобы получить понятие о проектах Повстанческого комитета в этой области, представим себе верховное правление, состоящее из старцев, посевших на важнейших должностях в республике, правление, которое при помощи менее высоких должностных лиц осуществляет руководство всеми воспитательными учреждениями и при посредстве особо выделенных из его состава инспекторов обеспечивает исполнение законов и его собственных распоряжений, располагает учительской семинарией, проявляет заботу о преподавании в ней.

При том строе, каким его представлял Комитет, отечество овладевает индивидуумом



со дня его рождения и не покидает его до самой смерти. Оно заботливо следит за первыми мгновениями его жизни, обеспечивает его молоком и уходом со стороны той, которая дала ему жизнь, устраняет от него все, что может повредить его здоровью и привести в нервное расстройство его организм, охраняет его от опасности обманчивой нежности и т. д.

В каждом округе\* хотели учредить два воспитательных дома — один для мальчиков, другой для девочек. Предпочтение отдавалось бы сельским местностям с чистым воздухом, — местностям, находящимся в отдалении от городов.

Мужчина, предназначенный природой к движению и действию, обязан содержать и оборонять отечество; женщина должна приносить ему крепких граждан. Физически более слабая, чем мужчина, подверженная недомоганиям беременности, родовым мукам и нередко следующим за ними болезням, наделенная чарами, имеющими столь большую власть над другим полом, женщина кажется предназначенной для менее тяжелых и более спокойных работ, получившей в удел от природы способность умиротворения буйства страстей, смягчения страданий человечества, способность

\* Это и некоторые другие места, как, несомненно, заметит читатель, должны быть отнесены только к переходному режиму. В самом деле, легко понять, что при интегральной системе общности деление на *округа* будет с успехом заменено *коммуной*.

оценить проявление доблести Из этих глубочайших различий следует, что воспитание обоих полов не может быть во всём одинаковым. Поговорим сначала о воспитании мальчиков.

Согласно взглядам Повстанческого комитета, национальное воспитание должно ставить перед собой три цели:

- 1) физическую силу и ловкость,
- 2) умственное развитие,
- 3) сердечную доброту и энергию.

Здоровье и физическая сила граждан — условия, от которых главным образом зависят благополучие и безопасность республики; они приобретаются и сохраняются посредством деятельности органов и устранения причин, нарушающих функции, свойственные живым существам. Отсюда необходимость физических упражнений, умеренности и воздержания. Следовательно, молодежь, являющаяся надеждой отечества, должна быть приучена к сельскохозяйственному труду и механическим ремеслам, приобретать навыки к наиболее трудным передвижениям и жить в наиболее благотворной умеренности. Военные манёвры, бег, верховая езда, борьба, кулачный бой, танцы, охота и плавание — таковы развлечения и виды отдыха, которые Повстанческий комитет готовил для грядущего поколения\*; он хотел, что-

Эта гимнастика превосходна для революционного периода. Но после завершения революции она будет с пользой заменена трудом в сельском хозяйстве и в промышленности, так же как прекратят свое

бы лень и безделье были изгнаны из воспитательных домов и чтобы дряблость характера и любовь к сладострастию не могли найти путей к сердцам молодых французов.

Были задуманы воспитательные дома, которые должны были включать такое количество помещений, сколько различных возрастов в них должно было содержаться. Здесь предполагались залы для совместной еды, мастерские, где каждый ученик мог приобрести навыки в ремесле, которому он отдавал предпочтение. С одной стороны, обширные сельские местности, в которых можно было бы видеть молодежь, то занимающуюся сельскохозяйственным трудом, то располагающуюся по-военному в палатках; с другой — гимнастические залы для игр; в иных местах — расположенные амфитеатром помещения для обучения.

В результате постоянно возобновляющихся занятий наша молодежь должна была бы проникнуться мнениями, аналогичными принципам, на которых зиждется государство. Молодежь приучилась бы приписывать родине, являющейся владычицей всех людей, красоты, которые она видит, а свое здоровье, благополучие и удовольствие относить за счет священных законов родины. Живя постоянно совместно, молодежь в результате этого не стала бы отделять свое счастье от счастья других людей; единственным *побудительным мотивом для действий* молодежи, охраняемой от зара-

существование разрушительные армии и их место займут производственные армии.

жения своекорыстием и тщеславием, а также убежденной опытом и рассказами о нежной любви к ней *родины*, было бы желание служить родине и *заслужить* ее одобрение.

Были бы приняты все меры, чтобы *уберечь* молодежь от *мыслей о превосходстве* и *преимущественном положении*. В этих местах, где царили бы простота нравов и покой, ничто не могло бы пробуждать жажду золота и власти. Пламенная любовь к равенству и справедливости была бы здесь тесно связана с первыми восприятиями молодых граждан, которым скоро стали бы свойственны все добродетели, внушенные им этим учреждением и рекомендованные во имя столь нежно любимой родины.

*Воспитание девочек.* Для того, чтобы гражданское население состояло из одних только крепких и трудоспособных мужчин, необходимо обеспечить хорошим телосложением тех, кого природа предназначает дарить государству граждан. Необходимо, следовательно, посредством труда и физических упражнений предохранять их организм от износа. Движение и занятие делом являются великими средствами республиканского воспитания; так же как отсутствие собственности и различий, они будут способствовать ослаблению склонности к кокетству и более позднему пробуждению порывов любви.

Девушки будут обучаться наименее тяжелым видам сельскохозяйственного труда и ремесла, ибо труд, являющийся обязанностью

## ИНДУСТРИАЛЬНОЕ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

всех людей, служит также обузданием для страстей, потребностью и очарованием жизни. Девушки будут целомудренны, ибо целомудрие сохраняет здоровье и служит украшением любви; они будут любить родину, ибо важно, чтобы они внушали эту любовь мужчинам; следовательно, они также примут участие в изучении того, что будет вызывать у них восхищение мудростью законов родины; они будут обучаться пению республиканских гимнов, которые украсят празднества; они наконец, будут принимать участие, на глазах у народа, в юношеских играх для того, чтобы при первых движениях любви преобладали веселье и невинность».

Что касается предметов обучения, путей и средств для направления умов в области интеллектуальной, на поприще *науки и искусства*, то Повстанческий комитет не успел сформулировать какой-либо законченной доктрины. Обуреваемый в течение длительного времени сомнениями, нерешительностью, растерянностью, он, наконец, начинал уже приводить в систему свои взгляды и, несомненно, пришел бы к ясному решению, но его деятельность была насильственно оборвана предательством подлого Гризеля и вандовой катастрофой.

Именно этот пробел в нашем *Кодексе воспитания*, оставленный мужественными гражданами, названными мною выше, я и должен постараться восполнить. Но я хочу сначала дополнительно развить принцип индустриального и сельскохозяйственного воспитания.

Как только дети (девочки и мальчики) начинают кое-что смыслить, становятся способными проявить некоторую сноровку, в возрасте трех-четырёх лет, их заботливо отводят в различные мастерские, парки, фруктовые сады, огороды, поля, конюшни, хлевы, на птичьи дворы, где перед их глазами один за другим проходят различные виды организованного труда. Надзиратели состоят главным образом из пожилых людей обоих полов, ибо именно пожилые люди с наибольшей симпатией относятся к детям. Они дают свободно проявляться, расти и развиваться разнообразным способностям и склонностям детворы; инстинкт подражания настолько свойственен детям, что для привлечения их к труду достаточно предоставить им небольшие инструменты для садоводства, промышленного мастерства и ремесел, и они тотчас гсрячо и страстно используют их. Они вовсе не стараются ломать и разрушать их; побуждаемые примером старших детей, которые, будучи уже полезными работниками, имеют регулярную организацию и более крупные и прочные инструменты, младшие дети стараются со всей ловкостью, на которую они способны, выполнять свои мелкие работы. Свойственное человеку прирожденное самолюбие, которое побуждает малышей добиваться участия в работе взрослых, быть полезным, играть роль, используется для того,

чтобы действительно найти применение их силам в самом раннем возрасте. На полях и в садах они вырывают паразитические растения и занимаются очисткой полей и садов от камней; на кухне они поворачивают маленькие вертелы, вылушивают горох, чистят овощи, фрукты, моют тарелки и т.д.; их, наконец, используют для всего, что не требует физической силы и ловкости, не соответствующей их возрасту, и можно видеть, как эти малыши с удовольствием и рвением отдаются труду, который им разрешен. С момента, когда им находят применение, они трудятся так же, как и взрослые граждане (см. стр.154).

1. Каждая школа делится на столько общих мастерских, сколько имеется видов производства; ученики распределяются в них соответственно их вкусам и способностям. 2. Каждая общая мастерская делится на столько специальных мастерских, сколько видов производства она охватывает. 3. Каждая специальная мастерская делится на столько секционных мастерских, сколько она включает отраслей производства. 4. Каждая секционная мастерская делится на столько групп, сколько она включает отдельных частей\*. 5. Наконец, чтобы

\* *Промышленность* есть совокупность всех видов ремесла. Общей мастерской называется известная совокупность ремесел, между которыми существуют отношения аналогии и взаимности, например, *производство одежды*, включающее ремесла: портновское, сапожное, шляпочное и т.д. Специальной мастерской называется совокупность различных отраслей каждой

еще более упростить и облегчить разбивку различных работ в каждой группе, рабочим раздаются номера в соответствии с их возрастом.

Аналогичные классификации производятся также в отношении сельского хозяйства, где имеются подразделения, бригады, секции и группы.

Эти гармоничные непосредственные классификации будут иметь результатом огромные преимущества: 1) упрощение, убыстрение и усовершенствование труда; 2) непрерывное активное соревнование, 3) наиболее широкое распространение чувства братства, ибо при нашем способе разделения труда обучиться той или иной профессии будет в высшей степени легко; каждый ученик сможет овладеть большим количеством профессий и таким образом последовательно пройти через множество групп. Благодаря этому полностью исчезнут корпоративный дух и *антагонизм*, ибо сегодняшние соперники завтра, возможно, будут работать в одной и той же группе. Конкуренция обратится в соревнование; соперничество будет существовать отнюдь не между людьми,

профессии, например, опять-таки профессии *портного*. Секционной мастерской называется каждая из отраслей той или иной профессии; прибегая к прежнему примеру, назову *изготовление брюк*. Группой называется каждая из частичных функций, входящих в состав каждой отраслевой профессии: кройка, строчка, шитье, стежка, прессование, скрепка, сборка и т.д., — все это частичные функции.

а между отраслями производства, и то, стало быть, не в порядке вражды, а в порядке развития гармонии, прогресса.

Согласно нашему механизму производственных функций в промышленности, ребенок постоянно имеет перед собой более высокую группу в отношении силы и ловкости, в которую он может перейти лишь путем совершенствования своего мастерства. Он, таким образом, проходит через последовательное число групп, соответствующих различным периодам детства и юности, вплоть до возмужалости. После этого он будет пользоваться полной свободой в своем труде. До этого он никогда не подвергается принуждению, а только руководству. Он может выбирать вид труда, но так как для *детского возраста* труд делится на множество ступеней, то для перехода от низшей ступени к более высокой необходимо, чтобы ребенок проявил достаточную силу, ловкость, способности.

Мы видим, как много мотивов побуждает детей с самого раннего возраста к полезному труду. Известно, как велика у детей способность к подражанию. Всякую работу, которую они видят, они хотят сами испробовать.

Известна также их постоянная активность, их неугомонный и разрушительный нрав. Всё это приводит в отчаяние отцов и матерей; ребенку хочется все потрогать, а между тем ничто ему не доступно; брань, крики постоянно сыплются на бедного малыша, следующего побуждению своей природы,— побуждению,

ценному в том смысле, что, будучи хорошо направлено, оно толкает ребенка к труду. Если он ломает и разрушает, то это происходит потому, что ему не предоставляют возможности проявить иным путем свои способности. Уже при существующем социальном строе можно видеть, способна ли маленькая девочка помочь своей матери в хозяйстве, позаботиться о своем младшем братишке, присмотреть за ним, убаюкать его; если ей поручают отжать белье, собрать фрукты, если ей позволяют забраться в кухню и помочь кухарке,— она будет делать это старательно, в восторге от того, что приносит пользу. Точно так же, если маленький мальчик получает возможность поливать, копать, грести граблями землю, если ему позволяют взять в руки инструменты, если его используют на том или ином виде полезных работ, он приложит к этому все старания, всю сноровку, на которую способен; целыми часами он будет терпеливо укладывать камень на камень, вертеть колесо, приводить в порядок груду предметов, исключительно вследствие сознания важности своей работы. Детям присущи в зародыше все страсти; надо только уметь извлекать из этого пользу, чтобы сделать их способными на всё хорошее, великое, полезное, благородное. В *коммуне* все преподаватели, все руководители, все граждане будут стараться внушать детям, с первых проблесков их умственного развития, сознание их полезности, значимости, глубоко отличаясь в этом отношении от наших нынешних *воспита-*

гелей, которые в большинстве случаев как будто сами стараются притупить в ребенке чувство *самолюбия*, умалить его, так сказать, в собственных глазах. Все игрушки детей будут представлять собой инструменты, будут иметь полезное назначение; все игры будут превращаться в различные виды работ и будут полезными. Это станет у детей природной привычкой, так что им будет непонятно, как можно растрчивать время попусту. Труд и развлечения составят одно целое в глазах нашей *молодежи общества равных*; им будет неизвестно, что то и другое может существовать раздельно. Поскольку трудовые процессы и инструменты будут всегда соразмерны с их физической силой и сноровкой, они не будут чувствовать ни трудности, ни усталости. Так как они будут работать группами и в течение короткого времени, то им будут неизвестны скука и отвращение; напротив, постоянно побуждаемые примером, устремленными на них взорами, ожиданием проверки, желанием перейти в более высокое подразделение, они будут преисполнены усердия и рвения. У них будут еще более могучие побудительные мотивы: нежная любовь к ним всех, кто их окружает, желание ответить на нее, понравиться, братская любовь, энтузиазм.

Движимые исключительно чувством подражания и жадной ознакомления, дети изучат все виды труда, к которым у них будет склонность и призвание. Но в этом будет заключаться только часть воспитания. Это — часть

подражательная, механическая, та, которая развивает главным образом мускульные силы; с этого именно следует начинать воспитание детворы. Тело приобретает силу раньше, чем ум; тем не менее, и ум не был оставлен в полном пренебрежении: ребенок усвоил множество научных понятий, он частично постиг теорию посредством практики, он много видел, многое слышал, много думал, многое прочувствовал. Его ум и суждение не могли быть направлены по ложному пути; они развивались непринужденно, приучались к истине и к реальности вещей. Их сердце не было извращено, ибо эти юные дети имели перед глазами одни только примеры чистосердечия, доброты, согласия, братства.

## ПРОСВЕЩЕНИЕ

Наряду с естественным развитием ума и применением в различных областях мастерства, ребенку остается приобрести *знания* в собственном смысле слова, будь то законченная теория искусств и различных областей промышленного производства, которыми он занимается, или основные познания в науках, интересующих всякое мыслящее существо: описание звезд и земли, история народов (политическая, художественная, научная, индустриальная и литературная), грамматика и всеобщая литература. Преподаватели добровольно читают лекции для всех возрастов, для всех ступеней обучения. На лекциях присутствуют дети, юноши в соответствии с их наклонно-

стями. Эти лекции обычно хорошо посещаются, ибо обучение здесь так же развлекательно, как и поучительно. Преподаватели отнюдь не являются, как при существующем строе, педагогами-рутинерами, навоевшими уныние и тоску, нередко грубыми; это — скромные ученые, подлинны мастера игр (*maitres de jeux*). Кто они такие, эти преподаватели? Представляют ли они привилегированную корпорацию, университет, какую-либо касту? Нет, это обычно люди, обладающие знаниями (практическими и теоретическими). У них, естественно, имеется призвание обучать тому, чему они научились: такова потребность всех тех, кто обладает знаниями, — сообщать их другим. В коммуне ученые отнюдь не являются чистыми теоретиками, — они одновременно обладают мастерством, являются людьми искусства, ремесла; все или почти все они занимаются физическим трудом в сельском хозяйстве. Порой, наряду с высокой наукой, они занимаются несколькими видами искусства и ремесла\*. Артисты так же

\* Это совмещение нескольких родов деятельности рассматривается многими как абсурдная утопия. Любопытно, что наши образованные люди, наши ученые, официальные политики и даже большинство наших историков вторят им. Между тем, они должны были бы знать, что в древности люди имели несколько занятий, даже самых разнообразных. Многие были одновременно артистами, воинами, ораторами, литераторами, администраторами, государственными деятелями. Перикл, Алкивиад, Ксенофонт, Цицерон, Салюстий и др. принадлежат к числу таких людей. Стоик Регул, Квинций Цинциннат, Курий Дента<sup>93</sup> и другие, по-

не отдаются целиком одной профессии; все они с радостью принимают участие в работах первой необходимости, если только, однако, коммуна в общественных интересах не предлагает им посвятить свое дарование более специально тому или иному роду занятий.

Одним из наиболее драгоценных преимуществ системы общности является полное исчезновение всяких орденов, корпораций, каст, даже каст ученых. Все граждане являются в большей или в меньшей степени практиками, теоретиками и преподавателями. Те, у которых преобладает призвание к преподаванию, соревнуются с рвением и пылом в том, кто из них лучше разовьет умственные способности молодого поколения. Уроки даются — в той мере, в какой это позволяют время года и климат — на свежем воздухе, на лоне ласкающей взор величественной природы и при наличии тех самых предметов, которые служат материалом для обучения. Если учитель ведет со своими учениками беседу об агрикультуре, садоводстве, ботанике, он указывает на землю и ее произведения в качестве наглядного материала к тому, о чем он говорит. Если речь идет об астрономии, *то* прекрасным текстом служит для него звездное небо. Если он ведет речь об истории, литературе, поэзии, то он выбирает самую живописную местность, самый благоприятный для вдохновения час дня. Если он беседует о живописавшие мир своими военными дарованиями и блестящим своих добродетелей, от сохи поднялись до диктатуры.

писи, скульптуре или архитектуре, то он раскрывает красоты и великолепие искусства на выдающихся произведениях великих мастеров и в еще большей степени на шедеврах самой природы. Если предметом его беседы служит музыка, то он очаровывает слух гармонией до того, как развивает ее принципы. Наконец, если речь идет об искусствах и ремеслах из области механики, о различных отраслях индустрии, то преподаватель приводит своих учеников в мастерские, воочию демонстрирует правила на различных видах труда, применяя принципы физики, химии, математики. Кухня, амбар, погреб, хлев, конюшня, птичник, парк, огород, фруктовые сады, поля, места для гуляния, гимнастические залы, наконец, все занятия и любые игры служат одновременно местом и текстом для обучения. Обучение производится в некотором роде постоянно.

Я не говорю здесь об элементарном обучении чтению, письму, счету; этим будут очень мало заниматься в раннем детстве, а когда язык и метод будут соответствовать естественной логике, то эта первая ступень воспитания будет настолько легкой, настолько преисполненной прелести, что представит собой просто игру, развлечение как для преподавателей, так и для учеников. Дети и подростки совершенно свободно смогут слушать те лекции, которые они сочтут для себя подходящими: их вовлекут, но никогда не принуждают. Существуют, однако, предметы изучения, как и виды труда, плохая организация которых уже сама

по себе делает их отталкивающими. Человек в любом возрасте горит желанием получить образование. У всех, у мужчин, женщин, детей, является страстью *знать, приобретать знания*. Все точно так же обучаются по добровольному побуждению, стараются быть осведомленными относительно всего, что происходило и происходит. Эта страсть особенно сильна у ребенка. Как только его умственные способности развились, он ищет, нащупывает, задает вопросы. Если он находит вид обучения, который ему доступен, он хватается за него с горячностью. Страсть к учению при строе *общности*, где обучение будет свободным, добровольным как для преподавателей, так и для слушателей, станет тем сильнее, что его непосредственной целью явится практика и оно сольется с повседневными видами труда, пленяющими и возбуждающими учеников. При строе *общности* стремление к просвещению является одной из наиболее сильных страстей; ученье составляет одну из наиболее живых радостей для ребенка, подростка и зрелого человека, для молодых девушек, женщин, как и для мужчин. Даже старик всё еще является учеником и в то же время учителем. До тех пор, пока он сохраняет свои умственные способности, у него имеется желание приобретать знания. Коммуна представляет собой обширную школу взаимного обучения, в которой все являются одновременно учениками и учителями, взаимно просвещают друг друга во всех областях науки и постоянно продвигаются сообща дальше в своих изысканиях. По-



этому человеческий интеллект, освобожденный от всех скучных хозяйственных забот, и в особенности от *ужасной боязни за завтрашний день*, терзающей, волнующей, поглощающей, атрофирующей мысль, отнимающей у людей в современных обществах так много времени и сил, — развивается в огромной степени и вместе с тем, благодаря все большему применению научных знаний, расширяет поле для промышленности до таких размеров, которые сейчас не может постичь никакое воображение.

Что касается литературы, науки и искусства, пополняющих образование, то ничто так не привлекательно, как этот вид обучения. Не служа более пищей для жадности и тщеславия, как это происходит в наши дни, они освобождаются от всего, что не является достоверным, общепользным; они в сильной степени способствуют укреплению уз всеобщего братства и заставляют любить строй общности, все более и более объединяют все сердца и все умы в постоянных чувствах благодарности, благожелательности, любви и счастья.

Какое различие между таким воспитанием и воспитанием, которое дается нашими нынешними воспитателями и софистами. Обучение, находясь в их руках, отравляет, вместо того чтобы исцелять, убивает, вместо того чтобы давать жизнь, разъединяет, вместо того чтобы объединять, сбивает с толку, вместо того чтобы направлять, развращает и портит, вместо того чтобы повышать мораль. И чтобы увековечить

внутри буржуазной касты монополию на науку, они продают ее по высокой цене; они чинят ей препятствия и убивают ее своими фискальными и уголовными законами; они создают для ее великих жрецов своих цензоров, своих жандармов, своих судей и своих тюремщиков!!!

Сколько бы я мог еще перечислить ценных преимуществ воспитания в духе общности, если бы я не был ограничен рамками данной книги. В итоге молодежь, привыкшая к трудностям, приученная к сельскому хозяйству и к необходимым видам искусства, наделенная полезными и приятными познаниями, незаметно становится надеждой и утешением для всех граждан, которые получают от нее большое облегчение в своем труде, а также приятные и трагательные развлечения во время общественных празднеств.

Старики также не являются бременем для коммуны. Окруженные любовью, почетом, уважением, они работают и используются в той мере, в какой это им позволяют их силы; они выполняют роль жрецов обучения со всеми преимуществами, которые им обеспечивают долготелный опыт и большая практика. И когда они достигают своего заката, то сблизившись с нежной детворой, они становятся ее руководителями, защитниками и хранителями. Трогательное зрелище, высшая гармония, — вид старца и ребенка, ведущих и поддерживающих друг друга, взаимно помогающих друг другу; первый второму — жить, второй первому, — так сказать, умереть! (См. у Гель-

вещия, т.V, стр.125; в моей «Речи о равенстве», стр.45 и следующие; в книге мадам Гати де Гамон «Фурье и его система», стр.215. Я заимствовал из этой книги часть данной главы, из которой я был вынужден изъять ряд мест и в которую внес различные изменения, чтобы привести ее в созвучие с нашим эгалитарным и рационалистическим принципом).

## *Глава XI*

### ПРОМЫШЛЕННЫЕ АРМИИ

Большой привлекательностью унитарной системы является предоставляемая ею возможность удовлетворять вкус к путешествиям, присущий каждому человеку, в особенности в пору его пылкой юности. В настоящее время закрыты все пути для удовлетворения этой внутренней потребности в деятельности, для этого стремления предпринять и осуществить великие дела, которое волнует и мучит молодых людей тем сильнее, чем крупнее их дарование; они умирают со скуки от однообразия выполняемых ими нелепых работ.

В предшествующем веке европеец еще мог разумно попытаться счастья в Новом Свете; теперь большинство европейцев находят там только эпидемии, революции и нищету. Что дает молодым людям поступление в армию, где они заглушают и растрачивают пылкую любознательность и избыток энергии, пожирающие их. Ведь солдат путешествует только из одного гарнизона в другой; ему известны только приключения, происходящие в казарме, или то, что он иногда узнает о наших гражданских

распрях. Война сама по себе представляет лишь печальное и неприятное занятие, которое дает весьма незначительные шансы к продвижению. Действительно, чем может война удовлетворить потребность в действии и горячие желания? Военными наградами, крестами, лентами? Но эти пустые погремушки с каждым днем все больше и больше теряют свою первоначальную ценность и обаяние. Подростающему поколению сама по себе победа, если она не будет связана с идеей возрождения, скоро будет представляться только сквозь призму злочестая; для этого поколения поле самых героических сражений будет лишь полем резни и жестокости; вместо того, чтобы воздвигнуть на нем *ростральную колонну*, оно насадит там *кипарисовую рощу*.

При строе общности нет ничего легче как дать выход всей энергии молодежи, удовлетворить ее жажду активности, ту естественную любознательность, которая увлекает ее на свершение больших предприятий и гонит ее в незнакомые края. Каждый путешествует свободно, по своему желанию, ради удовольствия, либо из потребности в движении, разнообразии, с целью ли образовательной, либо с общественнополезной целью. Повсюду имеются великолепные, прекрасные пароходы, хорошо проложенные и превосходно содержащиеся дороги, с освежающей тенью, а также очень удобные перевозочные средства — обыкновенные или с паровым двигателем. Во всех концах света можно встретить привычные занятия и все

удобства жизни. В мастерских, на общих трапезах, в играх, в празднествах, на форуме, в клубе, в академиях, в музеях, в частном жилище, даже в языке\*, — везде люди находят свою родную коммуны. Таким образом, путешествия вместо того, чтобы оказаться разрушительными и опасными для нравов, какими они являются в наши дни, будут способствовать прогрессу науки и развитию всеобщего равенства и братства, представляющих самый твердый, самый крепкий цемент для здания общности.

«Когда житель юга,— говорит Буонарроти,— познает, какую пользу приносят ему те, кто живет на севере, доставляя ему удовольствия и разделяя с ним братские чувства, порождаемые соответствием их интересов, нравов, законов, он будет восхищаться общественным механизмом, посредством которого столько миллионов людей соединяются для того, чтобы сделать его счастливым. Он убедится, что

\* Мне кажется, что единство языка не должно встретить столько препятствий, как это считали до сих пор. Все трудности незаметно исчезнут вместе с исчезновением барьеров, разделяющих народы. Я предлагаю всем лицам, занимающимся лингвистикой, представить свои компетентные соображения по этому важному вопросу. Я предлагаю им теперь же разрешить такую проблему:

1) Не следует ли взять в качестве нейтральной основы какой-либо мертвый язык?

2) Не явится ли усовершенствованная латынь, все еще распространенная во всем мире среди ученых, способной служить этой общей основой<sup>11</sup>?

даже в интересах дорогого ему равенства необходимо, чтобы оно, перейдя границы его коммуны, распространилось по всему пространству республики (на все человечество<sup>95</sup>).

Ничто так не способно зарождать и поддерживать эти чувства, как частые сношения между жителями разных частей государства (и мира); эти сношения удваивают их рвение, доказывая им всеобщую готовность служить родине. Теперь коммерсанты делают для своего обогащения то, что следовало бы делать для выполнения своего общественного долга, для получения образования, для своего совершенствования. Но когда корыстолюбивая страсть, воодушевляющая их, будет подавлена уничтожением частной собственности, то законодатель, не желающий запереть свою республику в стенах одного города, должен будет противопоставить этой страсти невинные и плодотворные по своим хорошим результатам передвижения. Перевозка пищевых продуктов, передача приказов, деятельность правительства заставят большое количество граждан объезжать страну. Но это не всё; к сношениям, осуществляемым по обязанности, следует прибавить другие, порождаемые исключительно любовью к удовольствиям, удовлетворяющим ум и сердце, а поощрить и побудить людей к этим удовольствиям можно, повидимому, лучше всего частыми и разнообразными публичными празднествами»<sup>96</sup>.

Но самая соблазнительная карьера, открывающаяся для всех активно настроенных лю-

дей, — это карьера участников промышленных армий, в количестве многих сотен тысяч, многих миллионов людей распространяющихся по всему свету для того, чтобы возделывать землю, способствовать ее плодородию, украшать ее и производить, как по волшебству, чудесные работы, о которых в настоящее время нельзя даже иметь представления. Замена разрушительных армий армиями промышленными является одним из величайших благодеяний, одним из прекраснейших результатов системы общности.

«Допускаю, если хотите, — говорит Фурье, — что римские легионы, уничтожая триста тысяч кимвров в Сен-Реми, покрывают себя славой и пожинают лавры<sup>97</sup>; но не больше ли славы принесло бы обеим этим армиям, — галльской и римской — если бы они объединились для того, чтобы созидать, вместо того, чтобы разрушать, если бы они, распределив свои силы от Арля до Лиона, в течение одной кампании перебросили тридцать каменных мостов через Рону и воздвигли на всех ее берегах насыпи, чтобы спасти ценные земли, которые она ежегодно уносит? Такая слава стоила бы лавров, пожинаяемых нашими героями, которые в местах, являющихся театром их действий, уничтожают кипарисовые рощи.

Промышленные армии естественно проистекают из системы общности. То, что теперь, когда нации находятся в состоянии войны и борьбы друг с другом, было бы невозможно, а именно: набор миллиона богатырей промыш-

ленности из пятидесяти унитарных республик каждая из которых поставила бы двадцать тысяч человек,— произойдет само собой, когда все государства будут считать своей первой заботой развитие культуры и украшение земного шара.

Если мы откажемся от предубеждения о бесполезности нашей способности к совершенствованию и бросим беспристрастный взор на землю, то, прежде всего, мы будем поражены, увидев, что земля, обитаемая людьми в течение стольких тысячелетий, все еще остается такой голой, такой пустынной! Но мы тотчас объясним себе это отставание опустошающей ролью армий, которые беспрестанно разрушают и заливают кровью землю, уничтожают, по мере того, как люди воздвигают и противопоставляют их ярости созидательную деятельность человечества. Как случилось, что при виде стольких бедствий филантропам не пришло на ум поставить перед собой задачу *объединения пятисот тысяч человек и более для того, чтобы строить, вместо того, чтобы разрушать!* В предвидении прекрасных последствий от замены опустошающих армий армиями промышленными они пришли бы к необходимости выдвинуть принцип единства, который один способен породить эти армии, и таким образом они открыли бы *систему общности*.

Отсутствие промышленных армий приводит к тому, что цивилизация ничего великого создать не может и во всех работах, сколько-

нибудь значительных по объему, терпит неудачу. Когда-то она совершала великие дела, используя массы рабов, работавших под угрозой ударов и наказаний. Но если создание таких произведений, как египетские пирамиды и озеро Мёрис<sup>98</sup>, должно было быть полито слезами пятисот тысяч несчастных, то они являются памятниками позора для цивилизации, а не ее трофеями».

Если не восходить к античности, то и деспотизм Петра I, принесшего в жертву несколько сот тысяч человек при возведении Санкт-Петербурга, вызывает скорее ужас, чем восхищение.

Промышленные армии будут введены как только восторжествует система *общности*, потому что молодежь, воспитанная в революционный период, выйдя из военных лагерей, будет иметь большую склонность к армейским объединениям. Не приученная к обычным работам в коммуне, она вначале будет менее склонна выполнять эти работы, чем поколение, привычное к ним с детства. С тем большей жадностью молодежь будет стремиться к большим и блестящим объединениям. С самого установления ассоциации эти промышленные армии будут сильно привлекать к себе молодежь по трем мотивам.

1) Рабочее время проходит в них в равной степени в работе, как и в увеселениях: там люди сильно заняты, но, чередуясь с большими празднествами, эти занятия содействуют развитию индустрии.

чится. Наконец, почва, атмосфера, растительность, взаимно влияя одна на другую, быстро восстановят общую систему климатур\*.

Эта огромная работа будет еще облегчена прекрасной ирригационной системой, о которой в настоящее время нельзя составить себе представление, но она окажется возможной в результате проделанных работ, о которых мы сейчас говорили. Тысячи артезианских колодцев будут постепенно вырыты в пустыле.

Затем по всей земле будут проложены дороги; земля покроется каналами и железными дорогами; реки будут углублены и канализованы, бурные потоки укрощены, море включено в свои границы. Наконец, в результате общей культуры произойдет общее улучшение и смягчение климатур, что явится новым источником плодородия почвы, сделает все полевые работы приятными и превратит всю землю в волшебное местопребывание.

\* Климатуры — слово, которое Фурье ввел в употребление для обозначения совокупности факторов, образующих климат. Оно стало общепринятым и включено в большой словарь Larousse.— *Прим. ред.*

## ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

Использовать полезные для здоровья вещи, избегать влияния вредных для него — такова цель гигиены. Для получения этих результатов важно хорошо знать, какие существуют отношения между человеком и внешним миром. В мою задачу не входит детальное рассмотрение многочисленных опытов, составляющих науку о гигиене. Мне надо лишь установить некоторые общие явления, из которых простекают все другие, для того, чтобы как следствие их определить нашу общественную организацию. Это я и сделаю в кратких чертах.

*Атмосферный* воздух. Едва лишь человек вступает в жизнь, как он соприкасается с фактором, который покидает его лишь со смертью; этот фактор — атмосферный воздух. Для того, чтобы он был годным для дыхания, соотношение его частей должно быть следующим: семьдесят девять частей азота, двадцать одна часть кислорода, очень небольшое количество воды и угольной кислоты<sup>100</sup>. Человек, погрузившийся в среду, лишенную кислорода или

содержащую недостаточное количество его, погибает с симптомами удушья. Посредством акта дыхания химические свойства воздуха оказывают влияние на все наши органы. Чистый воздух нужен всем людям: он улучшает дыхание, пищеварение, питание. Сравните деревенских бедняков с городскими рабочими: у тех и других нет собственности, у них одинаково утомительная работа и обычно столь же вредные для здоровья жилища, наконец, они питаются одинаково неудобоваримыми и мало питательными продуктами. И, однако, крестьянин сильнее, имеет лучший вид, чем горожанин, и живет дольше. Чему он обязан этими преимуществами? Чистоте воздуха, которым он дышит. Места, где движение воздуха слишком сильное, также неблагоприятны для здоровья; жить в местностях, расположенных выше 2075 метров над уровнем моря, в нашем климате вредно для здоровья. Монахи, живущие в Сен-Готардском убежище, расположенном на такой именно высоте, вынуждены время от времени спускаться в долины для восстановления своих сил.

Чистота воздуха необходима, сказал я, для дыхания. Следовательно, если какие-нибудь газы или пары выделяются в небольшом пространстве, воздух из него изгоняется; образуется новая среда, в которой мы не можем ни дышать, ни жить. Это происходит в тех помещениях, в которых в течение некоторого времени сжигается уголь, кипятится ртуть, приготавливается уксус; в погребках, где виноград

находится в брожении, и в местах, где кислород воздуха уничтожен вследствие длительного присутствия в них большого количества людей или животных. В таких случаях с человеком происходит то же, что произошло бы с ним, если бы его погрузили в воду,—он погибает от удушья.

Среди тел, оказывающих роковое действие на строение человека, одни механически раздражают те части, с которыми они приходят в соприкосновение, таковы: в большинстве случаев металлическая пыль, соляная кислота и т.д.; другие вредят при впитывании их организмом, как, например: миазмы, болотные испарения, свинцовые и ртутные пары; имеются, наконец, такие тела, которые производят и то и другое действие,— *механическое раздражение и проникновение*, например: ртуть, свинец, мышьяковистый водород и др. Зловонные испарения уборных также производят на наш организм самое пагубное действие. В наших современных обществах самый многочисленный класс (пролетариев) не может избежать этого смертоносного влияния. Кажется, будто законы ставят себе задачей, наоборот, все больше и больше умножать эти влияния. Такой вывод можно сделать на основе индустриальной анкеты, проведенной в Англии комиссией по обследованию шахт. Сердце отказывается верить всем гнусностям, которые обнаружили официальные чиновники. Бедные труженики ежедневно в течение 16 часов теснятся в душливых и мрачных склепах, в которые

можно войти и из которых можно выйти только на *четвереньках*. Женщин впрягают, как лошадей, в тележки. Они передвигаются при помощи рук. Так же, как и у лошадей, ремень охватывает их у пояса, проходит между ног и прикрепляется к тележке. Несчастные *девятилетние* дети становятся привратниками этих адских жилищ. Они видят свет только через отверстие колодца, и эту ужасную муку переносят в течение целых восьми дней без перерыва: *они выходят из шахты только в воскресенье*. Это еще не все,— их оставляют по двое суток без сна. Их хозяева из жадности отказывают им даже в огарке свечи, свет которой мог бы рассеять их тоску.

При строе общности, наоборот, законы гигиены должны уничтожить самую тень болезнетворных причин и влияний. В предыдущей главе я показал возможность легкого выполнения огромных, гигантских работ.

Повсеместное восстановление климатур, один лишь план которого вплоть до настоящего времени показался бы самым знаменитым ученым и самым смелым политикам экстравагантностью и безумием, будет сильно способствовать общему очищению атмосферного воздуха.

Поэтому, без детальных объяснений с моей стороны, легко понять, что система, способная побеждать столь огромные трудности, не потерпит неудачи перед лицом второстепенных препятствий; что первой заботой наших равных будет не только превратить в великолепные залы, эти душливные, зараженные помещения,

которые теперь называются *мастерскими, фабриками, заводами, мануфактурами*, но и дать *воздуху и свету* и всем удобствам жизни доступ в самые глубокие шахты.

Но не рассчитывайте, что так будет когда-нибудь при господстве эгоизма буржуа, наших крупных мануфактуристов, наших владельцев металлургических заводов и т.д. и т.п. Не такие мечтатели, как средневековые алхимики, но зато более алчные и более жестокие, они действительно нашли средство делать золото; они делают его из всего: «Из голода, жажды, из тепла и холода, из слез, забот и тревог, из отупения и бесстыдства, из предсмертной агонии и хрипения, наконец, из трупа пролетария!» \* Из чего только они ни делают золота? Они делают его из бесчестности и лжи, из конкуренции и монополий, из банкротства и разорения, из своих клятв и политической совести и т.д. и т.п.

Не кажется ли, что о них написал Гордон<sup>101</sup> более столетия тому назад эту жестокую сатиру:

«Если бы чума могла раздавать знаки отличия и ордена, а в особенности *золото*, у нее не было бы недостатка в куртизанах и в *преданных случаях*, чтобы воздвигнуть ей трон и даже алтари!»

\* В большинстве шахт Шотландии мужчины, женщины и дети работают в общей куче, почти голыми, иногда совершенно голыми. Недавно *девятилетний ребенок* забыл закрыть двери в шахте, взорвался газ, и более 60 человек погибли от удушья.



*Жилище.* Тут надо иметь в виду три вещи: местоположение, размещение, расположение.

*Местоположение.* Жилище, расположенное близ водного потока или близ болота, в низкой и узкой долине, всегда бывает сырым и, следовательно, вредным для здоровья. При строе *общности* исключаются подобного рода неудобства, ибо, во-первых, этот строй несколько *не заинтересован* в том, чтобы лишать людей подходящего места для жилья; во-вторых, потому, что он располагает *наукой* для изучения этих мест; в-третьих, он имеет возможность выбирать такие места.

*Размещение.* Каким бы выгодным ни было местоположение жилища, его преимущества могут быть уничтожены внутренним размещением. Так, слишком узкие окна мешают правильному распределению света. Квартиры, расположенные невысоко над поверхностью земли, всегда сырые; если они слишком малы, воздух в них быстро портится. Камин в жилищах предпочтительнее печей, потому что камин лучше вентилирует помещение и дает одновременно и свет и тепло. Скопление жилищ требует особых забот общественной гигиены. Если дома высокие и отделены одни от других узким пространством, то каждая улица становится очагом заразы, воздух с трудом заменяется новым, свет не проникает в дом, а здоровье населения этих мест сильно страдает; те, кто живут в верхних этажах, чувствуют себя лучше. Неправильно расположенные улицы, со множеством изгибов, каждым своим

углом представляют препятствие ветру и таким образом сохраняют особую атмосферу — застоявшуюся и нечистую. Чистота домов и улиц является необходимым условием общественной гигиены; ручьи должны иметь такой наклон, чтобы вода в них не могла застаиваться; наконец, улицы следует регулярно мыть.

Наша *унитарная коммуна*, такая, какой я ее описал (стр. 115—125), не имеет всех этих неудобств и дает все преимущества, создает условия, которые никогда нельзя осуществить при режиме неравенства и раздробленности, при существовании пролетариата и пауперизма!

*Расположение.* В наших краях расположение жилищ на север и запад вредно для здоровья; бесспорно, наиболее благоприятное расположение — это на юг и восток, потому что в этом случае жилища суше, лучше освещены и наиболее теплы. Все жилые участки нашей коммуны имеют, по крайней мере, одно из этих преимуществ расположения. Кроме того, повторяю, мой план доступен изменениям, и если кто-нибудь представит архитектурный проект, ансамбль которого будет более подходящим, он без всяких препятствий может быть принят.

*Одежда.* Особенно важно, чтобы материал, из которого шьется одежда, соответствовал сезону, климату, телосложению, чтобы платье ни в чем не стесняло развития органов и всегда было совершенно чистым. Организация строя общности прекрасно отвечает всем этим условиям, и только она одна может их выполнить.

*Купание, обмывание, бани, растирания, смазывания* и т.д. Все эти вещи оказывают исключительное влияние на наше здоровье и на наш организм. При *будущем строе все* легко смогут получать эти благоденствия. Как отличается этот строй от существующего строя, при котором только *богатые* могут этим пользоваться, да и то еще не в полной мере! Что касается купания, например, то большинство людей еще не знает условий, предъявляемых наукой к купающемуся. Постижимо ли, что в самых великолепных наших банях нет даже правил, которые просветили бы его на этот счет? И сколько же печальных случаев является следствием этого нерадения и невежества!

*Сон.* Ночной сон гораздо лучше восстанавливает силы, чем дневной, и замена одного другим никогда не проходит безнаказанно. Ночью состояние атмосферы не благоприятно для здоровья. Синклер рассказывает, что двум офицерам пришлось пройти со своими эскадронами 200 лье; один ехал днем, другой — ночью. Тот, кто ехал днем и отдыхал ночью, прибыл к месту назначения без потерь людьми и лошадьми, тогда как тот, кто предпочел двигаться ночью и отдыхать днем, потерял некоторое количество тех и других. Следовательно, с общественной точки зрения, является безнравственностью, настоящим убийством то, что при существующем порядке некоторые предприятия в течение круглого года требуют ночной работы; таковы — работа на дилижан-

сах, срочная перевозка товаров, работа в пекарнях, набор и печатание газет и др.

Постель не должна быть слишком мягкой; если она слишком теплая, это вызывает приливы крови. Если постель слишком жесткая, то отдых плохой. Кровать не должна стоять в глубине алькова, не должна быть занавешена. Наоборот, в течение ночи нужно широко раздвигать занавесы и, по крайней мере, открывать дверь в смежную комнату.

Не годится всегда спать вдвоем на одной кровати,— прежде всего потому, что человек нуждается в определенном количестве воздуха и что присутствие двух человек в кровати создает слишком много тепла; затем женщина бывает больна в течение трети каждого месяца, и тогда она нуждается в чистом воздухе еще больше, чем обычно; в-третьих, *беспрерывное соприкосновение возбуждает слишком частые желания, слишком легко удовлетворяемые.*

Чтобы сон был хорошим, надо, чтоб мозг непосредственно перед сном мало работал. Хороший режим питания, спокойная жизнь, без забот и всяких излишеств, тишина и темнота, тепловатая ванна благоприятствуют сну.

В настоящее время огромное большинство людей не может насладиться почти ни одним из этих преимуществ, в особенности в больших городах. Торговля превращает в них каждую улицу, каждый дом в постоянную ярмарку, где непрерывно слышен шум, гам. С самого утра вас будит езда множества тележек,

монотонные и бессвязные выкрикивания продавцов съестных продуктов и т.д.

Как бы вы ни были больны, как бы ни нужно было вам выполнить какую-либо серьезную работу, вы с утра до вечера не можете укрыться от этой отвратительной толчеи, от этого адского гомона. Что это за общество, которое не может положить конец таким беспорядкам! Что за презренное дело эта торговля, принуждающая столько тысяч несчастных людей целый день драть горло, употреблять свою жизнь и свои легкие на то, чтобы оглушать людей здоровых, и, так сказать, убивать больных!

При строе *общности* не придется опасаться этих неудобств или страдать от них. Как только исчезнет *торговля*, а вместе с ней и беспокойный дух предусмотрительности, конкуренции, антагонизма, честолюбия и наживы,— все организуется таким образом, что *обществу* будет совершенно обеспечен *покой*. Тогда никого не будут ни подстрекать, ни *принуждать*, никто и не подумает, конечно, даже по привычке, превращать *ночь в день и день в ночь\**.

*Пища.* Пища состоит из веществ, необходимых для роста, развития, обновления на-

\* Этот важный результат явится естественным следствием *опытных наук* и строя общности. Бесплезно говорить, что для этого не будет нужды прибегать к изданию гражданского закона, и в особенности — к глупому и деспотическому англо-нормандскому закону о *тушении огня*, как это делает автор «Путешествия в Ипарию» (стр.177)<sup>102</sup>.

ших органов; она дополняет их состав или восстанавливает потери. Но для того, чтобы пища была полезной для здоровья, важно и необходимо, чтобы она соответствовала организации, телосложению того, кто ее употребляет. При строе общности\* все будет способно оценить такое соответствие и удовлетворить его, потому что все будут иметь достаточные познания *в химии и анатомии* и будут иметь в своем распоряжении любую пищу.

Злоупотребление приправами, несомненно, является одной из наиболее частых причин заболеваний. Хорошо приготовленная пища наиболее полезна и вкусна.

Пища может быть испорчена, подмешана самыми вредными веществами.

Так, мука бывает смешана с известкой, мелом, свинцовыми белилами, квасцами, чудоцветом, поташем, песком\*\*. В Париже вода из колодцев или из насосов, которую многие булочники употребляют при выпечке теста, отвратительна.

Шоколад может быть подмешан крахмалом; молоко разбавлено водой, мукой и поташем; кофе — цикорием. Чай и кофе, употребляемые миллионами людей, не безвредны для

\* Снова повторяю то, что я уже дважды сказал, а именно: под этим я понимаю строй общности, основанный на *полной гармонии*.

\*\* Последнюю примесь легко обнаружить, растворяя муку в холодной воде. Песок, как это ему свойственно, тотчас осядет на дно.

очень многих из них. При строе общности эти возбуждающие напитки не будут или почти не будут приносить вред, потому что, под влиянием хорошего гигиенического режима, наша нервная система станет значительно менее раздражительной и главным образом потому, что *наши равные* будут полностью избавлены от всяких причин для беспокойства, печали, забот и тоски.

Испорченная пища производит на весь организм человека самое неприятное действие. Гниющие вещества вызывают воспаление. По-видимому, в животном жире, в тесте и других долго сохраняемых пищевых запасах развивается известное количество *синильной кислоты*, которая может привести к моментальной смерти. Пища, находящаяся длительное время под действием дыма, также может приобрести чрезвычайно активные ядовитые свойства. То же происходит с мясом больных животных и т.д. и т.п.

Незрелые плоды также очень вредны. Тем не менее, ими наводняют наши рынки, потому что спекуляция и боязнь воровства в некоторой степени вынуждают владельцев преждевременно срывать плоды.

*Напитки.* Самым ценным напитком является вода. Хорошая вода содержит воздух. Вода, в которой плохо растворяется мыло и в которой овощи не провариваются, а делаются жесткими, никуда не годится. Речная вода, в особенности если река быстро течет по песчаному или каменистому руслу, самая чистая

и самая легкая. В городах воду необходимо фильтровать.

Кислые и слегка подслащенные напитки, вроде лимонада, апельсиновой, смородиновой воды и различных сиропов подобного рода, имеют то преимущество, что они утоляют жажду небольшим количеством. Сыворотка и медовый напиток также являются весьма освежающими напитками.

Красные вина обычно возбуждают сильнее всего. Бледнокрасные вина более легки, а белые — еще легче. Терпкие и вяжущие вина оказывают дурное влияние на желудок и кишечник. Но эти расслабляющие свойства могут быть исправлены прибавлением в вино воды. Прибавление алкоголя в не очень крепкие вина образуют лишь вредную для здоровья смесь, которая быстро опьяняет человека. Самые крепкие вина — это вина Аликанты, Канарских островов, Кипра, Кандии, Шио, Малаги, Лакрима-Кристи, Роты, Токая, Хереса, Фронтиньяка, Кот-Роти, Люнеля, Эрмитажа и т.д.

В настоящее время эти вина способны быстро подорвать здоровье человека, особенно не очень воздержанного, употребляющего их не во-время. При строе общности, как я уже говорил, нервная система будет значительно менее раздражимой и вина будут крепкими, как кофе: все эти ликеры смогут производить лишь успокаивающее и полезное для здоровья действие.

Напитки могут быть испорчены либо по недосмотру, либо по незнанию, либо по

скупости. Вино может быть испорчено добавлением в него уксуснокислого калия, извести или мела, белил для лица, свинцовых белил, глета, окиси меди, *мышьяковистой кислоты* и т.д. Иногда в вино примешивают *сулему*, чтобы не дать ему прокиснуть. Существует множество других способов подделки напитков. Для окрашивания светлых вин или смесей с водой, водкой и кремортатром употребляются различные красящие вещества: индийское и фернамбуковое дерево, лакмус, ягоды дикой бузины, бирючины и черники.

Водку и спиртные напитки часто смешивают с перцем, со стручковым перцем, с дурманом, с плевелами. Уксус поддельывают перцем, горчицей, волчьим лыком, аронником, серной кислотой, азотной кислотой и т.д. и т.п. Винный уксус, смешанный с уксусом из сидра, приводил ко многим несчастным случаям.

Все способы подделки, которые я перечислил, становятся сейчас все более обычными. Не изобретены от этого даже лекарства, предназначенные для больных. Дух спекуляций и конкуренции не знает уже ничего святого. Булочники, мясники, колбасники, бакалейщики наперебой соперничают между собой. Но торговцы вином, и в особенности владельцы ресторанов, которые в наших больших городах доводят до апогея ужасную науку о подделках и вредоносных приправах, имеют как будто патент и лицензию на содержание лавки отравы! Полицейские протоколы устанавливали, и весьма часто устанавливают и те-

перь, что у многих из них находили совершенно испорченное мясо, как говорят в просторечье — *падаль*. Если бы полиция дала себе труд, она могла бы ежедневно делать подобные открытия. Но это для нее неважно, — владельцы ресторанов заплатят немного денег и будут попрежнему отравлять своих клиентов. От таланта повара зависит, чтобы это было возможно менее заметно, вот и всё!

Итак, недостаток воздуха, испорченный воздух; вредная для здоровья, возбуждающая, испорченная, гнилая пища; чрезмерный труд; разврат, дебоши; невежество и отсутствие порядка в том, что касается *питания* вообще, как и в том, что касается труда, удовольствий, гимнастики и т.д.; отсутствие заботы о человеке, порой абсолютное; лишения, нищета, нужда, бедствия; заботы, превратности, огорчения, неприятности, тревоги и т.д. Увы! Сколько поводов для вечных болезней и невыразимых страданий у бедного современного человечества и в особенности у пролетария!

Но обратимся к статистике; цифры являются особенно яркими показателями нашего разрушительного социального режима, они свидетельствуют с той же убедительностью, как и с прискорбием, что пренебрежение законами гигиены никогда не проходит безнаказанно. Однако поспешим закончить, приведя только два примера: 1) в одиннадцатом и двенадцатом округах (Парижа) смертность на одну треть выше, чем в Шоссе-д'Антэн и в предместьях Сен-Жермен<sup>103</sup>; 2) в Шоссе-д'Антэн

средняя продолжительность жизни человека, согласно вычислениям Араго, *двадцать с половиной лет*, в двенадцатом округе дети бедняков живут в среднем не более *двух лет*\*.

Философы, моралисты, политики, поразмыслите хорошенько над этими цифрами: в них заключено все. Эгоисты, трепещите,— как бы когда-нибудь несчастный не обратил взор на самого себя, как бы он не познал, кем он мог бы быть... и кто он есть!!!

*Общие правила гигиенического режима.* Мы одинаково счастливы в момент, когда удовлетворяем какую-либо нашу потребность, как и в промежуток времени, отделяющий момент удовлетворения потребности от момента возникновения новой потребности. По природе нашего строения мерило каждого отправления организма находится между потребностью и пресыщением, между довольствием и отвращением; после этого вскоре наступают усталость и боль. *Периодичность* функций и отправления организма является *великим законом* человеческого строения, который не следует нарушать. Регулярный режим всегда полезен для здоровья и продлевает жизнь: известны многие примеры, когда длительностью своей жизни люди обязаны только ему. Все то, что необходимо для удовлетворения наших потребностей, и самый способ их удовлетворения с течением времени приобретают силу могущественных привычек.

\* Доктор Гепен приводит для города Нанта приблизительно аналогичные цифры.

Важнейшее значение, следовательно, имеет точное установление часов еды. Ужин бесполезен, потому что после него пищеварение начинается во время сна. Хорошее прожевывание пищи является первым условием хорошего пищеварения; следует избегать есть в обстановке большого оживления. В результате такой неосторожности бывали несчастные случаи и даже случаи смерти. Человек здоровый должен возможно меньше уклоняться от своих привычек и избегать работы мозга тотчас после приема пищи. Надо остерегаться также есть быстро или есть тогда, когда мы сильно заняты.

Как мало людей в наши дни регулярно выполняют все эти необходимые законы! Никто не станет нарушать их при нашем будущем режиме! С другой стороны, сколько вредных, отвратительных, дурных привычек безвозвратно исчезнут!

Нюхательный табак, например, при употреблении его в течение продолжительного времени ослабляет обоняние. Сейчас он может быть полезен при упорных головных болях; но в нем никогда не будет ощущаться нужды при господстве нашей *гигиены строя общности*. Курительный или жевательный табак вызывает обильное истечение слюны, затрудняет пищеварение и вызывает гниение зубов. Употребление табака вообще способствует развитию туберкулеза легких.

В некоторых странах курят опиум и листья, содержащие опиум. Между тем, опи-

ум — это настоящий яд. Опиум и курительный табак обладают свойством усыплять и поглощать все наши мыслительные способности; вот почему, несомненно, так много людей употребляют их, чтобы отвлечься от забот и тоски. Но строй общности будет постоянно давать всем такое удовлетворение деятельностью, столько разнообразия и удовольствий, что никто не будет испытывать потребности прибегать к этим пагубным развлечениям.

## БОЛЬНИЦА И ПРИТАНЕЙ

У всех так называемых цивилизованных народов трудящегося, жизнь которого полна утомительного труда и лишений, с ранних лет неминуемо осаждают болезни и немощи, и поэтому больница становится необходимым и неизбежным следствием его печального существования.

Ничто так не оскорбляет наше чувство равенства и человеческого достоинства, как внутреннее устройство больницы. Там не существует никаких прав для больного, он неизменно получает сухую и холодную, оскорбительную милостыню. Но даже эта унижительная милость *законной благотворительности* оказывается не всем больным (из-за скарденности и недостатка мест): при лечении болезней предпочтение отдается самым тяжелым, а во время распространения тяжелых заболеваний или если врач ошибается, как это случается очень часто, *больной в ожидании своей*

*очереди умирает*. Если же больного и принимают, то его лечат в самом спешном порядке и еще до полного выздоровления выписывают, чтобы дать место другим, и обычно он бывает еще настолько слаб, что не в состоянии тотчас приступить к работе. Но нужда сильнее разума, она заставляет его работать. Смертельная болезнь возобновляется и принуждает его вернуться в больницу, чтобы уже не выйти из нее.

Врачи, практиканты, директор больницы, сестры, а иногда служитель,— все они имеют право *прогнать* больного, когда им заблагорассудится. Еще недавно прием в больницу детей (в Париже) или отказ в их приеме был предоставлен воле швейцара.

Больше всего привлекает в больнице ее внешний вид.

Когдаходишь в больничную палату, не можешь не заметить чистоты, порядка и не воздать должное напрасному усердию этих добрых сестер\*, которые толпятся у постели больного.

Но если вы останетесь на несколько минут в какой-либо палате, вас вскоре охватят грустные размышления и тягостные чувства. Слышите вы эти жалобы, крики, стоны, постоянно несущиеся со всех сторон? Разве вы не начинаете тогда понимать, что в больнице больной страдает не только от своих

\* Можно сожалеть, что они все еще сохраняют издавна привитую им религиозную нетерпимость, которая делает их суровыми и несправедливыми.

собственных болей, но что он страдает и его болезнь становится еще тяжелее из-за болезни его соседей. Не понятно ли, что это скопление, это беспорядочное нагромождение больных, столь различных по своим привязанностям, привычкам, нравам, воспитанию, собранных вместе бок-о-бок, должно оказать весьма вредное влияние на моральное состояние каждого из них? А кто скажет, что подобное зрелище не повлияет на чувствительную и нервную натуру женщин, столь добрых, деликатных, любящих?

Действительно, какой хаос! Больной или больная, у которых только какой-нибудь ушиб или легкое недомогание, может оказаться совсем рядом с агонизирующим больным. Больной, которому для излечения достаточно немного покоя и легких лечебных средств, постоянно имеет перед глазами умирающих; он слышит последнее хрипение своего соседа, труп которого вскоре унесут. Ночью вместо спокойного, мирного сна, который был бы ему так полезен, он постоянно слышит глухие и скорбные стоны и бред лихорадящих больных. Покой для него невозможен; его ум постоянно возбужден и разстроен ужасными снами, страшными кошмарами. Образ смерти во всех видах проходит перед его испуганным взором.

В самом деле, в этих печальных местах мы наблюдаем одни только *манипуляции с человеческим телом и вскрытия* трупов. Нашим филантропам, несомненно, кажется, что человек, попав в больницу, утрачивает все свои

умственные и нравственные способности. И что могут поделать врачи и наука против подобных фактов! Сколько больных нашли, таким образом, смерть там, где они должны были найти выздоровление\*!

Такого рода горестные размышления, вызываемые у нас больничным режимом, возобновляются в столь же живой и, быть может, еще более острой форме при виде другой социальной язвы — *бродяжничества*, которое закон карает, клеймит, объявляет позорным! Действительно, что может быть более прискорбным, а также, увы! более отталкивающим, чем вид этих бедных стариков в ломотях, умирающих от голода, нечто вроде прокаженных средневековья, которых все покидают, которые вызывают у всех отвращение? О предел морального падения! О, кошунственное безбожие! Как бы они ни бедствовали, как бы ни унижались перед *богачами*, которых раздражает их вид, они, несчастные, вместо общественного милосердия предстают перед судом *исправительной полиции*, оказываются в тюрьме или в домах призрения нищих, куда, по выражению г. Парана

В главной больнице Парижа словно соединились всевозможные вредные для здоровья и способствующие смертности условия. *Отель-Дье*<sup>104</sup> расположен на берегу реки, во вредном для здоровья густо населенном и шумном квартале; он переполнен внутри и заслонен снаружи: в нем нехватает воздуха, нет мест для прогулок и т.д. Не позорно ли и не грустно ли, в самом деле, признать, что в *столице цивилизованного* мира царят такой беспорядок и такая халатность?



Дюшателе, их сваливают и загоняют, как скот, где им выдают черный хлеб, да еще в недостаточном количестве!!!

Быть может, здесь уместно сказать об убежищах и исправительных домах для детей, о домах умалишенных, о тюрьмах, о каторге и т.д. Сколько еще придется мне показать печальных, скорбных, жестоких и отвратительных картин! Но нам уже слишком много пришлось краснеть за нашу современную цивилизацию, я поэтому чувствую себя вынужденным спешно покончить с этой темой.

Читатель, слушая рассказ о стольких страданиях, ты чувствуешь, что сердце твое разрывается и глаза увлажняются. Между тем, я рассказал тебе только о незначительной доле ужасных несчастий, которые в течение веков терзают и угнетают тебе подобных. Добрая и благородная душа, что было бы, если бы я взялся перечислить тебе эти несчастия одно за другим, если бы мне дано было вывести на яркий свет все эти ужасные, никому не ведомые муки, испытываемые людьми в этих роковых жилищах?..

Я обращаюсь с этими размышлениями также к вам, *представители власти, члены парламента и лица, занимающиеся дозволенной филантропией*: подумайте как следует над всеми этими несчастиями и не занимайтесь больше восхвалением ваших мнимых чудес! В самом деле, что значат все ваши бесполезные паллиативы?.. Капля бальзама в океане горестей!!!

При строе *общности* будут существовать убежища для стариков\*, если они захотят наслаждаться еще более спокойной жизнью, быть окруженными еще большими заботами. Но какая огромная разница между теперешними *больницами* и нашими будущими *пританеями*! В каждой коммуне в конце двorca, в самой здоровой и красивой его части, будет построен пританей. В чарующем месте (там, где находится коммунальный дворец) это жилище стариков будет пристанищем отрады, необыкновенным чудом среди общего великолепия! Там или недалеко оттуда будут расположены оранжерея, теплицы, ботанический сад, бани и т.д. Там будет также специальная библиотека, музыкальные инструменты, физические и астрономические приборы, наконец, всевозможные игры и развлечения.

В *пританее* не будет ни милостыни, ни *благотворительности*, как это имеет место в наших больницах; зато там будут царить усердие, любовь, братство, горячие заботы и сыновняя любовь,—одним словом, постоянное искреннее почитание законов природы!

Некоторые писатели-коммунисты, и среди других автор «Путешествия в Икарию», говоря (при изложении их организации полной гармонии) о больницах и о всех недугах современного порядка, помещают в больнице

\* Когда наша система вступит в период *полной гармонии*, люди не будут знать иной болезни, кроме старости, если можно назвать болезнью неотвратимый закон природы.

родильную палату<sup>105</sup>. Такая мера была бы большой ошибкой. В самом деле, нет ничего менее разумного, чем подвергать столь чувствительных *беременных женщин* постоянными впечатлениям от расслабленности и старости? При строе *общности* хотя беременности не будут угрожать неудобства, присущие современному порядку: более крепкая конституция и здоровое телосложение оградят ее от тех плачевных кризисов, которые постоянно требуют наличия хирургической врачебной помощи и очень часто оканчиваются, я не боюсь этого утверждать, катастрофой; все же, во дворце всегда будет много акушеров и акушерок. Тем не менее, хорошо было бы устроить специальную палату для беременных женщин. Но надо позаботиться о том, чтобы их окружали только такие предметы, которые смогут производить на них приятные и благотворные впечатления! Пусть перед их глазами будут здоровые и красивые дети и, если угодно, прекрасные статуи, для того чтобы они могли по этим образцам, так сказать, формировать плод своего чрева!

### МОРАЛЬНАЯ ГИГИЕНА

Под *моральной гигиеной* я разумею ту часть гигиены, которая учит человека *правилам поведения*, предъявляемым его организацией и проистекающим из его потребностей, склонностей, естественных и примитивных чувств.

Как прекрасно назначение гигиены, если

ее рассматривать таким образом, если она охватывает человека во всем его величии, благородстве, во всей его правде!

Гигиена должна заимствовать у физиологии, анатомии, физических наук их основные законы, чтобы исходить из них, как из аксиом; но она не ограничивает своего действия вещами, *называемыми материальными*; она распространяет свое влияние вплоть до политической экономии, до дела воспитания и науки о нравственности. Существует ли что-либо более благородное и возвышенное, чем вмешательство гигиены в дело воспитания? И выполнит ли она свою миссию, если не будет отвечать потребности в положительных знаниях, которая так живо дает себя чувствовать?

Да, обучение гигиене рано или поздно одержит победу над всеми препятствиями и будет служить дополнением к общественному воспитанию. Но для того, чтобы добиться этого успеха, надо, чтобы гигиена понималась в высоком смысле этого слова. Действительно, невелико будет ее значение, если она ограничится тем, что будет давать правила поведения, касающиеся только физической стороны жизни человека; этим она добровольно сузила бы сферу своей деятельности. Пусть она начнет с показа физических последствий неправильного образа жизни. Нет ничего лучшего. Но гигиена должна подняться до того, что есть самого возвышенного в человеке. Тесная связь между гигиеной и моралью столь очевидна, что я не понимаю, как можно было

бы не признать ее после того, как она была однажды показана. *Самые возвышенные принципы свободы, равенства, братства, привязанности, чистоты в любви, усердия, соревнования, храбрости, великодушия* и, в случае необходимости, *героизма* и *стоицизма* зарождаются на основе законов человеческого организма и находят в них свое *оправдание, а следовательно, и смысл своего существования,— они пребывают в самом чреве человечества!*

Да, все эти социальные качества сильно помогают нам жить, так как именно они доставляют нам больше всего наслаждений; человек, не испытывающий их, ведет лишь печальное, холодное и, наконец, неполное существование. Если физиология в этом пункте почти всегда была в разногласии с моралью, это значит, что она знала человека только наполовину. Нашему веку, создавшему физиологию мозга, *френологию*<sup>106</sup>, надлежит заполнить этот огромный пробел. Разрушению опасных границ, еще отделяющих *любовь к себе от морали*, больше всего способствует непрерывное развитие физических и математических наук, все более и более устраняющих препятствия, которые древние напрасно пытались воздвигнуть. Ибо, и на этом надо неустанно настаивать, во всех местах и во все времена *непобедимым препятствием к осуществлению и развитию великих принципов социального равенства и братства* было то, что античная мораль *принуждена* была признать своей первоначальной базой

если не бедность, то, по меньшей мере, общее умеренное благосостояние.

Самым фактом существования человека определяется известное количество его потребностей. Он и должен группировать свои действия вокруг этих потребностей с тем, чтобы все их удовлетворять.

Первой потребностью человека является забота о своем существовании и охране своей жизни от разрушающих сил, осаждающих ее. Но если человек должен жить, это значит, что он должен быть в состоянии удовлетворить все другие свои потребности, это значит, что он должен дать простор всем своим способностям. Когда человек в состоянии удовлетворить свои потребности, он это делает без колебаний и с радостью. Но если между некоторыми из них начинается борьба, если в силу роковой необходимости *жить* ему надо обуздывать и насилловать некоторые потребности, тогда он обращается к другим своим способностям, к самым возвышенным своим чувствам, призывает на помощь свет своего разума и делает выбор. Иногда приносятся в жертву необходимые потребности и *человек безропотно терпит разрушение своего организма*. Но обычно это бывает только тогда, когда, в результате жестокой борьбы между различными его потребностями, человек не находит выхода и жизнь становится для него непереносимой. Чаше всего он приносит в жертву *любви к жизни* все свои личные потребности и свои общественные обязанности. Ужас-

ная альтернатива, которая не может быть решена без жертвы! Но, к счастью, ее никогда не будет существовать в нашей будущей коммуне потому, что тогда внешний мир и организация общества будут в совершенстве соответствовать человеческому организму.

Следовательно, должно быть установлено, что если организация человека не находится в *полном соответствии с организацией общества*, то она не находится также в полном соответствии с внешним миром. Нет, обстоятельства это еще не всё; революции не создают сразу великих людей, если бы не была подготовлена почва для их появления, но они способствуют расцвету тех, которые при обычном ходе вещей остались бы в неизвестности. Нет, люди не равны как в интеллектуальном, так и в физическом отношении, по своим моральным и по физическим качествам, но, повторяю, не надо забывать, что от воспитания зависит непрерывно, и в значительной степени, изменять это природное неравенство, пока, наконец, оно не уничтожит его в некотором роде. Это предел, к которому человеческий род все более и более стремится приблизиться посредством воспитания и путем скрещивания пород. Ибо, как говорит г. Виллерме<sup>107</sup>, *человек является продуктом своей физической и моральной среды не в меньшей мере, чем своей организации*.

Я больше всего сожалею, что именно в этом вопросе я так сильно ограничен рамками данного труда. С каким удовольствием я бы широко развил и, как говорится, с очевидностью

продемонстрировал принципы, которые я набросал в VIII главе! Анализируя одну за другой основные способности человека, основные его потребности, я бы показал, в чем они зависят от самого организма и в чем от их модификаторов, иначе говоря, я установил бы истинное взаимоотношение и истинную силу взаимодействий, которые связывают *неразрывными узами организм человека, организацию общества и внешний мир*. Исходя из этого, я бы нарисовал план правильного воспитания и гармонии страстей. Я показал бы затем неотразимым образом, что непосредственным следствием установления нашего режима общности было бы восстановление и совершенствование внешнего мира, а этот мир, в свою очередь, воздействовал бы на наш организм; и так продолжалось бы вечно, так что самое поэтическое воображение не в состоянии было бы указать предел украшению земли и совершенствованию человеческого рода. Но это я оставляю для другого труда. Сейчас я спешу подвести итог этой главе следующим анализом.

1. Человек наделен организацией, которая вступает в действие под влиянием бесконечного числа агентов, называемых ее модификаторами.

2. Чтобы глубоко узнать человека, надо знать, во-первых, его организацию, а во-вторых, способ действия ее модификаторов.

3. Из соотношения организации человека с ее модификаторами вытекают потребности,

которые, в зависимости от их цели, разделяются на инстинктивные, умственные и моральные.

4. Подобно тому, как у всех людей имеется одинаковое количество органов, у них имеется одно и то же количество главных потребностей, но эти потребности различны в своих проявлениях, как различна организация у разных людей.

5. У людей, какими они представляются нам, преобладают то потребности инстинктивные, то моральные, то интеллектуальные, то одна или несколько из этих трех категорий; *и это преобладание сказывается в чертах организации человека.*

6. Не существует совершенной организации, как и совершенного человека.

7. В числе потребностей человека одни — общие с самыми низшими животными, другие — с высшими животными и, наконец, остальные присущи ему одному.

8. Чем больше человек поддается этим возвышенным свойствам, тем выше он становится, тем больше он может быть назван человеком; наоборот, чем сильнее он подчиняется низшим свойствам, тем более он опускается, тем больше походит на животное.

9. Закон действия этих свойств является лишь кратким выражением их естественной истории.

10. Все свойства человека уже по тому одному, что они существуют, имеют право на существование, а следовательно, и на развитие;

поэтому человек самой своей организацией призван удовлетворять свои потребности.

11. Ни одна из способностей не должна господствовать над другими и уничтожать их; но интеллектуальные способности призваны наблюдать за инстинктивными и моральными, которые не в состоянии делать выбор.

12. Единственным законным ограничением развития какой-либо способности является наличие других способностей.

13. Из этой заинтересованности каждой способности уважать другие способности вытекает закон гармонии функций.

14. Если вследствие какого-либо обстоятельства человек не может в одинаковой степени развивать все свои способности, он не должен отдавать предпочтение одной из них за счет других, но должен сбалансироваться со всеми ними; и он будет тем нравственнее, чем сильнее будет повиноваться самым благородным своим качествам.

15. Воспитание, или моральная гигиена человека,— это искусство направлять действие модификаторов организации с тем, чтобы, во-первых, развивать способности и, следовательно, органы, которые имеют недостатки; во-вторых, наоборот, ослабить органы и способности, слишком развитые.

16. Это воспитание имеет своим конечным результатом:

*Наибольшее развитие человеческой активности во всех направлениях, какие ей дано пройти.*

## ЗАКОНЫ ПОЛИЦИИ

При строе общности полиция совершенно не будет походить на то, чем она является в нашем представлении теперь. Прежде всего, окажется ненужной:

1. Политическая полиция,— ибо не будет больше тайных обществ, злоумышления, заговоров, над которыми надо устанавливать надзор, с которыми надо бороться, которые надо обуздывать, пресекать. Не будет больше индустриальных союзов, которые надо распускать и преследовать! Не будет больше политических интриг, тайных происков, темных махинаций, предательств, которые надо разоблачать! Не придется больше постоянно страшиться мятежей, восстаний, покушений, революций!

2. Обыкновенная полиция, полиция исправительная и уголовная,— ибо не будет больше повреждений, опустошений, ссор, ночного шума, кровопролитных драк! Не будет неправильных весов и мер, подделки и порчи продуктов; не будет больше мошенничества, контрабанды, нарушений закона; не будет больше домов терпимости и дебоша! Не будет

больше дуэлей, насилований и покушений на целомудрие! Не будет больше краж, выманивания мошенническим образом, подлогов и злоупотреблений доверием! Не будет больше убийств, преступлений, отравлений, *братоубийств, детоубийств, мужеубийств, отцеубийств!* Наконец, не будет больше правонарушений, грубости, жестокого обращения, безнравственности, никаких преступлений, подлежащих наказанию, заключению в тюрьму, пытке, казни!!!

3. Останется лишь то, что мы теперь называем городской полицией. Но и эта полиция будет значительно упрощена.

В самом деле, когда исчезнет *торговля*, не придется больше наблюдать, инспектировать и следить за порядком на рынках, базарах, ярмарках и т.д. Что касается всего остального, то легко понять по расположению нашего коммунального дворца, что в нем не будет ни *клоак*, которые надо дезинфицировать, ни *трясин*, мусора или нечистот.

Функции полиции будут, следовательно, наименее трудными и наименее отталкивающими. Она сравняется и смешается с ведомством путей сообщения и архитектуры, т.е. полиция займет место того, что называлось у римлян *большие и малые городские власти*.

Набросаем сравнительную картину современной и будущей полиции.

*Чистота и гигиеничность.* Как наслаждаться этими преимуществами, если улицы узки и расположены в низине, куда попадает (и то

очень редко) только несколько слабых, косых лучей солнечного света, куда никогда непосредственно не *проникает* чистый, благотворный для здоровья воздух ? Как могут эти улицы не быть постоянно сырыми и грязными ? Немало прибавляет к этим пагубным влияниям неправильная система раздробленных хозяйств.

Откуда берутся эти грязные сточные воды, эти отвратительные остатки и нечистоты, из которых выделяется в воздух столько миазмов?— От частных кухонь, от мелкого хозяйства.

Можно ли надеяться, что при режиме собственности и неравенства мы полностью освободимся когда-нибудь от этих зловонных и различных испарений? Как можно надеяться на это при режиме абсолютного и анархического равенства, который проповедуют некоторые демократы? Как можно надеяться на это даже при несовершенном модусе золотой середины, этого странного икарыйского *строга общности*, который, вопреки *науке, экономике, истории, философии* и нашей *коммунистической традиции* продолжает тащить за собой, и даже умножать (правда, с пышностью), почти всю гряду хлама и принадлежностей мелкого хозяйства? И действительно, никогда законодатель не проявлял себя в отношении всех и каждого в отдельности столь щедрым, как *божественный*

\* Почти во всех наших больших городах очень узкие улицы имеют по каждой стороне дома в четыре, пять и вплоть до восьми этажей, так что иногда вверху улицы образуют как бы надземный свод.

*Икар*<sup>108</sup>, насчет столовых, зал, салонов, приемных, аптек, комнат, прихожих, погребов, дровяных и угольных сараев, подвалов, птичьих дворов, мастерских для мужчин, мастерских для женщин, кухонь, сточных желобов и т.д. и т.п. И все это украшено *установленной утварью* (см. «Икарию», стр.106 и сл.)<sup>109</sup>.

Можно ли рассчитывать, что когда-нибудь в ваших городах и селах будет совершенная чистота, пока их беспрерывно бороздят тысячи тележек, повозок, одноколок, повсюду оставляющих за собой селому, овес, навоз, золу, удобрения и т.д.? Как можно рассчитывать, чтобы они удовлетворяли всем требованиям правильной системы гигиены, если по ним постоянно и во всех направлениях двигаются лошади, быки, ослы, мулы и другие вьючные животные, а также животные для легкой перевозки; если даже в центре густо населенных городов можно встретить многочисленные стада коз, овец, телят, быков и т.п., которых ведут на пахоту, на пастбища, в хлев или на скотобойню и которые на своем пути причиняют много несчастьев?

Всего этого, вызывающего грязь и вредящего здоровью, не будет при нашей системе (см. стр.118 и сл.), которую наши полицейские законы всегда поддержат своими знаниями и бдительностью.

*Например:*

1. Наши улицы-галереи будут покрыты деревянным паркетом, гранитными плитками или плитками из других красивых камней, и

потому они всегда будут оставаться совершенно чистыми и их очень легко будет содержать в чистоте.

2. Паровые насосы и насосы для холодной воды, разные струи воды будут приспособлены, где это понадобится, для мытья и будут уносить мельчайшие нечистоты; точно так же множество бассейнов и разных брызжущих фонтанов будет освежать и очищать атмосферу.

3. Совсем или почти совсем не будет доставки на дом продуктов питания или каких-либо других вещей, которые вносили бы в дом грязь.

4. Тележки и повозки, доставляющие продовольствие, будут останавливаться у ворот Дворца.

5. Вы видите эти огромные болота, распространяющие далеко вокруг заразу и смерть? Что вы сделали, чтобы оздоровить их, уничтожить их вредное влияние?.. Ах! не говорите, что это неизлечимая болезнь: два слова Распайля доказывают обратное как с точки зрения *экономической*, так и с точки зрения *гигиенической*.

«Посыпайте песком и удобряйте мергелем,— воскликнул он однажды, обращаясь к своим судьям: — посыпайте песком мергели и удобряйте мергелем песок, и проблема *общего изобилия* будет разрешена».

Кто же помешает нашим равным посыпать песком и удобрять мергелем везде и всегда, когда это понадобится? Почему не добьются

они очищения атмосферы и победы над бесплодием земли таким ли путем, путем ли осушения обширных пространств, буравя во всех песчаных и сухих местах артезианские колодцы, либо находя новые способы общего увлажнения и орошения, наконец, вырыв несколько *озер Мёрис!*

Но следует сказать, что есть еще важный фактор, вредящий здоровью, который обязательно исчезнет в результате победы науки и здоровой философии и о котором, быть может, не догадываются,— я хочу сказать о *кладбищах*. Наши философы-коммунисты считают, что мертвецы будут сжигаться, *а их прах превратится в элементы*; сохранится лишь память об их талантах и добродетелях.

Я жду, что многие станут кричать о безбожии и профанации! Но что мне до того? На предрассудки я могу дать следующие два ответа:

1. Если бы от начала мира все люди следовали примеру *фараонов*<sup>110</sup>, если бы ему следовали вечно и в будущем (предполагая, что это было и будет возможно), не пришлось ли бы опасаться, что незаметно весь земной шар оказался бы *превращенным в мумию?*

2. О, вы, которые, не обращаясь к искусству Ганналя<sup>111</sup>, думаете почтить прах ваших близких, опуская целиком их останки в землю, а иногда укрывая их в пышные могилы, украшенные высокопарными надписями, знайте же, благочестивые невежды, вы только продлеваете, так сказать, их страдания после смерти.



Ибо труп — это состояние *pes plus ultra*<sup>112</sup> негармоничности и разложения. Как только из тела исчезает жизнь, лучше всего разрушить последнее звено, которое еще удерживает *рядом* его неправильные и не связанные части, и дать им новую жизнь, предоставляя им возможность подчиниться *единому и общему закону притяжения*, т.е. соединиться вновь с другими элементами, пока каждый из них не найдет своего места, наиболее подходящего для его формы, его покоя, его *благоденствия*.

*Безопасность.* В нашем современном обществе все делается и движется как бы случайно. Вплоть до самых наших богатых и самых цивилизованных столиц мы встречаем посреди улиц вперемежку всадников и пешеходов, omnibusы разного рода, тележки и кареты. Все они двигаются *беспорядочно*, толкаются, теснятся, торопятся, сталкиваются и очень часто разбиваются. Только в некоторых городах для пешеходов сохранили какое-то подобие тротуаров. Сколько тяжелых, ужасных случаев является результатом этой гибельной организации общества, этой прискорбной халатности (*laissez-aller*), на которую мы неустанно указываем, которую мы клеймим! Сколько несчастных жертв бывают раздавлены лошадьми или погибают под колесами! Сколько раненных и замученных, какое множество людей погибает другими способами!

Подобного рода опасностей совершенно не будет во *дворце равенства*. Там;

1. Перевозка съестных и других продуктов будет производиться в те часы, когда на улицах и дорогах не будет никого, кроме лиц, перевозящих продукты.

2. У домов будут оставлены для пешеходов очень широкие и очень удобные тротуары. Кроме того, они смогут пользоваться исключительно удобными и великолепными галереями, которые от этажа к этажу будут связывать обе ограды и все жилые корпуса.

3. Все лица внутри и снаружи дворца, как пешеходы, так и извозчики, будут неизменно и привычно двигаться по одной стороне (по правой или по левой), определенной и согласованной заранее, так что не может произойти ни затора, ни столкновения карет, ни загромождения, ни несчастных случаев.

4. Ни одно опасное животное никогда не сможет зайти внутрь дворца и бродить в нем.

5. Будут приняты все надежные меры предосторожности, и не пожалеют ни труда, ни забот для того, чтобы всё строилось прочно и было самого высокого качества, так что даже в сильнейшую бурю ни штукатурка, ни какой-либо другой предмет не сможет упасть и причинить несчастье. Все будет предусмотрено, чтобы ни один трудящийся, даже плотник, каменщик, кровельщик и т.д., никогда не подвергался риску убития или серьезно поранить себя.

Равным образом строй общности освободит нас от длинного и печального перечня плачевных несчастий, которыми периодическая прес-

са ежедневно огорчает нас и которые все или почти все происходят от беззаботности, глупости и невежества, от соперничества, жадности или скупости, от дробления собственности, от федерализма, одним словом, от какого-нибудь из пороков, присущих антикоммунистическому строю неравенства. Представим вниманию читателя несколько примеров недавно случившихся происшествий.

Один ребенок разбился, упав с пятого этажа; другой свалился в огонь и у него обгорела половина тела; третий погиб в кипящем котле, четвертого удушил бульдог. Недавно няня, оставившая на четверть часа четырехлетнего ребенка, возвратившись, застала девочку умирающей. Бедная малютка ужасно обожглась, играя со своим маленьким братом, в руке у которого оказалась фосфорная зажигалка. Несколько месяцев тому назад целая семья — отец, мать, дети и няня — погибла в огне от воспламенившегося флакона эфира, *разбившегося от сквозного ветра*. Такая же катастрофа произошла, по сообщению г. Дюма<sup>113</sup>, с одним химиком и его слугой. А сколько не менее, а, может быть, даже более ужасных несчастий происходит ежедневно от неожиданной встречи с бешеной собакой, или с каким-нибудь хищным зверем, или даже с каким-нибудь спугнутым или расвирепевшим домашним животным?

Печальные и страшные происшествия! Происшествия тем более страшные, что каждое из них является лишь небольшим примером, выхваченным наугад из тысяч таких же или по-

добных происшествий, мелким колосом, вырванным из печального и огромного урожая! Но, увы!.. Почитаем еще.

Вчера это были опрокинутые кареты, дилижансы, столкнувшиеся и разбившиеся или упавшие в пропасти по той причине, что во многих местах спуски почти *отвесные* и что почти нигде нет ни перил, ни поручней. Сегодня очередь пароходов: на *Луаре*, на *Эре*, на *Сене* почти одновременно на судах взрываются котлы, ранят и убивают; завтра на Миссури, в Нью-Йорке, в Балтиморе, в Тампико, у Гибралтара, в Индии, в Китае, в Северной и Южной Америке, на Средиземном море будут разбиты «Этна», «Медора», «Тритон»<sup>114</sup> и т.д. и под ними будут погребены новые покойники!

Теперь очередь за железными дорогами. Сколько и тут совсем недавно было жертв и несчастий среди железнодорожных рабочих, среди горняков, среди машинистов, среди пассажира! Но все эти страдания умолкают и ступшевыаются перед теми, о которых я сейчас расскажу.

Вот как газета «Братство» описывает ужасную катастрофу, происшедшую в Бельвю.

«В *Бельвю* был услышан ужасный шум; пять вагонов, наполненных людьми, были раздавлены в несколько минут и сгорели вместе со всем содержимым, как будто ад, придумав новые муки, неизвестные самому Данте<sup>115</sup>, украдкой зажал эти жертвы в тисках железа и огня и стер их с лица земли, не оставив ни-

чего, что служило бы для их опознания. В этот торжественный момент смерть, заключив все жертвы в одно ужасное объятие, смешав вместе мясо, кости, кровь, пепел, слезы, вопли, муки, казалось, хотела навеки соединить их узами беспримерного братства.

Одна могила для всех, кого печальная судьба собрала вместе и кто теперь образует лишь одно бесформенное и безжизненное существо! Могила, имена! В назидание будущим поколениям напишите золотыми буквами на надгробном венке: жертвы личного интереса, который присваивает себе силы человеческого гения, и дух которого всегда будет состоять в забвении братьев ради сбережения нескольких золотых монет!»

Да, опять личный интерес, не тот откровенный, симпатизирующий, братский, просвещенный, разумный, *сам собой подразумевающийся личный интерес, который имеет свои законы и необходимые корни в человеческом организме* и который, следовательно, знает, что только в счастье общества он может найти истинные наслаждения: *чистые, живые и безоблачные*, а интерес сухой и холодный, жадный, ненасытный, продажный, завистливый, ненавистный; интерес, лишенный братских чувств, варварский, бесчеловечный, выраженный в словах:

«Пусть лучше от одного до другого полюса погибнут люди, чем от моих сокровищ убудет хоть один грош!»

Это *неразумный, близорукий, непонятный* личный интерес, плод порочного и извращенного воспитания и ненавистной организации общества; одним словом, это и с к л ю ч и т е л ь н о личный интерес, который надо клеймить каленым железом и, за неимением иного правосудия, пригвоздить его к позорному столбу истории!

И действительно, кто не проклинал тысячу раз, читая отчет Академии наук\*, крайнюю беспомощность, чтобы не сказать больше, наших законов и правил полиции, которая ничего не предприняла для предотвращения личного интереса? Кто не проклинал полностью всю безнравственную и постыдную систему *антисолидарности и свободной конкуренции*, которая порождает, без конца умножает и увековечивает столько несчастий и мук!!!

Я бы никогда не кончил, если бы взялся перечислить сотую долю бедствий, которые, одно за другим, сеют везде скорбь, ужас и оцепенение; и каждый раз я стал бы жаловаться на отсутствие общественной предусмотрительности!

Какие огромные и страшные разрушения причинили, например, во Франции три года тому назад и какие непоправимые несчастья приносят ежегодно наводнения Луары, Гаронны, Соны, Рейна и в особенности наводнения Роны!

\* Этот отчет отмечает, среди других причин, четыре основных принципа законов механики, которые надо было одновременно нарушить для того, чтобы совершить это непростительное преступление.

При режиме равенства вся община будет приходить на помощь потерпевшим, и тогда самые огромные потери, разделенные между всеми, пройдут незамеченными.

Но что я говорю — потери, опустошения!.. Никакого бедствия подобного рода не могло бы произойти. Кто, например, помешает тогда включить в нужные границы бурные реки и потоки либо путем углубления и расширения их русла, либо путем возведения недоступных плотин, либо устанавливая через известные промежутки шлюзы, акведуки, множество каналов, которые распространяли бы повсюду в деревнях жизнь и плодородие?

Как страдает также современная цивилизация от гроз, бурь, ураганов, землетрясений? Некоторые читатели, быть может, помнят страшные бедствия, которые в прошлом году опустошили Сицилию, Китай, Гваделупу и т.д. У нас сохранилась еще память о бедствиях, разрушивших республику Гаити<sup>116</sup>, поглотивших или разрушивших почти полностью множество городов и сел, особенно города *Кап* и *Порт-о-Пренс*, где толпа диких горцев дополнила грабежом, убийствами и неслыханными жестокостями ужас катастрофы!

*При строе общности полной гармонии* не придется страшиться какого-либо несчастья подобного рода. Посредством нашей системы восстановления климатур и атмосферы стихии, так сказать, склонятся перед гением человека, которому тогда удастся, как новому Эолу, связать Аквилона и Борея, предоставив Зефирам

дуть в воздухе и над волнами<sup>117</sup>. Даже вулканы не будут считаться непобедимыми<sup>118</sup>. Для наших бесчисленных промышленных армий не будет невозможным прорыть множество подземных каналов, провести под землей потоки и реки и таким образом мало-помалу потушить наиболее сильные огни, подобно тому как гению Франклина удалось обуздать и приручить небесные огни<sup>119</sup>. К тому же ничто не заставит наших равных строить свои прекрасные коммуны в таком страшном соседстве.

Как ни ужасны бедствия, о которых я только что говорил, мне остается отметить еще наиболее страшные из них. Я еще хочу сказать о пожарах! не только о случайных пожарах, которых бывает бесчисленное множество\*, не только о пожарах, причиной которых является ненависть и месть отдельных лиц; не только о пожарах во время войны или завоеваний; но я еще хочу сказать главным образом о пожарах, происходящих в результате отчаяния промышленных рабочих и из политической мести.

Таинственные преступления 1830 г. во Франции; Фесси, Фессалоника, Пера, Константинополь\*\* являются страшными примерами этого рода.

\* В течение почти целого месяца Германия и Венгрия были свидетелями того, как полностью или почти полностью огонь пожарил города Ошац, Меркерн, Каментц, Берез, Сен-Католна и др.

\*\* В этом последнем городе пожар, связанный с политическими причинами, превратился в эпидемическую болезнь. Недовольные как будто не знают там другого способа обжалования.

Но, увы! в тот момент, о котором я говорю, еще дымится пепел Гамбурга!.. и эта последняя катастрофа кажется мне более ужасной, чем все другие!!!

Говорят (пусть это сообщение лишено основания!), будто бы всего лишь несколько английских рабочих способны были в страшной ярости или в ужасном отчаянии устроить пожар и, быть может, также грабеж! Как! самые богатые столицы отдать на милость нескольких человек! Что за сюжет для печальных размышлений! Пера! Константинополь! Гамбург! Какой кошмар для Парижа и Лондона! Какой ужасный урок для наших философов и политиков! Им необходимо спешно стремиться к созданию такого общества, которое смогло бы навсегда искоренить всякую ненависть и месть, всякую алчность и всякого рода отчаяние! Размышляя об этом важном предмете, они вскоре пришли бы к такому же заключению, как и мы, — что единственным целебным средством является *строй общности, основанный на равенстве!*

Я кончаю, мое перо устало описывать столь страшные драмы, мне нехватает слов, чтобы выразить весь их ужас! Сколько грустных материалов для этой главы принес протекший год; как много он принес серьезных уроков! Заканчивая эту главу, я отмечу еще один, последний урок.

Почему так много рабочих чинят сегодня шоссе Револют?—Потому, что вчера там прошла похоронная процессия, которая, быть мо-

жет, и не прошла бы там, если бы накануне камни, которые теперь перекалдывают, лежали бы на своем месте.

Почему на краю этой дороги возвышается надгробный памятник?—Почему?.. Послушайте! Вчера тут стояла лачуга, одна из тех отвратительных и убогих конур, о которых трудно говорить, какой-то кабак, харчевня, кухня, погреб, чердак, яма со стоячей водой, всё вместе! Там, в этом грязном домишке с обветшалыми и прокуренными стенами, в течение четырех смертных часов на каменном полу в засаленных и сырых лохмотьях стояли на коленях, тяжело дыша, *король, королева, принцы и принцессы, вся королевская семья Франции!* Там на жалком матраце, на единственном и твердом матраце, почти на каменном полу... умирал в ужасной агонии с предсмертным хрипом *наследник престола!..*

Почему его окружает все это множество людей, которые утомляют его взор и слабую голову, стесняют врача, ухаживающего за ним, мешают ему, наконец, лишают наследника того небольшого количества воздуха, которое содержит это душное, зараженное помещение и в котором так нуждается его стесненная грудь?..

Губительный этикет! убийственное усердие! Увы! ему нехватает воздуха, нет иного ветерка, кроме удушливых испарений, поднимающихся из огромной навозной кучи к узкому окну, у которого покоится его голова!!!

Итак, кто после этого может лстить себя надеждой, что ему никогда не будут угрожать

опасные последствия этого строя, основанного на мелкой собственности и на отсутствии охраны интересов общества? Кто, если он не лишился ума, мог бы сказать по поводу нищеты или благоденствия кого бы то ни было слова: какое мне до этого дело?\*

## Глава XV

### НАУКА И ИСКУССТВО

«Гибельно ли влияют на добрые нравы науки и искусство? Совместимы ли они с принципами равенства?»

Мало есть вопросов, по которым философы и моралисты так давно и так живо спорили, как по этому<sup>120</sup>. Но можно думать, что многие из тех, кто высказался бы положительно по этому вопросу, не поняли всей его важности, ибо это означало бы, что они дерзают, но лишь в других выражениях, поставить под сомнение следующие вопросы:

«Организация человека гибельна для человека? Состояние общества не совместимо с равенством?»

Действительно, для каждого, кто изучал природу человека, его *организм*, неоспоримым является то, что человек несет *в себе* потребности в науке и искусстве, способности к ним и потому, следовательно, постоянно должен стремиться к развитию их. До тех пор, пока люди объединены в общество, они будут передавать друг другу свои наблюдения, свои мысли, захотят обучать других и учиться сами,

Я где-то читал, что один из тех восточных деспотов, которые воздвигают свои *пышные дворцы* путем лишения хижин своих подданных *самого необходимого*, однажды во время охоты был застигнут сильной грозой и был вынужден укрыться у Дровосека. Но едва он и его свита вошли в жилище бедняка, как хрупкая хижина опрокинулась и похоронила под своими развалинами почти всех этих вельмож. Если это предание правдиво, то может ли быть другое, более яркое свидетельство в защиту нашей доктрины о строе общности?

побуждать и подталкивать друг друга, одним словом — направлять общие усилия на развитие науки и искусства.

Но если бы те, о которых я сейчас говорил, способны были бы воспринять нашу точку зрения, то история не вписала бы столько восхвалений невежеству, столько панегириков состоянию дикости. И, конечно, представители духовенства не выступали бы с таким рвением против науки, вплоть до оскорбления того, кого они обожали как бога, вложив в уста назарянина<sup>121</sup> следующие нечестивые слова:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное!»

Нечего удивляться тому, что враги равенства боятся распространения искусств и наук — у них, несомненно, есть на то серьезные причины. Но следует заметить по этому случаю, что в то время, как они воздвигали алтари невежеству, они вместе с тем с большим трудом собирали и сосредоточивали в святилище все знания как своей эпохи, так и прошлых веков. Так поступали среди прочих египетские жрецы, затем гальские друиды, позднее монахи, затем, наконец, иезуиты. Следовательно, древние касты стремились не погасить факел наук и искусств, а сохранить за собой *монополию* на них, а это является убедительным доказательством того, что они-то понимали всю их ценность.

Но нам противопоставляют мнение некоторых писателей — сторонников равенства, и главным образом Жан-Жака Руссо, который

так красноречиво, казалось бы, гремел против наук и искусств.

Прежде всего, отмечу, что среди писателей — сторонников равенства очень мало кто нападал на науки и искусства: Френсисы Бэконы<sup>122</sup>, Томасы Моры, Ньютоны, Даламберы, Вольтеры, Дидро, Гольбахи, Морелли, Гельвеции, все энциклопедисты восемнадцатого века, все, за исключением Руссо, были мучениками науки и искусства и прославляли их.

Теперь, для того, чтобы понять, что могло привести Ж.-Ж. Руссо и некоторых других к таким серьезным заблуждениям, бросим взор на возражения, сделанные против наук и искусств.

*Возражение.* «Совершенствование искусств порождает вкус к роскоши и излишествам, любовь к изнеженности и фривольности».

*Ответ.* Изящные искусства не предполагают и даже не допускают любви к изнеженности или вкуса к фривольности. Всё это не только не является следствием изучения изящных искусств, а скорее свидетельствует о несовершенстве или испорченности человека.

Что касается роскоши, если вы под этим понимаете лишь то благородное великолепие, которое покоряет все силы нашего духа, — я не вижу, почему мы должны упразднить ее. Если же, наоборот, вы подразумеваете под этим то надменное и неумеренное изобилие, при наличии которого существует уничтожение и нищета большинства народа, если вы под этим понимаете неразумное сибаритство, расточающее

все продукты, расслабляющее наше тело, разрушающее или поглощающее все наши умственные и духовные силы,— вы правы сотни раз, проклиная ее!

Но разве все эти отвратительные излишества присущи изящным искусствам? Что общего у них с наукой? Недостаточно учитывается то очевидное для меня обстоятельство, что все зло происходит от собственности, от монополии, от невежества, от порочного и изнеженного воспитания. Люди, проповедующие нравственность, равенство и прогресс, должны употребить усилия не для того, чтобы ограничить узкими рамками науку и искусство, а, наоборот, для того, чтобы развить их, распространить всюду, *сделать их общим достоянием*, так, чтобы их благодеяния стали уделом всех без различия, соответственно потребностям каждого.

*Возражение.* «Люди, посвящающие себя наукам и искусствам, создают себе с самого начала, или приходят к этому незаметно, из своих действительных или предполагаемых знаний знаки отличия, превосходства для избавления себя от общих работ. Существующее мнение об их знаниях или талантах питает их тщеславие и зачастую побуждает их на пагубные посягательства на права простых и менее образованных людей, доверие которых они обманывают при помощи лицемерия и опасного красноречия».

*Ответ.* 1. Быть может, эти возражения имеют некоторый вес, будучи направлены против

режима собственности, но какова их сила против установлений строя общности? Я уже говорил, что у наших равных не будет никаких социальных различий: они не будут признавать другого превосходства, кроме таланта, усердия и истинной науки, плода длительного навыка и *непрерывного труда*. Что побудило бы их избегать *общественных работ*, когда труд, как я это доказал, станет столь же привлекательным, сколь полезным для здоровья? Не ясно ли вам, что тогда только научные исследования будут еще сопряжены с некоторыми трудностями, которые, впрочем, в самой цели своей найдут справедливое вознаграждение?

2. Но что является главным в этом вопросе, что коренным образом разрушает вторую часть вашего возражения — это то, что при строе общности невозможно будет существование какой-либо научной касты или корпорации, так же как и не будет больше невежд и слабых, которых можно было бы эксплуатировать. Все наши равные будут одновременно мастерами, художниками, литераторами, учеными. Все будут испытывать потребность использовать одну за другой все свои способности. Каждый прекрасно поймет, что, только уважая свободу своих братьев и трудясь для общего счастья, он сам сможет без помех наслаждаться истинной свободой и достигнуть, в некотором роде, полноты счастья!

*Возражение.* «Потребности дикого народа сводятся к одним лишь физическим потреб-



ностям. Их немного. Потребности цивилизованного народа, наоборот, огромны. Сколько надо удовлетворить вкусов, сколько желаний! А в этой сложности вкусов сколько таится семян раздоров, споров и пороков!»

*Ответ.* То, что дикарь имеет меньше потребностей, чем цивилизованный человек, я признаю. Но какое это имеет значение, если дикарь, тем не менее, очень часто подвергается опасности умереть от голода, несмотря на самую строгую воздержанность и, иногда, на самое справедливое распределение пищи? Сколько можно было бы перечислить народностей, живущих сообща и в самом возвышенном братстве, которым для изобилия, безопасности и счастья недостает лишь благоденствий науки и искусства. Таковы, например, прибрежные жители рек Огайо и Миссисипи. И сколько других народностей, живших сначала как равные, как братья, не испытавших ига зависимости и разъединившихся только потому, что у них не было науки и искусства, которые вырвали бы их из нищеты и порабощения? Почему же современные народы, в особенности когда они достигнут коммунизма, стали бы подавлять свои научные и художественные способности? Почему побоятся они дать развиваться всем своим потребностям, я имею в виду всем своим истинным потребностям, которые внушает и признает природа, когда они имеют столько средств удовлетворять их, как бы многочисленны и как бы сильны ни были эти потребности?

И пусть не говорят, что народы, лишенные искусства и науки,— более мирные, более братские, чем народы, имеющие их. История доказывает обратное. По мере того, как науки и искусства приносят народам изобилие, возвышают их дух и смягчают их нравы, войны с каждым днем становятся более редкими и менее жестокими. Наоборот, если два народа, лишенные искусства и агрикультуры, подвергаются мукам голода, что является принципом деятельности этих народов во время голода? Нет ни одного озера, изобилующего рыбой, ни одного леса, в котором водится дичь, чтобы они не стали семенем раздора и войны между этими народами. Когда же рыбы и дичи становится мало, каждый народ защищает свое озеро или свой лес, который он присвоил себе, подобно тому, как земледелец защищает поле, созревшее для жатвы.

Голод у человека появляется несколько раз в день, и потому у дикаря он становится более активным началом, чем у цивилизованного народа разнообразие его вкусов и желаний. Вот почему потребности у дикаря всегда выражаются в форме жестокости, так как у него почти нечем сдержать их. В силу этого, пропорционально количеству населения, на севере Америки совершается больше жестокостей и убийств, чем во всей Европе.

Пусть не делают заключения из всего предшествовавшего, что я в какой бы то ни было степени хочу стать защитником полуварварских или, если так приятнее назвать их, полу-

цивилизированных эпох. Науки и искусства все еще достигли лишь несовершенной фазы развития. Даже современная эра не столь богата несчастьями потому, что это период разложения и перестройки. И кризис тем сильнее, чем перестройка должна быть более радикальной; рифы тем опаснее, чем больше мы приближаемся к порту. До сих пор в науке все еще остается *нечто неизвестное*, которое нужно *выделить*; общественному зданию всегда не хватало краеугольного камня. До тех пор пока это неизвестное будет существовать, пока не будет найден и установлен этот краеугольный камень, останутся ли люди невежественными или полученными, они будут двигаться по порочному кругу,— варварство займет только другое место, примет новую форму.

В самом деле, не все ли равно, будут ли люди пожираемы лесными людоедами или людоедами золоченых салонов и свободной конкуренции? Будут ли поработать людей меч, томагавк, штык или сабля, голод или монополия,— они все равно останутся рабами! И с этой точки зрения мы вынуждены признать, что современное рабство более жестоко, чем рабство эпохи дикости. У пролетариата меньше *уверенности* в средствах для своего существования, чем у дикаря, у него больше забот о завтрашнем дне, чем у дикаря: его ограниченное образование служит ему лишь для того, чтобы оценить свои несчастья, увеличить силу своего воображения.

Я иду дальше,— я признаю, что развитием

знаний наша современная цивилизация обязана позорному искусству, которое учит ее покрывать золотом и цветами узы рабства, чтобы скрыть его от глаз народа и крепче сковать его цепи, пропитать медом чашу с ядом, скрыть, ловко направить острие кинжала, одним словом, я признаю, что искусства и науки научили нас украшать и освящать самые гнусные\* пороки и преступления. Но нужно ли поэтому искоренить науки и искусства? Тогда надо упразднить медицину потому, что некоторые врачи иногда ошибаются и убивают своих пациентов вместо того, чтобы их вылечить; надо бы также вырвать все растения потому, что при известных обстоятельствах они стесняют нас, а некоторые из них содержат ядовитые соки.

Упраздните собственность, и вы увидите, как рассеются все ваши страхи. Вместе с нею тотчас же исчезнет масса порочных или неестественных потребностей, всех этих излишеств и ненужных вещей, которые теперь являются для несчастного человека причиной угнетения. Упраздните собственность, и вы скоро увидите, как сократится до правильных соотношений множество вкусов и желаний, которые так сильно страшат вас. Исчезнут тогда соперничество, ссоры и войны; вместо того, чтобы стать пособниками несправедливости и развра-

\* Науки и искусства вовсе не являются основой испорченности нравов, но обычно они являются их отражением.

щенности, науки и искусства станут лишним средством для достижения длительного счастья, действительной и совершенной цивилизации.

Сделаем же из всего этого вывод, аналогичный тому, какой мы уже сделали в отношении страстей, признаем, что истинное свойство наук и искусств — это служить фактором производства, движущей силой активности, духом общественности (*sociabilite*), этих жизненных и могущественных качеств, которые, по воле общественных институтов, могут служить общему несчастью или общему счастью.

*Возражение.* «Нравы и свобода, — говорит Руссо, — никогда не сопутствовали периоду расцвета искусств и наук».

*Ответ.* Это утверждение неправильно. Кригяне развивали искусство и науки в то самое время, когда Минос давал им мудрые законы, благодаря которым он в течение веков вызывал у людей восхищение и признание его богом.

Невежество делает законы несовершенными, а это несовершенство порождает пороки народов. Знания производят обратное действие. В число развратителей нравов никогда не включали мудреца Ликурга, который потратил столько труда на то, чтобы собрать произведения Гомера, и объехал столько стран, чтобы почерпнуть в беседах с философами знания, необходимые для успешной реформы законов его отечества.

Спартанцы, по признанию всех историков, были самыми нравственными и самыми свободными людьми в мире, а между тем, они были художниками и философами<sup>123</sup>. В Спарте ковали шлемы, брони и мечи. Архитектура спартанцев была простого, изящного и прекрасного стиля. Их дома отличались хорошим расположением, меблировка была очень удобна, опрятна и прочна. Спартанцы выделяли чеканные чаши и вазы. Скульптура также не была чужда им. Их музыка была мужественной и гармоничной. Их одежда совершенно соответствовала законам гимнастики и гигиены. Наконец, говорит Плутарх<sup>124</sup>, если в Спарте отсутствовала ослепляющая роскошь, эти глупые пустяки, доставлявшие наслаждение персам, то все, без исключения, наслаждались там всем необходимым, полезным, удобным. Я бы добавил, что эти различные сведения предполагают еще бесконечно много других.

Афины и Спарта были самыми развитыми и самыми известными странами Греции. Как же осмелились некоторые современные историки считать грубыми, непросвещенными, врагами науки и искусства этих республиканцев, обладавших живым и справедливым умом, редким даром в течение длительного времени не давать ослепить себя ложными знаниями своих соседей и мишурой азиатской цивилизации? Ликург исключил из своей республики не настоящих ученых, как это утверждают, а только фигляров и софистов. Этот мудрый законодатель, несомненно, думал, что наука в то

время не приобрела еще достаточно уверенности и силы, чтобы было благоразумно предоставить его соотечественников распущенности одних и болтовне других. Кто посмеет назвать это преступлением с его стороны? В нашем будущем обществе все эти предосторожности будут излишними: сделавшись показательной, общественная наука станет железным щитом против всех нападков и всех дурных обычаев, если еще сохранятся какие-либо ненормальности.

Пусть считают спартанцев невежественными и непросвещенными, отлично; но посмели ли когда-нибудь поддерживать эту ложь перед Александром Великим, перед Цезарем, Фридрихом II и Наполеоном, которые так хорошо умели пользоваться языком спартанцев, столь серьезным, точным, кратким, столь благородным, ярким, героическим<sup>125</sup>? Делали ли это перед толпой литераторов и знаменитых ученых, которые по прошествии стольких веков заявляют, что никогда еще язык не был доведен до более высокой степени совершенства?

Говорят, что спартанцы оставили мало письменных памятников. Но разве трудно понять, что люди, проводившие свою жизнь в лагерях или на общественных площадях, должны были значительно меньше, чем мы, чувствовать потребность в сообщении друг другу своих мыслей посредством книг? Так же как древние римляне, спартанцы больше любили творить прекрасное, чем рассказывать о нем<sup>126</sup>.

Таким образом, наиболее сильное возражение Руссо уничтожается по самому существу. То, что все пороки, о которых часто говорят, существовали одновременно с наукой и искусством,— я не пытаюсь отрицать. Но опять-таки, что это доказывает? Если я правильно установил, что испорченность нравов и рабство являются неизбежным следствием *неравенства состояний и монополии просвещения*, не становится ли тогда очевидным, что наука и искусство не имеют никакого отношения к этому неравному распределению и поэтому не следует рассматривать их как причину зла? Наоборот, не вполне ли разумно думать, что, не порождая этих двух бедствий, о которых я только что говорил, науки и искусства очень часто возникают вопреки им и даже из их же крайностей и возникают как раз для того, чтобы победить и уничтожить их?

Что касается меня, я не только не нападаю на науку и искусство, но я не перестану повторять, что лишь в полном их развитии мы найдем действенное средство не только против зол, в свершении которых они могли способствовать нам, но и против всех других наших зол. Я не только не отчаиваюсь, но я готов вместе с Гельвещием воскликнуть: *неважно, порочны люди или нет,— достаточно им быть просвещенными, чтобы они обратились к нашей морали.*

*Возражение.* «Науки и искусства ослабляют военную храбрость».

*Ответ.* Цезарь, Кассий, Брут, Сципион,

Ганнибал, Фемистоклы, Александры, Фридрихи II, Наполеоны были красноречивы, ученые и храбры<sup>127</sup>. В Греции одновременно упражняли и дух и тело. Слабость — дочь богатства отдельных лиц, а не наук и искусств. Когда Гомер слагал стихи «Илиады», его современниками были граверы щита Ахилла<sup>128</sup>. Искусство, следовательно, достигло тогда в Греции известной степени совершенства; и тем не менее, там упражнялись еще в кулачных боях, и в состязаниях: греки всегда были неустрасимыми воинами. Но разве не известно, что благодаря науке о дисциплине римляне подчинили себе весь мир? Следовательно, они покорили народы, будучи учеными. Когда же тирания вздумала привлечь на свою сторону милицию и обеспечить себе ее защиту, она была вынуждена ослабить суровость военной дисциплины, и когда, наконец, наука о дисциплине была ею полностью утеряна, тогда *победители мира*, в свою очередь, были побеждены и, став *невежественными*, были вынуждены *терпеть* иго народов Севера<sup>129</sup>.

В какой момент русские стали страшны для Европы? Когда Петр Великий принудил их просвещаться<sup>130</sup>. Что мы видим в Индии, в этой стране, природа которой наиболее благоприятна для человека? Ленивые, униженные рабством народы, которые не знают еще любви к общественному благу, лишены возвышенных чувств, дисциплины, храбрости; они прозябают под самым прекрасным в мире небом. Нако-

нец, народы, вся мощь которых (более 100 миллионов жителей) не выдерживает напора кучки англичан<sup>131</sup>. Таково также состояние народов, подчиненных скипетру невежества, в Китае, в Турции, в Персии, почти на всем Востоке<sup>132</sup>.

Некоторые офицеры хотят, чтобы солдаты были автоматами. Они это объясняют тем, что во время схватки тот, кто не может оценивать опасность, неизбежно оказывается более храбрым. Нельзя ли ответить им, что если иногда невежда бросается навстречу опасности, потому что не видит ее размеров, то, наоборот, иногда он видит опасность там, где ее нет? В целом у невежды меньше, чем у человека просвещенного, хладнокровия и рассудительности. К тому же чего только ни сделает в боях любовь к общественному уважению и к равенству, если эти благородные страсти оплодотворены воспитанием и хорошими общественными установлениями!

Сколько чудес породили в Греции и во Франции республиканские гимны Тиртея и Руже де Лилия<sup>133</sup>! Могут ли античные Мессени или «Марсельеза» оказать сильное влияние на моральное состояние индусов или эскимосов? Какой же человек, если только у него нет предвзятой мысли, отказался бы признать, что бесконечно легче, благороднее и действительнее использовать три средства — интерес, симпатию и энтузиазм, одним словом — энергично стимулировать все наши естественные страсти, чем предавать себя пытке приучать

к дисциплине невежественные, пассивные и покорные армии забитых рабов.

Пусть народ усыплен рабством, но до тех пор, пока он остается просвещенным, никогда не следует отчаиваться в нем: его сон — сон льва; он проснется когда-нибудь, гордый и страшный. Горе тому, кто попытается тогда остановить поток идей!.. Пусть знают (что касается нас, мы не могли этого скоро забыть), что революция 93 г. оказалась такой могучей, столь вооруженной, столь полной энтузиазма, такой величественной<sup>134</sup> именно в результате умственного труда прошлых веков. Это великое и прекрасное здание, которое — это приходится повторять — разрушилось только потому, что реформаторы того времени не сумели положить в основание своей социальной философии требования человеческого организма, потому, что они не сумели решительно запечатлеть и закрепить в первых же законах своей республиканской конституции нерушимую догму равенства, *действительного и совершенного равенства*<sup>135</sup>.

Пусть же не восхваляют как военную добродетель невежество солдата: никогда Сципион и Цезарь не жаловались на излишек ума у своих солдат. Греческие и римские солдаты, сделавшись по возвращении с войны гражданами, несомненно были более просвещенными, чем солдаты в наши дни; греческие и римские армии были вполне достойны наших армий.

Таким образом, возражение, будто бы науки и искусства действуют расслабляюще

на солдат и лишают их героизма, не более удачно, чем другие. Конечно, цель науки и искусства состоит не в том, чтобы, несмотря ни на что, писать, освящать и увековечить воинственные страсти. Напротив, неизбежным их следствием является постепенное установление общего и постоянного мира. Но пока этот результат будет достигнут, они не отрекутся от своих военных возможностей. Что я говорю! Чем сильнее они захотят сохранить эти возможности, тем упорнее люди науки и искусства будут поддерживать их в этом добром деле, согласно мудрой поговорке древности: *«Если хочешь мира, будь готов к войне»* — *«Si vis pacem, para bellum»*<sup>136</sup>.

Между тем, те, которые во все времена, называя своих противников философами, энциклопедистами, республиканцами и т.д., безостановочно преследовали, и порой весьма жестоко, истинных художников и истинных ученых; те, которые недавно были великими проповедниками невежества; те, которые даже теперь призывают к догме *слепой веры* или чтут ножницы цензора, лицемерные враги равенства, убедившись, наконец, что доктрина *мракобесия* осуждена общим суровым порицанием, вдруг изменили теперь тактику и сылятся взвалить на своих противников все свои прошлые беззакония. Вот почему, взяв текст какой-нибудь ереси из другой эпохи, ереси, в которой мы неизменно пробивали брешь, они при помощи силлогизма, достойного Базилай и Эскобаров<sup>137</sup>, приходят к заключению, что

строй общности неизбежно будет несовместим с наукой и искусством\*.

Глупые клеветники! Однако вы не сможете дольше отрицать это,— вовсе не к коммунистам (и в особенности к современным коммунистам), а к вам, только к вам относится недоверие Руссо. В самом деле, что вы можете тут возразить, вы, подлые наследники феодализма и завоеваний, вы, способные только войной поддерживать пагубный и надменный принцип национального превосходства, национальной исключительности, *национализма* во что бы то ни стало. Вы только силой невежества и пассивного послушания можете поддерживать дисциплину в войсках! Вы не только во время войны, но и во время мира можете побеждать,

\* Я не знаю ни одного современного коммуниста, по крайней мере, ни одного писателя, который *не принял бы* их без ограничений. Однако в газетах и в обвинительных актах приписывали «Humanitaire»<sup>138</sup> желание упразднить изящные искусства. Я внимательно следил за процессом этого журнала: на основании следствия, дебатов и даже фактов, на которые ссылался королевский прокурор, получалось, что «Humanitaire», как в своей программе, так и повсюду, признавал противоположное мнение. Он относил изящные искусства к категории потребностей в развлечениях и, следовательно, помещал их после физических и моральных потребностей.

Причиной возможности хоть на какой-то момент поверить подлой и абсурдной лжи, распространившейся по этому поводу против нашей доктрины, было то, что нашлся писатель-коммунист, которому, к сожалению, пришлось в голову признать достоверными речи, приписываемые «Humanitaire».

и даже жить, только как вандалы. И вы осмеливаетесь называть нас *варварами!*. Нет, нет, строй общности не подобен бесчувственному созданию, чуждому духу изящных искусств, врагу литературы и науки. Он не только не имеет ни малейшей потребности в том, чтобы *изгонять* и *разрушать*, но, соединив со своей высокой моралью блеск и благоденствия наук и искусств, он когда-нибудь привлечет к цивилизации 600 миллионов варваров и дикарей, которые теперь живут еще вне законов. Путем совершенствования всех человеческих знаний строй общности намеревается навсегда уничтожить войны и революции!!!

Несомненно, наука и искусство развивались бы быстрее, если бы ими руководили более энергично, честнее и лучше в пользу общественного порядка\*. И тем не менее, сколькими важными завоеваниями мы обязаны им! Как расширились и как расширяются с каждым днем знания в области физики, химии, математики, анатомии, гигиены и т.д.! Кто разбил трон заблуждений и фанатизма? Кто освободил мысль из пеленок предрассудков и суевер-

\* Я не из тех, что полагает, что прогресс заключается только в качании и колебании; это прием критического порядка. Истинный прогресс, по-моему,— это *прогресс будущего*, это прогресс непрерывный и одновременный во всех областях человеческого знания. Так понятый прогресс означает, что одна только коммунистическая идея может привести к нему, установить его на незыблемых основах. Все указывает на то, что человечество как будто окончательно становится на этот путь.

рий?— Наука и искусство. Откуда появились чудеса архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, астрономии, мореплавания, печатания, механики и т.д.? От наук и искусств. Кто пером Гомера, Вергилия, Лукреция, Аристотеля, Платона, Тацита, Плутарха, Фонтенеля<sup>139</sup>, Морелли влил в наши сердца улаждающий нектар поэзии и бальзам философии? Кто повсюдил нас в самые интимные тайны прошлых веков и таким путем подготовил для нас торжество будущего? Разве не наука и не искусство сделали это? Как же может случиться, чтобы мы намеревались изгнать их, мы, делу которого они так хорошо служат; консерваторы, отвечайте?..

Итак, полюбуемся силой наших доктрин. Все стрелы, которые пускают в нас наши противники, попадают в них самих; чем более резко выступают они против системы общности, тем сильнее они почитают ее, уподобляясь в этом тем языческим народам, уста которых, как говорит апостол, открывались для того, чтобы хулить Христа, и против своей воли произносили хвалу ему!

Поистине, когда мы серьезно задумываемся над этим вопросом, не охватывает ли нас чувство презрения и жалости к большинству *великих политиков* современного строя с их заносчивостью и недобросовестностью? Как много теряют их великолепнейшие дворцы и прекраснейшие памятники, если они не в состоянии освободить их от смрадного и отвратительного соседства! Что сказать о мнимых Геркулесах

науки и изящных искусств<sup>140</sup>, которым не удалось еще избавить Лувр и Тюильри от соседства этих безобразных лачуг, развалин и мусора, этих грязных и отвратительных барачков, загромождающих их и оскорбляющих взор прохожего, которые в течение более сорока лет оставляют Пантеон и церковь Мадлен среди грязи и мусора? Они предпринимает многое — это верно, но как будто ничего не могут кончить. Какая непредусмотрительность, косность, хаос, беспомощность! Почему вместо того, чтобы в течение полувека строить одновременно пятьдесят зданий, не ограничиться тем, чтобы начать строить одно или два здания и окончить их в один год?

Далее, какое очарование могут иметь ваши музеи, ваши дворцы и ваши прекраснейшие памятники для большинства граждан, если они безжалостно не допускаются в них вердиктом нищеты и невежества? Сколько есть вещей, составляющих вашу гордость и вызывающих ваше восхищение, которые на многих производят не столь возвышенное впечатление? Нужно ли удивляться, например, если люди чувствуют так мало почтения и сосредоточенности в этих благочестивых храмах, откуда вы постарались изгнать святые агапы\*. Как может священный огонь поэзии проникнуть в наши сердца внутри этого храма Меркурия (Биржи),

\* Первые христиане жили все вместе и в равенстве, как бы огромно ни было различие их социального положения, и эти братские трапезы они называли *агапами*.



где мы находимся в сто раз менее в безопасности, чем в Бондийском лесу! Напрасно мы на миг почтительно склоняемся перед шедеврами искусства и атрибутами победы: *лев Ватерлоо, Арка Звезды, колонны Росбаха и Вандомская площадь!*<sup>441</sup> Противоположные впечатления вскоре охватывают наши сердца. В самом деле, о чем свидетельствуют в глазах мудреца эти жалкие трофеи, если не об актах безумия и варварства, ибо когда художник писал текст этих восхвалений, он окунал резец в человеческую кровь! Эти горделивые камни и бронзу высекали, отливали, плавил вместе с костями и мясом наших братьев!!!

Конечно, никто больше меня не чтит гений искусства; но, признаюсь, для меня не достаточно созерцать ваши безжизненные мраморные статуи и полотна, чтобы почувствовать сладостное состояние и неизъяснимый *энтюзиазм*, который один может выразить теплоту чувства или все разнообразие и наэлектризованность природы. В самом деле, что такое искусство, если в нем отсутствует жизнь?.. Почему, пробежав быстро Версальский музей и длинные галереи Лувра, я вдруг останавливаюсь и долго стою перед картинами Пуссена и Мурильо? Веронезе, Тициана и Рафаэля<sup>142</sup>?.. Почему? Потому, что в них я нахожу жизнь и чувство. Христос на своем кресте кажется мне полным экспансии и любви! Над его челом я вижу светящийся ореол великой революции! Как волнуют там мое сердце и мои мысли возвышенные и глубокие слова,

которые я читаю в этой скромной надписи на картине, изображающей женщину, нарушившую супружескую верность:

«Пусть тот среди вас, кто без греха, первый бросит в нее камень!»

Вы заходили когда-нибудь в Тюильрийский парк? Заметили ли Вы там гордую статую, которая как бы бросает на королевский дворец мрачный и угрожающий взор? Этот живой мрамор — портрет *Снармака*<sup>143</sup>. Он стоит со скрещенными на груди руками; его правая рука опирается на меч гладиатора, который он с яростью сжимает, а левой рукой он поддерживает свой огромный лоб; у него вид человека, обдумывающего великую и смелую мысль; весь его облик дышит ненавистью и мстостью, надеждой на освобождение и презрением к смерти! Кажется, как будто вот откроются его уста и он закричит страшным голосом:

«*Сыновья рабов, если вы хотите быть свободными, настал момент нанести удар!*»

Сколько раз, устремив глаза на эту великую жертву варварства далекой эпохи, я погружался в глубокое и печальное размышление,— это было созерцание чувства.

Но если я испытываю так много живых эмоций при виде шедевров наших великих мастеров, каким же бесцветным я нахожу весь этот ворох безгласных мумий, загромождающих и обезображивающих наши музеи? Насколько также я нахожу сухими и холодными этих болтливых ораторов и этих пошлых лите-

раторов, которые только и умеют заливать свои речи или свои писания *потопом слов в пустыне идей!*

Резюмируя, можно сказать, что наши равные будут свидетелями того, как чудеса и великопение искусства украсят природу. Но, кроме того, им нужно и они предпочитают всему солнцу, воздух и свет, цветы и зелень, прохладные роши и источники живой воды. Еще нужны им прозрачные ручьи, тихо журчащие по золотому песчаному дну среди плодородных лугов, и т.д. и т.п.

Апологеты современного режима, что значат в сравнении со всем этим ваши неумеренные празднества, ваши раззолоченные салоны, где так редко удается пожать дружескую руку, где сердце увядает и сохнет, где дыхание стесняется, где дух бездействует и потухает? Что значат вся мишура и все богатства *отдельных лиц*, которые вы с таким трудом выставляете на своих базарах и в своих роскошнейших магазинах\*?

\* Некоторые лица бросают упрек однообразной архитектуре в том, что она принесла в жертву величю ансамбля разнообразие и изящество деталей. Например, говорят они, мы лишаем прохожего вида роскошных и великолепных магазинов, в которых выставлены чудеса промышленности. Полное заблуждение с их стороны: одно из явлений, которое, повидимому, характеризует систему общности,— это возможность радикально во всем и везде искоренять все пороки и все недостатки и в то же время чрезвычайно усилить все преимущества. Вместо того, чтобы чудеса индустрии и искусства прятать и рассеивать по тут, то там случайно, без системы, *при строе*

Повторяю, если вы хотите, чтобы мы поверили вашей любви и рвению к науке, вашему энтузиазму и могуществу вашего искусства, уничтожьте, по крайней мере, эти жалкие хижины, эти сырые и холодные лачуги, где нехватает воздуха и солнца, где, по возвращении вечером, изнемогающий от лишений и усталости селянин оказывается в борьбе со всеми стихиями и непогодами! Пусть не останется и следа от этих мерзких собачьих конур, в которых работает, прозябает и умирает городской мастеровой. Превратите в красивые и удобные поселения эти грязные деревни, эти гнилые, перенаселенные города, где разлагаются одновременно тело, ум и сердце! Если эта задача выше ваших сил, оставьте, оставьте коммунизму осуществить ее. Он сумеет полностью оправдать все надежды и даже превзойти их!!!

Надеюсь, мне удалось доказать, что строй общности является наиболее благоприятным

*общности* они легко будут сконцентрированы в одном пункте в порядке и симметрии.

Кроме того, упразднив торговлю и уничтожив частную собственность, освободившись навсегда от боязни краж и воров, наши равные, конечно, постараются безвозвратно уничтожить все эти непроницаемые и грубые запоры, какими с трудом баррикадируются лавочники и буржуа, все эти гнусные и безнравственные мерзости, которые покрывают стены наших городов и даже наши самые красивые памятники. Кто помешает им тогда частично превратить, если они сочтут это нужным, некоторые фасады дворца в прекрасные стеклянные или металлические стены?

состоянием для наук и искусств, единственным истинно благоприятным состоянием. Я уже достиг цели этой главы.

Но мы видели выше, что в школе, проповедующей равенство, есть только один знаменитый человек, который восстал против наук и искусств. Каковы же причины неприязни Руссо к ним и к некоторым другим аналогичным вещам? Я думаю, что читателю не безинтересно узнать их. Я найду в них неопровержимые аргументы и против наших хулителей и против некоторых заблуждений наших сторонников; это будет окончательным выводом в подтверждение суждений, высказанных мною как в этой главе, так и во многих других.

## *Глава XVI*

### ИСТИННЫЕ ПРИЧИНЫ ЗАБЛУЖДЕНИЙ РУССО

Когда мы бегло читаем дерзкие обличительные речи Руссо против наук и искусств, мы можем подумать, что они являются результатом глубокого убеждения и что он направляет свои проклятия против самой природы наук и искусств. Но когда, при более глубоком рассмотрении, мы хотим отыскать сокровенную мысль автора, мы легко убеждаемся, что дело обстоит вовсе не так. Почитаем, например, известную речь, за которую Дижонская академия решила наградить его, и мы увидим, как на каждом шагу среди самых горьких сарказмов его мысль затемняют и одолевают тысячи сомнений, неуверенность, замешательство; часто он как бы охвачен раскаянием и готов отречься от своих слов. Если он без конца гневно гремит против комментаторов, риториков, софистов, одним словом — против всей этой презренной фаланги полуученых, которые превращают алтарь литературы и науки в базар

порабощения и проституции\*, если Б в своем отчаянии Жан-Жак Руссо изо всех сил раскачивает колонны храма, чтобы под его обломками похоронить осквернителей, то разве мы не видим, как через несколько строк он с почтением склоняется перед истинными учеными — такими, как Лейбницы, Ньютоны, Бэконы, Беккариа и т.д., перед этими великими космополитами, являющимися гордостью человечества! Вот какие люди должны разбить алтарь науки и вытащить из него все сокровища, — восклицает он<sup>144</sup>.

Известно, что основная идея Руссо состояла в том, чтобы внушить всем сердцам принципы равенства и умеренности. Похвальные и добродетельные намерения! К несчастью, для оживления своей морали у Руссо не имелось всей *совокупности* идей в области философии и общественных наук; его гений чаще всего охватывал только одну категорию фактов и истин. Вот почему он иногда отчаивался в торжестве *социального единства* и *человеческого разума* и вследствие этого считал себя обязанным прибегать к ненормальным, сверхъестественным средствам, сливать воедино два *разнородных принципа: заблуждение и истину*.

Так, например, Жан-Жак Руссо наблюдал, что почти все знаменитые художники и писа-

\* Для некоторых литераторов нет ничего святого и почитаемого: совесть, мысль, друзей, честь, достоинство, родину, — все они приносят в жертву постыдной жадности, порой даже простому удовольствию сказать острое словцо.

тели его времени живут в изобилии и роскоши, иногда даже в беспутстве; он видел, как они без зазрения совести курят фимиами аристократам и деспотам, которые становятся их *Меценатами*; наконец, он видел, как бок о бок шествуют впереди роскошь и тирания, с одной стороны, науки и искусства — с другой. Пораженный этим совпадением, озлобленный, кроме того, преследованиями и нищетой, Жан-Жак дал Ганнибалову клятву бороться против наук и искусств и даже против всей цивилизации в целом. В своем пылком и страстном рвении действовать против зла он принял за источник общего распутства и коррупции то, что было лишь его *следствием*, то, что было лишь его *отражением*. К этим печальным размышлениям в уме Руссо прибавилась еще следующая прискорбная мысль: аристократия, уже и теперь такая могущественная и тираническая, в конце концов захватит в свои руки монополию на науки и искусства. Это будет тем более ужасным оружием против народа, что *богатства, привилегии, предрассудки, военная сила, умственное превосходство и престиж*, которым они пользуются, — все это объединится для того, чтобы заковать народ в цепи.

Вот когда опасность рассуждений по индуктивному методу проявляется со всей очевидностью. В чем, по существу, дело? Надо покончить с неравенством и эксплуатацией. Вы говорите, что наука и искусство являются сильным оружием, которым почти всегда тирания жестоко злоупотребляет, и тотчас вы

запрещаете слабому пользоваться им. Какая пагубная логика! Напрасно стали бы вы советовать сильному отбросить в сторону оружие, которым он владеет,— он не обратит внимания на ваш совет; и тогда вы бы отдали слабого на его волю и его милость, лишив его последних средств сопротивления. Насколько благороднее было бы, с моей точки зрения, установить равновесие, вложив в руки угнетенного оружие подобное тому, каким пользуется угнетатель. Будьте уверены, что, если вы будете действовать таким способом, угнетатель поспешит отказаться от несправедливого господства, ибо он вскоре устанет от такой борьбы, в которой шансы противников равны, а следовательно, нет уверенности в победе. К тому же он проникнется спасительным страхом перед тем, что поражение было бы для него и постыдным и ужасным.

Следует отметить, что все ошибки, все заблуждения Руссо происходят от этой слабости суждения, о которой я только что говорил. Его писания кишат доказательствами выдвигаемой мною мысли. Так, после того как в своей *«Речи о происхождении неравенства среди людей»* он воздал должное физиологическим законам человеческого *организма* и обвинил самого Локка и самого Кондильяка в робости в этом отношении<sup>145</sup>, через некоторое время он обвиняет в своем *«Эмиле»* всех физиологов в следующих выражениях: «они отнимают у бедняков последнее утешение в их нищете, у сильных и богатых узду их страстей; они

вырывают из глубины сердца раскаяние в преступлении»<sup>146</sup>.

Нет, нет, физиологи коммунистической школы ничего подобного не делают, напротив! уверенные в том, что счастье осуществимо в этом мире, но зависит от такого-то действия и направления, которое человек может сообщать своим способностям, общественной жизни, внешнему миру\*, они беспрестанно советуют ему повернуть и сосредоточить на этой цели всю свою активность и усиленно избегать всего, что может отвлечь его от этого. Итак, вместо того, чтобы обращаться к человеку с напрасными утешениями, вместо того, чтобы тратить его энергию на суеверные обряды, вместо того, чтобы предоставить его мысли блуждать в заоблачных высотах, наконец, вместо того, чтобы вести его по пути иллюзий и разочарований к горькой действительности, *физиологи коммунисты* умеют придать человеку всю нравственную силу, всю необходимую мощь, доказав ему очевидным, осязательным способом, что *здесь*, на земле, в пределах досягаемости для него, у него под рукой находится то реальное счастье, которого он ищет и которое как будто постоянно убегает от него, та обетованная земля библейских времен, где текут молоко и мед.

Они предлагают два следующих средства предупредить и заглушить зло, обратить

\* Я называю внешним миром всё, что находится вне человека.

порочного, извращенного угнетателя к братству и разуму:

1. Противопоставить преступлению или несправедливости упорное, решительное, непреодолимое сопротивление.

2. По их мнению, есть высшее, всемогущее, безошибочное средство достигнуть этого результата, средство, которое освобождает от необходимости прибегать ко всем другим и уничтожает самую тень забот и беспокойства; средство это состоит в том, чтобы *в общественной жизни* существование индивидуума было спокойным, счастливым, а общественные нравы такими, чтобы каждый всегда мог достичь уважения, известности, безопасности, благополучия только при условии, если сам он гуманный, великодушный, усердный, братски настроен по отношению ко всем.

Итак, мы видим, что физиологи-коммунисты помещают движущие силы побуждений и реакции человека здесь, на земле, а не где-нибудь в другом месте. Это означает, что они вполне уверены, что дурные склонности человека почти никогда не обузываются в достаточной мере, не бывают полностью уничтожены надеждой или страхом, которые лишь смутно виднеются где-то вдали. Действительно, опыт показывает, что страх перед палачом предотвращает большее количество убийств и преступлений, чем страх перед адом; любовь к равенству и чувство счастья создают больше филантропов, чем надежда попасть в рай!

Некоторые философы — сторонники равен-

ства и даже коммунисты (Мабли, Робеспьер, Буонарроти) предполагали, как Руссо, что безверие или скептицизм неизбежно влекут за собой крах всего социального порядка и всякой нравственности. Известные публицисты партии радикалов (гг. Пьер Леру<sup>147</sup>, де Поттер и др.), констатируя, что скептицизм стал общим, разумным, необходимым, озабочены приблизительно теми же опасениями.

Не приходится удивляться, что в глазах этих писателей такие опасения кажутся серьезными и тревожными, ибо, рассуждая так, они имеют в виду *абсолютное* безверие и скептицизм, тот мрачный и беспокойный скептицизм, который отнимает у человека его последнюю иллюзию, *ничем ее не компенсируя*. Вопреки своим добрым намерениям, они еще не нашли средства избавиться от сомнений, *соперничества, раздробленности, анархии!* Они так формулируют свои идеи:

«Производить, как соперники, делить, как враги, жить, как братья» (Прудон).

«Мы в поисках будущего города» (П. Леру).

«Опыт не совместим с порядком, если он не пролагает пути к власти разума. Таково наше положение. Один лишь разум смог бы избавить нас от опустошений опыта». «Отныне никакая другая власть невозможна» (де Поттер).

Что касается г. де Поттера, то вот как замечательно развивает он свою мысль: «Мы отвергли ад, рай, выдуманного бога и попов и очень хорошо сделали, так как этот обман был неистощимым источником бедствий; но мы

ничего не поставили на *их место*. Пустота, оставшаяся после уничтожения лжи, порой полезной, не была заполнена святой правдой; это большое зло. Общество оказалось в худшем состоянии, чем оно было раньше. Надо спешно провозгласить то, что не идет от воображения, не служит предметом чьего бы то ни было умо-зрения и может быть использовано только силами человечества и для него. Если мы слишком запоздаем, что помешает богатым все больше и больше толкать бедных к *пределу* страданий и терпения, а бедным разгневаться, наконец, ограбить и даже перерезать горло богачам? Что касается меня, то я не вижу этого».

Но бельгийский ученый проявляет большое почтение к нашим философским принципам, когда несколькими строками далее он говорит: «Было бы бесполезно доказывать снова опасность отсутствия какого бы то ни было принципа, какой-либо общей связи в том, что касается недостаточности власти, данной путем откровения или внушения, опирающейся на веру или на обычай, я это доказываю существованием факта, *опыта*. До тех пор, пока есть опыт, есть сомнение, и уйти от сомнения можно только *посредством уверенности*. Когда нет больше веры, мы близки к отрицанию, если только мы не приближаемся еще больше к знанию. Если мы больше не верим, необходимо, чтобы мы знали.

Но пусть меня поймут правильно.

*Знающие*, которыми я хочу заменить *ведущих*, это не доктора и не ученые, т.е. лю-

ди которые думают, что они все знают, потому что знают некоторые детали\*, люди, явно не поддающиеся управлению ими, но такие люди, которые доказали себе и могут доказать другим принцип всякой достоверности. И этими людьми, понятно, легко будет управлять, поскольку они сами *пойдут навстречу каждой мере, ведущей к порядку путем свободы и равенства!*

Свобода есть потребность каждого интеллектуального существа, из которых составляется общество, так же как справедливость или порядок являются потребностью для ассоциации этих существ. Власть нарушает свободу: каждое правило, каждая догма, исходя-

\* Я не останавливаюсь на тонком различии, которое г. де Поттер делает между словами *знающий* и *ученый*. Эти два слова мне кажутся синонимами; он, конечно, хотел протестовать только против злоупотребления этими словами. По существу мысль г. де Поттера правильная и глубокая. Недостаточно владеть одним или несколькими дипломами *доктора*, чтобы быть настоящим ученым. Не надо смешивать науку с эрудицией. У эрудита много знаний, но он грешит в суждениях; другими словами, его ум скорее *поверхностен, чем точен и глубок*. Другие, наконец, охватывают одну науку в целом, но погружаются в какую-нибудь специальность. Всё это не составляет *ученого* таким, каким я его понимаю. На мой взгляд, истинный ученый охватывает широким взором известные отношения, существующие между человеком и внешним миром в целом; он схватывает и координирует *общие принципы, основные истины*, так что он может извлечь из этих истин, из этих принципов все их естественные последствия, и устанавливает новые отношения.

щая от власти, не потому, что они справедливы и верны, но потому, что они предписываются, становятся сильными средствами произвола и тирании. Между властью и деспотизмом существует заметная связь... Всякая другая власть, кроме власти опыта, отныне невозможна; ибо пресса — это орган опыта. Это орган нерушимый, и опыт вместе с ним... Разве мы считаем невозможным открытие гуманитарного человеческого критерия, который отбрасывает в число безумств все антиобщественные страсти как королей, так и народов? Я не верю в это, ибо я верю в будущее человечества и общества, которые погибнут, если навсегда лишатся власти». (*Выдержки из «Социальных этюдов», стр.68*).

В двух словах: г. де Поттер надеется заменить властью науки власть веры. Каковы же должны быть основы этой науки, какова та гуманитарная цель, которую автор «Социальных этюдов» призывает всеми своими помыслами и к которой мы, по его мнению, быстро движемся? Мы непрестанно будем повторять этот критерий достоверности — это знание трех вещей: 1) человека, 2) общественного организма, 3) внешнего мира; эта цель и вместе с тем средство человеческого совершенствования и есть всеобщий и уравнилельный строй общности!

Поразительное превосходство наших идей над идеями, о которых мы только что говорили, обеспечивает то, что коммунистам-рационалистам не приходится бояться, как бы не

разбиться о подводный камень слепой веры\* или о скалу абсолютного скептицизма: они обладают большим, чем *идеальная религия*, — в них есть *социальная религия!* И в самом деле только при этом условии можно без колебаний, без помех разбить трон заблуждений. Иначе как ответить тому, кто бросит вам в лицо такой упрек:

*«Вы отняли у меня рай на небе, я хочу иметь его на земле!»*

Таким образом, подводным камнем для гения Руссо было отсутствие общего синтеза. Руссо где-то говорит, что у него *привычка ленивого человека писать урывками*<sup>148</sup>. К несчастью, очень часто ему приходилось и думать так же. Этим объясняются обманчивые парадоксы и многочисленные противоречия, которые, к сожалению, мы встречаем в его писаниях. Никогда бы Руссо не подумал стать противником наук и искусств, а следовательно, апологетом дикой жизни, если бы он мог отказаться от этого пагубного метода на основании какого-либо факта делать вывод относительно

\* Вера в сверхъестественное несет с собой серьезную опасность. История показывает, что очень часто она охраняла тиранию, поддерживая ее захваты, ее ярость тем, что подавляла *безразличием* или самоотречением всякое желание, всякое поползновение к сопротивлению и освобождению. Во время осады Парижа норманнами, монахи бежали в Сен-Жермен и посоветовали Людовику Толстому купить мир. Они оправдывали эту двойную трусость следующими словами священного писания: *«Если у вас просят ваш плащ, отдайте еще вашу туннику; если вас преследуют в одном городе, бегите в другой»*.



принципа и объяснять известное неизвестным; если бы вместо того, чтобы полностью предаваться чувству и воображению, он принял критерием достоверности свидетельство здравого смысла и света разума; если бы, наконец, вместо того, чтобы тратить свои силы на желание приучить ум человека к вымыслам, которые он считал необходимыми, он осмелился бы искать в законах *человеческого организма* истинную санкцию равенства и *морали*, единственное реальное и длительное признание.

Опасность увлечения абстракцией будет избегнута унитарным и комплексным изучением человека, внешнего мира и социальной среды. Но чтобы быть плодотворным, это изучение должно быть полным и должно охватывать одновременно все отношения. Если, например, это касается человека, изучайте его тело и ум, темперамент и характер, нервы и кровь, как идеи и дух. То же сделайте в отношении мира социального и мира внешнего; затем соедините вместе эти три отдельных синтеза, и тогда вы получите один общий синтез: вы получите *философию, то есть основной принцип всякой достоверности!*

В наши дни это рациональное и синтетическое изучение человека и конкретного мира начинает превалировать над бесплодными терзаниями абстракции, вращающейся вокруг себя самой. Все суждения, которые я привел в этой главе, являются лишь слабыми прологами новой философии. Понятно, что я могу здесь поставить только основные вопросы.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

В главе III я доказал, что коммуна, основанная на равенстве, является естественной базой, типом социального единства; она является также базой и типом политического единства. В первом случае это единство действия, производства, потребления, это единство цели; во втором случае — это единство управления и распределения. Наши отцы в 93-м году хорошо понимали эту истину. Разделив Францию на департаменты, дистрикты и коммуны, связав между собой все эти отделения и подразделения, они достигли централизации управления. Известно, какую огромную пользу пни извлекли из политической централизации<sup>149</sup>. Но, увы! каким бы сильным рычагом ни была в их руках эта великая победа, проблема будущего не была решена этим. Преобразовательные усилия пролетариата и пуританской части Конвента<sup>150</sup> были парализованы; на каждом шагу *французская революция* встречала препятствия и подвергалась нападкам; она, наконец, была приостановлена в своем восходящем шествии. Почему? Потому что она не посмела вырвать

самые опасные корни древа феодализма и монополии, потому что ей не удалось опереться на действительно народную основу, на действительно народную и полную демократию. Одним словом, потому, что если конституция II года провозгласила *политическое единство*, то для построения здания равенства недоставало еще *социального единства*<sup>151</sup>

Теперь снова говорят о единстве и равенстве; но эти слова являются лишь пустой и лицемерной формулой. Если центральное правительство *подчинилось* анархии и монополии, то освобождение и однородность коммун являются лишь смехотворной фикцией! Государство в равной степени состоит из имущих, и из пролетариев, из нанимателей и наемных рабочих, из *активных и пассивных* граждан<sup>152</sup>. В нем имеются грязные и бедные деревни, небольшие и грязные города и столица, представляющая собой чудовище, ненасытного вампира, высасывающего каплю за каплей кровь из всего тела общества, захватывающего лучшую продукцию индустрии, монополизирующего изящные искусства и знания. В результате это представляет собой лишь лужу и сточную канаву всяких аномалий, всяких пороков и всяких гнусностей!

Наша организация общности избегнет всех этих недостатков. В этой системе коммуна, близко связанная с телом нации\*, с великой

\* В I и III главах я говорил о провинциальных ассамблеях. Эти политические учреждения, несомнен-

общностью всего человечества, будет действительно наслаждаться жизнью, свойственной ей как в политическом, так и в социальном отношении. Государство в собственном смысле слова — это лишь собрание совершенно равных между собой коммун, но собрание гармоничное и разумное. Из этого целого и из этой гармонии, существующей между различными коммунами, возникает, проявляется, непрерывно растет коллективная сила, преодолевающая все препятствия, тот общий и единый разум, который направляет все члены социального тела. Путем *простого приглашения* он братски указывает им, как они должны выполнять работы, и, наконец, в изобилии расточает всем общественное образование и богатство, нравственные и умственные наслаждения.

Следовательно, нигде не будет ни малейшего элемента подчиненности или превосходства, пассивности или господства. Между коммунами, как и между гражданами, повсюду установится совершенная *общность интересов* и желаний. Между людьми не будет иных отношений, кроме отношений, связанных с удовольствием и празднествами, с общими работами и взаимными услугами, никаких иных чувств, кроме

но, будут полезны в переходный период, когда административные ведомства будут еще несовершенно; но все это промежуточное устройство станет бесполезным, когда полностью установится строй общности. Кроме коммун, тогда будут лишь национальные конгрессы и большой общечеловеческий конгресс, о которых я вскоре скажу.

симпатии и признательности, равенства и братства! За неимением пищи, иссякнут также и потухнут всякое соперничество, всякие распри, всякая национальная вражда. На алтаре всеобщей родины произойдет полное *приобщение* всех видов деятельности и всех потребностей, всех умов и всех сердец, наши равные образуют *одну семью, великую семью человеческого рода!*

И еще раз, при строе общности полной гармонии все пойдет как бы само собой, *ибо все законы, все общественные отношения будут истинным выражением законов природы*. Никому не придется опасаться губительного действия предрассудков, жадности, гордости, честолюбия и т.д. Никакая организация, следовательно, не будет более простой и более легкой, чем политическая организация. Политические, административные, законодательные и исполнительные власти будут меньше всего заниматься происками, спорить, ревновать, посягать на общее богатство и свободу. Все *избранные представители* закона будут выполнять все свои функции точно, усердно, разумно; они подчинятся основному закону (равенства и общности) так же гармонично, так же, в известной мере, неизбежно, как небесные тела тяготеют к центру.

Излишне, я думаю, настаивать на этом суждении. После всех доказательств, приведенных мною в этой книге, не становится ли вполне очевидным, что, будучи вдвойне подчиненными — основному закону и общественному ра-

зуму просвещенного народа, законодатель и администратор (функции которых к тому же всегда будут лишь кратковременными) не будут более способны на произвол и деспотизм?

Констатировать, координировать, санкционировать, стимулировать, оживлять, оплодотворять развитие промышленности, искусств и наук — такова будет главная цель закона. Указывать, регламентировать, управлять общими работами и удовольствиями, проводить полицейские меры и прививать гигиенические навыки — всё это также относится к его ведению. Закон не сможет быть ни туманным, ни темным, ни сомнительным, ни двусмысленным, ни эластичным, ни гадательным, ни *всемогущим*. Обладая силой творить добро, закон будет бессилен причинять зло. Ибо не следует забывать, что все статулы и постановления, все заключения и решения должны строго, свято исходить из основного закона, должны быть лишь его *применением* и его *развитием*, допуская едва заметное, ничтожное нарушение его.

Этот принцип к тому же не нов. Он всегда признавался почти всеми народами, даже мало цивилизованными. Каковы в действительности приговоры наших судов? Чем они должны быть, если не применением и исполнением соответственного закона или предписания? Исследуйте статулы обществ соучастников, и вы увидите, что ни одна из этих маленьких коммерческих демократий не осуществляет абсолютного суверенитета, что все они подчинены

основному пакту, что они должны ограничить свои действия в намеченном им кругу.

Имея под ногами такую твердую почву, каких злоупотреблений может опасаться покорение равных и братьев, сердце и разум которых прекрасным воспитанием будут приучены к общественному благу? Можно ли сомневаться, что политические функции станут тогда второстепенными и, какой бы образ правления ни был принят, основные законы не будут изменены, будущее строя общности не пострадает? В нашей системе политическая конституция могла бы повлиять только на большую или меньшую степень совершенствования; тогда, по крайней мере, во всех возможных случаях это будет стремлением к совершенствованию.

Установив это, мне остается лишь определить, какой образ правления будет наиболее благоприятным.

Предположим, например, что целый народ собрался, чтобы обсудить этот вопрос. Выражены различные точки зрения, то, что следует далее, является их приблизительным итогом и сущностью.

*Коммунист, реформист, легитимист,  
доктринер*<sup>153</sup>

*Легитимист* — коммунисту. Вы говорили об основных законах, это очень хорошо; но вы примешали туда слова «равенство» и «общность». Вот тут-то начинается безумие и мятеж. В общественном строе имеются только три основных закона; это вечные, святые законы,

составляющие *монархию, собственность* и *религиозный культ*; это священная и августейшая власть законной династии и всех других привилегированных прав, установленных самим богом на непоколебимых основах неравной собственности и католической веры. Вне этого — только безбожие и анархия, преступления и революции! ваши доктрины равенства и общности не что другое, как глупая утопия, если не мерзкая система безнравственности и разбоя!

*Коммунист*. Брань не доказательство. Когда ею заменяют рассуждения, она обычно, наоборот, становится проявлением, почти очевидным доказательством нечистой совести и дурных дел. Сблаговолите, прошу вас, воздержаться и выслушать меня.

У вас одних, говорите вы, имеется *вечный* и *основной* закон. Но как распознать эти священные буквы? По длинной серии узурпации и несправедливых действий, угнетения и варварства, которые вы осмелились возвести в право, но которые в действительности ведут свое порочное происхождение от завоеваний и применения грубой силы?

Нет, нет, это вовсе не абсолютный закон привел к такому неустройству, к такой нищете. Вы никогда не применяли его без распрей и насилия. Если законы, на которые вы ссылаетесь, незыблемы, почему же они так часто не признавались и попирались ногами их собственных поклонников? Почему вы сломали скипетр Хлодвига и Карла Великого? Почему раз-

рушены скрыты тысячи башен и феодальных замков современных европейских монархий, перед которыми торжественно склонялись четыре первых поколения Капетингов? Если династическая легитимность — божественный закон, почему же он был нарушен самими вашими папами, которые, если говорить только о Франции, дважды своими собственными руками возложили на чело восставшего вассала (Карла Великого) и дерзкого солдата (Наполеона) как имперскую, так и железную короны<sup>154</sup>.

Если, наконец, это вечный и всеобщий закон, то почему он не имел силы в большей половине древнего мира, почему он не имеет ее в большей половине современного мира? Одним словом, как поверить, что являющееся преступлением и заблуждением по ту сторону Атлантики становится мудростью и добродетелью на европейской земле?

Наш основной закон вовсе не изменчивый и капризный. Он не знает ни эпох, ни странств, ни рас, ни привилегий: он общий, как мысль, бесконечный, как море, непобедимый, как будущее. Я вижу этот закон воплощенным во всей природе — как в огромном земном шаре, так и в мельчайшем насекомом.

О вы, безумные софисты, отрицающие истину и всемогущество наших основных догм, посмотрите на эти обширные светила, которые светят вам, — эти догмы начертаны на них яркими и прекрасными буквами. Слеп, тысячу раз слеп тот, кто не узнал их и объявляет об их действии!

Пусть это равенство, это совершенное равновесие, эта гармония, это *приобщение* умов, которые проявляются во всех больших телах мира с такой замечательной согласованностью, с такой чудесной регулярностью, перестанут управлять мировым движением, и природа вся в целом вдруг погрузится в хаос!!!

Итак, вместо того, чтобы преследовать нас насмешками, оскорблениями и ненавистью, вы лучше объединитесь с нами, чтобы слушать тот внутренний, священный голос, непрестанно говорящий нам:

«Ничто в мире не существует в *отдельности*, не питается самим собой. Дают, чтобы получить, и получают, чтобы дать, и вся жизнь иссякла бы без этого взаимного и постоянного дара всех каждому и каждого всем».

Послушайте также язвительного и здравомыслящего Рабле. Посмотрите, насколько *отвратительной и сумасбродной считает он идею о мире, существующем вне закона общности!* Смотрите, насколько возвышенным считает он этот вечный закон:

«Там, среди небесных светил, — воскликнул он, — не будет более правильного движения; все они будут двигаться в беспорядке. Луна станет кровавой и мрачной; зачем станет солнце давать ей свой свет, если оно не обязано делать это. Солнце не будет освещать землю, планеты не будут оказывать на нее благотворного влияния, так как земля прекратит *давать им питание парами и испарениями*. Среди элементов не будет ни изменений, ни

превращений, ни какой-либо связи. Ибо один не будет почитать себя обязанным другому: он ему ничего не одолжил. Из земли не будет выделяться вода; вода не превратится в воздух; из воздуха не образуется огонь; огонь не будет согревать землю; земля ничего не станет производить; дождь не будет лить, свет не будет светить, ветер не будет дуть, не будет ни лета, ни осени. Такой мир, ничего не дающий взаимны, превратится в мир интриг, в дьявольщину, более беспорядочную, чем игра в кости. И люди не станут спасать друг друга. Человек может сколько угодно взывать о помощи: Пожар! Воды! Убийство! — никто не придет ему на помощь. Почему? *Он ничего не одолжил, ему ничего не должны.* Короче говоря, из такого мира будут изгнаны вера, надежда, братство. Вместо них появятся недоверие, презрение, месть, вместе с рядом всяческих зол, всяких проклятий и всяких бед. Человек человеку станет волком, оборотнем, домовым; люди станут разбойниками, убийцами, отравителями, злыми недоброжелателями, *каждый будет один против всех.* Легче было бы кормить рыб на воздухе, пасти оленя в глубине океана, чем переносить это нищенство мира, ничего не дающего взаимны. Наоборот, представьте себе другой мир, в котором каждый одалживает, *каждый должен, все будут должниками, все будут заимодавцами.* О, что за гармония в точном движении небес! О, как усладится природа своими произведениями, своими творениями! Я теряюсь при созерцании этого-! Среди лю-

дей - мир, любовь, почтение, верность, покой, радость, веселье! Ни одного процесса, никакого спора, никакой войны; никто не будет ростовщиком, никто не будет скупым, жадным, никто не будет отказывать другому. Истинный бог! не будет ли это золотым веком, царством Сатурна, представлением о тех олимпийских странах, где *все другие добродетели прекращают свое существование* и одно лишь братство царствует, правит, господствует, торжествует! *Все будут добрыми, все будут счастливыми, все будут прекрасными, все будут справедливыми.* О, счастливый мир! Природа ведь создала человека только для того, чтобы давать и брать в долг!»

Какой правдивостью и глубиной дышит каждая строка в этом наивном и устаревшем стиле! Что подразумевает Рабле под этими так часто повторяющимися словами: *чтобы все были должниками, чтобы все были заимодавцами?* Не очевидно ли, что это вариант прекрасного правила Пифагора и Эпикура: «Всё должно быть общим между друзьями». Какое широкое представление о нашем городе будущего мы можем иметь в этих словах: *Все будут добрыми, все будут счастливыми, все будут справедливыми, все будут прекрасными.* В другом отрывке он еще более точно выражает свою мысль: он самым недвусмысленным образом признает *общность имуществ и работ* как наиболее совершенную и полную общность. Убежденный, как и мы, что *при строе общности* все пойдет само собой, он резко-

мирует свой уравнильный кодекс в двух строках:

«Делай, что хочешь! Ступай, наслаждайся, любуйся!»

Но мы особенно чувствуем всю истину и силу принципов общности в себе самих, если только воспитание, предрассудки, законы и обычаи не сумели еще извратить наши чувства и наш разум. Да, я повторяю это множество раз,— они запечатлены в нашем сердце, эти святые законы, они написаны на наших нервах, они текут в нашей крови, они повторяются вместе с нашим дыханием: они необходимы для нашего существования и в особенности для нашего счастья.

Каждый человек является, так сказать, обществом в миниатюре. Ни один из членов человеческого тела не *отказывается выполнять свои функции, содействовать общей работе*. Мы не видим в нем, как в наших обществах, где нет равенства, отвратительного зрелища губительной нищеты рядом с богатством. Там нет *пролетария*, обреченного трудиться в поте лица для того, чтобы доставлять неумеренные наслаждения только ненасытным и алчным трутням, в то время как он сам, оцепеневший, объят холодом смерти. *Пауперизм*, этот порок нашего *общественного тела*, обрекающий девять десятых граждан постоянно жить нездоровой, парализованной жизнью, *пауперизм* не существует в *маленьком мире*, который представляет каждый из нас: между всеми членами царит самая совершенная солидарность, брат-

ство. Как должны мы восхищаться этой *предусмотрительностью природы*, создавшей по *принципам общности человеческого организм*, так правильно и так равномерно распределяющей всем органам питательные средства, проникающей тысячей своих кровеносных сосудов в самые микроскопические промежутки, умеющей доставить по всем органам благодетельную жидкость, которая является результатом общей работы, и считающейся в этом мудром распределении только с одним законом: *потребностью каждого*. Как должны мы восхищаться особым устройством частей, наиболее удаленных от пункта, где создается жизненное тепло и активность! Не познаем ли мы очень скоро, что *все было предусмотрено* и что части, наиболее удаленные от центральной части, вовсе не должны бояться этой убийственной монополии, которая в современном общественном теле причиняет пролетарию столько мук и тревог!

Если теперь мы рассмотрим жизнь в тех высших областях, где вырабатывается мысль, не увидим ли мы также, что нормальное функционирование каждого из наших органов требует гармоничного содействия их всех? Что ни один орган не думает о господстве или унижении других, а, наоборот, хочет помочь им, укрепить их? Опять-таки тут действует *закон общности*. И чем этот закон могущественнее и совершеннее, тем выше поднимается человек в умственной сфере.

*Доктринер*. В больших собраниях отсутст-

вуют благоразумие и порядок. В демократиях безумцы управляют мудрыми. Порядок — *палладиум*<sup>156</sup> свободы, охранительный принцип всякого общества. А гарантиями порядка являются знания и собственность. Единственная законная верховная власть — это власть разума.

*Коммунист.* Я большой сторонник верховенства разума, но того научно доказанного и выраженного разума, который, как говорит г. де Поттер, *относит к числу безумств все антисоциальные страсти*. Что касается того абстрактного и условного разума, меняющегося в зависимости от времени и места: *сегодня — добродетель, завтра — порок; правда — по эту сторону Пиренеев, заблуждение — по ту сторону*; что касается этого мнимого разума, который расценивают только на деньги; который сообразуется только со списком прямых налогов; что касается этого разума, столь же близорукого, сколь эгоистического, то его поклонники до такой степени поглощены любовью к господству и к *самим себе*, что в угоду своим ничтожным капризам пожертвовали бы, если бы посмели, всем родом человеческим! Что же это, если не новая наглость? *Непринятие жалоб*, которое давно уже эксплуататор противопоставляет требованиям эксплуатируемого для того, чтобы увековечить его рабство? О, несомненно, эта *жестокая насмешка* может показаться прекрасной некоторым гениям доктринерам, но поистине, что общего может она иметь с нашими принципами и с человеческим разумом?

*Доктринер.* Коммунисты — это лишь бунтовщики и анархисты, которые могли бы добиться осуществления своих глупых и бесчестных теорий только путем общего опустошения и бедствий. *Равенство в нищете, в глупости и в преступлении* — таков прекрасный идеал общества, о котором они мечтают и которое они хотят основать на обломках всякой религии и всякой морали. Находятся низкие честолюбцы, поддерживающие этот очаг растения. Просвещенные реформаторы и злодеи одинаково трудятся во имя счастья человеческого рода. Красноречивые пролетарии столь же опасны для социального порядка, как *Спартак* в древности. Они превращают свои перья в кинжалы, а свое слово — в зажигающий факел! Что случилось бы с собственниками, чего только ни пришлось бы им опасаться, если бы они были настолько безумными, что снабдили бы коммунистов тем или иным средством для святотатственного нападения на святилище законов? («Журнал де Деба» сентябрь 1841 г.).

*Легитимист.* Характер, придаваемый законом собственности, которую он сам установил, называется легитимностью. *Легитимность* требует от человека *наибольших жертв*, потому что если можно без особого труда подчиниться закону, созданию которого мы содействовали, то много труднее подчиниться закону, который мы застаем уже установленным. Но это необходимый закон, и оспаривать его опасно. *Право, в силу которого сын короля наследует королевство, — то же право, в силу которого сын*



*дровосека наследует хижину своего отца.* Если легитимность нарушена вверху, она находится в опасности внизу. Если принцип уничтожен в одном пункте, он уничтожается во всех других, так как *принципы универсальны.*

*Вследствие огромного ущерба,* который вы (современные правительства) нанесли социальному порядку, они (коммунисты) вторглись в политику: вы пожертвовали основными законами ради властолюбия и богатства! Что логически вытекает из ваших преследований и ваших строгостей против коммунизма? Только одно: признание права собственности на монархическую власть, законности божественного права!!! (Газетт де Франс от 19 ноября 1841 г.).

*Коммунист.* Выше я отверг аргументы легитимистов; перед лицом коммунистических принципов и здравого смысла они не могут выдержать испытания, они заслуживают полного осуждения. Но если рассуждать с точки зрения *собственника,* признаюсь, я не вижу, что тут можно логически возразить. В самом деле, это значит — ловко сажать людей на скамью подсудимых, сечь все антикоммунистические секты их собственными розгами, покончить с их обвинениями против нас, которые являются не столько клеветническими, сколько абсурдными: с обвинительными актами доктринеров, высокопарными речами представителей золотой середины и софизмами реформаторов, противников равенства.

Вопрос теперь поставлен открыто. *Равен-*

*ство* или *Неравенство; королевская власть, основанная на божественном праве,* с одной стороны, *коммунизм* — с другой: между этими двумя системами нет середины!

Вот куда непреодолимо ведет нас сила вещей; можно сколько угодно баюкать себя тысячами иллюзий, — напрасно стали бы мы в бурю качаться на качелях, они быстро износились бы. Что бы мы ни делали, совершенно невозможно допустить, чтобы мы не достигли того или иного конца. Умным и честным людям остается выбрать, и выбрать возможно скорее.

Пусть враги *коммунизма* борются между собой за господство, пусть они с остервенением оспаривают трофеи (*depouilles opimes*<sup>157</sup>) пролетариата, наконец, пусть, подобно драконам Кадма<sup>158</sup>, вся армия противников равенства сама себя истребит, — это понятно: жажда почестей и богатства подобна пылающему костру; чем больше удовлетворяют эту жажду, тем более ненасытной она становится, она кружит голову, она охватывает безумием тех, кто поклоняется почестям и богатству.

Но если пролетарии, если друзья равенства приняли бы участие в этой борьбе, если бы они исчерпали свою энергию для какой-либо из соперничающих когорт, безразлично — для какой, хотя бы то была когорта наших радикалов, ведущих исключительно политическую борьбу, — это было бы в моих глазах очевидным доказательством того, что они плохо понимают свои истинные интересы.

К счастью, мы часто в этом убеждаемся, интрига и лицемерие с каждым днем теряют почву, и как будто навсегда прошли времена политического ослепления и путаницы, когда поэт восклицал:

Dans les deux camps, je vois la fourbe impie;  
Lui-meme epris dun courage insense,  
Le fils du peuple egorger sa patrie...  
Jusqu'au proserit contre lui divise!  
Tous des Tarquins servant la politique,  
Se mutiler dans les combats, sanglants,  
*Briguer des fers au nom de republique,*  
*Combattre erjin pour le choix des tyrans.\**

Обращаюсь теперь к вам, господа из партии, так называемой умеренной и консервативной! Почему допускает© вы столько глупой клеветы и яростной брани? Почему вы так удивляетесь, что пролетарии помышляют иногда противодействовать социальному порядку, обрекающему их на терзания голода и на отчаяние? Если мрачные опасения так часто нарушают ваш покой и ваш сон, кто в этом повинен? Вы боитесь, — говорите вы, — что ваша цивилизация будет поглощена народным потоком... Что же! сделайте потоку такое широкое и такое прекрасное ложе, чтобы он

\* В том и другом лагере — бесчестный обман;  
Сын народа сам в порыве безумной храбрости  
Убивает родину свою...  
Даже изгнанник и тот встает против нее!  
Все Тарквинии, служа политике,  
В кровавых битвах налечат себя,  
*Домогаются цепей во имя республики.*  
*Борются за избрание тиранов!*

никогда не испытывал потребности выйти из него.

О вы, кто говорит о том, что надо заставить колесницу прогресса и разума величественно катиться над политическими бурями! спешите, спешите провозгласить вместе с нами этот новый социальный символ, который должен навсегда закрыть пучину революции! дайте, дайте голодному свободно сесть рядом с вами; на банкете равенства для всех есть место!!!

*Доктринер.* Во все времена демократия приводила к анархии или к деспотизму и прибегала ко многим крайностям. Да и Монтескье сказал: «Франция слишком велика, чтобы стать республикой».

*Коммунист.* Это воззрение в принципе своем, т.е. всегда, столь же ограничено, сколь и ложно. В демократиях политические учреждения могут быть более единообразны и централизованы, чем в монархиях. История Конвента подтверждает это. А между тем, это народное собрание было еще только несовершенным выражением истинной демократии. Оно было зажато в тесный круг политического равенства в то время, когда ему приходилось бороться против социального федерализма четырнадцати веков и против *режима собственности*<sup>159</sup>. Но в нашу эпоху, более чем когда-либо, ничего не стоит дерзкая сентенция Монтескье перед лицом совершившегося прогресса!

Неужели изобретение машин, открытие железных дорог и пара ничего не изменили? Кто

посмеет защищать этот тезис теперь, когда благодаря этим открытиям наши самые отдаленные города вскоре будут находиться не более чем в нескольких часах пути один от другого; когда для того, чтобы объехать всю Францию, требуется много меньше времени, чем это нужно было в XVIII веке, чтобы объехать *Гельвецию* или *Венецианскую республику*. Единственное важное различие, которое мы в настоящее время можем отметить между политической жизнью большой и маленькой нации, это то, что у первой бесконечно больше сил, больше средств, чем у другой, что заставляет уважать ее свободу и независимость.

Но что значат эти убийственные гиперболы, которые вы постоянно повторяете, о том, что вы называете бесчинствами и терроризмом древних республик? Неужели это пугало не совсем еще вышло из моды? Конечно, я несколько не намерен провозглашать эти республики совершенным типом республик, тем не менее, в большинстве случаев этот способ управления был несравненно лучшим, чем другие. Вот почему история вынуждена была провозглашать такой девиз: *«Лучше бурная свобода, чем спокойное рабство!»* Кроме того, мы скоро увидим, — и я это уже много раз доказывал, — что *при строе общности* не придется опасаться этого последнего неудобства.

Древняя демократия шла ощупью и могла заблуждаться; это был опыт человеческого ума, который в пылу своей активности превзошел самого себя. Философия породила софи-

стов, красноречие родило риториков, демократия — честолюбивых демагогов. Кто может удивляться заблуждениям древней демократии, основанной *на посредственном благосостоянии, зараженной жаждой завоеваний?* Будущая демократия, основанная *на труде, на общем изобилии, на распространении знаний, на общественном воспитании*, вовсе не будет каким-то беспокойным меньшинством, подавляющим путем порабощения и насилия кого бы то ни было: она носит в своем чреве трех еще не известных миру девственников: *всеобщую свободу, равенство и братство!*

*Реформист.* Я ясно вижу из всех ваших речей, что *коммунизм* осмеливается прийти к отрицанию абсолютного суверенитета народа. Не следует ли опасаться, что ваш принцип впоследствии повлечет за собой установление на вершине строя общности диктаторской, а следовательно деспотической власти?

*Коммунист.* При строе общности полной гармонии не может быть речи о какой бы то ни было диктатуре, если только под этим словом не подразумевают власти природы, науки, разума. Поэтому не является ли верхом идиотизма, безумия обвинять в деспотизме или тирании то, что имеет одну цель, одно намерение: *вести людей к счастью посредством самой неограниченной свободы и самого совершенного строя?*

Что касается народного суверенитета, повторяю, вне законов природы ничего абсолютного быть не может. А строй общности заклю-

чает в себе столько возможностей и сил, что он может отождествить с природой ум, чувства и интересы всех и каждого. После всего, изложенного выше, нетрудно понять, что ближайшим последствием наших социальных законов будет быстрое и непрерывное убывание меньшинства, пока, наконец, унитарная организация будет учреждена в совершенстве, согласно законам прогресса. Тогда-то без всяких затруднений, без борьбы, при общем одобрении, *не навязывая, а выдвигая себя*, навсегда установится чистая демократия, и не только как условный закон, но, что больше этого, как *неизбежный факт, как правильный закон как естественное непреодолимое следствие!*

Самой глубокой мыслью *общественного договора*, быть может, является следующая: «одно дело — общее решение, другое дело — общая воля»<sup>160</sup>. В самом деле, для того, чтобы какой-либо закон стал действительно народным, недостаточно, чтобы большая часть граждан голосовала за него или приняла его, — надо, чтобы было научно доказано, что этот закон сообразуется с интересами всех. Это много больше, чем одобрение или согласие, данное подобному закону, — это п р и с о е д и н е н и е к нему. Путем голосования предвосхищают истину, путем присоединения ее признают.

Огромной и серьезной ересью демократов, следовательно, были следующие слова, произнесенные г. Ледрю-Ролленом перед судом присяжных в Анжере:

*«Если после избирательной реформы народ все еще будет несчастен, он не будет иметь права жаловаться».*

Но разве не самым драгоценным и самым неотъемлемым из всех прав является право на счастье? Руссо как будто предвидел подобные софизмы, когда после приведенной выше формулы он прибавил: «Тирания, имеющая видимость народной власти, — худшая из тираний. *При отсутствии социального равенства, чем шире избирательные права, тем тяжелее становится цепь для эксплуатируемого: вместо одного хозяина, у него их тысяча*»<sup>161</sup>. Сам Бонапарт был бесконечно более демократом<sup>162</sup>, чем г. Ледрю-Роллен, когда он писал Лионской академии эти достопримечательные слова: «Вы не утвердите гражданский закон, по которому только некоторые люди смогут владеть всем, потому что если землей владеет небольшое количество граждан, это неизбежно приводит к политическому рабству всех остальных. Там, где это происходит, нет граждан, — я вижу там только *угнетаемого раба* и *раба угнетающего*, более презренного, чем *угнетаемый раб*... Оба они привязаны к лямке, у одного цепь на шее, другой держит ее в руке!»

Но говорят, что политическая реформа, в свою очередь, является средством реформировать устройство общества. На это я отвечаю: это возможно, когда народ делает революцию и когда он получает для нее сильный импульс; но и в таком случае победа пролетариата весьма сомнительна. Да разве наши тепе-

решные реформисты не меняют в значительной степени эту слабую уступку, объявляя *нерушимой и священной привилегию собственности*? Вы признаете за народом политические права, но, отказывая ему в хлебе насущном и в образовании, вы держите его посредством нищеты и невежества прикованным к цепи! *Не является ли это в некотором роде тем же, что приказать парализованному ходить!* Послушайте, что сказал по этому поводу около ста лет назад Гельвеций:

«Надо уничтожить привилегию, обеспечивающую одним наслаждения и обрушивающуюся на других всеми тяготами. Этой привилегией является просвещение, на которое все имеют право и которое, следовательно, должно быть предоставлено всем бесплатно, так же как пища и воздух, которым мы дышим.

Просвещение же принадлежит исключительно *богатству*, а *власть* — исключительно *просвещению*; власть сосредоточивает богатства и просвещение в немногих руках, которые выпускают ее, только уступая силе социальной организации народа.

До тех пор, пока в этой привилегии, еще более одиозной, чем нелепой, не будет прямо и энергично пробита брешь, большинству народа не сделает ни одного шага, — разве только *народ одним прыжком преодолеет пространство, отделяющее его от благосостояния*»<sup>163</sup>.

Нужны ли примеры? Я затрудняюсь в выборе их. Сколько скандальных сцен проис-

ходит в период выборов во Франции, и в особенности в Англии! То вы видите на форуме этот *народ-король*, оборванный и умирающий от голода, то перед вами граждане, робко протягивающие руки высокомерному милорду, который с высоты своей роскошной кареты нагло бросает им несколько шиллингов. Там вы видите этот благородный Альбион, весь Альбион, разделенный на два лагеря — *развратителей и развращенных*: повсюду богатые торгуют совестью и свободой своей страны, повсюду бедные заключают эту бесчестную сделку\*. Но кто сможет обрисовать эти шумные вакханалии, эти гнусные парады, эти жестокие драки, эти отвратительные оргии, — все эти низости и мерзости, которые будущий депутат сам демонстрирует с платформы Гастингса<sup>164</sup>. Какого уважения можно требовать к законодательным декретам, бесстыдно превратившим избирательную урну в сосуд разврата? Честно говоря, где найти более убедительное доказательство всей *ненормальности и обмана*, который кроется в этом странном спаривании *политического права и социального рабства*? Я решительно настаиваю на мысли, содержащейся в этой последней фразе: это главная мысль.

\* Некоторые лица утверждают, что аристократия погибнет, если будет введено всеобщее избирательное право. Разве аристократия, обладая властью, не имеет тысячу средств отнять одной рукой то, что она дает другой? Говорят, что на последних выборах в Англии подкуп стоил тори огромных денег. Навивен тот, кто думает, что теперь считают, будто это много!

Что произошло бы в самой Франции после декретирования всеобщего избирательного права? Тотчас же, закутанные в *якобинские* плащи, переодетые *Брутами*, интриганы тучами повалили бы на форум. Там они будут на стороне пролетариев, расточая им самые соблазнительные обещания. Многие ли из этих лицемерных друзей будут выдвинуты в депутаты? Этого можно опасаться потому, что: во-первых, почти одни они находятся на виду, одни они достаточно богаты для того, чтобы взять на себя издержки на представительство; во-вторых, у народа нет ни достаточного образования, ни времени, чтобы разыскивать в толпе своих истинных друзей; в-третьих, он еще находится в непосредственной зависимости от богатства, *он еще раб голода!*

Прибыв в Париж, наши политические Тартюфы прежде всего постараются сговориться между собой, чтобы обеспечить себе господство. Быть может, некоторые из них, *под предлогом общественного спасения*, предложат управлять самовластно, *не выдвигая никакого принципа организации*. Может быть, среди них найдутся даже достаточно смелые и достаточно безумные, чтобы мечтать о введении *цензуры и кровавых законов* против защитников общественного прогресса. Мало ли такого рода уроков получил народ за эти десять лет! Что представляют собой теперь Барты, Мерилу, Баву, Тьеры, Барро, Могены, Лерминье? Чем стал г. Ламенне с его мечом *Спартака* и пламенными проклятиями против изолирован

ных владений<sup>165</sup>? Что сделал Ледрю-Роллен, *этот санкюлот на день, со своей избирательной короной, своей каской на голове и шпагой в руке*, с которыми он должен был войти победителем в Бурбонский дворец? Да, мы видели его входящим в парламент, но увь!.. (*Quantum mutatus ab illo!*) с опущенным забралом и почти коленопреклоненным, отрекающимся ради короля от своего самохвальства трибуна<sup>166</sup>!!!

*Пролетарии, для своего возрождения народы имеют иногда один лишь час в столетие!* Когда этот час придет, остерегайтесь пропустить его в спорах и междоусобицах! Уже сейчас подумайте о том, что только изучение социальных вопросов даст вам возможность использовать его!..

Пусть из всего предыдущего не делают вывода, что в случае введения всеобщего избирательного права мы потеряли бы надежду на применение наших принципов: мы имеем полную уверенность в возможности их применения. Но если, с одной стороны, мы видим какие-то *подводные камни*, а с другой — берег, сулящий нам уверенность и покой, для чего же нам сомневаться, направить ли свой парус к этому спокойному берегу?\*

\* «National» считает, что коммунизм препятствует реформе и *революции*. У меня есть убедительные основания думать, что «National» и др. совершенно не занимаются избирательной реформой. Слова «политический суверенитет» и «всеобщее избирательное право», которые эта газета еще иногда при творно помещает на своих столбцах, суть не что иное,

*Реформист*, Я согласен, что ваши опасения имеют некоторое основание; но легче критиковать, чем организовать. Вы только что говорили о *чистой демократии*. Не безумие ли воображать, что можно сразу собрать весь народ? Поэтому было бы бессмысленно, если бы какой-нибудь безрассудный оратор предлагал предоставить женщинам и даже детям избирательные права.

*Коммунист*. Быть может, вы бы не стали так рассуждать, если бы вам были известны все ресурсы нашей системы. Законодательные учреждения коммунизма не будут иметь ничего общего с нашими современными парламентами. Тогда не сможет случиться, как в наше время, чтобы невежественный военный или буржуа рассуждал о высоких науках; не будет адвоката, который бы толковал о каменноугольных

как *ораторская предосторожность, служащая* введением к ее брани против *системы общности*, от изучения которой она надеется отвлечь *некоторых* близоруких революционеров. Если «National» в игре не скрывает *задних мыслей, убивающих свободу*, почему же она, вместо того, чтобы *бороться против идей* вплоть до того, что она становится официальным пособием *прокурорского надзора и переоценивает сентябрьские законы*, почему «National» сама не представляет плана социальной организации? Ведь не может «National» не знать, что система общности не только не действует усыпляюще и расслабляюще, но, наоборот, ничто более не способно разбить цепи *скептицизма* и политической пассивности, постоянно доказывать всем и каждому, что она является верным решением проблемы защиты интересов человечества, спокойной гаванью против новых политических кораблекрушений.

копях, зная только название их; ни купца, который углубился бы во все тонкости наших 40000 законов и декретов. При будущем порядке оратор должен быть полностью компетентен в предмете, о котором он говорит, законодатель — действовать с совершенным знанием дела. Все искусства, все науки, все виды промышленности будут всегда представлены. Никто не будет исключен из храма законов, ни старец, ни зрелый мужчина, ни *женщина*, ни *юноша*; наоборот, с радостью будет встречен каждый, приносящий свой луч света в общий очаг. Политические собрания будут тогда одновременно *парламентами, институтами, академиями, школами* и т.д. и т.п. И не опасайтесь, что этот новый механизм приведет к малейшему беспорядку, к малейшей сумятице; функция политического корпуса ограничится подтверждением и опубликованием всех успехов, всех открытий, так же как функция общественного управления будет состоять либо в постоянном регулировании и справедливом и обильном распределении между всеми общественных продуктов, либо в обращении ко всем людям доброй воли с братским приглашением принять участие в общих работах.

Что касается места и способа собраний, то я думаю, что могу теперь избавить себя от размышлений об этом. Коснется ли дело национального конгресса, или общечеловеческого конгресса, я не вижу в этом большей трудности, чем если б дело касалось только собрания коммуны. Не придется выбирать и посылать

граждан с миссией *ad hoc*<sup>167</sup>, как это делается теперь; достаточно будет намечать ежегодно коммуны, расположенную в центре, где будет заседать национальный конгресс, и другую, где будет заседать общечеловеческий конгресс. Каковы бы ни были граждане, населяющие эти коммуны, они всегда будут способны выполнять законодательные функции, потому что, повторяю, общественная организация будет настолько упрощена, что политическая машина будет двигаться как бы сама собой. Воспитание будет иметь такую силу, просвещение будет настолько общим, важные истины будут такими ясными и убедительными, что противники им смогут найтись только в доме умалишенных, если только при *нормальном* строе еще будут существовать умалишенные. Верховная власть такого рода, без сомнения, стоит верховной власти *строя собственности*, которая чаще всего создается только посредством разных избирательных и парламентских фокусов.

## Глава XVIII

### НЕСКОЛЬКО ОСНОВНЫХ ИСТИН\*

#### I

В мире есть только один и единственный принцип: этот принцип одновременно активный и пассивный,— тело и дух.

Все тела, все существа имеют каждое при-сущие им известные свойства, известные качества, известные силы.

Слова *материя, природа* — это общие наименования, которыми философия определила совокупность качеств, свойств, сил всех тел, всех существ. Понятая таким образом материя включает в себе самой принцип активности, силы притяжения, разума, гармонии, способности к совершенствованию.

#### II

Мир в широком значении слова *Един* во всем, что его составляет и в чем он проявляется,

\* Эти истины даны здесь только в виде сжатого изложения нашей философии. Они будут развиты в специальном труде<sup>168</sup>.



хотя абстрактно он делим. Первым усилием каждой более или менее развитой мысли, первой задачей разума всегда является стремление охватить, восстановить целое. Слово, которым пользуются для обозначения мира, прекрасно выражает, каков характер этого единства: Мир, *Единый и Различный\**.

Вот почему, когда ум будет настолько широк, чтобы охватить все, будет существовать лишь одна *единственная наука* — энциклопедическая наука.

### III

Под словом «Природа» понимается общая И вечная связь событий, первопричина Существа и движения, причина, ускользящая от нас. Это — бесконечное целое, вращающееся в непрерывном кругу становления и распада, зарождения и преобразования.

Каждое живое существо есть *Организм*. Природа — это абсолютный организм. Так как каждое отдельное существо может жить только в общем организме природы и жизнь его есть одно из ее проявлений, то оно является частичным организмом, организмом неполным.

### IV

Элементом мира является *атом*, его основой — *движение*. Мир существует сам собой:

\* Тут игра слов: Univers — мир, Un — единый, Divers — различный. — *Прим. ред.*

творение, означающее создание чего-нибудь из ничего, невозможно.

Проявления жизни мира отличаются от проявлений жизни отдельных существ, которых он включает в свое огромное единство: лишь один мир имеет полную, абсолютную, всеобщую жизнь. Рассматривая мир с точки зрения законов механики, его можно принять за разумную машину, имеющую свои колеса, свои приводные ремни, свои блоки, свои пружины и свои веса (*ses poids*)<sup>169</sup>.

Но если мир в целом чудесно организован, то его внутренний колесный механизм, его мелкие пружины, мне кажется, сцеплены еще не совершенным образом.

### V

Сила притяжения является причиной всех явлений, как физических, так и моральных<sup>170</sup>; это основной закон всеобщей жизни, это та сила, посредством которой молекулы притягиваются одна к другой, группируются, классифицируются, гармонизируются, держатся одна за другую, идентифицируются, образуют тела; это также та сила, посредством которой вещи и существа дифференцируются и специализируются. Без этого закона было бы невозможным существование какого бы то ни было создания. Сила притяжения — это та сила, действие которой мы видим во всей природе; она влияет не только на так называемые материальные тела в прямом отношении к массе и

обратном к квадрату расстояния. Не менее важная истина, что она действует равным образом в области нравственной и интеллектуальной, точно следуя тем же законам.

## VI

Скопление атомов, затем молекул и т.д. есть следствие закона притяжения. От способа, каким эти элементы сочетаются, от *их расположения* зависят, в большей или меньшей степени, порядок и гармония тел. Закон *расположения* господствует над всеми движениями в природе, он проявляется во всех вещах. *На законе расположения* основана теория чисел. *Законом расположения определяются отношения человека с внешним миром*, на нем основана *гигиена*. *Законом расположения* устанавливается также и общественная организация и определяется ее значение. Именно это я доказал в данной книге<sup>171</sup>.

## VII

Человек-животное; он представляет собой систему различных органических молекул, соединенных так, что каждая из них нашла наиболее подходящее ее форме место.

В результате этих бесчисленных сочетаний явились органы, которые, сами сочетаясь, образуют группы органов, затем, наконец, совокупность органов.

Эта действующая и гармоничная совокупность органов составляет *жизнь*.

Кровообращение - один из основных законов жизни и здоровья. Из всех частей животного кровь непрерывно приливает к сердцу, которое отсылает ее распределять по всему телу питание и жизнь, соответственно потребности каждого его члена.

Мозг - это начало нервов и местонахождение ощущений, чувств, понимания.

Наиболее благородные функции: *сознание мышление, воля, ум*, так же как явления *жизни, суть не что иное, как гармоничная игра*<sup>179</sup> органов .

Чем лучше органы соответствуют друг другу, тем больше они приспособлены действовать согласованно и быстро одни на других; чем выше животное подымается в ряду живых существ, тем больше у него разума.

## VIII

Каждый орган в отдельности или все органы, вместе взятые, изменяются под влиянием внешнего мира; точно так же внешний мир подчинен отдельному или одновременному действию способностей человека. Человек может, в известной степени, формировать землю по своему желанию. Овладев всем, что есть на земле, человек поддерживает жизнь своего организма, развивает все свое существо .

\* Всеми своими способностями человек живет только путем усвоения. Человек обучается, знакомится с наукой и расширяет ее потому, что он поглощает.

Следовательно, нет ничего вернее формулы: «Человек не в меньшей степени продукт своей организации, чем своей физической и моральной среды»<sup>174</sup>.

## IX

Одно из наиболее прекрасных явлений *организма* — это рождение. Открытие зародышей доказывает разум молекул. Семенной элемент, являющийся экстрактом части, подобной той, которую он должен создать в чувствующем и мыслящем животном, имеет какое-то воспоминание о своем первичном состоянии: отсюда сохранение видов и сходство с родителями.

## X

Страсти — это побудительная причина активности; они неизбежно происходят от чувств-

усваивает то, что ум человеческий уже произвел, создал вокруг него и для него; потому, что он делает *своими*, *воплощает* в себе идеи, знания, чувства, являющиеся результатом предшествующего труда человечества. Он с каждым днем шагает быстрее, чем его предки; он непрерывно взбирается вверх, к апогею своей жизни, притягиваемый к нему, как магнит к полюсу, правда, терпя порой некоторое противодействие, оставаясь тысячу раз, оставаясь подолгу в тени, делая тысячу причудливых изгибов.

Но если нет ничего более верного, чем эта внутренняя солидарность, объединяющая род человеческий и передающаяся так же, как жизнь, она не лишает блеска великих гениев, которые отметили в памяти людей важные истины, неизгладимо вписанные на священной орифламме<sup>175</sup> человечества!

*вительности*. Они становятся более или менее положительными или более или менее отрицательными в соответствии с тем направлением, которое им дано, направлением, которое само целиком присуще *социальному* положению. Мораль, следовательно, состоит в следующем: надо знать, что в общем сумма наших страстей должна до такой степени соответствовать общественному интересу, чтобы мы всегда вынуждены были поступать хорошо.

## XI

Всякая истина есть вознаграждение за уси-  
лия разума; но контроль самого разума вовсе не абсолютный. В действительности в умственной области есть законы, а следовательно, истины, которые хотя и не поняты, но, тем не менее, существуют: мудрый разум провозглашает их и доказывает, что они существуют, мы чувствуем потребность в них. Итак, для уверенности требуются две вещи, предполагающие одна другую: *свидетельство чувств и свет разума*.

*Основа и критерий всякой уверенности* зиждется в синтетическом и совершенном знании человека и всех его модификаторов.

Всемирный строй общности — единственная разумная религия<sup>175</sup>, единственное нормальное положение человечества.

Такая религия, неизбежный результат науки, основанной на наглядных доказательствах, является образцом, зародышем, источни-

ком всякого блага, всего прекрасного, всякого совершенства.

Наука относит к числу химерических и опасных заблуждений всякую веру в сверхъестественную и потустороннюю жизнь и в потустороннее существо\*.

Итак, мы видим, что ничто в этой главе не

\* У меня нет никакого намерения осудить всех людей, установивших религии в прошлом<sup>176</sup>, Моисеи, Зороастры<sup>177</sup>, Иисусы и т.д. должны быть рассматриваемы как выдающиеся законодатели. Последние два, кажется мне, были воодушевлены самыми чистыми намерениями и самым похвальным рвением. Они учили простой и возвышенной морали. Если в своих религиозных догмах они пошли по ложному пути, их заблуждение очень легко объясняется несовершенством социального порядка, а также физических и естественных наук в их эпоху. Я охотно признаю также, что среди священников многие действовали честно или, во всяком случае, имели достойные уважения побуждения. Даже теперь многие христианские священники растрачивают свою энергию и великодушью употребляя все усилия в надежде принести человечеству некоторое улучшение или какое-то утешение в жизни. Напрасная надежда! Бессильные утешения! Вот почему, и несмотря на это, мне невозможно скрыть, что *все религиозные догмы сейчас совершенно потеряли свой смысл и являются препятствием и отклонением от социального прогресса* (см. главу XVI). Пусть читатель будет уверен, что я говорю здесь со всей искренностью своих убеждений, убеждений зрелых и страстных, потому что они являются плодом длительных и трудных наблюдений и непрерывных серьезных размышлений. В подтверждение изложенного здесь мнения я надеюсь в своем следующем труде (который будет дополнением настоящего) дать ясные, отчетливые, точные и убедительные доказательства.

обнаруживает возможности существования бестелесной, нематериальной субстанции; мы основываем свою теорию на физиологии тела, подчиненного общим законам физики. Эти идеи, впрочем, *в своей* основе не являются столь новыми и антихристианскими, как могут подумать некоторые. Пифагор, Эпикур, Демокрит, Аристотель, Дикеарх, Асклепиад, Гален и др.<sup>178</sup> были наиболее знаменитыми основоположниками их. Позднее они появились на свет в Александрийской школе, среди тех знаменитых христианских философов, которых за их большие знания называли *гностиками*. Следует также отметить, что эти идеи очень часто предугадывали и воспринимали даже самые ортодоксальные епископы. Святой *Иероним*<sup>179</sup> был *поклонником*\* Эпикура. В своей *книге*, против *Иовиниана*, он охотно ссылаясь на Эпикура как на человека, добродетель которого вызвала чувство стыда за себя у лучших христиан и который вел столь умеренный образ жизни, что самой вкусной его пищей было немного сыра, хлеба и воды.

Тертуллиан, один из наиболее ученых людей христианства, выступал как против мысли Апеллея: то, что не есть *тело*, есть *ничто*, так и против мысли Праксея: *всякая субстанция есть тело* \* («Тертуллиан против Праксея»,

\* Бестелесное существо — это вещь непонятная. Причина этого в том, что каждое существо имеет при- сущую ему форму, что оно заключается в каком-то месте, т.е. что оно имеет границы и что, следовательно, это тело. (Гоббс, *Левифан*, гл.12<sup>180</sup>).

гл. 7). Между тем, эта доктрина не была осуждена на четырех первых вселенских соборах.

Святой апостол Павел также не был чужд этим истинам. В его «Посланиях» мы отмечаем много мест, где он соглашается с этим утверждением. Он совершенно не верил ни в нематериальность тела, ни в существова, отличающиеся от мира, как это утверждает г. Ламенне; апостол Павел где-то говорит, что «бог есть существо всеобщее, в котором мы живем, движемся и существуем»: «In Deo vivimus, et movemur, et sumus». В другой раз, в середине одной из своих знаменитых речей, он восклицает: «Я читал на фронтисписе одного из ваших храмов: Deo *ignoto* (Неизвестному богу): «Афиняне, вот бог, которого я ищу».

И еще святой Павел написал следующие слова: «И действия различны, а бог один и тот же, производящий всё во всех» («Послание к коринф.», 12, 6).

«Бог произвел в нас и волю и свершение» («Послание к филиппийцам» II, 13).

Итак, что означают эти разные фразы, если не *Мир* и, как мы говорим, сумму всех частей, всех индивидуальностей, всех сил, всех энергий? Может ли здесь слово «бог», бог, который производит зло, как и добро, *неизвестный бог* и т.д., означать что-либо другое? Может ли оно иметь иную цель, кроме цели персонифицировать целое, *единство, гармонию природы*? Другими словами, не есть ли это наш *мир — единство, многообразие*,— существующий сам по себе и в то же время представ-

ляющий и несовершенство и разум. Не являются ли две последние фразы отрицанием свободы воли и подразумеваемым выводом о *безответственности действий*? Не очевидно ли после этого, что если бы святой Павел мог воскреснуть, он был бы сильно удивлен и, быть может, сильно прогневался бы на странные отклонения, которые претерпело христианство, и что он провозгласил бы, как и мы, столь разумные, прекрасные и столь возвышенные законы *физиологии и общей физики*

## КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ЭТОЙ КНИГИ

### *Основные законы*

Пункт 1. Все люди будут жить, как братья, какой бы расы, какого бы цвета, какой бы страны они ни были теперь или в прошлом.

Пункт 2. Никому ничего не принадлежит лично, кроме вещей, которыми человек *пользуется в настоящее время*.

Пункт 3. При строе общности существует одно и единственное владение. Владение это образовалось из полного объединения ценностей всех коммун.

Пункт 4. Центральное управление владением будет следить с большой заботливостью за тем, чтобы все коммуну постоянно имели равное изобилие,— так, как это указано в главе III.

Пункт 5. Все продукты, все богатства коммуну будут находиться в распоряжении всех.

*Распределительные и экономические  
законы*

Каждый может широко и вполне свободно на всем пространстве владения черпать из него то, в чем он нуждается, т.е. *необходимое, полезное и приятное*.

Пункт 6. Все работы, имеющие целью *общественную пользу*, являются общественными обязанностями. Коммуна объявляет их одинаково почетными.

Пункт 7. Каждый трудоспособный (мужчина, женщина, ребенок) приглашается свободно взять на себя некоторые обязанности с тем, чтобы содействовать обществу своей деятельностью и своими знаниями, т.е. всеми физическими и умственными силами, сообразно своим вкусам, потребностям, своим личным дарованиям так, как это установлено в главах V и X.

Пункт 8. Строй общности знает только равных.

Во всех своих установлениях, мероприятиях, распоряжениях, исследованиях и, в особенности, в воспитании он никогда не упустит из виду следующего принципа: «изгонять из всех умов и из всех сердец малейшую попытку, малейшее поползновение к *господству, привилегии, превосходству, первенству, перевесу*,— одним словом, к каким бы то ни было *прерогативам\**».

\* Все это не потерпит никакого возражения, если люди будут проникнуты следующими истинами вечной мудрости: 1) нормально организованный труд является для человека одновременно потребностью и удовольствием; 2) гению не надо другого побужде-

Пункт 1. Мир разделен на коммуны, территории которых должны быть наиболее равными, наиболее правильными, возможно более объединенными. Все коммуны связываются между собой так, чтобы образовать сначала первый центр управления, называемый национальной общностью, затем второй, называемый всечеловеческой общностью.

Пункт 2. Если какая-нибудь коммуна будет расположена на бесплодной земле, там будут развиваться ремесла; соседние коммуны будут снабжать ее продуктами питания, как это установлено основными законами. Такой случай станет чрезвычайно редким.

Пункт 3. Все коммуны будут *сообщаться между собой*, непрерывно брататься посредством ли перевозки съестных продуктов и выполнения других общественных обязанностей, путем ли частых и разнообразных празднеств, местом действия которых каждая из них будет попеременно.

Пункт 4. Раздробленное хозяйство заменяется общим хозяйством.

ния к активности, другого проводника мысли, другого импульса, кроме свободного проявления общественного мнения; ему не нужно другого преимущества, кроме его собственного превосходства.

Каждая коммуна имеет только одну единственную кухню.

Еда, работы, обучение, игры происходят вместе.

Каждый взрослый человек (женщина или мужчина) имеет отдельное жилище.

Дети будут спать в общих дортуарах.

### *Промышленные и сельские законы*

Пункт 1. Работы будут производиться в общих мастерских по способу разделения труда (см. стр. 282—287).

Пункт 2. При строе общности будут непрерывно совершенствовать машины и изобретать новые с тем, чтобы сократить тяжелый труд и все более и более облегчать его, оздоравливать, делать привлекательным.

Пункт 3. Все мастерские будут хорошо расположены и содержаться наилучшим образом в отношении гигиены, удобств, красоты.

Пункт 4. Подобные же мероприятия будут предприняты в отношении полевых работ. Среди вводимых улучшений будут паровики (*des voitures a vapeur*) и передвижные непромокаемые палатки.

Пункт 5. По всей земле будут созданы промышленные армии для проведения огромных работ по обработке почвы, по лесонасаждению, повсеместной ирригации, по проведению каналов, железных дорог, запружению потоков и рек и т.д. и т.п.

### *Законы о союзе полов, следствием которых будет предупреждение всяких разладов и распутства*

Пункт 1. Взаимная любовь, глубокая симпатия, сердечное равенство двух существ образуют и узаконивают их союз.

Пункт 2. Между обоими полами будет полное равенство.

Пункт 3. Никакие другие узы, *кроме взаимной любви*, не смогут связать друг с другом мужчину и женщину.

Пункт 4. Ничто не помешает возлюбленным, которые разойдутся, сойтись снова и неоднократно, пока их будет влечь друг к другу\*.

Пункт 5. Коммуна образует только одну единственную семью\*\*, одно единственное хозяйство. Она будет в равной мере непрерывно заботиться о всех своих членах.

### *Законы воспитания*

Пункт 1. Воспитание будет *общим*, равным, последовательным, производственным и сельскохозяйственным.

\* Следует отметить, что при строе общности разлучение супругов не только не вызовет презрения или ненависти их друг к другу, но и не повлечет за собой разрыва их отношений, основанных на уважении, дружбе и братстве.

\*\* Тогда только слово «Семья» получит свое первоначальное значение: это будет правдой. Натунали-

Пункт 2. Каждая коммуна будет иметь для каждого пола специальное помещение, разделенное на столько отделений, сколько будет различных возрастов. Каждое из этих помещений будет соответствовать всем желательным условиям здоровья, удобства, развлечения и т.д.

Пункт 3. Три важнейшие цели воспитания суть: 1) сила и ловкость тела; 2) развитие ума; 3) доброта и энергия сердца.

Пункт 4. Для облегчения всех видов ученичества и обучения каждая школа будет разделена на много классов или серий.

Пункт 5. Так же как в отношении людей взрослых, никогда не будет применяться принуждение и к детям. Чтобы приучить их ко всему хорошему, достаточно силы режима общности, той привлекательности, которые эгалитарное обучение и воспитание имеют сами по себе.

Пункт 6. Обучение будет энциклопедическим и вместе с тем теоретическим и практическим.

Пункт 7. Прозорливости и проницательности человеческого ума будет предоставлена полная свобода в отношении умозрительных и экспериментальных наук, целью которых является либо исследование тайн природы, либо совершенствование искусств, служащих для удовольствия и пользы общества.

сты никогда не называли семьей частный союз двух существ; они давали и дают это название каждому роду в целом.

Пункт 1. Все коммуны будут расположены в местах, наиболее благоприятных для здоровья; по своему положению они будут иметь все преимущества в отношении вентиляции, тепла, воздуха, света, чистоты и т.д.

Пункт 2. Конюшни, хлевы, скотобойни, кожевенные заводы, стекольные заводы, доменные печи, металлургические, красильные мастерские, некоторые химические лаборатории, наконец, все то, что способно вредить здоровью, будет распределено по сельским местностям.

Пункт 3. Промышленные армии имеют своим назначением содействие очищению климатур, так же как и украшению земного шара.

Пункт 4. Наиболее опытные люди будут следить за тем, чтобы пища, одежда, купанье, бани и т.д. были лучшего качества и соответствовали бы складу каждого.

Пункт 5. Будут приложены старания для обеспечения всем сна и отдыха и удаления из ума и сердец самых мелких поводов к беспокойствам, заботам и печали.

*Полицейские законы,  
посредством которых  
будут избегнуты беспорядок, давка,  
какие бы то ни было несчастные случаи*

Пункт 1. Перевозка съестных припасов и продуктов будет производиться исключительно



в часы, когда обычно на улицах находятся только люди, занятые этой перевозкой.

Пункт 2. Внутри дворца пешеходы будут двигаться по определенной стороне (по правой или по левой).

Пункт 3. Никакое опасное животное не сможет попасть во дворец и бродить внутри его.

Пункт 4. Всякого рода меры *предосторожности* и *безопасности* будут приняты во избежание убийства или ранения кого-нибудь при падении с высокого места, или из-за падения какого-нибудь тела, или из-за взрыва какой-либо паровой машины, парохода или паровоза и т.д.

Пункт 5. Инженеры будут прилагать все усилия и талант к предупреждению последствий от бурь, гроз, разливов, землетрясений. Они будут стараться достигнуть этого либо путем запружения потоков и рек, либо возведением высоких плотин, либо устройством, где это будет необходимо, шлюзов, акведуков, либо проведением подземных каналов и т.д. и т.п.

### *Политические законы*

Пункт 1. Основой всякого политического устройства является единство. Устанавливать, координировать, санкционировать, стимулировать, оживлять, развивать промышленность, искусство и науки — таковы предмет и цель политических законов.

Пункт 2. Никогда политическое равенство не сможет быть изолировано от равенства в воспитании и в благосостоянии.

Пункт 3. Каждый политический закон должен строго и свято соблюдать основные законы, — равенство и общность — под страхом оказаться совершенно бессильным и недействительным.

Пункт 4. Каждому лицу, достигшему известного возраста, дозволено будет принимать участие в публичных совещаниях: старик, зрелый человек, женщина, юноша по одному и тому же праву, но в разной степени объявляются правоспособными выявлять свое мнение *устно ИЛИ* письменно.

Пункт 5. Каждое предложение, каждый проект будет провозглашен *законом*, в случае если все к нему присоединятся или, по крайней мере, если он получит общее одобрение.

Пункт 6. В каждой коммуне будет политическая ассамблея для управления действиями, входящими в круг ведения коммуны. Каждая нация будет иметь свою ассамблею для управления действиями, входящими в круг ведения всей нации. Наконец, большой общечеловеческий конгресс будет управлять общими действиями на всем земном шаре\*.

Пункт 7. Ежегодно национальный конгресс назначает для проведения заседаний в следующем году коммуну, расположенную в центре

\* Совершенно ясно, что эти разделения ни в чем не ограничат *равенство* удовольствий, одинаковость интересов. Они имеют целью лишь содействовать еще более быстрому и более легкому выполнению общих работ, управлению и общественному хозяйству.

страны. Общечеловеческий конгресс будет действовать подобным же образом.

Пункт 8. Ни на национальном конгрессе, ни на общечеловеческом не будет особых делегатов. Проводниками закона, естественно, будут лица, которые либо проездом, либо по другому случаю окажутся в коммунах, где закупают эти ассамблеи.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я окончил эскиз, о котором говорил в начале этого труда. У меня нет поползновения утверждать, что в нем нет никаких недостатков. Никто лучше меня не чувствует, насколько он оставляет желать лучшего. В том, что касается чистоты принципов, я внутренне сознаю, что тут я ни в чем не погрешил. Я не думаю, чтобы, говоря по совести, можно было упрекнуть меня в малейшей уступке предрассудкам или в том, что я дерзнул высказать рискованные и смелые гипотезы.

Если бы я прежде всего изложил философскую часть моего труда, это более соответствовало бы естественному порядку идей и правильному методу. Важные причины заставили меня отказаться от этого намерения. Я опасался, что если бы я так поступил, то моя книга оказалась бы значительно менее привлекательной и более сухой и интерес читателя к изучению нашей системы был бы значительно ослаблен. Напротив, я полагал, что если мне удастся дать пищу воображению и

мысли, мне легче будет после этого привлечь большинство читателей к изучению наших философских принципов. Мне показалось, следовательно, уместным набросать, прежде всего план организации строя общности.

В ожидании, когда наша философия будет обнаружена, логически мыслящие люди смогут прийти к разрешению научным путем существенных вопросов, которые не вполне точно объяснены в этой книге\*. Что касается лиц, которым социальный порядок отказал в образовании, позволяющем им судить ex professo<sup>181</sup>, они, без сомнения, дополняют чувством точные и очевидные доказательства, которые я обещаю дать: честные люди всегда считают выполнимым то, что справедливо. Меня не беспокоит, что найдется несколько человек, остающихся под властью укоренившихся привычек тщеславия, зависти, эгоизма, честолюбия,— есть теперь люди, отрицающие самую очевидность. Что удивительного, если мы встречаем таких людей при социальном устройстве, при котором господствуют аномалия и беспорядок. Но я сказал достаточно для того, чтобы притупить и обезвредить отравленные стрелы, которые они осмелились бы выпустить против нас.

Однако, поскольку существуют возражения (иногда противоречивые), на которых критика довольно упорно настаивает, прежде

\* В отношении вспомогательных вопросов некоторые проделы не имеют значения.

чем окончить этот труд, я буду настаивать на опровержении, уже сделанном мною.

*Возражение.* «Поскольку в вашем строе общности каждый участвует в общем благоденствии уже по тому одному, что он человек, никто не захочет больше работать, так как люди, естественно, склонны к безделью и лени».

*Ответ.* Я уже доказал, что самый факт объединения людей для общего труда делает этот труд веселым и разнообразным и что в наших общих мастерских занятия распределены в таком порядке и так разумно, что огромные работы выполняются с изумительной быстротой и кажутся игрой. Но особенно неубедительно ваше возражение для тех, кто изучил физиологию человека: для них совершенно ясно, что человек — существо очень активное, существо, полное энергии, силы, жизни и ненасытных желаний, и что каждой полезной функции соответствуют природный вкус и определенное призвание. Они не сомневаются в том, что эта любовь к покою и спокойствию, которую поверхностные умы называют *ленью*, есть не что иное, законное стремление к постоянному благоденствию. «Но — говорит Морелли, — так как эта точка опоры сама по себе изменчива и меняется она подобно тому, как в разные периоды в определенных целях меняются наши естественные чувства, то человек вынужден менять свое положение. Одно и то же состояние покоя становится тягостным, человеку приходится сделать усилие, чтобы

переменить его на другое. Часто из-за нашей слабости приостанавливается или замедляется усилие, которое мы делаем, чтобы стать в новое положение; таким образом, нам как бы дается совет прибегнуть к помощи; совет — искать эту помощь; совет — заслужить помощь; *совет — способствовать, со своей стороны, облегчению других, работая для собственного облегчения*; совет — делить труд между всеми, чтобы сделать его менее тяжелым»<sup>182</sup>.

Если что-нибудь и способно извратить эти добрые советы, то это как раз некоторые произвольные установления, требующие только для немногих состояния постоянного покоя, называемого процветанием и богатством и остающиеся для других лишь отталкивающий труд и страдания. Эти различия обрекли одних, на безделье и вялость и внушили другим нерасположение и отвращение к *скупным и принудительным работам*. Человек есть существо, созданное для того, чтобы действовать, и действовать с пользой, если ничто не отклоняет его от его истинной природы. Это положение настолько верно, что действительно приходится наблюдать, как этот вид людей, называемых богатыми и сильными, стремится к утомительному шуму удовольствий, чтобы освободиться от тягостного безделья.

Следовательно, я имею полное основание поддерживать такое предложение:

*«При строе общности каждый добровольно возьмет на себя выполнение какой-либо функции».* Более того, я считаю, что советам руко

водящих лиц будут охотно следовать потому, что они будут соответствовать воле каждого, они *придут на помощь* желанием тех, к кому они будут обращены.

*Возражение.* «Вы выставили как один из ваших основных догматов следующую формулу: «Наиболее неограниченная свобода приведет к наиболее совершенному порядку». Что за странный парадокс! Если вы упраздните всякое принуждение, всякое телесное наказание, то очень часто люди будут более заинтересованы в том, чтобы поступать плохо, чем заботиться об общей пользе. Таким образом, как вы можете надеяться, что ваш строй когда-либо удержится? Надо ведь признать, что всегда найдутся испорченные люди, стремящиеся к господству над другими, к тирании и постоянно поддерживающие в обществе брожение, беспорядок, множество поводов к разьединению. Достаточно, чтобы несколько граждан, обуреваемых страстями, были непокорны голосу вашей республики, чтобы они разрушили ее основы».

*Ответ.* Я считаю неоспоримо установленным, что при строе общности каждый может найти личное счастье лишь в общем счастье. Таким образом, правильно понятая свобода, как я доказал, не имеет ничего общего с анархией, беспорядком, сумасбродствами. Слово «свобода» в своем истинном понимании может означать не что иное, как способность действовать сообразно нашей природе, повинуясь закону нашей организации, нерушимому закону,

являющемуся источником, непреодолимым правилом всякой воли, драгоценному закону, потому что сущностью его является наше стремление к счастью. Возвращаясь к сделанному уже сравнению, я говорю, что в социальном организме человек является тем же, чем какой-нибудь орган в организме человека. А изучение человеческого тела показало с математической точностью, что в живом *существо* нет такого члена, нет такого органа, у которого могло бы появиться умышленное желание вредить другому члену, другому органу, который мог бы иметь интересы, противоречащие здоровью и жизни всего организма, или интересы, не зависящие от них; который когда-либо мог бы отказаться или колебаться выполнять свои обязанности, содействовать гармонии и здоровью живого существа; который, наконец, мог бы решиться стать помехой, злостно мешать общей пользе.

Если какой-нибудь орган отклоняется от этого физиологического закона, что это означает?— Только то, что он поражен каким-нибудь расстройством, какой-нибудь болезнью, каким-нибудь повреждением.

Итак, вполне очевидно, что свобода человека, полная его свобода *сама по себе* не может быть элементом беспорядка. Потому что, как мы видели, с каждым действием, хорошим или порочным, с каждым актом, соответствующим или противоречащим общему или частному интересу, природа неразрывно связывает определенную степень благоденствия или воз-

мездия\*. Если между этими двумя видами интересов начинается малейшая борьба, малейший раскол, это является неопровержимым свидетельством того, что в социальном организме существуют смятение, анархия, хаос, разрушение!

Но еще раз: следует ли обвинить свободу человека? — Нет. Обвинить надо его невежество, его бессилие, а это нечто противоположное. Очевидно, человек, впадающий в ошибку, совсем не свободен, поскольку он вредит самому себе. Следовательно, я имел право считать обоснованной поддержку этой великолепной формулы, которая кажется вам столь смелой: «Наиболее неограниченная свобода приведет к наиболее совершенному порядку».

*Возражение.* «Ваше рассуждение есть не что иное, как отрицание свободы воли; отсюда прямой вывод о безответственности действий; она лишает преступника угрызений совести и уничтожает все моральные законы добра и зла, справедливого и несправедливого. В этой системе человек является просто презренным

\* Было бы неправильно думать, что некоторые лица составляют исключение из этого правила, потому что как раз преступление дало им богатство, пышность, удовольствия, величие и силу. Пусть несправедливость действует, пусть она испытывает и сушит сердце, пусть нагромождает миллионы над миллионами, дворцы над дворцами; пусть окружает себя наемными убийцами, сателлитами и крепостями,— никогда ей не удастся избежать кошмара общественной ненависти и презрения,— беспокойство и страх будут грызть ее.

автоматом, это полное уничтожение всякого человеческого достоинства».

*Ответ.* Я совершенно не вижу, в чем может человек оказаться униженным бессилием, ставшим его вне заблуждения и оставляющим ему свободу только для обеспечения своего личного и общественного благоденствия. На мой взгляд, печальна была бы привилегия, дающая нам возможность сознательно вредить самим себе, вредя себе подобным. Кроме того, если вы проклинаете противников свободы воли<sup>183</sup>, мы легко утешимся. Зато нас нельзя отлучить от превосходной компании: Пифагоры, Платоны, Аристотели. Цицероны еще до нас оказались глупцами и безбожниками. Еще более виновны Иеремия, святые Павлы (см. стр.430), Паскали, Лейбницы и т.д. и даже сам Боссюэ, ибо все они показали себя более чем скептиками в вопросе о свободе воли. Я ограничиваюсь ссылкой на некоторые места, резюмирующие мысль, общую всем названным мною знаменитым людям.

«Я познал, что путь человека не зависит от него и что не во власти идущего человека управлять своими шагами» (Иеремия, гл. X, 23).

«Тот, кто неизбежно должен, выбрать лучшую, не свободен? Скорее, это и есть истинная свобода и самая совершенная власть использовать лучше всего свободу воли и постоянно употреблять эту власть... Если человека всегда ведуг к добру по его собственной склонности и без сопротивления или неудо-

вольствия,— это далеко от порабощения» (Лейбниц).

«Когда мы говорим себе: я хочу так и только от меня зависит хотеть иначе,— это имеет вид независимости воли. Но, не считая не имеющих значения случаев, эти слова лживы; произнося их, мы склонны хотеть именно так, как мы того хотим в действительности. Тот, кто останавливается перед принятием более или менее значительного решения, для того чтобы провозгласить себя свободным желать или не желать,— предается ребяческой игре: он неизбежно решится на то или иное по какому-то мотиву, идущему от ума. Ибо если для доказательства свободы воли хотят противопоставить какому-либо побуждению другое, это потому, что другое побуждение — побуждение показать себя свободным — определяет волю, а это новое побуждение именно И доказывает, что воля не свободна» (*О Мысли. Туссен*).

Что же касается доктрины неответственности, баловни судьбы! Я не хуже вас знаю все последствия ее. Я нисколько не удивлюсь тому, что иногда она кажется вам страшным призраком... Но что тут поделаешь?... Не будете же вы так безумны, чтобы надеяться, что в нашу эпоху можно при помощи легковерия и лжи поглотить усилия науки и разума? Вместо того, чтобы раздражаться против философии, которая, обнажая перед вами отвратительные язвы, глубоко разъедающие социальный порядок, указывает вам и средство

для их исцеления, протестуйте громко против ваших пагубных и бессильных учреждений; благодарите тех храбрых людей, которые отрывают вас от ваших мечтаний, от ваших безумных иллюзий только для того, чтобы уберечь вас от бездны, на краю которой вы так неосторожно уснули. Нет, нет моральная неответственность вовсе не обязательно является безжалостным кинжалом с отравленным лезвием; стоит вам лишь захотеть, и он станет копьем Ахилла, исцеляющим нанесенные им самим раны. Если бы мы на самом деле были внутренне убеждены в том, что общество в целом есть лишь какая-то обширная пещера, огромный разбойничий притон, где все карты крапленые, все игроки замаскированы, мы бы питали отвращение к самим себе и решили бы, наконец, создать такой общественный порядок, при котором человек мог бы без забот, без опасности и без долгого и смертельного страха полностью осуществить цель своих самых пылких желаний.

*Возражение.* «Коммунизм не имеет исторических традиций; система общности никогда и нигде не применялась».

*Ответ.* Дурным должно быть взятое под защиту дело, если оно приводит к таким жалким возражениям; последний в мире крестьянин, первый попавшийся школьник легко опровергнет их: ему достаточно будет ответить этими простыми словами, ставшими пословицей: *все имеет свое начало.*

В самом деле, чем станет стремление к совершенствованию, если для того, чтобы быть отмеченной, какая-нибудь рождающаяся истина должна предъявить титул древности? Безумцы! Разве вы не видите, что таким образом вы прямым путем дойдете до окончательного застоя? Разве у Пифагора, изобретателя чудесной арифметической таблицы, которая оказала такую помощь науке, имелась историческая традиция? Разве Архимед, Галилей, Ньютон имели историческую традицию? Разве оттого, что у них не было предшественников, геометрия стала менее точной наукой? Земля из-за этого вращается менее регулярно вокруг своей оси? Планеты меньше тяготеют к своему центру? Разве порох, артиллерия, компас, пар, железные дороги, книгопечатание, Новый свет, машины, громоотводы, медицина, химия, газ и т.д. и т.п.— только сказки фей, глупые утопии, потому что знаменитые изобретатели их, эти Роджеры Бэконы, Шварцы, Фултоны, Гутенберги, Колумбы, Вокансоны, Франклины, Гиппократы, Лавуазье, не имели исторической традиции, потому что с большинством из них дурно обращались, что их позорили и преследовали<sup>184</sup>?

Странная аномалия! «Когда какая-нибудь истина попадает на землю, люди начинают *проклинать* и *бросать* камнями в того, кто принес ее; затем они овладевают этой истиной, которую они не убили вместе с ним потому, что истина бессмертна, и они наследуют ее» (Л а м а р т и н).

Нужно ли теперь доказывать, что никогда возражение не было более ложным и более абсурдным, так же как и выводы, которые хотят извлечь из него? У нас нет исторической традиции? Но что же такое тогда Пифагоры, Протагоры, Зороастры, Моисеи, Миносы, Ликурги, Агисы, Клеомены? Что такое Сократы, Платоны, Эпикуры, Зеноны, Конфуции, Плутархи, Аполлоны Тианские, Иисусы?— Коммунисты. Какое учение было у этих христианских сект, которые так стоически переносили преследования и мученичество?— Коммунизм. Кем были ессеи, философы гностики, коммуниканты, николаиты, моравские братья? Кем были святые Фомы, святые Василии, святые Августины и почти все отцы ранней церкви?—Тоже коммунистами. Томасы Моры, Кампанеллы, Морелли, Фенелоны, Флери, Локки, Харингтоны, Фонтенелли, Гельвеции, Жан-Жаки Руссо, Мабли и множество других знаменитых философов, которых я обхожу молчанием, разве не были они также коммунистами, знаменитыми писателями-коммунистами? Почему анабаптисты, виклефиты или лоларды, гуситы, квакеры, вальденсы, альбигойцы и т.д. сжигали себя живыми и истребляли себя, если не во имя установления общности имущества и труда<sup>185</sup>?

Вот как доказана традиция общности в смысле ее философской идеи. Если же захотят убедиться также в ее практической традиции, пусть читают древнюю историю. Тогда уви-

дят, что она долго была в почете на Крите и что в Спарте она просуществовала 600 лет! Почитайте «Комментарии» Цезаря и др., и вы увидите, что народы древней Германии не знали иного образа жизни и что ни один народ не был более здоровым, сильным, веселым, дружественным, храбрым, неукротимым, чем они! Читайте историю путешествий: свидетельства, достойные доверия, и неопровержимые доказательства убедят вас, что она постоянно существовала в Перу и почти во всем Новом Свете до тех пор, пока там не появились европейцы и не принесли с собой войну и истребление! Вы убедитесь также, что иезуиты не встретили препятствий для установления *общности имущества и труда* в Парагвае, где, несмотря на свой деспотизм (что в *принципе* было крайним нарушением прав), они сумели продержаться века, доставив тем, которыми они управляли, много счастья. Разве общность не процветала длительное время и не находим ли мы еще и теперь живые доказательства ее существования в Пенсильвании и на Севере Америки? Разве в самой Европе моравские братья не покрыли Германию и часть Венгрии, Богемии и т.д. сетью богатых и очень счастливых сообществ, многие из которых, несмотря на преследования, существуют еще и до настоящего времени? Можно ли также ни во что не ставить тысячи знаменитых монастырей, которые своими необычайными богатствами, большой известностью и огромным политическим влиянием обязаны

только институту общности имущества? Несомненно, все эти сообщества были несовершенными или порочными; и тем не менее, чего только ни сделали они при помощи таких слабых, несогласованных и неверных средств! Теперь же, при том совершенстве, к которому быстрыми шагами идут все науки, каких только чудес ни произведет, без сомнения, строй общности, каким мы его понимаем, т.е. унитарный, полный, всеобщий, общечеловеческий строй общности, основанный на равенстве, свободе, братстве, на разуме!!!

*Возражение.* «Ваша система — не новая система; она стара, как мир; она часто делала попытки осуществиться, но эти попытки никогда не удавались. Следовательно, общность — есть чистая утопия, выдуманная для удовольствия и забавы воображения; об этом свидетельствует вся история».

*Ответ.* Любопытно наблюдать, как наши противники умеют менять свою тактику каждый раз как один из их софизмов исчерпан. «Наша система для нас, коммунистов 1842 г., терпела неудачи с начала мира». Замечательная логика! Но как могла она терпеть неудачи, если она не существовала? Нет оснований считать, что современный коммунизм должен действовать так же, как древний коммунизм. И действительно, возможно ли, не нарушая законов самой элементарной логики, сделать вывод, что если что-либо происходило когда-то так-то и так-то, то оно будет происходить или должно происходить постоянно



таким же образом, в особенности если обстоятельства и все причины, неизбежно влияющие на события и действия человека и определяющие их характер и актуальность, различны? Кто, например, осмелится поддерживать мысль, что научные открытия ничего не изменили? Что современная цивилизация должна бояться тех же препятствий, как и цивилизация древняя, которая не знала ни книгопечатания, ни пара, ни железных дорог, ни машин и т.д. и т.п.?

Конечно, никто больше нас не признает значения изучения прошлого. Я вижу в истории прекрасное собрание наблюдений и идей, сверкающий маяк, указывающий нам путь в будущее. Но именно потому, что мы изучали историю не так поверхностно, как наши противники, мы отвергаем догмат абсолютной власти.

Нет, мы не хотим принять без возражений, покорно все аналогии, все недостоверные, гипотетические и недалновидные сравнения, которые стараются извлечь из истории некоторые софисты, умеющие строить суждения только на частных фактах, без обобщения. Другое время, другие нравы. Только серьезно оценив сначала все, что составляет нашу эпоху, пользуясь историей лишь для контроля и выводов, мы можем получить правильное суждение обо всем.

*Возражение.* «Коммунисты хотят организовать такое общество, в котором никто не будет собственником, т.е. создать базу для ни-

щеты и всеобщего рабства». («О прошлом и будущем народа». Л а м е н н е)<sup>186</sup>.

*Ответ.* Но после всего сказанного, кого, можно убедить, что неизбежным следствием системы общности всегда является разрушение и разорение и что коммунисты хотят превратить весь земной шар в огромную пустыню? Если послушать некоторых людей, не получается ли, что, прежде чем плуг начнет пахать, необходимо нотариально засвидетельствовать, до какого места он должен дойти? Не покажется ли (*risum teneatis!*<sup>187</sup>), что даже почва должна исчезнуть, что она растворится и превратится в летучие пары, как только человеческий род захочет уничтожить на земле эти убийственные перегородки, которыми, к несчастью, наши предки — по невежеству или, я бы сказал, по безумию — избородили ее?

Сколько бы ни крючкотворствовали, сколько бы ни издевались, ни придирались, ни лицемерили, никогда нельзя сделать слово «Собственность» идентичным слову *Богатство*. Первое включает в себе идею злоупотребления, разделения, монополии, исключительности; оно непреодолимо порождает эгоизм, антагонизм, борьбу, господство. Слово «богатство» ничего подобного не вызывает.

«Увековечению зла, — говорит Гельвеций, — служит то, что к нему примешивается малая доля добра; люди в течение веков ошибаются в этом». Эта мысль прекрасным образом применима к занимающему нас вопросу. Действительно собственность включает в себе

дурное и хорошее (*uti et abuti*<sup>188</sup>). Дурное — это исключительность, отсутствие братства, раздробленность, монополия, антагонизм, эксплуатация, тирания и т.д.; коммунизм, как известно, клеймит все эти пороки. Хорошее — это достоинство, богатство, наслаждение соответствующими вещами. А какой общественный строй более, чем строй общности, может обеспечить эти блага, может очистить их от всякой грязи?

Сказать, что надо обобществить *Собственность* — значит сказать бессмыслицу<sup>189</sup>; но сказать, что можно обобществить, что жизненно необходимо сделать общими все богатства, всё то, что дает наслаждения — это столь же соответствует законам грамматики и логики, как и законам священной и возвышенной философии. Чего в действительности мы все хотим? — Увеличения нашего имущества, умножения наших богатств: *Изобилия!* Но разве единственным средством достигнуть этой цели не является обобществление всех орудий труда, всех продуктов труда, всех богатств? Разве это не централизация, сосредоточение, комбинирование, объединение, гармония всех усилий, всех талантов, общей энергии? — одним словом, разве это не полная, совершенная общность, мировая общность?

Так же хорошо, как мы сами, эти истины могли бы понять наши противники, если бы они захотели дать себе труд подумать об этом. Но рассуждать — дело утомительное; им, вероятно, кажется более удобным и лучшим то-

ном поносить и мудрствовать. Нам приходится непрерывно вести борьбу, оспаривать одно за другим и опровергать все их возражения и всю их клевету\*.

В итоге мы видим, что в нашей системе нет ни в чем недостатка, — ни в совершенстве и величии результатов, ни в высшей правоте и надежности принципов, ни даже в самом славном, самом священном, самом величественном признании истории!!!

\* Несколько других возражений было опровергнутое «Egalitaire», в книге «Ламенне, *опровергнутый им самим*» и в «Альманахе общности».

## ДИАЛОГ О РЕЖИМЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

*Коммунист, Реформист, Консерватор, Икариец*<sup>190</sup>.

*Реформист.* Не думает ли коммунизм найти волшебную палочку, если он рассчитывает в один день уничтожить все приобретенные права, все нравы, все наиболее укоренившиеся обычаи. Как можно, например, не будучи умалишенным, надеяться немедленно превратить все местечки, города и деревни в великолепные коммуны?

*Унитарный коммунист.* Да, цель Коммунизма — это превратить все местечки, города и деревни в великолепные коммуны. Но следует ли из этого, что мы проникнуты сумасбродными идеями, которыми вы так милостиво и усердно стараетесь запятнать нас? Нет, и вы это прекрасно знаете. Если бы Коммунизм взялся за дело, если бы в его руках были бразды правления, он признал бы, провозгласил бы полностью все результаты своего принципа; он двигался бы к цели осторожным

и в то же время быстрым шагом,— «смелым применением принципов Равенства и Братства всех людей, почерпнутых в Евангелии, в философии и введенных сразу посредством *совершенно* измененного законодательства»\*.

Вот в чем состоят и что предполагают слова «немедленное введение режима общности»; однако они не означают и не могут означать чего-либо большего. Мы, конечно, не имеем никакого желания немедленно, без сомнений, без колебаний, без раздумий уничтожить Париж, Бордо, Лион, все города Франции и всего земного шара, как об этом так неразумно говорили. Никто не знает лучше нас, что, уничтожая, надо тут же суметь восстановить. Одним из наших девизов является следующая: *Ничего не проматывать, ничего не откладывать, очень немногое предоставлять случаю.* Коммунизм использует время, необходимое ему для осуществления этого огромного и прекрасного превращения, так сильно пугающего вас. Он найдет для этого в учреждении наших промышленных армий необычайные ресурсы. Он тем охотнее согласится на эту неизбежную отсрочку, что вследствие этого ничего не будет угрожать успеху возрождения. Наоборот, ибо, как говорит Буонарроти: «Эти столицы, которые порождают неравенство и где кукутся зачатки революций, эти столицы, бывшие столько раз орудиями тирании, иногда бывали также очагом свободы; они могли бы

\* Этот отрывок взят у г. Ламартина (*Речь в академии Макола*)<sup>191</sup>.

эффективно помочь установлению подлинного порядка, если благоразумным людям удалось бы руководить в них движениями и если они сумели бы затем уничтожить их перенаселенность<sup>192</sup>.

*Консерватор.* «А нашли бы вы также средство превратить сразу, как по волшебству, эту долину слез в *обетованную землю*»

*Унитарный коммунист.* Что касается этой первоначальной организации, этих срочных мероприятий, в которых вы видите только растерянность, смятение, хаос, анархию, потрясение, борьбу, бесконечные и многочисленные раздоры, то успокойтесь: коммунизм сумеет использовать столь же простые, сколь и быстрые и благотворные средства для удовлетворения всех разумных требований. В этом отношении вот что ему достаточно сделать: 1) сконцентрировать и централизовать в общественных магазинах все богатства, все продукты; 2) постоянно доставлять продукты во все пункты, справедливо и братски их распределяя. Никогда для этого не было более благоприятной эпохи, чем наша. Что же касается мебели и одежды, то повсюду, во всей Европе, магазины заполнены и снабжены ими на десяток лет. Почему же больше половины человечества едва прикрыты постыдными и отвратительными лохмотьями? Коснется ли дело жилища! — возрадуйтесь, несчастные парии, покиньте ваши лачуги и конуры. И в этом отношении тоже статистика показывает, что тотчас для всех людей окажется здоровое и ком-

фортабельное жилище; никто ни в чем не будет стеснен, разве только те, чей эгоизм и спесь не имеют пределов. Сколько тысяч дворцов, сколько богатейших и огромнейших замков целиком или почти целиком остаются незанятыми! Сколько тысяч общественных зданий! Сколько богатых и роскошных отелей и т.д.! Как легко будет устроиться, и никто не будет стеснен, если при урегулировании жилищного дела будет соблюдена правильная экономия и если во главе его будет стоять благоразумное руководство! Вы хотите доказательства: возьмите примером Дом инвалидов. Кто бы поверил, что в таком сравнительно небольшом помещении от трех до четырех тысяч лиц комфортабельно размещены, живут в тепле, одеты, пользуются столом и стиркой и были бы, быть может, еще лучше обслужены, не будь порода администраторов нерадива и жадна? И этим благополучием они обязаны исключительно общности их состояния. Но если бы каждый взял себе *свою часть*, они немедленно оказались бы в нищете.

*Реформист.* Но недостаточно иметь жилище, мебель, одежду, тепло, пользоваться стиркой: надо думать главным образом о питании. Прежде всего, как избежать спекулятивной скупки продуктов и голода? Как наполнить ваши общественные магазины продуктами? Вспомните, что ваши предки и сам знаменитый Комитет общественного спасения именно в этом пункте натолкнулся на камень преткновения.

*Унитарный коммунист.* Вот этого-то я и ждал от вас. Именно потому, что *Коммунизм* не забыл, что наши предки своими частичными и ублюдочными реформами произвели роковой и кровавый опыт, он *пойдет* по иному пути. Если бы Конвент или Комитет общественного спасения приняли меры, о которых я говорил, и те, о которых мне еще надо сказать, от скольких ужасных бедствий они уберегли бы мир! Если бы вместо того, чтобы ежедневно ожесточать дворянство, буржуазию, крупных собственников, беспокоить мелких собственников, а также мелкого промышленника и мелкого торговца непрерывными огромными эмиссиями бумажных денег, натуральными повинностями, реквизициями, максимумом, и т.д.; если бы вместо того, что нож гильотины день и ночь висел над головами нарушителей законов, аристократов, сторонников умеренных партий, биржевых игроков, безнравственных и развращенных людей, в том числе и над головами тех, кого называли дерзкими мечтателями и атеистами; если бы вместо того, чтобы доводить до отчаяния стольких врагов, оставляя им для мщения или для защиты своей жизни два самых опасных оружия: *собственность и деньги* (в звонкой монете или бумажные — в данном случае это то же самое); если бы вместо стольких насильственных, хлопотливых, беспокоящих мероприятий, опасных почти для всех, правительство 93 года осмелилось открыто поднять знамя коммунизма<sup>193</sup>, организовать повсюду общице масте-

ские, поставить повсюду общие столы, как это инстинктивно делал народ в течение нескольких месяцев\*, — у революции, несомненно, был бы совершенно другой исход. Тогда вместо скупки продуктов и голода повсюду царило бы *изобилие*, вместо алчности, взяточничества, коррупции, непрестанно во всех сердцах развивалось бы и крепло влечение к общественному уважению, к действительному равенству и братству; ужасное сомнение, недоверие, зависть уступили бы место доверию, *уверенности в будущем, великодушию*. Что более способно вызвать энтузиазм, героизм, все наиболее упоительные и возвышенные чувства, чем эти непрерывные пламенные устремления, которые люди черпают и так легко и с такой энергией передают друг другу в больших собраниях, в особенности в тех, уравнилельный характер которых сильно поражает наши чувства, производит большое впечатление на наши умы! О, знаменитые и храбрые жертвы режима собственности, этого бесчеловечного родоначальника смятения и раздора: О, Кондорсе! О, Демулен! О, Дантон! О, Шометт! О, Клоотс!\*\* О, Робеспьер! О, Сен-Жюст! О, Било-

\* Граждане ставили на улицах перед дверями столы; каждый приносил свои запасы; те, кто мог достать очень мало, принимались так же хорошо, как и самые богатые. Робеспьер первый вменил в вину якобинцам эти братские банкеты.

\*\* Шометт и Клоотс имели некоторые коммунистические идеи, но идеи еще смутные и неопределенные<sup>193</sup>.

Варенн! Почему вы не дошли до ясного понимания, что общность — это самое сильное и самое возвышенное оружие для того, чтобы одолеть врагов, над которыми вам надо было одержать победу<sup>194</sup>! Что это было единственным средством уничтожить, гильотинировать одним ударом не людей, не ваших братьев, а все пороки, все мерзости, всякую безнравственность, всякую измену! Вы никогда не могли бы оказаться в таком убийственном положении, как тогда, когда вы собственными руками разрушали мощные колонны храма французской революции, приносили себя в жертву, по очереди убивали себя, друг за другом, друг друга!

*Реформист.* Ваши теории, без сомнения, соблазнительны, но когда дело касается практических средств, то оказывается, что они изобилуют ошибками. Чего только не следует опасаться в результате вашей нестигаемой логики, когда вы доводите вашу смелость и отвагу вплоть до того, что в хаосе и разрушении вы хороните святой алтарь отечества? Вы, следовательно, не видите, что из желания распространить и сделать всеобщим достойный уважения принцип братства вы убиваете всякую энергию, разрушаете социальное единство.

*Унитарный коммунист.* Охотно соглашусь. Мы всеми силами отвергаем известные принципы национализма во что бы то ни стало такие, например, как те, которые в 1823 г. были так неудачно прославлены с высоты три-

буны генералом Фуа (Fou), в одной из его блестящих речей, сущность которой заключается в следующем:

«Война против Испании<sup>196</sup> была бы одновременно безумием и политическим преступлением. Те, против кого вы хотите сражаться, защищают правое дело. Их поражение было бы крушением всякой свободы и торжеством фанатизма. Таково мое внутреннее убеждение; *но я, прежде всего, француз.* Если вы декретируете войну, все мои желания, все мои усилия будут направлены на успех нашего оружия».

Этот бессмысленный парадокс, эти дерзкие и кощунственные слова два великих поэта<sup>197</sup> заклеили в таких выражениях:

Au second age, on chante la Patrie,  
Arbre fecond, mais qui croit dans le sang;  
Tout peuple arme semble avoir sa furie,  
Qui foule aux pieds le vaincu gemissant.  
...La presse abat les murs de la Patrie;  
И en est temps: peuples fraternisez\*!

(Beranger, Les quatre Ages historiques.)

\* А во второй эпохе пышным дровом  
Цвела отчизна; но и ей в крови  
Пришлось расти; к врагам пылая гневом,  
Лишь за своих вступался свои.  
...В одно связует пресса все народы;  
Настало время: все братья на земле.

(Беранже, Четыре эпохи<sup>198</sup>)

Pres de la borne ou chaque etat commence,  
Aucun epi nest pur de sang humain;  
Peuples, formez une sainte-alliance,  
Et donnez-vous la main\*.

(Beranger, La Sainte-Alliance des peuples)

Et pourquoi nous hair et mettre entre les races  
Ces bornes ou ces eaux qu'abhorre l'oeil de Dieu?  
De frontieres au Ciel voyons-nous quelques traces?  
Sa route a-t-elle un mur, une borne, un milieu?  
*Nation*, mot pompeux, pour dire *barbaric*  
L'amour s'arrêtera-t-il ou s'arrêtera-t-il pas?  
Déchirez ces drapeaux! une autre voix vous crie:  
*Légoïsme* et la *haine* ont seuls une Patrie:

*La Fraternité n'en a pas\*\**

(Lamartine)

Я полностью присоединяюсь к этим красноречивым словам. Нет, нет, наше братство не

\* Возле границ, где покажутся всходы,  
Крови в колосьях останется вкус,  
Будьте дружны и сплотитесь, народы,  
В новый Священный союз!

(Беранже, Священный союз народов)

\*\* Почему народы ненавидеть друг друга должны,  
Зачем эти границы и эти реки,  
что презирает бог?

На небе видим ли мы следы границ?  
У свода есть ли предел, стена и середина?  
*Нации*, это пышное слово,

лишь *варварство* означает.  
Кончается ли любовь там, где страны пределы?  
Сорвите же ваши знамена! Другой вы

слышите голос:  
*Эгоизм* и *ненависть* одни лишь Родину имеют,  
У Братства же ее нет.

(Ламартин)

эфемерное, не узкое, эгоистическое братство. Оно не сосредоточено вокруг домашнего очага, не ограничивается горизонтом своей колокольни, своего кантона, своего округа и т.д.; оно не имеет границ, оно не угасает у порога храма; оно связывает всех людей общими интересами, единой любовью.

Но, говорят мне, из этой доктрины истекают самые плачевные последствия: как окажете вы сопротивление нашествию, завоеванию, если все народы имеют одинаковое право на вашу симпатию, если вас не побуждает к тому сильное предпочтение? — Эти опасения часто могут иметь некоторое значение, но не по отношению к коммунизму. Ни одна система не способна больше, чем наша, объединить быстро, энергично, по влечению все великодушные страсти; это палладиум, это непобедимый щит против всех несправедливостей и всякой тирании.

*Консерватор*. К чему все эти возражения. Если бы коммунизм имел против себя только свои одиозные доктрины, касающиеся брака и семьи, одно это явилось бы непреодолимым препятствием для его осуществления.

*Унитарный коммунист*. Нет худших глухих, чем те, которые не хотят слышать. Никогда не выходили из-под нашего пера, никогда наши уста не произносили слов, которые требовали бы немедленного разрушения домашнего очага и свержения брачного ига. Так же как невозможно при строе общности полной гармонии сохранить эти гибельные институты — так же

безрассудно, безумно было бы думать об упорядочении их до тех пор, пока не придет новый порядок и не очистит наши нравы, наши современные обычаи. Каковы бы ни были печальные последствия раздельного хозяйства, как ни позорно принуждение, ужасна грубость, страшны преступления, порождаемые *нерасторжимой моногамией* и непрерывно умножающиеся при ее господстве, эти ненормальные институты в настоящее время являются *minima de malis*<sup>200</sup>, и мы, не колеблясь, всегда это признавали. Никто лучше нас не понимает, что среди этого моря грязи и недоверия, лицемерия и проституции,— одним словом среди всякого рода безобразий, которые все больше и больше переполняют так называемый общественный порядок, домашний очаг почти для всех является единственной ветвью надежды, единственным убежищем, где еще возможно найти истинную помощь, защиту, утешение, дружбу и любовь. Но, увы! как мало семейств осуществляют эти счастливые надежды!

*Консерватор.* Все эти рассуждения не заставляют меня забыть главный пункт вашей системы. Тысячу раз лучше погибнуть, чем отказаться от наших прерогатив и наших богатств, чем нам примириться с низкими и тягостными работами, и в особенности дать себя впрямь вместе с грубыми людьми в ярмо вашего отвратительного равенства!

*Коммунист-икариец.* *Икарыйская* система всё предусмотрела. Она шадит и уважает все

приобретенные права, все обычаи, она дает полное удовлетворение всем требованиям. Пожалуйста:

### *Принципы переходного общественного строя*

«1. Строй абсолютного равенства, общности имущества и обязательного труда будет вполне осуществлен только через пятьдесят лет. 2. В продолжение этих пятидесяти лет право Собственности сохраняется и труд остается свободным и необязательным. 3. Существующие имущества будут неприкосновенны, как бы неравны они не были; но начиная с настоящего дня, включая и будущие приобретения, строй *уменьшающегося неравенства и прогрессирующего равенства* послужит переходом между старым строем неограниченного неравенства и будущим строем совершенного *Равенства и Общности*. 4. Все собственники продолжают *сохранять свою собственность*. Изменения могут быть произведены только в отношении *будущих* наследств, дарений и приобретений. 5. Пока устанавливается строй общности, ни один гражданин, которому минуло пятнадцать лет, не будет обязан работать. Но дети моложе пятнадцати лет, рожденные теперь, и те, которые родятся, получают общее элементарное техническое образование, чтобы иметь возможность работать по той или иной специальности, когда будет установлен строй общности. 6. Начиная с настоящего дня, все



законы будут преследовать цель уменьшения излишков богатых, улучшения участи бедных и постепенного установления равенства во всем. 7. *Бюджет* может не сокращаться, но система доходов и расходов будет другая. 8. Бедняки, предметы первой необходимости и груд освобождаются от налога. 9. Богатство и излишек облагаются *прогрессивно*. 10. Все бесполезные государственные расходы отменяются. 11. Все общественные функции вознаграждаются или оплачиваются. 12. Все они оплачиваются в достаточной, но умеренной степени. 13. Заработная плата рабочего будет регулироваться, и *цены* на предметы первой необходимости нормируются так, чтобы каждый земледелец, каждый рабочий и каждый собственник мог жить прилично на средства доставляемые его трудом и собственностью. 14. Не менее пятисот миллионов ассигновывается ежегодно для обеспечения рабочих работой и бедняков жилищами. 15. С этой целью все подготовительные работы, необходимые для установления системы общности, будут начаты немедленно. 16. *Армия* будет распущена, как только это будет возможно, с выплатой *вознаграждения*. 17. До этого она будет использована, со специальным вознаграждением, для общественно полезных *работ*. 18. *Национальные домены* будут, по возможности, тотчас же использованы для введения строя общности, превращены в города, или деревни, или фермы и предоставлены части бедняков. 19. Будут приняты все меры для увеличения

численности *населения* и прекращения *безбрачия*. 20. Браки рабочих будут поощряться и облегчаться. 21. *Образование* и *воспитание* новых поколений станут одним из главных предметов заботы общества. 22. Их целью явится воспитание граждан и рабочих, способных осуществлять строй общности. 23. Если окажется нужным, на это ежегодно будет ассигновываться сто *миллионов*. Все усилия будут направлены на подготовку необходимого количества учителей. Республика обеспечит благосостояние им и их семьям и будет рассматривать их как наиболее ответственных государственных служащих». (Текстуальные выдержки из «Путешествия в Икарию»<sup>201</sup>).

По существу, икариец приходит к следующему итогу:

«Распределение продуктов питания, одежды, жилищ или уменьшение цен на них. Увеличение заработной платы. Налог в пользу бедных. Распределение денег. Принудительный заем. Выпуск бумажных денег. Уважение всех религиозных культов и всех *приобретенных прав*. Уголовный кодекс и уголовный процессуальный кодекс сохраняются, но будут изменены. Частичное применение реформ, например, в больницах, школах и мастерских. Постепенно эти реформы будут проводиться в городах, пригородах, в деревнях из квартала в квартал, из дома в дом. Вне и помимо этих мирных, умеренных, надежных реформ я вижу только анархию, хаос, принуждение, насилие!»

*Унитарный коммунист.* Вашими полумерами вам никого не удастся удовлетворить. До тех пор, пока не исчезнут последние остатки привилегий, народ всегда будет бояться их возрождения и восстановления; он никогда не окажет вам целиком и полностью доверия, а между тем, это доверие необходимо вам. Что касается аристократии, которую вы намереваетесь уничтожить по частям или одним ударом, она не менее будет злобствовать против вас; наоборот, постоянные и все умножающиеся раны, которые вы будете принуждены наносить ей, с каждым днем будут усиливать ее сожаления о прошлом и ее ненависть. Можно ли думать, что, будучи госпожой собственности и денег, она откажется от всякой мысли, от всякого искушения использовать оружие, которое вы имели безумие оставить в ее руках, что она не будет тайно замышлять тысячи адских козней: и клевету, и измену, и спекуляцию и голод и т.д. Не является ли наилучшим способом сразу покончить с этими опасностями — отнять у врагов возрождения их *единственное средство влияния, единственный нерв тирании: собственность и деньги.*

Говорят о гуманности и великодушии. Но что скажут о человеке, -который, обезоружив яростного и отчаявшегося врага, тотчас возвратит ему в руки смертоносный кинжал? Вместо того, чтобы объявить его гуманным и великодушным, не сочтут ли его бахвалом, безумцем? Окажет ли он своему врагу настоящую услугу, снова спровоцировав его на кро-

вавую битву? Пусть же не говорят, что наши взгляды ведут к принуждению, к гнету! Как раз наоборот. Вся наша политика состоит в следующем: *«Не дать надеть оковы и не дать вредить»*. Когда мы этого добьемся, ни одна система не будет менее беспокойной, более терпимой и великодушной, чем *коммунизм*, — такой, как мы его понимаем. Как можно будет подозревать с его стороны малейшую мысль о ненависти и мести? Разве он не доказал, что аристократы и самые жестокие тираны сами, в конечном счете, являются жертвами ненормального и братоубийственного порядка, что они тоже заслуживают сострадания? Разве не рассматривает он их политику и их губительные законы скорее как печальное безумие, чем как умышленные преступления? Разве в самых сокрушительных своих напаках на пороки и ужасные извращения строя собственности, в своем стремлении упразднить его он смешивал людей с вещами?

Нужно ли мне теперь добавить, что *коммунизм* не имеет никакого намерения, никакой необходимости употреблять насилие и принуждение<sup>202</sup>. Нет, пусть привилегированные свободно предаются своим привычкам и даже *ничего неделанию*, — это не будет иметь последствий: народ привык обходиться своими руками, он предоставит им время, необходимое для того, чтобы они по своей воле приняли участие в общих работах, содействовали обогащению общей родины. Все, чего народ требует, — это, чтобы они не настаивали больше

на опасной монополии богатств. За это он охотно будет снабжать их *необходимым, полезным и даже приятным* вплоть до того времени, когда они решатся занять место на братском банкете, прекратить это отлучение, на которое они сначала обрекли бы себя. И мы убеждены в том, что счастливое объединение всех частей общества и всех сердец произойдет быстрее, чем это думают. К тому же в новом поколении (см. стр.221—222) никакой неприязни, никаких несправедливостей не будет больше существовать, воспитание внесет порядок.

Тем, кто опасается, что коммунистическое правительство окажется вначале изолированным и лишенным защиты, мне достаточно высказать следующие соображения.

Я, например, полагаю, что на следующий день после социальной революции новое правительство прикажет поставить во всех общественных зданиях общие столы; я полагаю, что оно примет такие же меры в отношении жилищ, мебели, одежды, и т.д. Можно ли думать, что при наличии таких осязаемых, великодушных и успешных результатов найдется много людей, много рабочих, мелких торговцев, мелких земледельцев и даже мелких собственников, которые могли бы еще долго кричать об *утопии!* Сомневаться в возможности ее осуществления? Можно ли думать, что эта бесчисленная масса несчастных людей, париев, которая в общем составляет девять десятых населения, не присоединится с энтузиазмом к

делу общности? Что она скорее не даст себя полностью уничтожить, чем согласится покинуть этот *рай земной?* Насладившись им хотя бы один миг, она в цепях собственности снова почувствовала бы все муки ада, все свои прошлые страдания, все трудности и печали,— одним словом, все несправедливости социального порядка. Напрасно возражают, что все аристократии, все деспоты тотчас же образуют новый священный союз против первого коммунистического государства? Но что сможет сделать весь мир против такого государства, которое к тому же будет обладать огромными ресурсами для того, чтобы разбить и уничтожить отвратительную лигу, если ей еще удастся сформироваться<sup>203</sup>? Чего только не предпримет она, когда в государственную казну вольются все деньги частных лиц, ставшие бесполезными в их руках. Трудно ли будет тогда призвать на помощь пятьсот тысяч иностранцев, если в этом будет нужда? Разъединить врагов, привлечь на свою сторону их генералов, вызвать возмущение в их армиях, в их провинциях и т.д. и т.п.?

Мне незачем упрекать себя в том, что я рискнул высказать смелое мнение, заявив в начале этого труда, что у великого народа есть верное средство дать восторжествовать делу общности, послав за границу не больше трех-четырёхсот тысяч воинов, и добиться общего освобождения народов менее чем за десять лет войны, если создавшееся положение вынудило бы обратиться к этой крайности.

## П Р И Л О Ж Е Н И Я

Я кончил эту книгу. Я разовью свою мысль и дам все необходимые разъяснения в моей «Истории общности»<sup>204</sup>. Лыщу себя надеждой, что я в достаточной мере исчерпал эту тему, чтобы озарить ярким светом науку об общности. Да простят мне мою дерзкую мысль, привлекая во внимание мои добрые побуждения.

### ОТРЫВКИ

#### ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. ДЕЗАМИ, ОТМЕЧЕННЫЕ К. МАРКСОМ \*

ЛАМЕННЕ, ОПРОВЕРГНУТЫЙ  
ИМ САМИМ\*\* Р. 1841.

стр. 18.

Равенство проверяется балансом счетов, если можно так выразиться. Скажем более точно, люди равны, если они в равной мере могут развивать свои способности, удовлетворять свои потребности.\*\*\*

\* В настоящем приложении мы даем ряд отрывков из произведений Дезами («Lamennais refute par lui-meme», «Calomnies et politique de m. Cabet», «Code de la Communaute»), содержащих строки, отчеркнутые и подчеркнутые К Марксом при чтении им этих произведений. Страницы указаны нами по французским оригиналам.

\*\* Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 1, опись 1-я, № 108.

\*\*\* Этот знак поставлен Марксом в конце фразы.—  
Прим. ред.

Одинокий человек — это, так сказать, неполное существо; когда человек ищет общества себе подобных, он лишь повинуется властному *голосу* природы, который постоянно кричит ему: *горе одинокому!* (voe soli!). Пчелы, говорит Цицерон, собираются не для того, чтобы приготавливать мед, но влекомые по природе своей к сближению, они строят свои соты; точно так же люди, по природе своей еще более равные, чем пчелы, *объединяют* свои действия и свои мысли! «Неверно, что общество обязано своим существованием только тому, что без помощи других людей мы не могли бы добыть себе все необходимое для нашей физической жизни; нет, если бы даже все физические потребности человека удовлетворялись как бы по мановению божественной волшебной палочки, он не покинул бы людей, чтобы предаться покою, бездействию и созерцанию»; нет, он бежал бы от одиночества; он хотел бы учиться и учить; поистине, общественная жизнь предпочтительнее **наслаждениям в одиночку»**

Несмотря на пороки и преступления политики, в настоящее время дело ассоциации выиграно; стало аксиомой, что естественное общество это *простой и непреложный факт.*

Остается только организовать целое из социальных элементов, имеющих отношение к человеку, т.е. основать, согласно законам природы, *политическое общество.*

Нет, наша мораль для нас это — вовсе не какое-то божество диких; она не требует ни принуждения, ни самоистязания и т.д.; мы ее определяем так: *«совокупность всех верных средств, наиболее пригодных для осуществления Братства; самый верный путь, наиболее прямая линия, которая приводит человечество к счастью».*

#### КЛЕВЕТА И ПОЛИТИКА МСЪЕ КАБЕ\*

То это был бывший депутат Империи, поклонник и энтузиаст вашей *Икаррии*, крупнейший богач, который предлагал вам сто тысяч франков; то это был г. Ледрю-Роллен, то кто-то другой, кто должен был дать вам поручительство; думаю, что вы возлагали некоторые надежды и на *«Revue Indpendante»*, *et.c.*

...Не кажется ли, согласно *«Ligne droite»*, (которая приводит выдержки из моей статьи в *«Populaire»*), что Буайе ошибается,

\* Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 1, опись 1-я, № 106. — *Прим. ред.*

потому что самопожертвование представляется ему противоречащим человеческой природе?

И что же, «*Populaire*» говорит как раз обратное. Вот совершенно дословно это место: «г. Буайе вовсе не враждебен коммунистическим теориям; но он находит их слишком возвышенными. Против коммунизма его предостерегает то, что эта система, говорит он, основана на самопожертвовании, которое кажется ему противоречащим человеческой природе. Господин Буайе ошибается: коммунизм не нуждается ни в постоянных самоотречениях, ни в постоянных жертвах».

стр. 35.

Как же получается, что в то время, как вы столь благосклонно приветствуете всех писателей, критиков, писателей *противников равенства и противников революции*, а совсем недавно вы приветствовали парижскую газету «*Le Travail*», которая, говорит вы, объявляет себя *другом рабочих и другом властей*, газету, целью которой, несомненно, является лишь осуществление знаменитой *политики диверсии*, так вероломно подсказанной властям *Эмилем Жирарденом* (1), как же получается, что вы бросаете свое осуждение всем без различия публицистам коммунистам, *спиритуалистам, материалистам*, тем, кого вы называете *эбертистами, бабувистами* и т.д.?

стр. 38.

В последнем номере Вашего «*Populaire*» вы жалуетесь на доведенный до крайностей дух *независимости* и *равенства*. Но не претендуете ли вы, что являетесь *нес plus ultra* социального прогресса? Не хотите ли вы сказать: «*Без меня нет коммунистов!*» подобно тому, как вы, по существу, говорите в вашей *Истории французской революции*: Нет революции без *Робеспьера!* Полагаете ли вы, что мы повторим длинную серию ошибок, изза которых *ваш патрон Робеспьер* погубил *Революцию*, заменяя своими мечтами святую философию и ставя диктатуру лиц *выше диктатуры принципов*?

стр. 38.

Не чувствуете ли вы, мсье, насколько все эти великие слова самопожертвование, *самоотречение* не под стать другим вашим *доктринам* и формулировкам, которые мы находим то тут, то там в ваших трудах: равенство, взаимность, репрессии, закон возмездия... мир самоотречения и мир самопожертвования — это подлость, это мир несправедливостей и оскорблений... если я паду, я буду героем и мучеником, и т.д. и т.д.

стр. 42.

Какой вывод можно сделать из этих фактов? Что все люди подкупны и будут подкупны до тех пор, пока наши социальные

законы будут носить следы малейшей привилегии, до тех пор, пока будет длиться режим частной собственности. Теперь же подкуп широко распространен, он стал главным средством всех конституционных правительств; *Corrumpere et corrumpi saeculum vocatur!* Множество людей опускаются морально и деградируют по своей собственной вине.

стр. 43.

*Честолюбие и лицемерие; тщеславие и подкупность — вот баланс нашей современной цивилизации!* Ужасные и печальные истины! Истины, которые приходится замалчивать, но о которых, по-моему, надо громко заявлять, потому что они вынуждают нас изыскивать средства от зла, разъедающего нас! Я убежден, что в результате этих поисков мы достигнем, социального положения, при котором подкуп станет настолько невозможным, насколько он распространен теперь.

стр. 45.

Логическим выводом из всего этого является то, что в заботе об общем благе никогда не следует полагаться на одного человека, каков бы он ни был, а на принцип; народ должен примкнуть только к истине, с какой бы стороны она ни пришла.

стр. 14.

Между тем, каждое производство основано на труде. *Все*, кто пользуются общественными продуктами, должны, стало быть, *участвовать в труде*. И так как общество представляет собой, как мы уже сказали, солидарное объединение, противостоящее всем неблагоприятным случайностям и всем видам отсталости, так как в нем совершается взаимный обмен услугами, слияние всех желаний, всех интересов, всех дарований и всех усилий, то — заявляем мы — отсюда следует, что, если мы желаем подчиниться законам природы и полностью осуществить принцип ассоциации, мы должны начать с превращения земли и всех продуктов в одно крупное единое *общественное владение*.

стр. 15.

Без конца твердят о том, что политические государства устроены наподобие семьи. Но разве можно себе представить хотя бы одну настолько безрассудную семью, хотя бы одно сообщество братьев, настолько испорченных или потерявших здравый смысл, чтобы позволить себе *каждодневно* делать предметом розыгрыша все вплоть до самых необходимых для их существования вещей, — так, чтобы слепой случай предостав-

\* Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд. 1, опись 1-я, № 107. — *Прим. ред.*

лял все выигрыши одному или двум из них. и те, не смущаясь, пользовались бы чрезмерным изобилием рядом с другими их братьями, которые умирали бы от голода?

стр. 18.

Но тут снова начинаются эти низкопробные крючкотворства, эти постоянные несносные разглагольствования о *прирожденном неравенстве* в физической силе, способностях, дарованиях, в самоотверженности и т.д. ...

стр. 19.

Разве не очевидно, в самом деле, что именно с целью *предохранения себя от опасностей, страхов, подчиненного положения, от возможных в будущем и, следовательно, никому неведомых несчастий*, люди с самого начала,— каждый в отдельности и все в совокупности — чистосердечно отказались от случайных преимуществ, которыми располагал каждый из них, и сообща провозгласили социальное и политическое равенство.

стр. 60.

А когда во цвете лет, но уже рахитичные, хилые и вялые, они дряхлеют и никнут, словно высохшее в пустыне растение, что такое их смерть, если не убийство, которое, в наших кодексах фактически совершенно не предусмотрено и в котором повинен скорее порядок вещей, нежели люди, но, тем не менее, это — подлинное убийство.

стр. 70.

8. *Лечебная медицина*.— Это наука почти полностью будет *упразднена*. Искусство врачевания и сохранения здоровья будет ограничиваться *тогда гигиеной, с которой будут знакомы все...*

стр. 75.

Каждый будет счастлив откликнуться на призыв, с которым *руководители работ* обратятся ко всем *трудоспособным гражданам*, и, свободно включившись в ту или иную *отрасль сельскохозяйственного труда*, займется садоводством, земледелием и т.д.

стр. 249.

*Коммунист*. — При строе общности полной гармонии не может быть речи о какой бы то ни было диктатуре, если только под этим словом не подразумевают власти природы, науки, разума. Поэтому не является ли верхом идиотизма, безумия обвинять в деспотизме или тирании то, что имеет одну цель, одно намерение: *вести людей к счастью посредством самой неограниченной свободы и самого совершенного строя?*

стр. 252.

Просвещение же принадлежит исключительно *богатству*, а *власть* — *исключительно просвещению*; власть сосредоточивает богатства и просвещение в немногих руках, кото-



рые выпускают ее только, уступая силе социальной организации народа.

До тех пор, пока в этой привилегии, более одиозной, чем нелепой, не будет прямо и энергично пробита брешь, большинство народа не сделает ни одного шага,— *разве только народ одним прыжком преодолает пространство, отделяющее его от благосостояния!*»

Нужны ли примеры? Я затрудняюсь в выборе их. Сколько скандальных сиен происходит в период выборов во Франции и, в особенности, в Англии!

...Но кто сможет обрисовать эти шумные вакханалии, эти гнусные парады, эти жестокие драки, эти отвратительные оргии,— все эти низости и мерзости, которые будущий депутат сам демонстрирует с платформ Гастингса!

стр. 253.

Какого уважения можно требовать к законодательным декретам, бесстыдно превратившим избирательную урну в сосуд разврата?

стр. 254.

Пусть из всего предыдущего не делают вывода, что в случае введения всеобщего избирательного права мы потеряли бы надежду на применение наших принципов; мы имеем полную уверенность в возможности их применения.

стр. 256.

Что касается места и способа собраний, то я думаю, что могу теперь избавить себя от размышлений об этом. Коснется ли дело национального конгресса или общечеловеческого конгресса, я не вижу в этом большей трудности, чем если б дело касалось только собрания коммуны. Не придется выбирать и посылать граждан с миссией ad hoc, как это делается теперь; достаточно будет назначать ежегодно коммуну, расположенную в центре, где будет заседать национальный конгресс, и другую, где будет заседать общечеловеческий конгресс. Каковы бы ни были граждане, населяющие эти коммуны, они всегда будут способны выполнять законодательные функции, потому что, повторяю, общественная организация будет настолько упрощена, что политическая машина будет двигаться как бы сама собой. Воспитание будет иметь такую силу, просвещение будет настолько общим, важные истины будут столь ясными и убедительными, что противники им смогут найтись только в доме умалишенных, если только при *нормальном строе* будут существовать умалишенные.

## КОММЕНТАРИИ

### ТЕОДОР ДЕЗАМИ

*Биографический очерк*

Характерные особенности жизненного пути Дедами — активного участника французских революционных тайных обществ 30—40-х годов XIX в., неутомимого пропагандиста утопического коммунизма, выдающегося деятеля революции 1848 г., обусловили неполноту и отрывочность дошедших до нас биографических сведений об этой примечательной личности.

В краткой, но напряженной жизни автора «Кодекса общности» вообще невозможно отделить летопись его личной жизни от истории его революционной деятельности. Известная нам биография Дедами — это его политическая биография: данные о формировании его мировоззрения, факты идейной, революционной борьбы целиком заслоняют в его «жизнеописании» моменты узко биографического характера. В этом сказалось то «полное отречение от самого себя», которое, по словам одного из революционеров, современников Дедами, входило в их понятие «преданности делу».

Теодор Дедами родился в 1803 г. в Люсоне (Вандея). Он изучал медицину, философию и право, затем был школьным учителем в поовинции. В 30-х годах (видимо, после переезда в Париж) его увлекает столь характерная для Франции того времени волна республиканского движения, в котором в эти годы все более значительную роль начинает играть рабочий класс. Именно с этим самоопределяющимся, подымающимся идейно и организационно к самостоятель-

ности рабочим движением и связывает свою судьбу Дедами.

Первым этапом участия Дедами в этом движении явилось его вступление в тайные заговорщические общества, идеологом и руководителем которых был Огюст Бланки. В конце 30-х годов мы находим Дедами среди членов одного из этих обществ — «Времена года».

Обострение классовой борьбы в 40-х годах создало во Франции благоприятную почву для распространения среди передовых рабочих коммунистических идей

Первый опыт систематического изложения коммунистических идей был предпринят Дедами в конце 1838 г., когда он выступил с сочинением, написанным на тему, выдвинутую Академией моральных и политических наук. Тема гласила: «Народы больше развиваются в отношении распространения знаний и просвещения, чем в области практической морали». Академия предложила «установить причину этого различия в их прогрессе и указать лекарство». В этой работе Дедами уже намечены многие основные положения его теории, в наиболее полном виде развитые в «Кодексе общности». Здесь содержится острая критика социальных и политических порядков капиталистического строя, «отвратительной язвой которого является бедственное положение пролетариев» «Их провозглашают свободными, а их руки изранены оковами, их убивает нищета. Они имеют habeas corpus, но у них нет хлеба, и их дети работают по 18 часов под бичом их хозяев».

Уже в это время Дедами считает, что только уничтожение частной собственности в состоянии излечить общество от всех социальных зол. Он стремится к широкой пропаганде своих взглядов среди рабочих.

В 1840 г (1 июля) Дедами организовал вместе с Пийо коммунистический банкет в Бельвиле, где присутствовало 1200 человек; здесь Дедами произнес программную речь о равенстве. Печатная пропаганда велась им в начале 40-х гг. на страницах «Egahtaire, journal de l'organisation sociale», несколько номеров

которого вышло в мае и июне 1840 г.; принимал он также участие в журналах «Communaute» и «L'Humanitaire». К тому же времени относится ряд полемических брошюр — памфлетов Дезами. Эта устная и печатная пропаганда коммунистических идей несомненно содействовала формированию коммунистической программы ряда рабочих обществ 40-х годов. Повидимому, Дезами был одним из организаторов общества «Рабочих-эгалитариев». Члены этого общества по своим программным и тактическим взглядам примыкали к традициям Бабефа и «равных». Несколько позже, после разгрома «Рабочих-эгалитариев», возникло общество «Материалистов-коммунистов», ликвидированное полицией в 1847 г. При обыске у его членов были найдены сочинения Дезами. Сам он к тому времени, как кажется, уже отошел от непосредственного руководства революционными организациями.

К 40-м годам относится агитационно-пропагандистская работа Дезами, направленная против мелкобуржуазного социализма Луи Блана, против группы сторонников бывшего сен-симониста Бюше, служившей проводником буржуазного влияния в рабочем движении, против проповедника «христианского социализма» — Ламенне. Критике его взглядов Дезами посвятил в 1841 г. брошюру под названием «Ламенне, опровергнутый самим собой».

Особенно важно подчеркнуть, что столь же решительно Дезами выступал в то время и против «мирного» направления в тогдашнем утопическом коммунизме. Главным теоретиком этого направления был Этьен Кабе, чье «Путешествие в Икарию» вышло в свет в 1840 г. и вторым изданием — в 1842 г.

Стремясь к объединению всех «коммунистических» сил, Дезами сблизился в 1839 г. с только что вернувшимся из эмиграции Кабе, стал его секретарем и помощником по редактированию газеты «Populaire». Но вскоре между ними произошел разрыв. Дезами покинул редакцию «Populaire» и выступил в 1842 г. против Кабе с остро критической брошюрой. Причиной разрыва между Кабе и Дезами было

коренное расхождение в вопросах тактики, а также разногласие по вопросам о значении теории и о роли предшественников буржуазии в коммунистическом движении. Дезами упрекал Кабе в отрицательном отношении к банкету 1 июля 1840 г. — этой первой открытой манифестации рабочего коммунистического движения. «Вы отказались присутствовать на банкете... Вы были крайне недовольны тем, что пролетарии позволили себе одни водрузить коммунистическое знамя, не имея во главе каких-нибудь буржуа, какие-либо известные имена». И Дезами делал следующий вывод, особенно важный в тогдашних условиях отделения рабочего движения от мелкобуржуазного «социализма»: «Глубоко заблуждение думать, что сотрудничество буржуазии необходимо для победы общности», т.е. коммунизма.

Свою концепцию Дезами изложил в главном труде своей жизни — «Кодекс общности», появившемся в 1842 г. Работал над ним Дезами, по его словам, в течение четырех лет.

Для популяризации основных положений и выводов своего труда Дезами предпринял в 1843 г. издание для рабочих — «Альманаха общности» («Almanach de la commune»). Он сделал это явно в противовес серии популярных пропагандистских брошюр Кабе, издававшего также и «Икарийский альманах». Для своего альманаха Дезами написал ряд небольших статей и мелких заметок; авторами других статей были Гей и Навель. За издание этого альманаха Дезами по обвинению в богохульстве был предан суду и приговорен к тюремному заключению и денежному штрафу; захваченная властями часть тиража книги была уничтожена. Характерно, что левая буржуазная оппозиционная печать отказалась выступить в защиту коммуниста Дезами. Эти и некоторые другие ценные сведения о Дезами мы находим в воспоминаниях А. Руге, часто встречавшегося с ним в это время. А. Руге сравнивает Дезами с Кабе. Кабе, по его словам, стар и ждет своего времени, как человек, уже обжегший себе пальцы на преждевременных попытках переворотов; Дезами «молод, он увлечен своим

делом, он верит в истину и громко проповедует ее». Руге утверждает, что Дезами мало говорит о том, что к цели мы придем путем восстания; но то, что он говорит — «само уже восстание против образа мыслей французов». Несколько позже (в 1845—1846 г.) он выпустил еще две работы программно-теоретического и в то же время полемического характера: «Иезуитизм, побежденный и уничтоженный социализмом» («Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme») и «Организация свободы и всеобщего благоденствия» («Organisation de la liberie et du bienetre universels»).

Для характеристики политических взглядов Дезами, его отношения к режиму Июльской монархии, к вопросам текущей политики, весьма показательное содержание изданной им в 1840 г. брошюры, направленной против плана кабинета Тьера окружить Париж рядом крепостей. Здесь Дезами разоблачает «измену правительства», заключающуюся в том, что оно, выставляя лозунг «мир любой ценой», в действительности «требует от Франции не только ее последнего человека, но и ее последнее эюю». Показав подлинный реакционный смысл плана Тьера, прикрывавшийся разглагольствованиями о внешней опасности, Дезами от имени всех демократов провозглашает: «Нет, Франция не желает подобных укреплений. Нет, Париж не будет окружен Бастилиями».

Высоко оценивая революционно-патриотические традиции французского народа, Дезами вместе с тем выступает как пропагандист братства и дружбы всех народов, выразительно передает свои чувства горящей симпатии к ним, в особенности к тем из них, кто утратил свою национальную независимость, например, к «благородной и страдающей Польше».

Накануне революции 1848 г. во Франции «...коммунисты представляли сильнейшую фракцию революционного пролетариата, далеко превосходившую своим значением другие фракции»<sup>1</sup> — и в этом, конечно, была немалая заслуга Дезами и его единомышленников.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 302.

Все попытки правительства Луи Филиппа при помощи полицейских провокаций и судебных процессов дискредитировать в глазах рабочих идеи утопического коммунизма были обречены на полный провал.

К началу февральской революции 1848 г. Дезами был одним из виднейших представителей французского коммунистического движения. Излишне перечислять все события революции, все выступления парижских рабочих, в подготовке и проведении которых Дезами принимал активное участие. Свое понимание политических и социальных задач революции, с точки зрения интересов рабочего класса, Дезами выразил в издававшейся им газете «Права человека. Трибуна пролетариев» («Les droits d'homme. Tribune des proletaires»), выходящей с начала марта 1848 г., в своих выступлениях в основном и руководимом им клубе «необабувистов» («Клуб Гобеленов»). Дезами входил также в руководимое Бланки «Центральное республиканское общество», поддержал 25 марта 1848 г. инициативу Бланки в организации политического центра революционных рабочих клубов («Центральный избирательный комитет»). Вместе с некоторыми другими бывшими участниками тайных обществ Дезами решительно выступил (3 и 18 апреля 1848 г.) в защиту Бланки с разоблачением выдвинутого против него реакционной печатью провокационного обвинения в предательстве (так называемый «документ Ташеро»).

«Права человека», за которые боролся в дни революции словом и делом Дезами, выступая как публицист в газете, названной им «Трибуной пролетариев», как оратор в рабочих клубах, как один из организаторов массовых рабочих демонстраций (например, 28 февраля и 17 марта 1848 г.), — включали в себя не только требования наиболее широких политических прав, демократических свобод, но и требование решения коренных социальных проблем: «организации труда» и уничтожения эксплуатации человека человеком. Разделяя тактику Бланки, Дезами рассматривал борьбу за республиканские свободы как средство, облегчающее последующую борьбу за осуществление социальных требований рабочего класса. Дезами не считал возмож-

ным немедленную реализацию коммунистических принципов. Защищая «свободу ассоциации», призывая к борьбе с привилегиями и монополиями, он утверждал, что рабочие «должны отвергнуть всякую систему организации, которая не дает им свободно располагать собой», «держит их под влиянием хозяев». Своей пропагандистской и организаторской деятельностью среди рабочих масс он стремился содействовать тому, чтобы демократические преобразования, совершаемые в ходе революции, приближали новый «социальный порядок». «Цель ваших усилий,— писал Дезами, обращаясь к рабочим,— провести в нравы и общественные законы принцип равенства».

Будучи активным участником демонстрации 28 февраля 1848 г., проходившей под лозунгом организации «министерства труда и прогресса», Дезами впоследствии критически относился к деятельности Люксембургской комиссии, возглавлявшейся Луи Бланом, созданной буржуазным временным правительством под давлением этой демонстрации. Критикуя ее обращение к рабочим, Дезами призывал бороться за уничтожение самой системы заработной платы. Однако конкретные практические предложения Дезами явно показывают влияние на него авторов различных мелкобуржуазных проектов того времени (организация «банка труда» и т.п.).

Дезами был одной из наиболее популярных фигур среди революционных руководителей парижского пролетариата. 3 апреля его кандидатура была выставлена на выборах в Национальное собрание (в связи с этим он изложил свои взгляды в специальном обращении к рабочим). Естественно, что именно поэтому Дезами был ненавистен буржуазии, представители которой приложили максимум усилий, чтобы не допустить его избрания.

После поражения революции — кровавого подавления июньского восстания рабочих Парижа, Дезами вернулся к себе на родину, где и умер в 1850 г.

## П Р И М Е Ч А Н И Я

<sup>1</sup> Эжезипп Моро (1810—1838)— французский революционный поэт (подлинное имя его Пьер Жак Руйо), рабочий-печатник, участник и наиболее выдающийся поэт Июльской революции 1830 г. Всю недолгую жизнь его преследовали безработица, нужда и голод. Скончался 10 декабря 1838 г. в больнице для бедняков (Hopital de Charite). Дезами называет его «новым шильбером», имея в виду сходство настроений тоски, жалоб на одиночество, характерных для последних произведений Моро, с аналогичными, по мнению Дезами, мотивами произведений поэта Никола Жильбера (1751—1780).

Дезами склонен приписывать Гельвецию коммунистические взгляды. Для этого нет оснований.

Отвергая общность имуществ, Гельвеций высказывался только за известное смягчение крайностей имущественного неравенства.

В 1759 г. одно из главных произведений Гельвеция — «Об уме» — было сожжено, по решению парламента, как опасное для государства и религии; но утверждение Дезами, что самому автору угрожала та же участь и что его спасло только могущественное покровительство, является преувеличением.

До нас не дошло, в сущности, никаких биографических данных о Мооселли; поэтому утверждение Дезами, что автор «Кодекса природы» происходил «из народа», не может быть ни подтверждено, ни оспорено.

Первый абзац этого эпиграфа воспроизводит эпиграф памфлета Сиейеса «Что такое третье сословие». Эпиграф помещен там без указания на авторскую принадлежность.

<sup>5</sup> «Речь о равенстве», была произнесена Дезами 1 июля 1840 г. на коммунистическом банкете в Бельвиле и затем издана вместе с другими речами.

<sup>6</sup> «L'Egalitaire, journal de organisation sociale», — журнал, два номера которого вышли весной 1840 г.; один из органов, пропагандировавших коммунистические идеи; в издании его Дезами принимал руководящее участие.

<sup>7</sup> «Ламенне, опровергнутый им самим» — брошюра Дезами, остро полемического характера, появившаяся в 1841 г. См. биографический очерк.

<sup>8</sup> Под «нашими предками», действовавшими в 93 г., Дезами подразумевает наиболее активных деятелей французской буржуазной революции 1789 — 1794 гг.; об ошибочности понимания им объективного содержания, классового характера этой революции см. примечание 135.

<sup>9</sup> Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.—Л., 1947, стр. 57.

<sup>10</sup> См. примечание 8, а также 150 и 222.

<sup>11</sup> Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.—Л., 1947, стр. 64.

<sup>12</sup> Это двестише приводит Гельвецием, но не принадлежит ему (см. К. А. Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр. 20). Положение это свидетельствует об определенном отходе Дезами от позиций революционной доктрины Бабефа и «Равных».

<sup>13</sup> Картуш Луи Доменик — главарь воровской шайки, действовавшей в Париже в начале XVIII в. Благодаря своей неуловимости приобрел известность, и имя его во Франции стало нарицательным, обозначая наглого, ловкого грабителя и вора.

<sup>14</sup> Эти слова взяты из второго издания брошюры Сиейеса. Они представляют собой не цитату, а краткую формулировку соответствующих положений, более подробно развитых Морелли в его «Кодексе природы».

<sup>15</sup> Дезами ошибочно приписывает приводимый им отрывок Монтеню. В действительности он взят из произведения де Ла Бозси «Рассуждение о добровольном

рабстве». Трактат Ла Бозси был напечатан в ряде изданий «Опытов» Монтеня, что и могло ввести Дезами в заблуждение (см. русский перевод сочинения Ла Бозси, М., 1954, стр. 15).

<sup>16</sup> Фултон Роберт (1765—1815)—изобретатель, построивший в 1803 г. первый пароход. Вокансон Жак (1709—1782) — автор ценных изобретений для текстильной промышленности. Конструктор «автоматов» (шахматист, флейтист и т.п.).

<sup>17</sup> «Паоли почти полностью упразднил на Корсике частную собственность». Это утверждение Дезами лишено каких бы то ни было оснований.

<sup>18</sup> Речь идет, повидимому, об отказе Паскаля Парли (1725—1807) от одновременного занятия постов командующего Национальной гвардией и главы департаментской администрации, на которые он был избран штатами Корсики после возвращения туда летом 1790 г., а также об его отказе от установления его статуи и награждения его ежегодной пенсией в 50 000 франков. Однако построенная Дезами на этом факте общая характеристика личности и деятельности Паоли находится в полном противоречии с фактами.

<sup>19</sup> Sieyès. Lessai sur les privileges. Paris, 1822, стр. 11 — 16.

<sup>20</sup> Этот отрывок представляет собой два не совсем точно процитированных места из «Анализа доктрины Бабефа» — документа, выпущенного бабувистской организацией летом 1796 г. (См. Ф. Буонарроти, «Заговор во имя равенства». Т. II, М.—Л., 1948, стр. 149, 153).

<sup>21</sup> «L'Atelier» — ежемесячный журнал, выходивший в Париже в 1840—1850 гг. Основан группой ремесленников, находившихся под буржуазным влиянием; в политике следовал линии газеты «Le National» (см. примечание 53), пропагандировал взаимопомощь, создание так называемых «свободных» ассоциаций ремесленников, вел борьбу против социалистических и коммунистических идей. Бюше (1796—1865), бывший сен-симонист, имел большое влияние на этот журнал.

<sup>22</sup> Сен-симонисты предусматривали передачу управления предприятиями в руки лиц, обладающих необходимыми для этого «способностями». Это оставило место для образования некоей новой «иерархии», что и вызывало протест Пьера Леру и Дезами, отвергавших установление «аристократии способностей».

<sup>23</sup> Б э л (Баал) — один из главных богов в религиях древней Месопотамии. Впоследствии его отождествляли с главным богом Вавилона — Мардуком.

<sup>24</sup> «Люди равны между собой» — вероятно, Дезами имеет в виду статью третью «Декларации прав человека и гражданина» 1793 г., гласившую: «Все люди равны по природе и перед законом».

<sup>25</sup> См. «Exposition des droits de l'homme et du citoyen, par M. l'abbé Sieyès». Nouv. ed., 1790, стр. 11, 13. Ссылаясь на провозглашенный французской буржуазной революцией принцип равенства людей и на его обоснование Сиейсом, Дезами смешивает требование формально-юридического равенства с требованием равенства социального, которого Сиейс вовсе не имел в виду.

<sup>25</sup> Речь идет о Ж. Ж. Руссо, которому Дезами произвольно приписывает здесь совершенно чуждые ему коммунистические взгляды. С этим связана и свойственная Дезами идеализация в том же духе идейных учеников Руссо — якобинцев (см. примечание 135).

<sup>27</sup> Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре или начале политического права. М., 1906, стр. 41.

<sup>28</sup> Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Т. I, М., 1948, стр. 306 — 309.

<sup>29</sup> «Автор «Путешествия в Икарию», напечатанного в 1837 г.». Дезами ошибается: указанная книга Кабе впервые была издана в 1840 г.

<sup>30</sup> Гарпии — в греческой мифологии богини вихря, которым приписывалось похищение людей, пропавших без вести; впоследствии их представляли в виде крылатых чудовищ — птиц с женскими лицами. В сказаниях об аргонавтах они изображены как мучительницы слепого фракийского царя Финея, у

которого они похищали пищу или оскверняли, пачкали ее; в этом смысле Дезами сравнивает клеветников с гарпиями.

<sup>31</sup> Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ликург и Нума Помпилий. Все это рассуждение — одно из многочисленных проявлений в книге Дезами присущей ему идеализации социальных и политических порядков государств древней Греции, в частности Крита и Спарты. Эта идеализация, восходящая к традициям общественной мысли XVIII в., типична и для французских утопистов-ткоммунистов 40-х годов XIX в. (Дезами, Кабе и др.).

<sup>32</sup> Дезами совершенно не понимал классового, антагонистического характера социального строя Спарты. Дезами прошел мимо весьма пронизательного утверждения высоко почитаемого им Гельвеция, указывавшего на то, что свободная часть населения Лакедемона «могла быть счастливой лишь за счет другой, несвободной».

<sup>33</sup> Р е й н о Жан (1806 — 1863) — горный инженер, был последователем Сен-Симона, но, не разделяя некоторых взглядов его «школы», отделился от нее. «Новая энциклопедия» — издание, основанное в 1835 г. Рейно совместно с Пьером Леру (см. примечание 107); содержало расположенные в алфавитном порядке статьи исторического, политического и философского характера; завершено не было. Дезами воспроизвел данное здесь Рейно определение буржуазии и пролетариата на страницах «Альманаха общности», издававшегося им вместе с некоторыми другими коммунистами.

<sup>34</sup> Флора Т р и с т а н (1803 — 1844) — автор ряда книг о положении рабочего класса; горячо пропагандировала его объединение (особенно в работе «L'Union ouvrière»). Цитируемая Дезами книга ее «Прогулки по Лондону, или английская аристократия и английские пролетарии» появилась в 1840 г.

<sup>35</sup> «Жить работаю, или умереть сражаясь» — грозный боевой клич участников восстания лионских ткачей 21 ноября 1831 г., написанный на их знаменах.

<sup>36</sup> Корреджо Антонио Аллегри да (1494 — 1534) — один из крупнейших живописцев, представителей итальянского барокко. Давид Жак Луи (1748 — 1825) — выдающийся представитель так называемого «нового классицизма» во французской живописи.

<sup>37</sup> Сюлли — Максимилиан де Бетюн, барон де Рони, герцог Сюлли (1560 — 1641), сподвижник Генриха Наваррского во время религиозных войн; после воцарения его стал советником по вопросам внутренней и внешней политики; особое внимание уделял поднятию сельского хозяйства, о чем свидетельствует и данное его изречение.

<sup>38</sup> «...в условиях гармонии (читайте: общности)». Отождествление понятий «строй гармонии» (Фурье) и «строй общности» (Дезами) неточно; идеальное общество Фурье не является коммунистическим, так как в нем сохраняется доход от капитала.

<sup>39</sup> См. книгу Фурье «*Traite de l'association doraesque agricole*». Paris et Londres, 1822.

<sup>40</sup> «...чтобы закончить эти предательские укрепления». Речь идет об укреплениях вокруг Парижа, возводившихся правительством Тьера под предлогом защиты от внешней опасности. В написанной Дезами по этому поводу брошюре (см. биографический очерк) он разоблачал подлинную поэтическую цель этих планов и называл (как и многие другие оппозиционные писатели) возводившиеся сооружения «новыми Бастилиями».

<sup>41</sup> Этот отрывок представляет собой цитату из «Ответа на письмо за подписью М. В., адресованное народному трибуну Гракху Бабефу» (см. Ф. Буонарроти). Заговор во имя равенства. Т. II, стр. 229 — 230).

<sup>42</sup> Фурье предполагал, что в проектируемых им «фалангах» различные грязные работы будут выполняться особые группы, в частности дети, любящие возиться в грязи.

<sup>43</sup> Робер Макер — главное действующее лицо одноименной пьесы Бенжамена Антье и Фредерика Леметра (1834), тип циничного мошенника, чье имя

стало во Франции нарицательным для обозначения проходимца и бесчестного дельца. В работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс назвал короля Луи Филиппа, этого «короля банкиров», правивших тогда Францией, «Робером Макером на троне».

<sup>44</sup> «...эти Мондоры финансов». Мондор — имя реально существовавшей личности, которому Фурье придал символическое значение, назвав им богача, вероятно, потому, что по-французски оно звучит как «гора золота» (Mont dor).

<sup>45</sup> «... дух промышленного феодализма» — термин, обозначающий, по аналогии с прошлым господством феодальной аристократии, всевластие магнатов промышленного, торгового и денежного капитала. Термин этот взят Дезами у Фурье, чью критику торговли и воспроизводит в значительной степени данная глава.

<sup>46</sup> «...подлинные круги Попилия». По преданию, Гай Попилий Ленат, будучи в 168 г. до н. э. послан римским сенатом к сирийскому царю Антиоху IV Эпифану с целью принудить его прервать поход в Египет, застал его там и предъявил это требование в ультимативной форме; очертив вокруг него круг, он заявил: «здесь размышляй». В переносном смысле — поставить кого-нибудь в безвыходное положение, навязать крайне стеснительные условия.

<sup>47</sup> Договор Метуэна был заключен между Португалией и Англией в 1703 г. и назван так по имени подписавшего его со стороны Англии лорда Метуэна. Являясь дополнением к Лиссабонскому договору о так называемом «вечном союзе», направленном против Франции и Испании, договор Метуэна предоставил Англии право беспошлинного ввоза промышленных изделий (текстиль), что привело к экономическому и политическому подчинению Португалии Англии, сохранившемуся и впоследствии, несмотря на формальную отмену этого договора в 1836 г.

<sup>48</sup> J. P. Marat. Les chaines de lexclavage. Paris, 1833, 73—78. (Первое лондонское издание 1774 г., на англ. яз.).



<sup>49</sup> Кастэн, Эдм Самуэль, молодой врач, отравивший в 1822 г. при помощи ацетата морфия двух сыновей богатого нотариуса, чтобы унаследовать их состояние. Процесс Кастэна имел широкий резонанс; Кастэн был гильотинирован 6 декабря 1823 г.

<sup>50</sup> В 1521 г. предводитель испанских конкистадоров Фернандо Кортес, захватив в плен последнего мексиканского короля Гватимозина, подверг его пытке, стремясь узнать место, где были скрыты сокровища.

<sup>51</sup> «Трактат о домоводческо-сельскохозяйственной ассоциации» Фурье был опубликован в 1822 г. Признание Дезами о широком заимствовании из этого произведения подтверждает отмеченный выше факт значительного влияния на него идей Фурье.

<sup>52</sup> «...аристократическое большинство Учредительного собрания и даже Конвента». Это выражение следует понимать в переносном смысле, как означающее «аристократию богатств», так как в названных представительных органах периода французской буржуазной революции руководящую роль играли не бывшие дворяне, а буржуазия.

<sup>63</sup> «Le National» — газета, выходившая в Париже в 1830—1851 гг., орган умеренно-либеральной буржуазии. Боязнь народа, антидемократические взгляды дают Дезами основание сравнивать группировавшихся вокруг «National» представителей либерально-буржуазной оппозиции с жирондистами—умеренными буржуазными республиканцами XVIII в.

<sup>54</sup> «Читатель, отбрось свои предрасудки» и т.д. В данном случае перед нами пример характерного для Дезами литературного приема. Давая в сущности вольный пересказ отрывка из того или иного сочинения, он внешне оформляет его, как цитату. Соответствующее место в работе Руссо выглядит следующим образом: «О, человек! Из какой бы страны ни происходил ты, каковы бы ни были твои взгляды, внимли мне! Вот твоя история, прочитанная мной не в книгах, написанных тебе подобными, которые лживы, а в книге природы, которая никогда не

лжет. Все, что подсказано мне ею — истина» (Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства. Спб., 1907, стр. 28).

<sup>55</sup> Морелли, «Кодекс природы или истинный дух ее законов». М.—Л., 1947, стр. 45—46. Как и в других местах книги, Дезами практикует здесь свободное цитирование, приводя дословно одни положения, кратко излагая своими словами содержание других, опуская примеры и сравнения.

<sup>56</sup> Там же, стр. 54, 55.

<sup>57</sup> Там же, стр. 57 и сл.

<sup>58</sup> К. А. Гельвеций, «Об уме». Соцэкгиз. 1938, стр. 172.

<sup>59</sup> «...С иейесу чтобы стать в некотором роде рядом с Мирабо». Здесь, как и в некоторых других (частично уже отмеченных) местах книги, у Дезами наблюдается известная идеализация представителей буржуазной идеологии, обусловленная непониманием классовой сущности их мировоззрения.

<sup>60</sup> В шестой книге «Энеиды» повествуется о том, как Эней, узнав от прорицательницы Сибиллы Кумской, что только волшебная золотая ветвь открывает ему врата подземного царства, добывает эту ветвь и достигает с ее помощью цели. (Вергилий. Энеида. Пер. Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. М.—Л., 1933, стр. 162 — 164, 169 — 174). Однако мы не находим здесь никакого намека на то, что золотая ветвь — это аллегорическое изображение истины.

<sup>61</sup> Указанная брошюра Кабе издана в 1842 г.

<sup>62</sup> «Populaire» — журнал, основанный Кабе. В 1833—1835 гг. — ресубликанско-демократический орган, содержал нападки на Июльскую монархию и ее министров, за что Кабе и был привлечен к суду. Вернувшись из эмиграции в Англию, где в его взглядах произошел отчетливый перелом в сторону увлечения коммунистическими идеями, Кабе возобновил это издание в 1841 г. как еженедельник, и превратил его в главный орган пропаганды учения мирного, так называемого «икарийского», коммунизма.

<sup>63</sup> Necesse est philosophari, sed non paucis. Цитата приведена по памяти. В оригинале: «Neoptolemus quidem apud Ennium philosophari sibi ait necesse, sed

paucis; nam omnino baud placeres» («Неоптолем же у Энния говорит, что ему необходимо философствовать, но Для немногих, ибо всем не угодить»). См. М. Тилли Ciceronis Tusculanarum disputationum, lib. II. Cambridge, 1905, стр. 161. Речь идет об одной из трагедий древнеримского поэта Энния.

<sup>64</sup> К. А. Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр. 24.

<sup>65</sup> К. А. Гельвеций. Об уме, стр. 33.

<sup>66</sup> Эти слова Аристотеля, вероятно, взяты Дезами у Руссо, поместившего их в виде эпиграфа к своему сочинению «О происхождении и основаниях неравенства среди людей».

<sup>67</sup> Процесс Лафарж, приговоренной за отравление мужа к пожизненному тюремному заключению, происходил в 1841 г.

<sup>68</sup> Времена регентства — период правления во Франции герцога Филиппа Орлеанского (1715 — 1723), провозглашенного регентом ввиду того, что вступившему на престол Людовику XV (внуку Людовика XIV) было всего пять лет.

Сатурналии времен Директории. Совершив контрреволюционный переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.), крупная буржуазия создала ценовую, антидемократическую конституцию 1795 г. Во главе правительства была поставлена так называемая Исполнительная директория, правившая с ноября 1795 до ноября 1799 г. Торжествуя свою победу над революционно-демократической якобинской диктатурой и ее законами, ограничивавшими спекуляцию, новая, спекулятивная буржуазия демонстрировала нажитые за годы революции богатства, предаваясь циничному разврату, бешеной карточной игре и т.д.

<sup>69</sup> Морелли. Кодекс природы, стр. 102.

<sup>70</sup> Кайафа — в новозаветном предании так именуется первосвященник в Иерусалиме, наиболее яростно преследовавший мифического основателя христианской религии — Иисуса.

<sup>71</sup> Прийдя к власти после революции 1830 г. и столкнувшись с усиленным ростом рабочего и республиканско-демократического движения, французская крупная финансовая буржуазия пыталась бороться

с ним путем издания законов, направленных против политических обществ, рабочих ассоциаций, при помощи судебных процессов и т.д. Напуганные в особенности лионским и парижским восстаниями 1834 г., обнаружившими глубину классовых противоречий и рост организованности и сознательности пролетариата, правящие круги после покушения Фиески 28 июля 1835 г. на короля Луи Филиппа прибегли к новым репрессивным мерам. Это и был «Сентябрьский кодекс», упоминаемый Дезами. Сентябрьские законы давали правительству весьма широкие полномочия для борьбы с преступлениями против «государственной безопасности», устанавливали строжайший цензурный контроль над печатью, высокие штрафы за выступления в печати, направленные против правительства, и т.д.

<sup>72</sup> Стоики — последователи философского течения, получившего развитие в эпоху эллинизма и широко распространившегося в древнем Риме. Свое название получила от узорчатого портика («стоа») в Афинах, где происходили беседы и занятия стоиков. Основателем школы был Зенон (умер в 264 г. до н. э.). Призывая к нравственному самосовершенствованию, стоики принимали существовавший общественный строй, основанный на неравенстве, на эксплуатации рабов. Однако у некоторых представителей стоицизма (Сенека) мы находим идеализацию общности благ в естественном состоянии. Именно эти последние взгляды, очевидно, и имеет в виду Дезами; однако ни Зенон, ни Сенека не делали из этих положений практических выводов коммунистического характера.

Эпикурейцы — последователи философа-материалиста Эпикура (341—270 гг. до н. э.). Распространение христианства нанесло сильный удар этой материалистической школе.

Академия — школа учеников и последователей Платона (427—347 гг. до н. э.). Получила свое наименование от названия местности под Афинами, где с 386 г. в течение многих лет учил Платон.

Ессеи (или ессены) — секта, получившая распространение в Иудее в I в. н. э.; учение ее являлось религиозной формой идеологии социального протеста угнетенных народных масс и в этом смысле подготов-

ляло возникновение раннего христианства. Источники сообщают, что ессеи «имели все в общем владении».

<sup>73</sup> Идеализированная, восторженная характеристика у Дезами образов Платона и Сократа находится в явном противоречии с исторической действительностью.

<sup>74</sup> Речь идет о статье Руссо «Economie politique» в «Энциклопедии», издававшейся в середине XVIII в. Дидро, ДАламбером и др.

<sup>75</sup> (См. Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства. Спб., 1907, стр. 46, 76 и сл.).

<sup>76</sup> Если имеется в виду «Город Солнца», то это неточно. Так как Кампанелла, в сущности, вообще отрицает здесь индивидуальную семью и индивидуальный брак, то само понятие «требование свободы развода» не применимо для характеристики его представлений по данному вопросу.

<sup>77</sup> «О н о т в е р г а е т п о ж и з н е н н о с т ь б р а к а». Это не совсем точно. Допуская развод, Т. Мор пишет, что у жителей изображенной им «Утопии» он возможен лишь после тщательного рассмотрения дела. Это, равно как и ряд суровых законов против нарушителей супружеской верности, как раз имеет целью всемерно содействовать укреплению прочности брачных союзов. (См. Томас Мор. Утопия. М.—Л., 1947, стр. 165—168).

<sup>78</sup> Дезами имеет в виду мысли, развитие Гельвецием в его книге «О человеке» (1773), где проблемам воспитания уделено много внимания. Однако, ошибочно рассматривая Гельвеция, как «коммуниста», Дезами придает и его выводам по данному вопросу не свойственный им «радикальный» характер.

<sup>79</sup> Дезами умалчивает о том, что Морелли в тексте «законов брачных, долженствующих предупредить всякий разврат», подобно Мору, также предусматривает ряд мер, укрепляющих брак и семью. (Морелли. Кодекс природы, стр. 225—228).

<sup>80</sup> Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Т. I, стр. 377.

<sup>81</sup> Там же, стр. 384,

<sup>82</sup> Э. Кабе. Путешествие в Икарию. Т II стр. 305—306.

<sup>83</sup> Дезами имеет в виду три резко разграниченные группы населения в идеальной республике Платона: ученых — философов, воинов (стражей) и людей физического труда (земледельцы и ремесленники); только для философов, правящих этим государством, и для стражей Платон устанавливает режим общности.

<sup>84</sup> Во Франции развод, разрешенный законодательством буржуазной революции конца XVIII в. (законы 1792 и 1794 гг.), допускался с некоторыми ограничениями в годы Консульства и первой Империи и был запрещен при реставрации Бурбонов (1815 г.) и в годы Июльской монархии.

<sup>85</sup> «...в течение 600 лет, пока действовали законы Ликурга». В первой половине XIX в. Ликургу продолжали приписывать те социальные и политические установления, которые существовали в древней Спарте до Пелопоннесской войны (V в. до н. э.).

<sup>85</sup> Франсуа Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль». Пер. В. Пяста. Редакция, предисловие и примечания Б. А. Кржевского. Л., 1938, стр. 105.

<sup>87</sup> См. примечание 85.

<sup>88</sup> Дезами цитирует выступление Рабо де Сент-Этьенна в Конвенте 12 декабря 1792 г.

<sup>89</sup> Луи Мишель Лепелетье де Сент-Фаржо, с 1792 г. примыкавший к якобинцам и голосовавший за казнь Людовика XVI, был убит роялистами 20 января 1793 г. Начало характеристики Сен-Фаржо представляет собой цитату из книги Ф. Буонарроти; отсюда же взято и изложение самого его плана, частично дополненное Дезами. (См. Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Т. I, стр. 374—375, примечание). «Преступный закон о частной собственности», — имеется в виду Декларация прав и конституция 1793 г., окончательно принятые Конвентом 24 июня 1793 г.

<sup>90</sup> «Походная песнь («Chant de depart») была написана Жозефом Мари Шенье (1764—1811), драматургом и поэтом (братом Андре Шенье), и наряду с

созданной Руже де Лилем «Марсельезой» была весьма популярным, подлинно народным революционно-патриотическим гимном.

<sup>91</sup> Перечисляя здесь имена славных сподвижников Бабефа, активных участников коммунистического «Заговора равных», Дезами допускает неточность, относя и Сильвена Маршала К числу вандомских узников; Маршал арестован и судим не был.

<sup>92</sup> Начиная от слов: «Согласно взглядам повстанческого комитета», идет выдержка (с некоторыми сокращениями) из книги Буонарроти «Заговор во имя равенства» (т. I, стр. 374—380, 384—385).

<sup>93</sup> Выбранные Дезами конкретные примеры многосторонних дарований античных деятелей не всегда наиболее типичны.

Перикл (ок. 490—429 г. до н. э.), выдающийся государственный деятель древних Афин, — энергично содействуя развитию наук и искусств, сам не проявил творческой одаренности в них.

Алкивиад (ок. 451—404 г. до н. э.) — афинский политический деятель, дипломат и полководец.

Ксенофонт (ок. 430—355 г. до н. э.) — древнегреческий историк.

Цицерон Марк Туллий (106 г. до н. э. — 43 г. н. э.) — римский политический деятель и выдающийся оратор, автор ряда сочинений по теории красноречия. Философские сочинения его не оригинальны, представляют собой популяризацию взглядов мыслителей древней Греции.

Саллюстий Крисп Гай (86—34 г. до н. э.) — римский политический деятель и историк.

«Стоик Регул» — Марк Атилий Регул, римский консул. Во время II Пунической войны потерпел поражение и попал в плен. По преданию, был послан карфагенянами вместе с их представителями в Рим для ведения переговоров о мире, причем дал слово вернуться, если мир не будет заключен. Однако Регул резко выступил в сенате против мира с Карфагеном. Мир не был заключен, и Регул не вняв уговорам близких, соблюдая данное им слово, вернулся в Карфаген, где и был предан мучительной казни.

Квинций Цинциннат — римский консул 460 г. до н. э. По преданию, в 458 г., когда он был избран диктатором, посланцы сената застали его за обработкой поля. Одержав победу на эквами и самнитами, вновь вернулся в деревню.

Курий Дентат — полководец, одержавший победу над самнитами. По преданию, после завоевания Самнии взял себе участок земли, не превышавший по размеру участка бедного крестьянина, и сам обрабатывал его.

<sup>94</sup> Предложение Дезами об искусственном создании «всемирного» языка противоречит действительным законам развития национальных языков.

«На все человечество». Эти слова добавлены Дезами.

<sup>96</sup> Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Т. I, стр. 346—348.

<sup>97</sup> «Допускаю, если хотите, — говорит Фурье, — что римские легионы, уничтожая триста тысяч кимров в Сен-Реми, покрывают себя славой». Эта цитата, как и последующие, взята из произведения Фурье «Трактат о домоводческо-земледельческой организации». Повидимому, Фурье имеет в виду победу римлян под начальством Мариа в 102 г. в битве при Аквах Секстиевых. Но битва эта произошла не у Сен-Реми, а у нынешнего города Э (Aix).

<sup>98</sup> Искусственное озеро, вырытое в древнем Египте на возвышенном плато на правом берегу Нила для ирригационных целей. Подобно египетским пирамидам — символ подневольного труда народа.

<sup>89</sup> При переводе опущена глава XII (стр. 163—170 оригинала), озаглавленная «Восстановление климата». Она представляет собой, на что указывает и сам Дезами, ряд буквальных выдержек из книги Фурье «Трактат о домоводческо-сельскохозяйственной ассоциации» (1822). Для понимания социальной философии Дезами эти выдержки не имеют существенного значения.

<sup>100</sup> В настоящее время установлен следующий средний состав воздуха: азота — 78% (по объему), кислорода — 21%, углекислого газа, инертных газов

(гелий, аргон, неон, криптон и др.), озона, водорода - 1%.

<sup>101</sup> Установить, какого автора имеет в виду Дезами, не удалось.

<sup>102</sup> Э. Кабе. Путешествие в Икарию. Т. 1, стр. 275.

"Одиннадцатый и двенадцатый округа — демократические районы Парижа; Шоссе Дантен и Сен-Жерменское предместье — в прошлом кварталы родовых особняков, дворцов (так называемых отелей) старинной дворянской аристократии.

<sup>104</sup> Отель-Дье (Hotel Dieu) — название описываемой здесь главной больницы Парижа.

<sup>105</sup> «...помещают в больнице родильную палату». Дезами не совсем точно излагает соответствующее место книги Кабе, так как там речь идет не о палате, а об отдельном здании для рожениц (см. Э. Кабе. Путешествие в Икарию. Т. 1, стр. 291).

<sup>106</sup> «Нашему веку, создавшему физиологию мозга, френологию». Дезами совершает явную ошибку, называя наряду с физиологией мозга псевдонаучную френологию, — выдвинутую немецким медиком Галлем (1758—1828) теорию о связи между психической деятельностью человека и животными и особенностями наружной формы их черепа.

<sup>107</sup> Виллерме Луи Рене (1782—1863) — французский медик и статистик, член Медицинской академии и Академии моральных и политических знаний. Имеются в виду, очевидно, выводы из его книги «Картина физического и морального состояния рабочих на фабриках по обработке хлопка, льна и шелка», вышедшей в 1840 г.

<sup>108</sup> «божественный Икар». Кабе приписывает установление строя общности имуществ «лучшему из людей» — Икару; его именуют «скорее богом, чем человеком». У Дезами эпитет «божественный» (divine), несомненно, звучит иронически.

<sup>109</sup> «...установленной утварью». Кабе пишет, что в домах жителей Икарии меблировка была из-

готовлена согласно результатам конкурса на лучший образец; каждой семье вручалась книга, содержащая список и изображение предметов этой «законной движимости» (mobiiier legal). См. Кабе. Путешествие в Икарию. Т. 1, стр. 208.

<sup>110</sup> Имеется в виду обычай древних египтян мушфицировать умерших.

<sup>111</sup> «...искусство Ганналя». Ганналь Жан Никола (1791—1852) — французский химик, автор метода балъзамирования путем инъекций.

<sup>112</sup> Nee plus ultra (лат.) — Самый лучший, непревзойденный.

<sup>113</sup> Дюма Жан Батист Андре (1800—1884) — известный французский химик.

<sup>114</sup> «Этна», «Медора», «Тритон» — названия пароходов.

<sup>115</sup> «...муки, не известные самому Данте». Данте Алигieri (1265—1321), величайший поэт Италии, в первой части своей «Божественной комедии» изобразил ад, на девяти ступенях (кругах) которого души осужденных грешников подвергаются различным жестоким мучениям.

<sup>116</sup> «...память о бедствиях, разрушивших республику Гаити». Имеется в виду огромной силы землетрясение.

<sup>117</sup> Эол — повелитель ветров в древнегреческой мифологии. Аквилон и Борей — названия северных холодных ветров. Зефир — дующий весной западный ветер, приносящий в Грецию дожди, а в западные страны тепло. В этом общепринятом смысле Дезами его и противопоставляет первым двум.

<sup>118</sup> Отдавая должное пронизательности суждений Дезами о преобразующей силе коммунистического общества, об огромной власти его над природой, мы не можем не отметить при этом некоторых его преувеличений, например в изложенных здесь мыслях о борьбе с землетрясением.

<sup>119</sup> «...гению Франклина удалось обуздать и приручить небесные огни». Веньямин Франклин (1706—1790) — американский ученый и политический деятель; совершая опыты с аг-

мосферным электричеством, изобрел громоотвод и электрический змей.

<sup>120</sup> Формулировка первой части этого вопроса непосредственно восходит к теме, выдвинутой академией г. Дижона в 1749 г. и разработанной Ж. Ж. Руссо в его сочинении «О происхождении неравенства».

<sup>121</sup> Назарей, или Назорей, — имя, данное в евангелии Иисусу и связываемое некоторыми исследователями с названием галилейского городка Назарета.

<sup>122</sup> Бэкон Френсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма и опытных наук нового времени.

<sup>123</sup> Об идеализации Дезами общественного строя древней Спарты см. выше — примечание 32. Он заблуждался также и в даваемой им высокой оценке духовной и материальной культуры Спарты.

<sup>124</sup> Сочинения Плутарха и Ксенофонта являлись, повидому, основными, а главное — непосредственными источниками сведений дезами об истории Спарты. Мы не видим ни малейших следов его знакомства с работами историков античности, писавших в XVIII и первой половине XIX в.

<sup>125</sup> Этот аргумент Дезами не выдерживает критики. Засвидетельствованная источниками любовь жителей Лакедемона к предельно сжатым, кратким выражениям (отсюда «лаконичный язык»), которая могла вызвать известное стремление к подражанию со стороны Александра Великого или Цезаря, а в какой-то степени и со стороны Фридриха II или Наполеона I, — отнюдь не является показателем некоего особого, прогрессивного характера культуры Лакедемона; скорее всего она объясняется особенностями военизованного быта, соответствующим характером воспитания и т.д.

<sup>126</sup> См. примечание 124.

<sup>127</sup> Приводимые Дезами примеры во многом спорны и отнюдь не доказывают выдвинутых им положений: Наполеон Бонапарт не отличался красноречием, «ученость» Фридриха II весьма сомнительна.

Кассий — сенатор Гай Кассий Лонгин, участник республиканского заговора против Цезаря, вместе

с Брутом покончивший с собой в 42 г. до н. э., после поражения их армии на Востоке.

Сципион — судя по контексту, Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский младший, консул 147, 134 гг. до н. э., — полководец римлян во время III Пунической войны (149—146 гг.), поклонник эллинской культуры и философии стоиков.

<sup>128</sup> В XVIII песне «Илиады» описывается изготовление Гефестом для Ахилла щита с изображенными (выгравированными) на нем сценами из городской, сельской и военной жизни древних греков. Содержащееся в ней описание этих сцен служит ценным источником исторических сведений об этой эпохе (см. Гомер. Илиада Пер. В. Вересаева. М.—Л., 1949, стр. 407—411).

<sup>129</sup> Даваемое Дезами объяснение причин успехов и поражений римлян, будучи чисто идеалистическим, не имеет ничего общего с исторической действительностью.

<sup>130</sup> Утверждение Дезами свидетельствует о полном незнании истории России и ее действительной роли в истории народов Европы. Дезами, видимо, здесь некритически следует за невежественными и в большинстве случаев клеветническими изображениями и оценками, распространенными в его время в странах Западной Европы.

<sup>131</sup> Это утверждение является результатом влияния широко распространенной в первой половине XIX в. литературы, исходившей из среды колонизаторов и стремившейся всячески принизить моральные качества и уровень культурного развития угнетаемых ими народов. Народы Индии никогда не прекращали своей борьбы против английского колониального ига, освобождения от которого они добились в наши дни.

<sup>132</sup> Заключительная часть абзаца свидетельствует о совершенно превратных представлениях Дезами об истории и современном ему положении Китая, Турции и Персии (Ирана). См. примечания 130 и 131.

<sup>133</sup> Сопоставление Тиртея и Руже де Лиля совершенно неправомерно. Гимны Тиртея не могут быть названы «республиканскими» в том смысле, какой им придает Дезами, так как им совершенно чужд вопло-

щенный в «Марсельезе» пафос справедливой революционной войны.

<sup>134</sup> Рост новой идеологии несомненно сыграл чрезвычайно важную роль в подготовке французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Но Дезами чуждо понимание значения экономических причин обусловивших как эту революцию, так и подготовившую ее идеологию.

<sup>135</sup> Дезами не видит классового, буржуазного характера революции 1789—1794 гг. и ошибочно объясняет ее «неудачу» нерешительностью и неразумием законодателей, не сумевших установить режим равенства. В этом объяснении он явно следует за бабувистами, считавшими, что Робеспьер и его товарищи «стремились к равному распределению обязанностей и благ», искренно верившими, что Робеспьер и якобинцы разделяли их коммунистический идеал (см. Ф. Буонарроти. Заговор ЕО имя равенства. М., 1948. Т. I, стр. 158—160; т. II, стр. 227).

<sup>136</sup> В тексте не совсем точно передан смысл этого изречения. Si vis pacem, para bellum (лат.) буквально означает: «если хочешь мира, готовь войну» (а не «будь готов к войне», как переводит Дезами).

<sup>137</sup> «...достоинного Базилей и Эскобаров». Базиль — вероятно, дон Базиль — персонаж комедии Бомарше «Севильский цирюльник» — имя его стало нарицательным для обозначения лицемера и клеветника.

Эскобар — Антонио Эскобар-и-Мендоса (1589—1669), испанский иезуит, отстаивавший положение, что чистота намерений оправдывает средства. Принцип «цель оправдывает средства» был призван «оправдать преступные методы, к которым прибегал орден иезуитов, являвшийся орудием католической реакции.

<sup>138</sup> «L'Humanitaire» — журнал, вышедший в Париже в 1841 г. Издавался рядом деятелей тайных коммунистических обществ: Шараве, Фамбертоя Др.; возможно участвовал в нем и Дезами.

<sup>139</sup> Фонтенель Бернар Ле Бовье (1657—1757) — французский поэт, драматург, философ, один из наиболее видных представителей старшего поколе-

ния просветителей. Его произведения часто цитирует высоко ценимый Дезами Гельвеций.

<sup>140</sup> Намек на так называемый шестой подвиг Геркулеса (Геракла), состоявший в очищении от навоза скотного двора царя Авгия («авгиевы конюшни»).

<sup>141</sup> Арка Звезды — так называемая Триумфальная арка в Париже на площади Звезды (place d'Etoile), от которой звездобразно расходятся 12 широких улиц. По распоряжению Наполеона I, постройка этой арки была начата в 1806 г., после сражения при Аустерлице, в ознаменование его побед; прервана в 1814 г. и завершена в 1836 г. Хотя в ее барельефах и скульптурах отражены некоторые моменты из истории войн революционной Франции, в целом посвящена прославлению войн Наполеона.

Колонна Росбаха была воздвигнута Фридрихом II в ознаменование победы над французской армией 5 ноября 1757 г. в сражении при деревне Росбах, вблизи Мерзебурга. Была уничтожена Наполеоном I в 1806 г. после его победы над Пруссией.

В 1699 г. на Вандомской площади в Париже была установлена статуя Людовика XIV. разрушенная народом 10 августа 1792 г.; в 1806—1810 гг. здесь была сооружена колонна (названная Вандомской), увенчанная затем статуей Наполеона I. Колонна эта была уничтожена по декрету Парижской коммуны от 12 апреля 1871 г. как символ милитаризма и ложной славы.

<sup>142</sup> Пуссен Никола (1594—1665) — французский художник.

Мурильо Бартоломео Эстебан (1617—1682) — испанский художник.

Веронезе Паоло (1528—1588) — итальянский художник.

«Над его челом я вижу светящийся ореол великой революции». Повидимому, речь идет о картине Тициана «Христос в терновом венце». Слова эти свидетельствуют о глубоко противоречивом отношении Дезами к христианству и о влиянии на него присущей многим утопистам начала XIX в.

тенденции к истолкованию моральной проповеди Христа в коммунистическом духе.

<sup>143</sup> «Э тот живой мрамор — портрет Спартака». Речь идет о статуе работы скульптора Фуатье. Гипсовая ее модель впервые была выставлена в Салоне в 1827 г. и привлекла к себе внимание революционным содержанием образа.

<sup>144</sup> См. Ж. Ж. Руссо, «О влиянии наук на нравы». СПб., 1908, стр. 54. Здесь в качестве «наставников рода человеческого», которые не имели, да и не могли иметь сами учителей, названы Бэкон, Декарт и Ньютон. Имена Лейбница и Беккариа не упоминаются.

Беккариа Чезаре (1738—1794)—итальянский ученый, криминалист, буржуазный просветитель, автор известного труда «О преступлениях и наказаниях» (1769), имевшего значительное влияние за пределами Италии.

Называя Лейбница, Ньютона, Бэкона и Беккариа «великими космополитами», Дезами подчеркивает этим широту, размах научного творчества этих «истинных ученых», подымавшегося над национальными границами и приобретавшего международный характер и значение. Понятие «космополитизма» у Дезами не имеет ничего общего с буржуазным космополитизмом нашего времени.

<sup>145</sup> См. Ж. Ж. Руссо. «О причинах неравенства». СПб., 1907, стр. 45—47. 141—148.

Локк Джон (1632—1704) — английский философ, продолжатель материалистической линии Ф. Бэкона, рассматривал познание как результат воздействия материальных предметов на органы чувств человека (сенсуализм). Материалистические элементы этого учения развили Гельвеций и другие французские философы XVIII в.

Кондильяк Этьенн Бонно (1715—1780) — французский философ-сенсуалист, давший наиболее последовательное развитие учения Локка.

<sup>146</sup> Ж. Ж. Руссо, «Эмиль, или о воспитании». М., 1896, стр. 122.

<sup>147</sup> Леру Пьер (1797—1871) — французский социалист-утопист, сначала последователь Сен-Симона,

отделившийся затем от его школы и пытавшийся создать собственную систему, страдавшую непоследовательностью, противоречивостью, проникнутую религиозным духом.

<sup>148</sup> См. Ж. Ж. Руссо, «О причинах неравенства». СПб., 1907, стр. 1.

<sup>149</sup> «И известно, какую огромную пользу они извлекли из политической централизации». Односторонне подчеркивая этот момент в административном переустройстве Франции в период буржуазной революции 1789—1794 гг., Дезами игнорирует огромное значение местного выборного самоуправления, особенно в период широко опиравшейся на него революционно-демократической якобинской диктатуры.

<sup>150</sup> «...пуританской части Конвента» (partie pouritaine). Под этим наименованием, взятым из истории английской революции XVII в. (пуритане), Дезами подразумевает партию, стоявшую на самых решительных позициях, наиболее смело борющуюся за «очищение» (pur — чистый) Франции от феодальных порядков, т.е. партию монтаньяров во главе с Робеспьером (в более широком смысле — якобинцев).

<sup>151</sup> См. примечание 135.

<sup>152</sup> Намек на разделение граждан по избирательному закону 1791 г., на основании которого право избирать и быть выбранным предоставлялось лишь «активным» гражданам, обладавшим определенным имущественным цензом.

<sup>153</sup> Легитимист — сторонник восстановления неограниченной власти старой, так называемой «законной» (legitime — отсюда и само название), династии, т.е. Бурбонов, равно как и всех сословных привилегий дворянства и духовенства.

Доктринер — прозвище, которое дали легитимисты представителям партии конституционно-монархической буржуазии. Эта партия, возглавлявшаяся Ройе-Колларом, стояла за ограничение власти короля, выступала против дворянских привилегий, но решительно возражала против предоставления политических прав



народным массам, против идеи демократической республики.

Реформист — представитель тех групп либеральной буржуазии, которые выдвигали (после 1830 г.) требование некоторых демократических реформ, в первую очередь — расширения избирательного права.

<sup>164</sup> 28 декабря 800 г. папа Лев III в благодарность за помощь в восстановлении его власти, оказанную ему Карлом Великим, возложил на него в Риме императорскую корону. В 1804 г. папа Пий VII вынужден был явиться в Париж для коронации Наполеона Бонапарта, провозглашенного императором 18 мая 1804 г. Завоевав Италию и уничтожив возникшие там республики, Наполеон превратил ее в королевство, «железную» корону которого («ломбардскую») возложил на себя в Милане.

<sup>155</sup> Царство Сатурна, римского божества, аналогичного греческому Кроносу (отцу Зевса), — миф, отражающий представление древних греков и римлян о «золотом веке», когда человек будто бы не знал ни собственности, ни законов, ни власти, ни господ, ни рабов.

«Природа ведь создала человека только для того, чтобы давать и брать в долг», — см. Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Л., 1938, стр. 220). Приведенный отрывок, как и взятое в целом мировоззрение Рабле не дают оснований для утверждений Дезами. Представления Рабле не идут дальше чисто гуманистической мечты о гармонии человеческих отношений и совершенно не затрагивают социальных вопросов.

<sup>156</sup> Палладиум — в древнегреческой мифологии вырезанная Афиной из дерева статуя, изображавшая убитую ею по неосторожности дочь Тритона, Палладу; была сброшена Зевсом при основании Трои, как залог ее благополучия. Имеются и другие толкования. Здесь — в переносном смысле — талисман, залог сохранности.

<sup>157</sup> Военные доспехи; у римлян — наиболее важная часть военной добычи; как символ победы, трофеи вешивались на особом столбе.

<sup>158</sup> Не совсем точное напоминание о греческом мифе, согласно которому Афина велела Кадму посеять зубы убитого им дракона; из них выросли воины, которые, вступив в борьбу, почти все уничтожили друг друга.

<sup>159</sup> См. примечание 135.

<sup>160</sup> См. Ж. Ж. Руссо, «Об общественном договоре». М., 1938, стр. 146.

<sup>162</sup> «Сам Бонапарт был бесконечно более демократом, чем г. Ледрю-Роллен». Демократизм был абсолютно чужд Наполеону; перед нами проявление политической и социальной демагогии, составляющей характерную черту бонапартизма.

<sup>163</sup> Helvetius, «De l'homme, de ses facultes intellectuelles et de son education. Paris». 1793.

<sup>164</sup> «...с платформы Гастингса» — с высоты платформы, с которой в Лондоне в первой половине XIX в. обычно выступал кандидат в члены парламента. Эта платформа находилась на месте, старинное название которого Husting, чаще — Hustings.

<sup>165</sup> Барт Феликс (1795—1863) — в молодости был активным участником организации карбонариев, противником режима Реставрации, участником революции 1830 г.; впоследствии отказался от своих либеральных убеждений и, занимая ряд крупных государственных постов, проявил себя как яркий реакционер. Будучи министром юстиции, преследовал участников республиканского движения.

Мерилу Жозеф (1788—1856) — известный адвокат, защищавший противников режима Реставрации. После революции 1830 г. — генеральный секретарь министерства юстиции, министр просвещения и культов; участвовал в проведении ряда буржуазных реформ.

Тьер Адольф (1797—1877) — государственный деятель, историк, по профессии адвокат. В последние годы режима Реставрации стал одним из руководителей либерально-буржуазной оппозиции; в годы Июльской монархии (1830—1848) превратился в ярого реакционера. Занимая министерские посты и возглавляя в 1836 и 1840 гг. правительство, стал душителем ре-

волюционного рабочего и республиканского движения. Избранный в феврале 1871 г. главой исполнительной власти, стал палачом Парижской коммуны 1871 г.

Барро Одилон (1791—1873)—адвокат, политический деятель; в годы Июльской монархии возглавлял либерально-буржуазную, так называемую «династическую» оппозицию, в интересах промышленной буржуазии выступавшую против всевластия финансовой аристократии, но не требовавшую политических прав для народных масс.

Лерминье Жан Луи (1803—1857) — французский буржуазный правовед и публицист, также начавший свой путь с либеральных увлечений, с сотрудничества в сен-симонистском журнале и т.д.

Ламенне Фелисите Робер де (1782—1854) — французский католический публицист и философ, один из главных проповедников идей «христианского социализма», изложенных в его книге «Слова верующего» (1834). В начале 40-х годов — один из наиболее яростных противников коммунистических идей (см. биографический очерк).

<sup>166</sup> Ледрю - Роллен Александр Огюст (1808—1874)—наиболее типичный из идеологических представителей французской демократической мелкой буржуазии первой половины XIX в., адвокат по профессии; приобрел популярность своими выступлениями на процессах политических противников Июльской монархии. Выступая перед избирателями г. Мана в 1841 г., развернул ширококвотельную программу улучшения экономического положения масс, увеличения заработной платы, пересмотра налогов и т.д. Эти «радикальные» требования были, однако, чисто демагогическими. Попав в палату депутатов и представляя здесь республиканскую оппозицию, он и не подумал поднимать все эти вопросы, что справедливо и подчеркивает Дезами.

После революции 1848 г. Ледрю-Роллен был избран во временное правительство и, ставши министром внутренних дел, вел политику, враждебную рабочему классу; принимал активное участие в подавлении июньского восстания 1848 г.

В Бурбоиском дворце помещалась палата депутатов.

Quantum mutatus ab illo (лат.)—но насколько он изменился.

<sup>167</sup> Ad hoc (лат.) — специально по данному поводу.

<sup>168</sup> «Они будут развиты в специальном труде». Эта мысль Дезами не была осуществлена.

<sup>169</sup> «...мир... можно принять за разумную машину». Это утверждение служит яркой иллюстрацией теснейшей внутренней связи философских взглядов Дезами со взглядами французских материалистов XVIII в.

<sup>170</sup> См. примечание 169.

<sup>171</sup> «Закон расположения», о котором говорит Дезами, является мнимым. Стремление обнаружить «универсальные» законы, управляющие как развитием природы, так и развитием человеческого общества, научно неправомерно.

<sup>172</sup> «...сознание, мышление, воля, ум, так же, как явления жизни, суть не что иное, как гармоничная игра органов». Ограниченный уровнем развития естествознания своего времени, Дезами не мог приблизиться к пониманию особого характера высшей нервной деятельности человека. Стремясь дать последним материалистическое объяснение, он фактически стирает коренное качественное отличие между процессами мышления и физиологическими процессами.

<sup>173</sup> Орифламма — знамя.

<sup>174</sup> «...Человек не в меньшей степени продукт своей организации, чем своей физической и моральной среды». Эта мысль, повидимому, унаследована Дезами от философов-материалистов XVIII в.

<sup>175</sup> «Всемирный строй общности — единственная разумная религия». Отвергая веру в потустороннюю жизнь и «потустороннее существо», т.е. в бога, Дезами выступает как атеист, но вместе с тем, подобно Сен-Симону (возможно, под его влиянием), склонен сохранить наименование религии для своей морали и политики общности.

Идеализация проповеди раннего христианства присуща почти всем утопическим теориям начала XIX в. как социалистическим, так и коммунистическим.

<sup>177</sup> Зороастр — греческая форма имени мифического пророка Заратустры, которому предание приписывает основание религии зороастризма, распространенной среди древних народов Персии и Средней Азии. Такие черты этой религии, как учение о конце мира, о загробной жизни, о воскресении мертвых, о грядущем спасителе, рожденном девой, и последнем суде, оказали влияние на иудаизм и христианство.

<sup>178</sup> Ссылка Дедами на некоторых древнегреческих мыслителей как на «материалистов» не во всем точна.

Пифагор (ок. 571—497 г. до н. э.) допускал существование нематериальной субстанции (душа), скованной телом. Учение пифагорейцев вело к идеализму и мистике.

Нет достаточных оснований включать в этот ряд и Аристотеля (384—322 г. до н. э.). Несмотря на то, что Аристотель резко критиковал идеализм Платона, сам он занимал колеблющуюся позицию в борьбе материализма с идеализмом.

Асклепиад — скорее всего имеется в виду врач родом из Вифинии, живший в I в. до н. э. в Греции и Риме, где основал школу, противник методов Гиппократа. Для обоснования методов медицины применял корпускулярную (атомистическую) теорию Эпикура.

Гален Клавдий — живший во II в. н. э. знаменитый врач древности; получив философское образование под руководством последователей Аристотеля и по своим взглядам не был материалистом.

Не может не вызывать возражения утверждение Дедами, будто бы отрицание «нематериальных субстанций» не является идеей «антихристианской». Совершенно абсурдно предположение Дедами о том, что апостолу Павлу были свойственны материалистические идеи. Повидимому, из соображений пропагандистского характера Дедами стремился опереться на такого рода авторитеты, которые вызвали бы доверие к материалистическим выводам его книги не только со стороны, вероятно, весьма узкого круга читателей-атеистов, но и со

стороны тех, кто еще не освободился от влияния религии.

Гностицизм — религиозно-философское течение II в. н. э., одним из центров которого была Александрия (Египет). Объяснение его названия дано неверно: у последователей этого течения понятие «гносис» (по-гречески — знание, познание) обозначало проникновение во внутреннюю связь религиозных идей. Для взглядов гностиков типично переплетение элементов древних восточных религиозных систем, христианской теологии с неоплатонизмом и пифагорейством. Ссылка на них основана на явно ошибочном представлении Дедами об их взглядах.

<sup>179</sup> «Святой Иероним». Под этим именем был канонизирован («причислен к лику святых») Евсевий Иероним Софроний, живший в IV в., автор перевода Библии на латинский язык (так называемая вульгата), ряда толкований к Евангелию и полемических сочинений.

Праксей — живший во II в. н. э. церковно-служитель, обвиненный современниками в ереси.

<sup>180</sup> См. Томас Гоббс, «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Гл. 12. О религии. Соцэкгиз, 1936, стр. 102—113.

<sup>181</sup> Ex professo (лат.) — со знанием дела, в качестве специалиста-профессионала.

<sup>182</sup> Морелли, «Кодекс природы». М. — Л., 1947, стр. 99—100.

<sup>183</sup> Дедами как материалист стоит на позициях детерминизма, т. е. учения о закономерной связи всех явлений и их причинной обусловленности, и в силу этого отвергает идеалистическое учение о свободе воли.

Паскаль Блэз (1623—1662) — французский математик, физик и философ. Взгляды его на так называемую свободу воли выражены в направленных против иезуитов «Письмах к провинциалу» и в «Мыслях о религии».

Лейбниц Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист и математик. Противоречи-

вые по своей сущности, взгляды его по данному вопросу приближаются к материализму.

Боссюэ Жак (1627—1704)—французский католический проповедник, богослов; предпринял опыт изложения всемирной истории с точки зрения католицизма.

Попытка Дезами отождествить присущий христианскому учению фатализм с материалистическим детерминизмом основана на произвольном толковании текстов, а иногда и на их искажении.

Стремясь доказать, что «новая истина» не обязательно должна основываться на исторической традиции, Дезами, прибегая к совершенно ошибочной аналогии, отрицает наличие такого рода традиции, преемственности в науке, в истории выдающихся открытий и т. г.

Речь идет об одной из ранних форм таблицы умножения, приписывавшейся Пифагору.

Шварц Бертольд — францисканский Монах, один из первых на Западе изобретателей пороха и огнестрельного оружия (ок. 1313 г.), заложил до этого известного Р в Китае (как и упоминаемый тут же компас).

«Новый Свет» — Америка.

Гутенберг Иоанн (1400—1468)—первый на Западе изобретатель книгопечатания при Помощи наборного шрифта (книгопечатание в несколько ином виде было известно в Китае в XI в.о).

Вокансон — см. примечание 115.

Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий врач.

Утверждая на предыдущих страницах, что новая истина не обязана иметь своей истории, традиции, Дезами здесь доказывает, что отстаиваемая им истина — превосходство коммунистического строя — все же имеет таковую. Желая, видимо, расширить число своих предшественников и исторических прецедентов Дезами включает в их список имена и факты, не имеющие к истории коммунизма никакого отношения (напр. спартанских царей Агиса и Клеомена, критского царя Миноса, Сократа, Эпикура, Зенона, Плутарха и др.). Впрочем, представление о некоторых из упоминаемых Дезами мыслителей (напр. о Пифагоре

об Аполлонии Тианском) как о коммунистах было в начале XIX в. распространено довольно широко. Дезами мог знать, например, произведения одного из участников заговора Бабефа — Сильвена Марешаля. В одном из этих произведений С. Марешаль вкладывает в уста Пифагора свои идеи общности. Совершенно неуместны в этом списке «основатели» различных религий — Зороастр и Моисей и такие «отцы» христианской церкви, как Фома Аквинский (1225—1274)—главный представитель средневекового католического богословия и схоластики, Василий (329—379) — устроитель монашеских орденов, Августин (350—430) — автор сочинения «О государстве божьем», один из главных авторитетов католической церкви. Никакого отношения к коммунизму не имеют аббат Флери (1640—1723), богослов и историк церкви, Локк (см. примечание), Гаррингтон Джемс (1611—1677), чья утопия «Океания» исходит из признания неизбежности частной собственности, Фонтенель, Гельвейций, Ж. Ж. Руссо и Фенелон, автор «Приключения Телемака» (1699), критикующий дух буржуазного приобретательства и эгоизма с феодальных позиций. Гораздо ближе к исторической истине стоит Дезами, приводя примеры из истории социальных движений крестьянских и плебейских масс, которые в эпоху средних веков, принимая обычную форму т. н. религиозных ересей, с большей или меньшей решительностью выступали против частной собственности.

Коммуниканты — одна из анабаптистских сект XVI в., осуждавшая индивидуальную семью, проповедовавшая общность жен и детей (отсюда название: *communicare* (латин.) — сообщаться).

Николаиты — одна из первых ересей в христианстве, сведения о ней крайне скудны и недостоверны. Названа по имени Николая — одного из т. н. первых семи диаконов. Противники обвиняли ее в безнравственности, в проповеди общности жен.

Моравские братья — анабаптисты, поселившиеся после начала гонений на них в Моравии и образовавшие там замкнутые общины. Моравские братья осуждали имущественное неравенство и господствующую

щие в окружающем их обществе социально-политические порядки.

Ессеи или ессены — см. примечание 73.

Анабаптисты (перекрещенцы) — ересь XVI в. Возникла в Германии перед Крестьянской войной 1525 г. Ересь нашла свое распространение в Нидерландах и Швейцарии. Революционно настроенная часть анабаптистов участвовала в Крестьянской войне, а после подавления ее возглавила восстание в Мюнстере (1534—1535) (Мюнстерская коммуна).

Виклефиты, или лолларды, Виклеф Джон (1320—1384) — виднейший представитель буржуазной реформации в Англии, выступал против ряда догматов и обрядов католической церкви; виклефиты, или лолларды, — его последователи из низшего духовенства, проповедь которых приняла гораздо более радикальный антифеодальный характер и содержала в себе нападки на социальное неравенство.

Гуситы — участники массового религиозного и национально-освободительного движения в Чехии в первой половине XV в.; движение было отмечено в то же время социальными чертами крестьянской войны. Названо по имени Яна Гуса (1369—1415),

ния. Из неоднородного по социальному составу лагеря гуситов осуждало частную собственность лишь его левое крыло.

Альбигойцы — ересь, распространившаяся в XII—XIII в. в южной Франции (названа по г. Альби, одному из центров движения). Критика частной собственности была чужда альбигойцам, поэтому ссылка на нее Дезами основана на недостаточном знакомстве с фактами.

Вальденсы — приверженцы ереси, возникшей в конце XII и распространившейся в XIII в. в Южной Франции и Северной Италии, позже в Германии и Чехии. Названа по имени лионского купца Пьера Вальда, раздавшего свое имущество и основавшего общину, члены которой отказывались от личной собственности и от семьи.

Квакеры. Включение их в этот список являет-

ся явной ошибкой. Протестантская секта, возникшая в Англии в период буржуазной революции XVII в. Выступая против роскоши, церковной десятины и т.д., квакеры не проповедовали общности имущества.

«Комментарии Цезаря» — его «Записки о Гальской войне». Ссылка на порядки общинно-первобытного строя у древних германцев встречается не только у Дезами, но и у представителей утопической коммунистической теории XVIII в. (Морелли).

Некритическим повторением глубоко ошибочных представлений, усиленно распространявшихся католической пропагандой в XVIII в. и в начале XIX в., является утверждение Дезами о «коммунистических» порядках, якобы установленных иезуитами в их владениях в Парагвае.

В противоречии с историческими фактами находится также идеализированная характеристика различных религиозных общин на территории Северной Америки (Пенсильвания). Глубоко ошибочно также мысль о том, что монастыри «своими необычайными богатствами, своей большой известностью и своим огромным политическим влиянием обязаны только своему институту общности имущества».

Повидимому, приводимые Дезами примеры в основном взяты из «Путешествия в Икарию» Э. Кабе. В пространных двенадцатой и тринадцатой главах II тома этой книги, озаглавленных «Мнения философов о равенстве и общности имущества», мы находим именно тот ход мысли, основные вехи которого воспроизвел Дезами.

Содержание этих глав «Путешествия в Икарию», последовательность изложения, литературная форма — дают основание считать именно их непосредственным литературным источником соответствующих разделов книги Дезами.

<sup>186</sup> См. F. Lamennais, «Du passe et de l'avenir du peuple». P. 1841, стр. 178.

<sup>187</sup> Risum teneatis (лат.) — сдержите смех.

<sup>188</sup> Uti et abuti (лат.) буквально — употреблять и злоупотреблять — формула римского права, обозна-

чающая полную, ничем не ограниченную, собственность.

<sup>189</sup> «сказать, что надо обобществить (socialiser) собственность значит сказать бессмыслицу». Противопоставляя обобществлению *собственности* обобществление орудий труда, всех продуктов труда, всех богатств — Дезами, очевидно, оспаривает лишь неправильную, по его мнению, терминологию.

<sup>190</sup> Коммунист (унитарный) — последователь идей Дезами; и кариец — приверженец идей «икарийского», т. е. «мирного», коммунизма Кабе. Реформист — см. примеч. 153.

<sup>191</sup> Ламартин, Альфонс (1790—1869) — французский поэт, романтик, политический деятель, историк. В мировоззрении его, проникнутом сентиментальной религиозной мечтательностью, уживались либеральное фразерство с реакционностью взглядов «консервативного демократа», как он называл себя сам. Во временном правительстве 1848 г. Ламартин был министром иностранных дел. Его реакционную деятельность подверг резкой критике Маркс в работе: «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».

<sup>192</sup> Ф. Буонарроти, «Заговор во имя равенства». Т. I, стр. 309.

<sup>193</sup> «...если бы... правительство 93 года осмелилось открыто поднять знамя коммунизма». В этом рассуждении наиболее полно и отчетливо проявляется присущее Дезами непонимание буржуазного характера революции 1789—1793 гг.

<sup>194</sup> См. предыдущее примечание. Причисление жирондиста Кондорсе, представителя различных течений среди якобинцев — Робеспьера, Сен-Жюста, Бийо-Варрена, Дантона и дантонистов, Шометта, Клоутса и др. — к числу жертв режима собственности связано с отмеченным выше ошибочным взглядом Дезами на революцию.

<sup>195</sup> «Шометт и Клоутс имели некоторые коммунистические идеи, но идеи еще смутные и неопределенные». Дезами сближает этих деятелей на основании их принадлежно-

сти к одному политическому течению в якобинском блоке — к эбергистам, а также их совместного активного участия в борьбе против римско-католической церкви (так называемая дехристианизация). Социальные же взгляды Шометта и Клоутса были весьма различны. Шометт выступал за наделение земельными участками неимущих патриотов-республиканцев, боролся против спекулянтов и саботажников — владельцев предприятий, угрожая им национализацией их собственности, но рассматривал эту меру лишь как вызванную необходимостью момента.

<sup>196</sup> Речь идет об интервенции против испанской революции 1820 г. Интервенция была осуществлена в 1823 г. правительством Людовика XVIII по решению Веронского конгресса «Священного Союза». Генерал Фуа Максимилиан (1775—1825) служил в войсках Наполеона I, вышел в отставку в 1815 г.; в 1819 г. был избран в палату депутатов. Приобрел популярность, выступая против нарушения Бурбонами условий конституции (хартии 1814 г.).

<sup>197</sup> «...д в великих поэта». Такое сближение имени Беранже, поэта народного, прогрессивного, врага дворянской и клерикальной реакции, с именем реакционного романтика Ламартина (см. примечание <sup>191</sup>) представляется совершенно необоснованным. Призыв к созданию «союза народов» органически связан у Беранже с пронизывающим все его творчество горячим патриотизмом, с преданностью революционно-демократическим традициям французского народа; философия же Ламартина отдает национальным нигилизмом, восплаемое им братство основано на религиозно-мистическом чувстве.

<sup>198</sup> П. Ж. Беранже, «Избранные песни». М. 1950, стр. 280—281.

<sup>199</sup> Там же, стр. 142—143.

<sup>200</sup> *Minima de malis* (лат.) — наименьшее из зол.

<sup>201</sup> См. Э. Кабе, «Путешествие в Икарию». Т. II, стр. 99—101.

<sup>202</sup> «...Коммунизм не имеет... никакой необходимости употреблять насилие и принуждение». В вопросе о роли насилия в

процессе революции Дезами не всегда последователен. Но обычно он высказывается за необходимость насилия в момент перехода власти в руки революционеров и в первое время после переворота; возможность и необходимость какого-либо насилия в окончательно утвердившемся коммунистическом обществе он категорически отвергает.

203 Представление Дезами о конкретных формах самозащиты коммунистического государства (привлечение армии из иностранцев и т.д.) надуманно и глубоко ошибочно.

204 Эта работа названа на обложке «Альманахе общности». Она должна была появиться в марте 1843 г. (причем даже отмечена ее цена, свидетельствующая о том, что по объему эта книга была почти равна «Кодексу общности»). Однако в печати книга так и не появилась. Судьба рукописи неизвестна.

#### ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕЗАМИ

1. Question proposee par l'Academie des Sciences morales et politiques. Les nations avancent plus en connaissance en luraieres quen morale pratique. Rechercher la cause de cette difference dans leurs progres et indiquer le remede. Paris, 1839.
2. Consequences de lembastillement et de la paix a tout prix. Depopulation de la capitale. Trahison du pouvoir. P., 1840.
3. Discours sur legalite. Premier banquet communis. P., 1840.
4. M.Lammenais refute par lui-meme ou examen critique du livre intitule: Du passe et de lavenir du peuple. P., 1841.
5. Calomnies et politique, de m.Canet. P., 1842.
6. Toute la verite au peuple. P., 1842.
7. Code de la Communaute. P., 1842.
8. Almanach de la Communaute, par divers ecrivains communtiste. P., 1843. Th. Dezamy, editeur. Progres du communisme (в книге Almanach de la Communaute). Loi sur le travail des enfants dans les manufactures. Ibidem.
9. Gardera-t-on Alger? Ibidem. Portrait de l'egoiste. Ibidem. Definition des mots proletaire et bourgeois. Ibidem.
9. Le jesuitisme vaincu et aneanti par le socialisme ou les constitutions des jesuites et leurs instructions secretes en parallele avec un projet dorganisation du travail.P., 1845.
10. Organisation de liberie et du bien-etre universel. P., 1845.

#### ЛИТЕРАТУРА О ДЕЗАМИ

1. К.Маркс и Ф.Энгельс. Святое семейство. Соч., т.III, с.тр.161.
2. Волгин В.П. Идеи социализма и коммунизма во французских тайных обществах 1835—1847 годов. «Вопросы истории», 1949, № 3.
3. Момджян Х.Н. Философия Гельвеция, М. 1955.
4. Плеханов Г.В. Французский утопический социализм. Соч., т.XVIII, М.—Л., 1925.
5. Революции 1848—1849. М. 1952, т.I—II.
6. Garaudy R. Les sources francaises du socialisme scientifique. P., 1949.
7. Garaudy R. Theodore Dezamy. «La Pensee». 1948, № 3.
8. Kahane A. Theodore Dezamy. Leben urid Theorie. Giessen. 1922 (машинописный текст диссертации).
9. Malon B. Histoire du socialisme, v.II. P., 1882—1884.

10. Morange G. Les idees communistes dans les societes secretes et dans la presse sous la monarchie de Juillet. P. 1905.

11. A.Ruge. Dezamy und die Pressfreiheit. In: Zwei Yahre in Paris. Erster Theil. Leipzig. 1846.

12. B.Sencier G. Le Babouvisme apres Babeuf. P., 1912.

13. Stein L. Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1848.

14. Wassermann S. Les clubs de Barbes et de Blanqui en 1848. P., 1913.

#### УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (нами добавлены ссылки на подборки материалов)

Август, император

Августин

Агесилай

Агис

Александр Македонский

Алкивиад

Аме Ноэль

Антонелль

Апеллей

Аполлоний Тианский

Аристотель

Архимед

Асклепиад

**Бабеф** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Баву

Барро

Барт

**Беккариа** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#becc>

**Беранже** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#berang>

**Бийо-Варенн** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#BV>

Боссюэ

Брут, Юний

**Буонарроти** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#phbuon>

Буайе

Бэкон, Роджер

Бэкон, Френсис

**Бюше** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#buchez>

Василий, св.

Вергилий

Веронезе

Виллерме

Вокансон

**Вольтер** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

Гален

Галилей  
Ганиаль  
Ганнибал  
Гати де Гамон  
Гватимозин  
Гельвеций <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#hlv>  
Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>  
Гиппократ  
Гоббс  
Гольбах <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#holb>  
Гомер  
Гораций  
Гордон  
Гризель <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80853458.htm>  
Гутенберг  
Давид <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dvd>  
Даламбер <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#alambert>  
Дантон <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>  
Дарте <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80853458.htm>  
Демокрит  
Демулен <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>  
Дидро <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#DD>  
Дикеарх  
Дюма  
Жермен <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80853458.htm>  
Жильбер  
Зенон  
Зороастр (Заратустра)  
Иеремия  
Иероним  
Иисус Христос  
Иосиф  
Кабе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet>  
Кайар  
Кайафа  
Кампанелла  
Капетинги  
Карл Великий  
Кассий, Гай  
Кастэн  
Клеомен  
Клоутс, Анахарсис <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#clouts>  
Колумб  
Кондильяк <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cond>  
Кондорсе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>  
Конфуций  
Корреджо  
Ксенофонт

Курий Дентат  
Кювье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cuvier>  
Лавуазье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lavs>  
Ламаргин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>  
Ламенне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lamen>  
Лаплас <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#laplace>  
Лафарж  
Лафит  
Ледрю-Роллен  
Лейбниц  
Лепелетье де Сен Фаржо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>  
Лерминье  
Леру, Пьер <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p102328916.htm>  
Ликург  
Локк  
Лукреций  
Людовик XIV  
Людовик Толстый  
Мабли <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>  
Макиавелли  
Марат <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>  
Маршалль <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>  
Мариньяк, Сириес  
Мерилу  
Минос  
Мирабо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#mirab>  
Моген  
Моисей  
Монтень  
Монтескье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mnt>  
Мор, Томас  
Морелли

Моро см. в книгах: [Ю.Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.;](#)  
[С.Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.](#)

Мурильо  
Наполеон I <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>  
Ньютон  
Оуэн  
Павел, апостол  
Паоли  
Паскаль  
Перикл



Петр I  
Пифагор  
Платон  
Плутарх  
де Поттер  
Праксей  
Протагор  
Пуссен  
Рабле  
**Рабо де Сент-Этьенн** [http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb\\_set](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_set)  
Рафаэль Санцио  
Регул  
Рейно  
**Робеспьер** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>  
Ротшильд  
**Руже де Лиль** [http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rg\\_1](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rg_1)  
**Руссо**  
Саллюстий  
**Сен-Жюст** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#S.J>  
**Сен-Симон** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#st-sim>  
**Сиейес** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si>  
Сократ  
Спартак  
Сципион Африканский  
Сюлли  
Тацит  
Тертуллиан  
Тиртей  
Тициан  
**Тристан, Флора** [http://vive-liberta.narod.ru/revol\\_fem/lasser\\_1.htm#amazonki](http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/lasser_1.htm#amazonki)  
Туссен  
**Тьер** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#thiers>  
Фемистокл  
**Фенелон** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#fenl>  
Флери  
Фома Аквинский  
Фонтенель  
Франклин  
Фридрих II  
Фуа  
Фултон  
Фурье  
Харрингтон  
Хлодвиг  
Цезарь  
Цинциннат  
Цицерон  
Шварц

**Шенье** [http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chn\\_mj](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chn_mj)  
**Шометт** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>  
Эпикур  
Эскобар